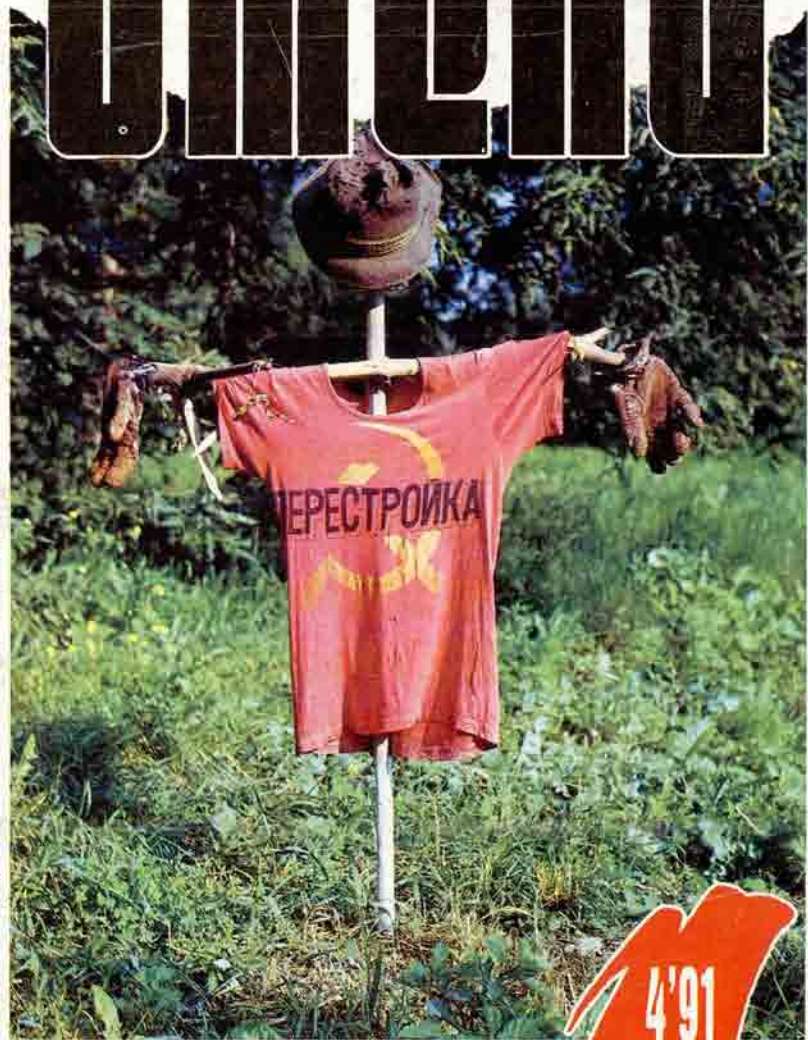

ВМОНА

К. ПИРФОРД Д. САЙМАК. ВАШ ГОЛ КОСМОСА

ВЛАДИСЛАВ ХОДАСЕВИЧ. ДЕЛЬВИГ • БОРИС ЗАЙЦЕВ. «ВЕСЕЛЫЕ ДНИ»

ВЛАСТИМИЛ ШУБРТ. КОНЕЦ КОРОЛЕВЫ

4'91

**ТОТ, КТО
ТОТ, КТО
ТОТ, КТО
КОРМИТ...**

(ЧИТАЙТЕ СТР. 32)

Главный редактор
МИХАИЛ КИЗИЛОВ

Редколлегия:

БОРИС ДАНЮШЕВСКИЙ
(зам. главного редактора)
АЛЬБЕРТ ЛИХАНОВ
ИОСИФ ОРДЖОНИКИДЗЕ
СЕРГЕЙ ПОПОВ
(зам. главного редактора)
ВЯЧЕСЛАВ КОПЬЕВ
РОБЕРТ РОЖДЕСТВЕНСКИЙ
ЕВГЕНИЙ РЯБЧИКОВ
ВАДИМ САЮШЕВ
ВИТАЛИЙ СЕВАСТЬЯНОВ
ВЛАДИСЛАВ СЕРИКОВ
ВИТАЛИЙ ФЕДОРОВ
(главный художник)
ТАМАРА ЧИЧИНА

Оформление

АЛЕКСАНДРЫ ГУСЕВОЙ
ВАЛЕНТИНА ДАВЫДОВА
ИГОРЯ КЛЮЧНИКОВА
Технический редактор
ЕКАТЕРИНА ЗЮКОВА

Сдано в набор 21.01.91.
Подписано к печати 19.02.91.
Формат 84 × 108 $\frac{1}{2}$.
Бумага газетная «Тампресс».
Печать офсетная.
Усл. п. л. 15,54. Усл. кр.-отт. 17,64.
Уч.-изд. л. 23,10. Отпечатано
1 699 982 экз. (из общего тиража
1 900 000 экз.).
Заказ № 85. Цена 1 р. 65 коп.
101457, ГСП, Москва.
Бумажный проезд, 14.
212-15-07 — для справок
212-11-27 — отдел писем.
Ордена Ленина и ордена Ок-
тябрьской Революции типогра-
фия имени В. И. Ленина изда-
тельства ЦК КПСС «Правда».
125865, ГСП, Москва, А-137, ули-
ца «Правды», 24.
Рукописи, фото и рисунки не воз-
вращаются.
Учредители: ЦК ВЛКСМ, изда-
тельство ЦК КПСС «Правда»,
коллектив редакции.

4 (1518) АПРЕЛЬ

© Издательство ЦК КПСС «Правда».
«Смена», 1991.

491

СМЕНА

**ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ
ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛ**
Основан в январе 1924 года.

В НОМЕРЕ:

ПРОЗА

4

КЛИФФОРД Д. САЙМАК. ВАН ГОГ КОСМОСА
Фантастический рассказ

68

АЛЕКСАНДР ИВАЩЕНКО. ОСЕНЬ. ПТИЦЫ ЛЕЯТ...
Рассказ

168

ВЛАСТИМИЛ ШУБРТ. КОНЕЦ КОРОЛЕВЫ
Повесть

ПОЭЗИЯ

26

АНТАНАС ДРИЛЛИНГА

252

МИХАИЛ ГАВРЮШИН, ОЛЕГ БОРУШКО

ЧЕЛОВЕК И ОБЩЕСТВО

32

ВЛАДИМИР АНИСИМОВ. ТОТ, КТО КОРМИТ...

78

ЮРИЙ КАМИНСКИЙ. ПОД ФАНФАРЫ...

110

ВИКТОР ПЕРЕВЕДЕНЦЕВ. СТРАНА МИГРАНТОВ

156

ЕЛЕНА МАСЛАКОВА. ОГОНЬ НЕ ГАСЯТ ОГНЕМ

НАУКА

87

ВПОЛНАКАЛА. БЕСЕДА С АКАДЕМИКОМ АН СССР ЮРИЕМ
РУДЕНКО

КУЛЬТУРА, МУЗЫКА, ИСКУССТВО

64

НИКОЛАЙ БЕРЕЗИН. У ТРЕТЬЕЙ СТУПЕНИ

96

ЛАРИСА МИЛЛЕР. «А ЕСЛИ БЫЛ ИЮНЬ И ДЕНЬ РОЖ-
ДЕНЬЯ...»

На нашей
обложке:
фото
ВИКТОРА
БРЕЛЯ

146

ВЛАДИМИР ГОСТЮХИН: «ДЛЯ СЕРЬЕЗНОГО КИНО СЕЙ-
ЧАС ПЛОХОЕ ВРЕМЯ»

161

ВЛАДИСЛАВ ХОДАСЕВИЧ. ДЕЛЬВИГ

256

БОРИС ЗАЙЦЕВ. «ВЕСЕЛЫЕ ДНИ»

СПОРТ

46

АНДРЕЙ БАТАШЕВ. МАГАДАН — МАЙАМИ

21, 61, 153, 167

ВАШИ ПИСЬМА

5•91

3

■ **ЗТЕЛЬ Л. УАЙТ.** «Винтовая лестница».

Роман, написанный в 1934 году, соединил в себе черты двух традиционных английских жанров: «страшного» готического романа и детектива.

Нанявшись служанкой в дом профессора Варрена, главная героиня Элен Кейпел не подозревала, что маньяк, убивающий молодых девушек, изберет ее своей жертвой...

■ **СВЯТОСЛАВ РЫБАС, ЛАРИСА ТАРАКАНОВА.** «Жизнь и смерть Петра Столыпина».

■ **ЕВГЕНИЙ ДОЦЕНКО.** Дневник бельгийского партизана. Война глазами человека, за голову которого фашисты обещали миллион франков...

■ **МАРГАРИТА ПУШКИНА.** «Группа кельтской крови» «Лед Цеппелин»: восхождение и закат.

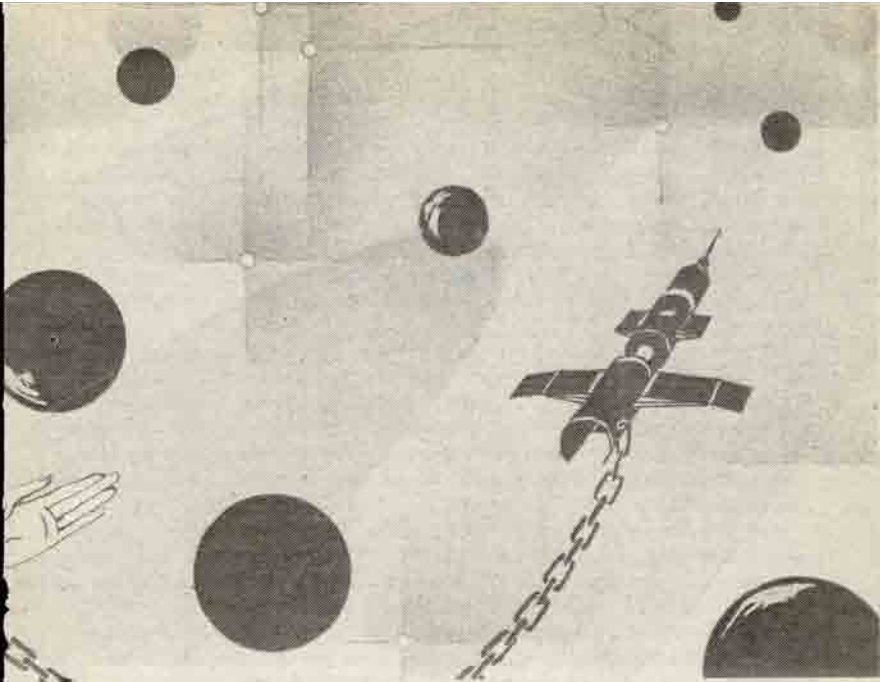
АНОНС:

Ваншлот

КЛИФФОРД Д. САЙМАК

ресторан

Рисунки ОЛЬГИ МОЧАЛОВОЙ

Планета была столь незначительной и находилась в такой космической глуши, что не имела названия, а только кодовое обозначение и номер, которые определяли ее местонахождение. У деревни же название было, но ни один человек при всем старании не мог произнести его правильно.

Перелет с Земли на эту планету стоил немалых денег. Вернее, не «перелет», а обычное полтирование. Однако, чтобы получить информацию, необходимую для уточнения координат этого полтирования, следовало изрядно раскошелиться: та планета находилась настолько далеко от Земли, что компьютеру нужно было произвести расчеты по высшему разряду — с точностью до одной десятиллионной. В противном случае вы могли материализоваться эдак в миллионе миль от пункта назначения, в неизведанных глубинах космоса; или же, если вы все-таки оказывались неподалеку от намеченной планеты, материализация могла произойти в тысяче миль над ее поверхностью, либо, что еще хуже, под поверхностью, на глубине в двести — триста миль. И то, и другое было, естественно, крайне неудобно, а вернее, неизбежно приводило к гибели.

Ни у кого во всей Вселенной, за исключением Энсона Лэтропа, не возникало желания посетить эту планету. А Лэтроп должен был побывать на ней, потому что именно там ушел из жизни Рибен Клэй.

Итак, он отвалил солидную пачку кущор за то, чтобы ему помогли постичь нравы и обычаи аборигенов и обучили их языку, и еще кучу денег за вычисление параметров своего

полтирования на эту планету и обратного — для возвращения на Землю.

На той планете он появился около полудня, но материализовался не в самой деревне — для этого было недостаточно даже расчета с точностью до одной десятиллионной, — а, как выяснилось позже, не более чем в двадцати милях от нее и футах в двенадцати над поверхностью планеты.

Он поднялся на ноги, стряхнул с одежды пыль и мысленно поблагодарил свой рюкзак, который уберег его от ушибов при падении.

Планета, во всяком случае, тот участок ее поверхности, который представился его взору, выглядела довольно-таки уныло. Стоял пасмурный день, и окружавший Лэтропа ландшафт был настолько бесцветным, что трудно было различить границу между линией горизонта и небом. Вокруг него простиралась равнина без единого дерева или холма, только кое-где виднелись чахлые заросли какого-то кустарника.

Он упал неподалеку от тропинки и решил, что ему повезло, поскольку из той информации, которой его напичкали на Земле, следовало, что на этой планете не было никаких дорог, да и протоптанные дорожки попадались весьма редко.

Он подтянул ремни рюкзака, крепче укрепил его и зашагал по этой тропинке. Пройдя около мили, он увидел изъеденный непогодой столб с указательным знаком, и хотя Лэтроп не был до конца уверен, что разобрался в нацарапанных на дощечке символах, из надписи следовало, что он идет не в ту сторону. И он повернул назад, надеясь, что правильно понял текст на дорожном знаке.

Уже смеркалось, когда он добрался до деревни. Он шел в полном одиночестве много миль, не встретив ни души, если не считать какого-то странного, свирепого на вид животного, которое поднялось на задние лапы и издало резкий свистящий звук.

Да и в самой деревне он увидел немногим больше.

Как Лэтроп и представлял, эта деревня более всего напоминала обиталище стаи степных собак — такие поселения этих животных встречаются на его родной планете, Земле, в западной части Северной Америки.

На окраине деревни он заметил участки возделанной почвы, на которых росли какие-то незнакомые ему растения; на некоторых делянках в сгущающихся сумерках копошились маленькие, похожие на гномов фигурки. Когда он окликнул их, они лишь взглянули на него и снова принялись за работу.

Он пошел по единственной в деревне улице, пытаясь угадать, почему перед лазом в каждую нору возвышались холмики земли, извлеченной в процессе рытья. Все эти холмики выглядели почти одинаково, да и лазы в норы практически ничем не отличались друг от друга.

То там, то здесь перед норами играли крошечные гномики, и Лэтроп предположил, что это дети; а когда он приблизился к ним, они быстро юркнули в темные лазы и больше не показывались.

Он прошел всю улицу до конца и остановился, увидев перед собой холм повыше, на котором стояло нечто вроде грубого обелиска, похожего на обрубок копья, точно указующий перст, нацеленный в небо.

Это его несколько удивило, ибо в полученной им на Земле информации не упоминались ни памятники, ни какие бы то ни было культовые сооружения. Однако он сообразил, что в сведениях о такой планете наверняка имеются пробелы: не так уж много известно о ней и ее коренных жителях.

Но почему не допустить, что у этих гномов есть своя религия? На других планетах то и дело прослеживались зачатки верований. В ряде случаев они возникали на самой планете, а иногда это были пережитки культов, привнесенных извне — с Земли или с каких-нибудь планет других солнечных систем, где в незапамятные времена процветали могущественные религии.

Он повернулся и зашагал по улице назад. Посреди деревни он остановился. Никто не вышел ему навстречу; он сел на тропу и стал ждать. Вытащил из рюкзака пакет с завтраком, поел, напился воды из термоса, который прихватил с Земли, и задумался над тем, почему Рибен Клэй решил провести последние дни своей жизни в таком унылом месте.

Этот вопрос возник у него не потому, что в этой планете он усмотрел какое-то несоответствие с личностью Клэя. Напротив. Все здесь выглядело предельно скромно, а Клэй был человек скромный, замкнутый; когда-то его даже прозвали «Ван Гогом Космоса». Погруженный в себя, он жил своей внутренней жизнью, а не жизнью Вселенной. Он не искал ни славы, ни орденов, хотя мог претендовать и на то, и на другое. Порой даже казалось, что он бежит от них. Всю свою жизнь он производил впечатление человека, который пытается от всех скрыться. Человека, который от чего-то убегает или, наоборот, за кем-то гонится, человека ищущего, которому никак не удается завладеть тем, что он пытается найти. Лэтроп покачал головой: трудно определить, кем на самом деле был Клэй — охотником или преследуемой добычей. Если добычей, то чего он боялся, от чего бежал? А если охотником, то за кем он гнался, что искал?

Лэтроп услышал какое-то тихое шарканье и, повернув голову, увидел, что по тропе к нему идет одно из гномоподобных существ. Он понял, что это старик. Поседевший волосной покров на его теле казался серым, а когда он подошел поближе, Лэтроп разглядел и другие признаки старости: слезящиеся глаза, морщинистую кожу, поникшие кустики бровей, скрюченные пальцы рук.

Существо остановилось перед Лэтропом, заговорило, и тот понял его.

— Да будут зорки ваши глаза, сэр. (Не «сэр», конечно, а слово, самое близкое по смыслу.)

— Да будет острым ваш слух, — отозвался Лэтроп.

— Крепкого вам сна.

— Приятного вам аппетита, — продолжил Лэтроп.

Когда наконец все традиционные добрые пожелания были исчерпаны, гном внимательно оглядел Лэтропа и произнес:

— Вы похожи на того, другого.
— На Клэя,— уточнил Лэтроп.
— Только вы моложе,— сказал гном.
— Моложе,— согласился Лэтроп.— Но не намного.
— Верно,— вежливо согласился гном, словно желал доставить этим удовольствие собеседнику.

— И вы не больной.
— Да, я здоров,— сказал Лэтроп.
— Клэй был больной, Клэй... (Не «умер». Слово скорее переводилось как «прекратился» или «иссяк», но смысл его был ясен.)
— Я знаю. Я пришел, чтобы поговорить о нем.
— Он жил с нами,— произнес гном.— Мы были рядом с ним, когда он... (умер?).

А давно ли это произошло? Как спросить: «Давно ли»? Лэтроп вдруг смешался, осознав, что в языке этих гномов не было слов, подходивших по смыслу для обозначения продолжительности отрезка времени.

Глаголы в нем, конечно, употреблялись в настоящем, прошедшем и будущем времени, но не было ни одного слова для измерения протяженности времени или пространства.

— Вы...

(Не было слов, означавших: «похоронить» и «могила».)

— Вы закопали его в землю? — спросил Лэтроп.

Он почувствовал, что этот вопрос привел гнома в ужас.

— Мы... его.

«Съели его?» — мучительно соображал Лэтроп. На Земле, да и на некоторых других планетах жили в древности племена, которые поедали своих усопших, воздавая таким способом покойникам высшую почесть.

Но это не было слово «съели».

Тогда что же они сделали с Клэем? Сожгли? Повесили? Куда-то забросили?

Нет. Ни то, ни другое, ни третье.

— Мы... Клэя,— настойчиво повторил гном.— Он так хотел. Мы любили его. Мы не могли сделать для него меньше, чем он просил.

Лэтроп с благодарностью поклонился.

— Этим вы оказали честь и мне тоже.

Гном вроде бы несколько успокоился.

— Клэй был безвредный,— произнес он.

«Безвредный» — не совсем точный перевод. Быть может, «мягкий». «Не жестокий». Да еще «слегка чокнутый». Естественно, что из-за психологической несовместимости, недопонимания любой пришелец не может не показаться аборигенам «слегка чокнутым».

Словно прочтя его мысли, гном проговорил:

— Мы не понимали его. У него были какие-то вещи, и он называл их «кистикраски». Он делал ими полоски.

Полоски?

Кистикраски? Ну, конечно же, кисти и краски. Полоски? И это понятно — ведь местные жители видели все в одном

цвете. Для них живопись Клэя, вероятно, была лишь совокупностью «полосок».

— Он их делал здесь, у вас?

— Да. Здесь.

— Интересно! А можно мне взглянуть на эти полоски?

— Можно,— сказал гном.— Пойдемте со мной, и вы их увидите.

Они перешли улицу и приблизились к лазу в одну из нор. Согнувшись, Лэтроп стал спускаться вслед за гномом по узкому туннелю. Когда они прошли футов десять — двенадцать, туннель расширился, и они очутились в комнате — некоем подобии вырытой в земле пещеры.

В пещере было относительно светло. Но свет был довольно слабый. Его испускали небольшие кучки какого-то вещества в глиняных мисках грубой работы, стоявших на земляном полу.

«Это гнилушки,— подумал Лэтроп.— Фосфоресцирующее гнилое дерево».

— Вот,— сказал гном.

Картина была прислонена к одной из стен комнаты-пещеры, чужеродное яркое пятно в этом странном месте. Обычную картину при слабом свете, испускаемом гнилушками, рассмотреть было бы трудно, но мазки, оставленные на холсте кистью, казалось, светились сами по себе, и создавалось впечатление, будто этот красочный прямоугольник — окно в какой-то иной мир, находящийся вне сумрака едва освещенной гнилушками пещеры.

Когда Лэтроп взгляделся в вертикально стоящее полотно, ему почудилось, что свечение красок усилилось, картина постепенно как бы прояснилась и стала видна незаконченность мазков. «Да это же не свечение,— подумал Лэтроп,— это сияние».

Тут было все — высокое мастерство живописца, искусное сочетание сдержанности и недосказанности, деликатная манера письма и пронзительная яркость цветовой гаммы. И что-то еще — ощущение радости, но не торжествующей, а тихой.

— Он не закончил эту работу,— произнес Лэтроп.— Ему не хватило... (Не было слова, чтобы перевести слово «время».) Он (иссяк?), не успев ее закончить.

— Иссякли его кистикраски. Он сидел тут и смотрел на свои полоски.

Так вот в чем причина! Вот почему картина не закончена. У Клэя не осталось красок, а где и как мог он пополнить свой запас? Да и времени на поиски, наверное, уже не было.

Рибен Клэй сидел в этой пещере и смотрел на свое последнее творение, зная, что больше ничего не напишет, и понимая, что нет никакой надежды закончить это великолепное полотно. Впрочем, сам Клэй скорее всего не считал эту картину великолепной. Для него создаваемые им живописные полотна всегда были лишь способом самовыражения. С их помощью он выплескивал наружу то, что таилось в глубине его души и ждало воплощения в произведении искусства, которое увидит Вселенная,— так Клэй общался со своими братьями по духу.

— Отдохните, — сказал гном. — Вы устали.

— Спасибо.

Лэтроп сел напротив картины на плотно утрамбованный земляной пол, прислонившись спиной к стене.

— Вы его знали? — спросил гном.

Лэтроп отрицательно покачал головой.

— Но вы пришли сюда, чтобы с ним повидаться.

— Я искал того, кто бы мне о нем рассказал.

Каким образом можно объяснить этому гномику, что именно так заинтересовало его в личности Клэя? Почему с таким упорством он шел по его следу, когда вся Вселенная уже предала его забвению? Как можно растолковать это таким вот абorigенам, видевшим все в одном цвете и наверняка не имевшим никакого представления о том, что такое живопись. Разве им объяснишь, каким великим художником был Клэй? Разве расскажешь о совершенстве техники его письма, удивительном чувстве цвета, почти сверхъестественной способности к проникновению в суть окружавшего его предметного мира? О способности к познанию истины и воплощению ее в своих живописных произведениях, причем не какого-нибудь одного ее аспекта, а истины во всех ее ипостасях, в присущей ей цветовой гамме? О способности передать смысл и настроение изображаемого с такой точностью, что достаточно было взглянуть на его творение, чтобы вмиг все понять.

«Быть может, поэтому-то я и искал его, — подумал Лэтроп. — Быть может, поэтому я истратил двадцать земных лет и огромное количество денег, чтобы побольше узнать о нем. Монография, которую я когда-нибудь напишу, будет лишь слабой попыткой осмыслить цель моих поисков, логическим обоснованием моего труда. Но главные усилия я вложил в поиски истины. Да, это окончательный ответ — я пытался познать ту истину, которая открылась ему, которую он отобразил в своих творениях. Потому что некогда я тоже к этому стремился».

— Колдовство, — сказал гном, глядя на картину.

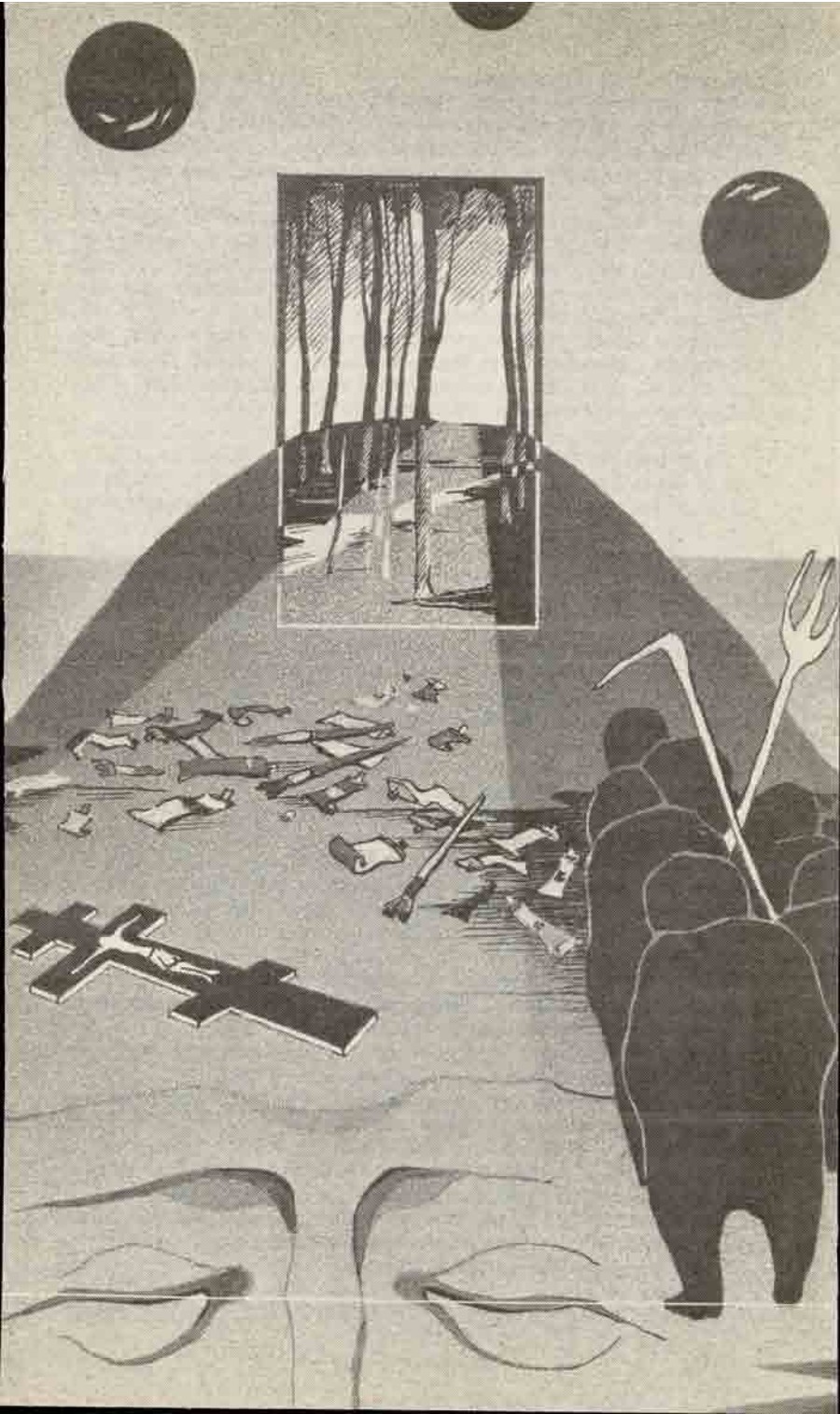
— В некоторой степени, — кивнул Лэтроп.

Возможно, именно поэтому они так тепло отнеслись к Клэю, надеясь, что его умение колдовать в какой-то мере распространится и на них, принесет удачу. Но скорей всего они приняли его настороженно, ибо Клэй не был тем простодушным, духовно однозначным человеком, которого могли бы безоглядно полюбить такие примитивные существа.

Вероятно, со временем они стали относиться к нему как к своему соплеменнику, быть может, и не помышляя взимать с него за жилье и пищу. Не исключено, что он немного работал с ними в поле и занимался каким-нибудь несложным ремеслом. Но, в сущности, Клэй был здесь лишь гостем, ибо ни один инопланетянин не сумел бы приспособиться к такой отсталой экономике и культуре.

Они оказали ему помощь в последние дни его жизни, ухаживали за ним, умирающим, а когда он скончался, из уважения к нему воздали его телу какие-то особые почести.

Что же означало то слово? Лэтроп не мог его припомнить.

Обучение, которое он прошел на Земле, оставляло желать лучшего: скудный словарный запас, нехватка информации, то и дело ставившие его в тупик на этой планете.

До него вдруг дошло, что гном ждет, чтобы он объяснил ему суть этого колдовства, причем объяснил лучше, чем сам Клэй. А может, Клэй и не пытался им что-либо объяснить, ибо вполне вероятно, что они его ни о чем не спрашивали.

А гном все ждал, надеясь, что Лэтроп растолкует ему особенности этого колдовства. Ждал молча, ибо не осмеливался спросить его напрямую. Ведь не принято выспрашивать инопланетян, как именно они колдуют.

— Это... (в его бедном словарном запасе не было слова, означавшего «картина»)... это место, которое видел Клэй. Он захотел рассказать о нем вам и мне с помощью своих полосок... Ему хотелось, чтобы мы тоже это увидели.

— Колдовство,— повторил гном.

Лэтроп отказался от дальнейших объяснений. Это было бесполезно. Ведь для такого аборигена творчество Клэя не более чем колдовство. Пусть уж для него оно останется колдовством. Колдовством, да и только.

На этой картине Клэй изобразил долину, по которой в тени стройных, строгих деревьев протекал ручей. Все было залито каким-то необычным светом, но не солнечным — тот лился на долину сверху. И нигде ни одного живого существа, что было характерно для творений Клэя, ибо, как пейзажист, он не писал ни людей, ни каких-либо иных живых существ.

«Счастливый уголок,— подумал Лэтроп,— но в этом счастье чувствуется какая-то торжественность, даже суровость. Словно это место создано для того, чтобы бегать и смеяться, но бегать не слишком быстро, а смеяться вполголоса». Этот пейзаж вызывал какое-то безотчетное благоговение.

— Клэй повидал много мест,— сказал Лэтроп гному.— И показал их на... (опять нет слов, чтобы сказать на языке аборигена «холст», «доска» или «полотно»)... вот на таких полях. Он побывал на множестве разных планет и постарался своими полосками показать на этих полях их... (нет слова «настроение»)... как они выглядят.

И снова гном произнес:

— Колдовство. Клэй был могущественным колдуном.

Он прошел к дальней стене комнаты и поворошил в примитивной глиняной печи торфяные брикеты.

— Вы голодный,— сказал гном.

— Я недавно поел.

— Вы должны поесть и с нами. Сейчас придут остальные. Уже слишком темно для работы в поле.

— Хорошо, я поем с вами,— согласился Лэтроп, ибо ему следовало разделить с ними трапезу. Чтобы его миссия увенчалась успехом, он должен сблизиться с ними. Быть может, не настолько, как Клэй, но по крайней мере стать для них менее чужим, чем сейчас. Как бы ни была отвратительна их пища, он обязан отведать ее вместе с ними.

Но может статься, их еда не так уж противна на вкус.

Наверняка они питаются кореньями и овощами, ведь у них есть огороды. А возможно, и маринованными или подсоленными насекомыми да еще каким-нибудь возбуждающим, как алкоголь, варевом, которое он должен есть (или пить) с некоторой осторожностью.

Так что, хочет он того или нет, он должен делить с ними трапезу и ночлег и относиться к ним столь же дружелюбно и деликатно, как Клэй.

Ведь они могут многое поведать ему, рассказать то, о чем узнать он уже не надеялся: как прожил Рибен Клэй свои последние дни. А вдруг ему вдобавок удастся получить и ключ к разгадке тех «потерянных лет», которые Клэй провел неведомо где, исчезнув из его поля зрения?

Расслабившись, Лэтроп сидел напротив картины и вспоминал, как след Клэя оборвался на самом краю Галактики в немногих световых годах от планетки, на которую он сам только что явился. Год за годом он шел по его следу от звезды к звезде, собирая о нем сведения, беседуя с теми, кого тот встречал на своем пути, пытаясь выяснить, где находятся его живописные полотна. И вдруг этот след оборвался. Клэй покинул некую определенную планету, и никто не знал, куда он оттуда направился. Лэтроп потратил немало времени, чтобы обнаружить хоть намек на то, где мог находиться Клэй, и уже готов был отказаться от дальнейших поисков, как вдруг узнал, что Клэй объявился на этой планете и вскоре умер. Но из полученной им информации Лэтроп вычленил веские доказательства того, что Клэй прибыл сюда вовсе не с той планеты, где оборвался его след, а провел несколько лет в каком-то другом месте. Так что в его жизнеописании, которому посвятил себя Лэтроп, все еще оставался пробел — пробел из «потерянных лет», а сколько их было, этих лет, определить он не мог.

Кто знает, а вдруг именно здесь ему удастся найти ключ к разгадке того, где провел Клэй эти годы. «Однако,— подумал Лэтроп,— это будет лишь конец нити, которая, возможно, приблизит меня к разгадке. Но не более. На точные сведения рассчитывать не приходится, ибо эти крошечные существа не имеют представления о том, что такое время и пространство».

Скорей всего разгадка тайны кроется в живописном полотне, которое он обнаружил в этой пещере. Вполне вероятно, что на нем изображен уголок никому не ведомой планеты, которую посетил Клэй перед тем, как отправиться сюда умирать. «Но если это так, плохи дела — ведь можно потратить три жизни, а то и больше, прочесывая планету за планетой в тщетной надежде найти и узнать место, которое Клэй изобразил на этом холсте».

Лэтроп наблюдал, как гном бесцельно возится у плиты; единственным звуком, который улавливал его слух, было завывание ветра в трубе и у входа в туннель, что привел их в эту пещеру. Ветер, торфянистая, поросшая какой-то невысокой травой равнина да скученные в деревушки землянки — вот и все, что здесь есть, на самом краю Галактики, на ободке огромного колеса из множества солнц. «А что, собственно, мы знаем,— подумал

Лэтроп,— об этом шарике материи, точно заброшенном в глубины космоса могучей рукой какого-то неведомого игрока в гольф? Мы не знаем, когда он зародился, для чего существует и когда перестанет существовать. Мы подобны слепцам, которые ищут во мраке нечто реальное, осязаемое, и то немногое, что нам удастся обнаружить, мы познаем не лучше, чем слепой вещи в своей комнате, определяя свойства предметов на ощупь. Ибо, по сути дела, мы так же слепы, как он,— мы все, все наделенные разумом существа, населяющие планеты Галактики. И вопреки своей вводящей в заблуждение слепоте мы предельно самонадеянны, ибо, прежде чем пытаться проникнуть в тайны Галактики, нам следует познать самих себя».

Гном принялся за приготовление еды, и от его стряпни в пещере распространился приятный запах. Почти земной. Быть может, это блюдо окажется не таким уж противным на вкус, чего поначалу боялся Лэтроп.

— Вы такой, как Клэй? — спросил гном.

— Хотел бы быть таким же — он мне очень нравился.

— Нет, нет, вы меня не поняли. Вы делаете то же самое, что и он? Такие же полоски?

Лэтроп отрицательно покачал головой.

— Сейчас я ничего не делаю. Я... (как сказать на их языке, что ушел от дел?)... я закончил свою работу и теперь играю в одну игру. (Он сказал «играю» и «игру» за неимением в языке этих аборигенов других слов.)

— Играете?

— Я больше не работаю. Делаю, что хочу. Вот сейчас мне хочется узнать, как жил Клэй, и я... (нет слова «писать»)... я рассказываю о его жизни полосками, но не такими, какие делал он. Совсем, совсем другими.

Садясь на пол, Лэтроп поставил рядом свой рюкзак. Теперь он поднял его на колени, открыл и вынул из него блокнот и карандаш.

— Я делаю вот такие полоски,— сказал он.

Гном подошел к нему и стал рядом.

Лэтроп написал на листке блокнота: «Я был ученым-футурологом. С помощью логики на основе фактического материала я пытался заглянуть в будущее человечества. Я искал истину».

— Вот такие полоски,— произнес он.— Я их сделал очень много, чтобы рассказать о жизни Клэя.

— Колдовство,— снова произнес гном.

В этом блокноте было записано все, что Лэтроп узнал о Клэе. Все, кроме того, где и как он провел эти таинственные «потерянные годы». Страницы, заполненные информацией, которую нужно было систематизировать и облечь в форму связанного повествования. Заметки, рассказывающие о странной жизни странного человека, который путешествовал в космосе от звезды к звезде, изображая на своих полотнах уголки самых разных планет и разбрасывая эти пейзажи по всей Галактике. Человека, скитавшегося словно бы в поисках чего-то иного, чем виды, которые возникали перед его взором на этих планетах, чего-то нового,

что он мечтал написать. Точно его пейзажи были всего лишь данью преходящему капризу, не более чем причудой и удобным способом заработать деньги на пропитание и для того, чтобы оплатить очередное полтирование. На эти деньги он посещал по желанию любые солнечные системы. Он никогда не оставлял себе свои картины, продавая их все до единой, а иногда просто бросал их, перемещаясь на другую планету.

Но вовсе не потому, что его пейзажи были плохи. Они были изумительны. Они с почетом экспонировались в картинных галереях (или помещениях сходного назначения) на многих планетах.

Клэй нигде не задерживался. Он всегда спешил. Словно какая-то определенная цель, некий замысел гнали его от одной звезды к другой.

И его метание от планеты к планете, его погоня за чем-то неведомым в результате привели к тому, что он кончил свои дни в этой пещере, годившейся лишь на то, чтобы укрыться в ней от ветра и дождя.

— А для чего? — спросил гном. — Для чего нужно делать полоски о жизни Клэя?

— Для чего? — переспросил Лэтроп. — Для чего это нужно? (И мысленно добавил: «Сам не знаю!»)

Но ответ на то, почему Клэй так стремительно перемещался с планеты на планету и почему он, Лэтроп, мчался по его следам, возможно, где-то совсем близко, стоит только протянуть руку. Наконец после долгих поисков он, возможно, получит ответ именно здесь.

«Для чего вы делаете эти полоски?»

А что на это ответить?

Что ответил на такой вопрос сам Клэй? Они же наверняка и его спрашивали об этом. Не о том, как он их делает, ибо, если речь идет о колдовстве, подобный вопрос задавать не положено. Но для чего — об этом спросить можно. Не о тайнстве самого колдовства, а о цели, которую преследует своими действиями колдун.

— Для того, чтобы мы узнали, — произнес Лэтроп, подбирая слова, — чтобы все мы — и вы, и я, и жители других планет — узнали, каким существом (человеком?) был Клэй.

— Он был... (добрый?). Он был нам близок. Мы любили его. Это все, что нам нужно знать о нем.

— Все, что нужно знать в ам, — возразил Лэтроп. — Но этого недостаточно для других.

Хотя, вероятно, не многие прочтут его монографию, когда она будет написана. Жалкая горстка мыслящих существ потратит на это время, если вообще пожелает ее читать.

«Теперь наконец я понял то, — подумал Лэтроп, — что знал всегда, но не хотел признавать это даже в глубине души: я собираю материал о жизни и творчестве Клэя не для других, а для себя. И делаю это не потому, чтобы заполнить свободное время, отработав свое и уйдя от дел, а по какой-то более важной причине, испытывая неутолимую жажду к этому занятию. Из-за некоего неизвестного фактора, а может, желания (которого

у меня, честно говоря, прежде не было) удовлетворить эту пока не объяснимую для самого себя потребность. Чтобы достичь цели, смысл которой, несомненно, поразит меня, если мне дано когда-либо понять, в чем он заключается».

Гном вернулся к печи и снова взялся за свою стряпню, а Лэтроп продолжал сидеть на земляном полу, прислонившись спиной к стене пещеры. Только теперь он почувствовал, насколько он устал. У него сегодня был трудный день. Само по себе полтирование не требовало особых усилий, его процесс субъективно казался легким, однако человека он выматывал. Вдобавок, чтобы добраться до этой деревни, Лэтроп прошел пешком миль двадцать.

Полтирование могло бы не отражаться на самочувствии человека, если б работа над усовершенствованием его процесса некогда не была приостановлена из-за каких-то ошибочных представлений, а избавились от них только тогда, когда удалось покончить с рядом суеверий и надуманных предубеждений, которыми человек прикрывал свое невежество. Так уж повелось: если люди не понимали сути какого-либо явления, они относили восприятие его к категории суеверий и не пытались объяснить с научной точки зрения. Род человеческий мог с легкостью избавиться от того или иного суеверия, но не мог без чувства вины отмахнуться от очевидных фактов.

Из туннеля донеслось шарканье, и в пещеру вошли четыре гнома. Они несли грубо сделанные орудия для полевых работ, которые прислонили к стене, и, замерев, молча уставились на сидевшего на полу человека.

Старый гном произнес:

— Это еще один, такой, как Клэй. Он будет жить с нами.

Все четверо подошли к Лэтропу и стали полукругом, обратив к нему лица. Один из них спросил стоявшего у плиты гнома:

— Он проживет с нами и умрет?

— Этот, кажется, пока не умирает,— возразил другой.

Похоже, они заранее предвкушали его смерть.

— Я не собираюсь здесь умирать,— поежившись, заявил Лэтроп.

— Мы бы тогда... вас,— произнес еще один из четверки, повторив то слово, которое объясняло, что они сделали с Клэем, когда тот скончался; причем таким заискивающим тоном, словно предлагал человеку взятку за то, чтобы он остался с ними и умер.

— А вдруг он не захочет? — предположил другой гном.— Клэй сам сказал, чтобы мы так сделали. А этот может не захотеть.

От слов, произнесенных гномами, от их выжидающих взглядов в пещере повеяло ужасом, и у Лэтропа забежали по спине мурашки.

Старый гном прошел в дальний угол пещеры и поднял с пола какой-то мешок. Вернувшись, он поставил этот мешок перед Лэтропом и потянул за шнур, которым была затянута его горловина. Остальные благоговейно наблюдали за тем, что он делает. Было ясно, что для них это событие огромной важности,

и если б можно было вообразить, что эти приземистые, неуклюжие существа способны торжественно приосаниться, то сейчас они выглядели так, будто всецело прониклись величием происходящего на их глазах действия.

Старый гном наконец распустил шнурок, перевернул мешок и, схватив его за основание, вывалил содержимое на земляной пол. В образовавшейся куче Лэтроп разглядел кисти, множество пустых тюбиков от масляных красок (почти из всех краска была полностью выдавлена), потрепанный бумажник и еще какой-то предмет. Гном поднял его с пола и протянул Землянину.

Лэтроп взял его, внимательно осмотрел и вдруг понял, что они сделали с Клэем, понял, ни на миг не усомнившись в том, какие великие последние почести отдали Клэю гномы, когда он скончался.

В горле у Лэтропа что-то заклокотало — не хохот над забавным открытием, ибо в этом не было ничего смешного. Он хохотал над превратным восприятием ценностей, над противоречием концепций, над головомолкой, которую преподнесли ему гномы, решив воздать Клэю именно такие последние почести, и еще над своим внезапным прозрением.

Сейчас он даже мог себе мысленно все представить: как они день за днем носили землю, чтобы насыпать холм, который он видел сегодня в поле за деревней; как трудились в поте лица, зная, что их друг, прибывший к ним неведомо откуда, вот-вот умрет; как они обошли всю планету в поисках дерева, — ведь на ней в основном рос чахлый кустарник, — и в конце концов нашли его и принесли сюда на своих согбенных спинах, ибо не ведали, что такое колесо; как они маялись, когда деревянными гвоздями соединяли куски дерева, старательно проколував для этих гвоздей отверстия, так как не были знакомы с плотницким ремеслом.

Все это они сделали из любви к Клэю, и весь их каторжный труд, все потраченное ими время ничего не значили по сравнению с красотой и величием того, во что они вложили столько любви.

Он взглянул на распятие и, казалось, понял наконец, в чем заключалась странность личности Клэя и причина его бесконечных поисков, безумных лихорадочных метаний от одной солнечной системы к другой; отчасти это даже объясняло, как проявился у него такой неповторимый талант, блестящий талант к столь ясному выражению истины, едва проглядывавшей сквозь многие другие, о которых повествовала его кисть.

Ибо Клэй наверняка был одним из немногих, доживших до этого времени членов благородной древней секты Землян; одним из представителей рода человеческого, ныне мыслящего логически и изучающего лишь те явления окружающего его мира, что доступны чувственному восприятию. Одним из тех, кто некогда был привержен мистицизму и вере. Впрочем, видно, Клэю одной веры было недостаточно так же, как духовные потребности его, Эисона Лэтропа, порой не удовлетворяла реальность предметного мира. И тем не менее ему и в голову не приходило, что порывы Клэя настолько просто объяснить —

ведь большинство стараются защитить свою веру от издевательских ухмылок вселенской логики.

Однако ни вера, ни реальность не могут существовать порознь; должно быть, они взаимосвязаны и воздействуют друг на друга.

«Впрочем,— сказал себе Лэтроп,— лично мне вера не нужна. Я долгие годы изучал факты и объяснял их сущность с помощью законов логики. Это все, что человеку нужно. Если у него возникает иная потребность, то ее стимулирует какой-то другой, пока еще не выявленный и не изученный фактор. У нас нет необходимости возвращаться к вере.

Очистите объективную реальность от веры в Бога и поклонения идолам, и вы получите нечто полезное для повседневной жизни. Подобное тому, как давным-давно Человек очистил от насмешек такое явление, как полтергейст, и познал основополагающий принцип полтирования, после чего стал перемещаться из одной солнечной системы в другую с той же легкостью, как в древности, гуляя по улице, доходил до полюбившегося ему бара.

Но Клэй, несомненно, относился к этому иначе: приемля лишь то, что реально существует, он не мог бы писать такие поразительные пейзажи, если б душа его не была согрета верой. Во имя веры он всецело посвятил себя творчеству — вот почему его картины так зачаровывали.

И именно вера побудила его в поисках неведомо чего скитаться по планетам Галактики».

Лэтроп взглянул на картину и увидел, сколько в ней благородной простоты, нежности, счастья и как удивительно прекрасен заливавший пейзаж свет.

«Именно такой свет, правда, выписанный не столь совершенно, я видел на иллюстрациях старинных книг, которые изучал, проходя на Земле курс сравнительного анализа древних религий». Лэтроп вспомнил преподавателя, посвятившего несколько учебных часов толкованию символики света.

Он выронил из руки распятие и поднял с пола три-четыре пустых тюбика из-под красок.

Клэй не завершил работу над этой картиной, сказал при встрече Лэтропу гном, потому что у него кончились краски. И верно, тюбики были плоскими и скручены до самых крышечек — можно было даже разглядеть отпечатки пальцев, которые выдавливали из них последние драгоценные капли.

«Он вихрем летел по Галактике,— думал Лэтроп,— но я его все-таки догнал. И даже после того, как он умер, я нашел его, внюхиваясь, точно ищейка, в остывающий след, который он оставил меж звезд. И я шел по этому следу, ибо я любил его — не человека по имени Клэй (я ведь не знал — да и откуда мне было знать? — каким он был человеком, хорошим или дурным). — я следовал за ним потому, что почувствовал в его произведениях то, на что не обратили внимания искусствоведы. То, что нашло отклик в моей душе. Быть может, во мне пробудилась та самая древняя, ныне утраченная вера. Простая, наивная вера, давным-давно задуманная элементарной логикой.

Но теперь-то я понял Клэя. Понял с помощью миниатюрного распятия, символики его последнего произведения, и грубой реальности холма, что высится на этой нищей планете в поле за деревней.

Понял, почему Клэй выбрал такую нищую, убогую планету.

Потому что в этой нищете, как в самой вере, есть смирение, которым никогда не отличалась логика».

Лэтроп мог с закрытыми глазами представить себе все как наяву: и мрачные облака в пасмурном небе, и унылую пустошь, и торфянистую равнину без конца и без края, и белую фигуру на кресте, и толпу низкорослых существ у подножия холма, на века отмеченных действием, смысла которого они не понимали, но которое вершилось благодаря их необычайно доброму отношению к тому, чья вера растрогала их сердца.

— Клэй когда-нибудь говорил вам, где он побывал перед тем, как появился здесь? — спросил гномов Лэтроп. — Откуда он пришел сюда?

Они отрицательно покачали головами.

— Нет, не говорил.

«Он был там, где растут такие деревья, которые он изобразил на этом полотне. Там, где все преисполнено покоем и чувством собственного достоинства. И где светло».

Человек очистил от шелухи суеверий такое парапсихологическое явление, как полтергейст, и обнаружил под ней рациональное зерно — принцип полтирования. То же самое человек проделал с левитацией, телепатией и многими другими вроде бы необъяснимыми явлениями. Но он никогда не пытался очистить от такой шелухи веру, чтобы найти под слоем этой шелухи какое-нибудь рациональное зерно. Ибо веры самой по себе достаточно, она не терпит реальности. Что же они представляли себе, верующие далекого прошлого? Такие разные по своей психологической структуре, да еще говорившие на разных языках? Счастливую загробную жизнь, рай, ад, небеса, дарованное свыше блаженство? Что из всего этого порождено фантазией верующих, а что, быть может, является реальным фактом? Этого не знает ни одно мыслящее существо, если только оно не живет одной только верой, а сейчас никто, за некоторым исключением, так не живет.

А не может ли оказаться, что на последнем, столь значительном отрезке пути, по которому течет жизнь Галактики и где набираются знания, будет открыт какой-то другой принцип, более важный, чем объективная реальность и вера, — принцип, пока еще никем не познанный, и осмыслят его лишь спустя тысячелетия. Не наткнулся ли Клэй, интеллектом намного опередивший свое время, чей разум не подчинялся законам всеобщего процесса эволюции, на этот принцип, получив о нем некоторое представление?

Вера потерпела поражение, ослепленная сиянием своей славы. А не погубят ли, в свою очередь, предметный мир резкие лучи испускаемого им света?

И разве Человек, используя куда более мощное орудие — свою проникаемость и интуицию, — отказавшись как от веры, так

и от исследования объективно существующих явлений, разве не может он, обойдясь без поисков, найти искомое и с успехом достичь конечной цели, к которой сознательно или бессознательно стремится все живое с той поры, как у обитателей мириада планет Галактики появились первые проблески разума?

Лэтроп нашел тюбик из-под белил, отвинтил крышечку и выдавил из него немного масляной краски. Зажав тюбик в одной руке, другой рукой он поднял с пола кисть и бережно перенес на нее эту каплю белой субстанции.

Он отбросил в сторону пустой тюбик, подошел к стоящей у стены картине, присел на корточки и в полумраке слабо освещенной пещеры стал пристально вглядываться в нее, пытаясь найти источник этого удивительного света, заливавшего пейзаж.

Он обнаружил его в левом верхнем углу картины, над горизонтом, хотя не был до конца уверен, что зрение его не подвело.

Лэтроп протянул к этому месту руку с кистью, но сразу же отвел ее.

Да, должно быть, свет льется именно отсюда. Видно, Клэй стоял под этими могучими деревьями, обернувшись лицом к его источнику.

«А теперь действуй осторожно,— сказал себе Лэтроп.— Очень, очень осторожно, ведь это лишь символ, слабый намек на цветовой пятно. Один перпендикулярный штрих и другой — покороче, горизонтальный, под прямым углом к первому, ближе к его верхнему концу».

Он держал кисть неловко, как человек, впервые взявший ее в руки.

«С ума я сошел, что ли? Совсем одурел!»

Рука не повиновалась Лэтропу. Он не умел писать маслом, но прекрасно сознавал, что даже легчайшее прикосновение кисти к холсту может оставить грубый неверный след, который все осквернит.

Кисть выпала из его разжавшихся пальцев и откатилась в сторону.

«Я попытался»,— мысленно сказал он Клэю.

**Перевод с английского
СВЕТЛАНЫ ВАСИЛЬЕВОЙ.**

ЧИТАТЕЛЬ • «СМЕНА» • ЧИТАТЕЛЬ

Г Очень среднее образование... Для кого оно и зачем?

Прочитал статью С. Пятенко и А. Славича-Приступы «Родительский комитет спасения» («Смена» № 7, 1990 г.). Хотя оба автора и кандидаты экономических наук, но очень уж беспомощно и несолидно их выступление. Может, они специально подставляются? Тем более несолидно. Я — учитель, и вроде бы меня следует подозревать в отстаивании реакционной позиции. А вот и нет!

Авторы желают «скорейшего выздоровления» — и это в то время, когда надо лечить операционно!

Теперь по порядку.

Первое. Кандидаты наук пишут: «Сейчас все работники... могут практически не замечать тех, для кого эта система существует». — И да, и нет! Даже если ученик не только не хочет, но и не может учиться, я вынужден его учить. Он уходит из школы, я тяну его обратно. Альтернативы нет. «Вся власть родителям!» Да фактически она и так у них. Вопрос только: у каких родителей? Тех, чьи дети хотят и могут учиться? Нет, тех, которые не хотят и не могут. Именно такие родители приводят свое чадо, и попробуй не возьми его в школу! Спросите — почему? Потому что устроить на работу практически невозможно, а чтоб не болтался — в школу

его, в школу! Особенно сложно с учениками, что окончили девять классов, в техникум не поступили, в ПТУ не желают. Куда идти? В школу. И сидит такой «ученик»! И будет сидеть, пока не перевернем всю систему с ног на голову. Образование не должно быть обязательным!

Второе. Авторы проводят неудачное сравнение, что для товаров есть рынок, для болезней — кооперативы... Добавлю: для ученика есть подпольная система знаний — натаскивание у репетитора. Причем страшно развращающая. Ученик в школе может только делать вид, что учится. Заведомо проигрывает и тот ученик, который не идет к репетитору, у которого родители не имеют средств для его найма. А репетитор, не обложенный никакими налогами, жирует на ротозействе государства. Дай это право (платного репетиторства) школе, деньги бы шли в государственный карман. Глупыми запретами и неразворотливостью мы многое портим, в частности, и хорошую идею индивидуального подхода. Я думаю так: 1—2-й класс — плати маме, пусть дома учит свое чадо читать, писать; 9-й класс — дай право учителю выбрать ученика, дай право педсовету «рекомендовать ученику продолжить свое образование

вместе с работой». И чтоб он эту рекомендацию принял как руководство к действию, а не обжаловал ее в роно, этом рудиментарном органе на слабом теле просвещения.

Третье. Теперь по поводу предложений авторов статьи: «Должен быть общественный совет попечителей округа». Мало нам нахлебников! Кивок на Запад по крайней мере некомпетентен. Там совет попечителей, как правило, — люди с капиталами. Кого у нас можно рекомендовать в этот совет? Мафиози, дельцов теневой экономики? Они нам на попечительствовают...

Далее... «Общественный совет вместе с гор- или районо будут распределять выделяемые государством ресурсы между школами». Смешно! Гороно с его правами и общественный совет с пожеланиями! Неравный брак, если хотите.

Такие советы (советы по народному образованию) уже есть. Но что они — без счета в банке, без права юридического лица? Ноль!

Четвертое. Нужен Закон о народном образовании, который реально отражал бы сегодняшний день и имел перспективу на завтра.

Мои предложения к этому новому Закону: реалии рыночных отношений должны быть учтены полностью; совет школы должен быть юридическим лицом, со своим счетом в банке, он должен найти источники финансирования: а) спонсоры и трудовая деятельность учащихся, б) сдача в аренду школьных помещений во внеучебное время, в) организация учебных кооперативов и так называемых школьных предприятий; директор, являясь членом совета (в составе и учителя, и родители), выполняет решения этого совета; в городе (районе)

совет директоров — исполнительный рабочий орган, и при нем — технический аппарат, а не диктат в лице гор(рай)оно; гороно в том виде, что сейчас есть, вообще надо упразднить. И уж совет директоров должен будет лишь осуществлять координацию действий и дофинансирование школ.

Вопрос, поднятый редакцией, злободневен. Социально у нас сейчас не защищен ни ученик, ни учитель. Закон безнадежно устарел. Временное положение половинчато и безграмотно. Чем раньше будет школьный вопрос решен по-государственному, тем лучше.

**ВИКТОР КАРЕЛИН,
г. Ухта**

Прочитал статью Сергея Пятенко и Алексея Славича-Приступы.

Писали ее непрофессионалы в вопросах педагогики. Однако точка зрения авторов очень серьезна и побудила схватиться за перо.

Сегодня, когда мы избавляемся от идеологических шор, становится ясно, что изображение дореволюционной России отсталой страной не выдерживает никакой критики. Об этом говорит хотя бы такой факт. Во время русско-турецкой войны 1877—1878 годов граф Толстой, будучи министром образования, предложил сократить выделяемые его ведомству средства в связи с тяжелой экономической обстановкой. На что военный министр Милютин резко заявил: «Граф Толстой покупается на мощь Российского государства!» Думаю, нашему правительству следовало бы поучиться подобному отношению к образованию.

А чему еще мы можем поучиться у дореволюционной школы?

Во-первых, тогда не существовало монополии государства на образование. Только пять процентов школ в сельских районах страны были государственными. Остальные — земские и духовные. Средства на них выделялись земствами, церковью, кооператорами. До 40 процентов бюджета земств шло на народное образование. Всего было 13 типов школ.

Во-вторых, большая часть тогдашних учителей были мужчины. Профессия была престижной, зарплата высокой, существовали демократические педсоветы. Только в Центральной России выходило 35 газет для учителей. Высок был кодекс профессиональной чести. На пуговицах гимназической формы было изображение пеликана — символа самопожертвования.

В-третьих, уровень даваемых знаний был очень высок.

А вот после революции были постепенно ликвидированы условия для гармонического развития личности. В самом деле, нужны ли обществу сегодня умные, интеллигентные, эрудированные люди? Поощряет ли общество морально и материально самообразование личности? Как это ни печально, нет. Учится школьник или студент хорошо или плохо, повышает или нет свой культурный уровень, ничего он от этого в конечном счете не выигрывает. Если в США и Японии каждый рабочий получает деньги за любое выдвинутое им рационализаторское предложение, даже если оно не пошло в производство, и ему повышается оклад за любые курсы, то у нас и бездарность, и гений получают одинаковую зарплату.

Пора понять простую истину: главной движущей силой научно-технического прогресса является интеллигенция. И без

подъема культуры, народного образования мы ничего не изменим. Каковы же сегодня проблемы народного образования?

Во-первых, кадровый вопрос. Профессия учителя оказалась одной из самых непрестижных. Зарплата. В пединституты конкурс нередко по 10—12 человек, но в школу из выпускников приходят работать единицы. Вроде бы повысили учителям зарплату. Но повышение это смехотворно. Например. Раньше ставка учителя (18 часов в неделю) была 110 рублей. Сейчас — 130 и 30 рублей вместо 10 за классное руководство. И это в условиях пятнадцатипроцентной инфляции! Взять больше часов? Не каждому дадут (особенно молодому). К тому же страдает качество уроков, и если учитель ведет 27 часов в неделю, то к 35 годам он превращается в развалину. И это — за 300 рублей! Зарплату учителю надо снова повышать!

Во-вторых, все реформы школы упираются в нищенскую материальную базу. Где взять средства? На местные Советы пока надежда мала. Они хотят помочь, но не могут. Думаю, если бы родители платили за учебу своих детей хотя бы по 10—15 рублей в месяц, их ответственность за судьбу отпрысков значительно выросла бы.

Разговоры о финансовом укреплении школы остаются разговорами. С января нынешнего года мы можем самостоятельно формировать две статьи нашего школьного бюджета, но государство не увеличивает ассигнования школе, хотя цены вырастут в несколько раз. Директора школ могли бы, конечно, более активно проявлять коммерческую инициативу, организовывать школь-

ные кооперативы, но у них нет первоначального капитала, так как мы не можем распоряжаться хотя бы тарифными ставками школы, не говоря уже о других средствах. Не можем использовать наличные. Так что до коммерческой самостоятельности школе еще далеко.

И третье. Необходимо коренным образом переделать систему высшего педагогического образования. Часто молодые специалисты, придя в школу, не знают, как вести уроки. Знания психологии и педагогики в основном чисто теоретические. По моему мнению, чтобы улучшить подготовку учителей, необходимо организовывать для студентов педагогическую практику по 2—3 месяца, начиная с первого курса.

Школа ждет умных, глобальных перемен, и чем быстрее они наступят, тем лучше для всего общества.

24

С. И. ЧАЛЫЙ,
директор школы,
Челябинская область,
Каслинский район,
пос. Вишневогорск

Грядет рыночная экономика, скоро начнется массовая безработица, поскольку лоботрясов у нас на любом производстве полно.

А когда рыночная экономика придет в школу?! Когда в ней появятся «безработные» ученики?! Мы запретили детский труд и сидим, довольные, что выращиваем потребителей, не умеющих работать, потому что в свое время они не умели учиться.

Я предлагаю создавать предприятия, где дети работали бы по 4—5 часов, освободив от мелкого труда взрослых, а школу — от своего присутствия.

У нас одна школа. Никакой гим-

назии никогда не будет. Моя дочь учится в трех школах (еще в музыкальной и художественной) и везде отличница. Но она рассказывает, что каждый учитель, приходя в класс, тратит по пол-урока на то, чтобы усадить второгодников и хулиганов. Почему моя умная дочь из-за дураков и разной дряни должна недополучать знания? Не лучше ли этих мальчиков отправить на работу, дабы они на своем опыте убедились: все в мире достигается трудом?! Необходимо из школы их убирать насовсем: пусть два-три месяца поработают, если поймут, что им нужна учеба, с репетитором или самостоятельно догонят одноклассников и, сдав как-то зачет, снова учатся в школе. Причем устройство в трудовые артели надо производить буквально с пятого класса, а не ждать, пока лоботрясу исполнится 14 или 15 лет.

Хорошие, думающие учителя уходят, потому что не в силах терпеть ежедневные оскорбления от нерадивых учеников. Скоро школа захиреет, как деревня в Нечерноземье.

Надо спасти учителей и отличников, а вместе с ними и будущее нашего государства.

М. А. САТИРСКАЯ,
Нижегородская область,
Володарский район,
пос. Ново-Смолино

Статьей «Родительский комитет спасения» возмущена до крайности!

Оказывается, родители (80 процентов из них матом кроют детей) — спасение?! А учителя — дураки.

«Классы переполнены, учителей не хватает, денег нет, престиж педагога падает...» Эту последнюю причину породили первые три и все те «ученьи»,

которые пишут о педагогах только плохое.

Каждый год нас заставляют писать новые тематические планы. Прошлогодние нельзя, потому что на место «цели урока» поставили графу «метод проведения» и т.д. Исписываем тонну бумаги. В каждом обяза-на поставить число и группу (в ГПТУ работала), чтобы, не дай бог, не воспользовалась этим планом на следующий год... Бумажками занимается учитель...

Что значит фраза — «учителя малоквалифицированные»?.. Родители, что ли, теперь будут повышать нашу квалификацию?

И не надо нам «другую государственную школу». Ишь ты! Ученые! На «новых» идеях хотят наполнить карман.

Товарищи ученые! Вы оскорбили учителя, призвали к саботажу (журнал-то и учащиеся читают). Где доброе? Где уважение к учителю и хорошие о нем слова? На все наплевано, все растоптано. Вы посмотрите, кто в классе хуже одет. Учителю порой не угнаться за учащимися. И не на что, и некогда, и голову забилы планами и процентами. А вы поработайте сами, если в классе 40 учащихся. Чему их всех сразу можно научить?..

Н. А. БАКЛАНОВА,
Новороссийск

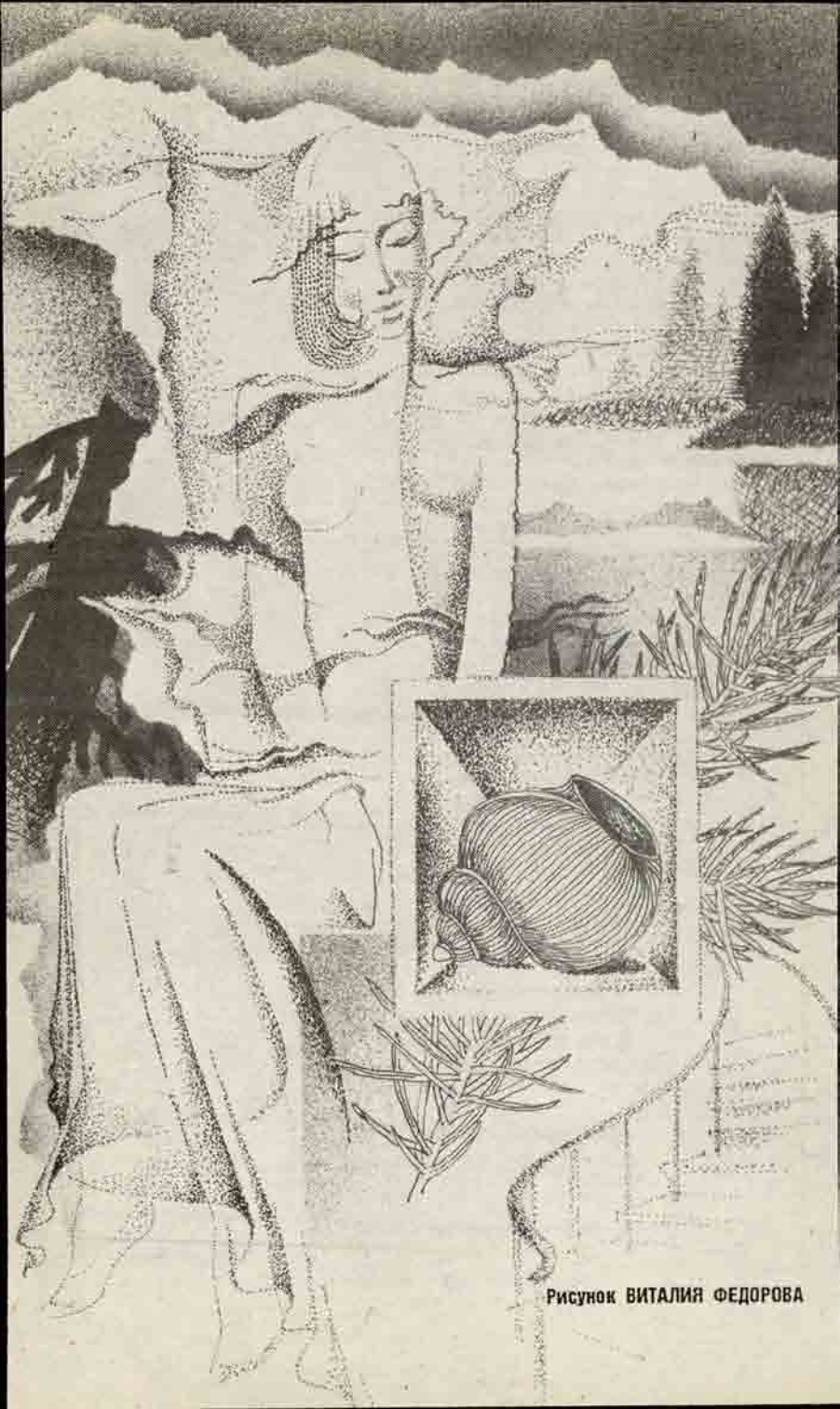

Рисунок ВИТАЛИЯ ФЕДОРОВА

АНТАНАС ДРИЛЛИНГА

≡
*Глухая ночь. Нет, никогда
Ночь не была такой тревожной.
В такую ночь моя звезда
Пропасть могла бы безнадежно.*

*Неведомо — придет рассвет
Иль, может статься, не настанет
Рассвет, и жизнь сойдет на нет,
И гром последний в мире грянет.*

*И жизнь пройдет, и в пустоту
Перетекут ее щедроты,
И мы познаем маету
Своей мечты,
своей заботы.*

*Нет, верю: надо мной всегда
Должна вдали гореть звезда.*

≡
*Во мраке, страстью разогретом,
Твое лицо я увидал,
Светился легким лунным светом
Его таинственный овал.*

Но было теплым, было юным
И было нежным то лицо,
Обрызганное светом лунным,
Как бы серебряной пылью.

Я тихо брал его в ладони
Так бережно, как лунный свет,
И звон стоял, и в этом звоне
Я слышал зов других планет.

И в этом памятном виденье
Схлестнулись вечность и мгновенье.

О, как бы мне хотелось снова,
Когда черемуха цветет,
Сказать моей любимой слово,
Которого она так ждет.

Глаза ее увидеть, щеки,
Ее высокий лоб, виски,
Пока еще в тумане сроки
Осенние так далеки.

Пока еще в ладонях счастье,
Как птица бьется,— славно, пусть,
Хотя в ее зрачки все чаще
Уже заглядывает грусть.

Жизнь, подожди! — молю я слезно.
Проходит жизнь молниеносно.

Я, взобравшись на вершину дюны,
Долго разговаривал с волной.
Но враги приплыли в свете лунном
И меня убили под луной.

Пал я мертвым на песок, и море
Янтарем обрызгало меня.
Для друзей и близких это—горе.
Плачет безутешная родня.

Смерть, она бессмысленна по сути
И всегда не к месту, потому
Люди содрогаются до жути
От непостижимого уму.

Тех, кто был, земля считать устала,
Тех, кто есть, любить не перестала.

Перевод с литовского
ЛЬВА ОЗЕРОВА.

Вечной жаждой мучусь я под небом этим,
Голова моя от жара горяча,
Ничего не нужно мне на белом свете,
Лишь напиться
из хрустального ключа.

Так напиться,
чтобы сердце стало биться
С ликованьем, как в мои былые дни,
Чтобы жить
и не сломаться,
не склониться,
Ключевой воды ладонью зачерпни.

Тот, кому еще не выпало такое,
Кто не пил живой воды из родника,
Не изведает в скитаниях покоя,
И душа его
останется горька.

Пусть тебя ломает жизнь на все лады,
Исцелишься ты глотком родной воды.

Если радость и смех под запретом
Высочайшим окажутся вдруг,
Не лишай меня только при этом
Теплоты твоих ласковых рук.

Если сердце склонится однажды
Пред обидою, как пред бедой,
Я прошу — утоли мою жажду
Родниковой твоею водой.

И тогда, когда правды крупницы
Будут отданы в откуп вранью,
И тогда, когда злобный тупица
Плюнет в чистую душу мою,

Я клянусь, что хватит мне тепла,
Лишь бы руки ты не отняла.

Перемещенья звездных тел
Таинственны и не случайны,
И разум немоцный хотел
Не раз проникнуть в эти тайны.

Кто знает, что скрывает слой
Невидимый. Уже за гранью.
Его не тронешь похвалой,
И он пренебрегает бранью.

*И я, что окрещен молвой
Венцом творения земного,
Предел угадываю свой,
Но мысль несется к звездам снова,*

*Где, натянувшись, как струна,
Вдруг обрывается она.*

≡

*Приди, чтоб послушать вдвоем
Вечернюю песню природы,
Серьезна она и притом
Знакома мне долгие годы.*

*И, слушая этот напев,
Мою ощутишь ты усталость.
Полжизни своей одолев,
Тащу одиночество в старость.*

*И, день уходящий гоня,
Становится полночь все ближе,
И тенью ушедшего дня
Грядущее время я вижу.*

*Где нам одиноко вдвойне —
Тебе одиноко и мне.*

≡

*Всю жизнь ты ждешь, ребенок мудрый,
Подарков в детстве, а позднее
Ты ждешь своей золотокудрой
Любви, чтоб на закате дней*

*Святым колодцем вспомнить это,
Тобою вышитым до дна,
Как хочется дожждаться света,
Когда дорога не видна,*

*Как хочется дожждаться лета,
Когда еще зима лежит,
И разглядеть весны приметы
В пурге, что над тобой кружит.*

*Но жалок тот, кто смерти ждет,—
Она сама его найдет.*

≡

*Удлиненные тени
на Землю ложатся,
Над Землей ожидание
ночи плывет,
В теплых сумерках медленно пары кружатся,*

Аргентинское танго —
любовный полет.

Обнаженные руки
в закатном багрянце,
И, кружась от вечерней зари
дотемна,
Сумасбродным дыханьем
горячего танца
Вся округа полна,
вся округа пьяна.

Надвигается мгла,
звуки музыки глуше,
И, охвачена страстью,
вздыхает Земля,
И томятся тела,
и сливаются души,
Друг о друге шепча,
друг о друге моля.

И становится ночь
все черней и черней,
И плывет аргентинское
танго над ней.

≡

Пытливым разумом и взглядом
На небо устремленных глаз
Мы рвемся вдаль,
а то, что рядом,
Уже не беспокоит нас.

Ища в Галактику дороги
Средь звезд, роящихся во мгле,
Мы забываем,
что в итоге
Нас ожидает на Земле.

Но ты — беспомощный и тленный,
Под тяжестью забот и бед,
Затерянный в глуши Вселенной,
Ты повторяешь,
как обет,

Свой путь земной не завершив,
Что стоит жить,
пока ты жив.

Перевод с литовского
НИНЫ ЛОКШИНОЙ.

TOT.

КТО

КОРМИТ...

ВЛАДИМИР АНИСИМОВ

Фото ВЛАДИМИРА ЧЕЙШВИЛИ

Председатель — феодал, диктатор.

Председатель — телеграфный столб, о который может почесаться любая свинья.

Такой вот разброс мнений. Второе, как нетрудно догадаться, принадлежит самим председателям.

Нынче председатель — слово ругательное. Душит арендатора, давит фермера — все делает, чтобы оставить страну голодной. Лишь бы власть сохранить.

А о колхозах послушать!.. Точно так же, как лет десять назад нельзя было даже усомниться в преимуществах коллективного земледелия, так сегодня рискованно сказать о нем что-то хорошее. Как всегда, бросаемся из крайности в крайность. После перепалок на съездах и сессиях не только в наших, городских головах полная сумятица. Головы селян тоже основательно заморочены. «Я телевизор смотрю с валерьянкой, — так в разгар очередного съезда говорил мне ветеран, Герой Соцтруда В. Н. Верещагин. — Говорят, будто я, колхозник, не крестьянин! Да какой же я не крестьянин, если всю жизнь, с перерывом на войну, на земле работаю?! И дети, внуки мои — все на земле. Договорились до того, что я теперь награды свои надевать стесняюсь, вроде украл их где-то...»

Живет ветеран в колхозе «Искра» — станица Новокорсунская Краснодарского края. Год 1990-й был для «Искры» удачным. Впрочем, как и все предыдущие. Колхоз никогда не пользовался кредитами и дотациями, имел обычно прибыль порядка 3,5 миллиона рублей, а последний год — 5,2. Пшеницы меньше 55—60 центнеров с гектара не брали. А в прошлом году — 73 цент-

нера. Ячменя — 88. Словом, не хуже, чем в той же Америке.

В «Искре» мы были как раз в те дни, когда колхозникам продавали зерно нового урожая, растительное масло. Кукуруза, пшеница — по 10 копеек за килограмм, масло — по 70 (и не такое, как в магазине!). Заработал я, допустим, центнер масла — мне столько же не съесть! Пожалуйста, сдавай на заготпункт — по 2.30. Прекрасный сыр колхозного производства в Краснодаре стоит 9.50. Своим продают по себестоимости — 4 рубля. Сахар — по 40 копеек. Продукция колбасного цеха тоже обходится сравнительно дешево.

Молодым матерям три года платят по 90 рублей ежемесячно. Для парней — свои льготы. Пока казак служит в армии, ему начисляется 70 процентов заработка. После демобилизации получает сразу до трех тысяч. Захотел построить свой дом — нет проблем получить в колхозе ссуду: 15 тысяч (с этого года — 20) на 20 лет. Точнее, возратить придется ровно половину, остальное колхоз списывает. А с кирпичом поможет собственный колхозный завод. Большая часть станицы — а это по размеру райцентр, свыше 4 тысяч жителей — застроена просторными кирпичными коттеджами. Почти вся станица уже газифицирована. Ну и, ясное дело, свое подворье — хорошая подмога.

Вот как все замечательно, но... пусто в станичном магазине. Мясо, «мясопродукты» и здесь по талонам. Ничего удивительного: невозможно создать истинное изобилие для всех в одном отдельно взятом колхозе. Даже если это колхоз-миллионер. Потому что он не может производить абсолютно все, что нужно для нормальной человеческой жизни. Стало быть, правы те, кто утверждает, будто

колхозы в принципе не способны накормить не то что страну — самих себя?

— Чепуха! — кипятится Капленко. — Так говорят недалеко-видные политики и ученые с асфальта, как я их называю. Дайте нам экономическую свободу, развяжите руки — отлично всех накормим. Понимаете, я не анархии требую, а свободы жить и работать на земле. Тогда мы быстро из кризиса выйдем.

Николай Максимович Капленко — председатель «Искры». Феодал или телеграфный столб — мне трудно судить. Но вот уже почти четверть века его регулярно вытирают вновь.

— Кто вам сегодня не дает свободы?

— Вы знаете, что такое госзаказ? Вплоть до нынешнего года государство изымало до ста процентов всей продукции колхозов.

— Та же продразверстка?

— Если не хуже. И опять пытаются это делать. Правда, недавно российский съезд установил продналог — сорок процентов продукции. С этим мы согласны. Если только будут четко его соблюдать. Мы же, на селе, давно ничему не верим. Сегодня говорят одно, завтра — другое. Сегодня постановили — завтра отменили. Потом взяли и угробили. Почему крестьянин не верит ни во что? Потому что его всю жизнь обманывали, обдирали, грабили. И грабило родное государство! За четверть века, что я работаю председателем, мы отдали 16 с половиной миллионов страховых денег. Обрато получили четыре. Остальное ушло неизвестно куда. Слава богу, с января отменено насильственное страхование — мы сами будем определять, что страховать и на сколько.

— Хорошо вам говорить, а как быть тем колхозам, которые рабо-

тают в зоне рискованного земледелия?

— Конечно, надо иметь для этих целей страховые средства. Если хозяйство не по своей вине понесет убытки, мы готовы помочь, может быть, и безвозмездно. Будем хоть знать, что наша помощь пошла конкретному колхозу, а не канула в бездну. А еще лучше — пусть возьмет у нас в долг или в коммерческом банке — на льготных условиях. А то государство разложило колхозы всеми этими дотациями, безвозвратными ссудами. Установите экономически выгодные условия — и не надо никаких дотаций. Никогда мы не решим продовольственной проблемы, пока идет грабёж крестьянина и пока он не имеет экономической свободы.

— Раньше вами командовали райком, крайком. Кто же теперь?

— Теперь нам диктует агропромышленный комбинат «Кубань». Говорят: произведите пять тысяч тонн овощей вместо трех. Они спросили: выгодно это нам? Не спросили... А где гарантии?

— Какие гарантии?

— В 89-м мы заключили договор с пищевыми предприятиями АПК на поставку зеленого горошка для заморозки. Договаривались о двухстах пятидесяти тоннах, а приняли у нас тридцать! Там какие-то неполадки были. И я вынужден был возить горошек за 500 километров в Ставропольский край. На пять заводов возил! А там очереди... Шоферы все прокляли... Колхоз понес 120 тысяч рублей убытка. Я им говорю: не приняли по договору — платите неустойку. Как бы не так! Теперь говорят: на сей раз все будет в порядке. А я уже не верю... Какая там свобода? АПК командует, сколько я должен посеять гектаров кукурузы, сахарной свеклы, фасоли. Мы не возражаем, всего

лишь просим гарантировать прием и оплату. Но никто ничего не гарантирует. Далее. Я предлагаю сдать госзаказ не подсолнечником, а маслом. Снова нельзя. Почему, спрашивается?.. Мы продали государству 12 тысяч тонн пшеницы. Могли бы и больше, если б платили валютой.

— В прошлом году государство вроде бы стало платить и валютой?

— Вот именно — вроде бы. Ка-

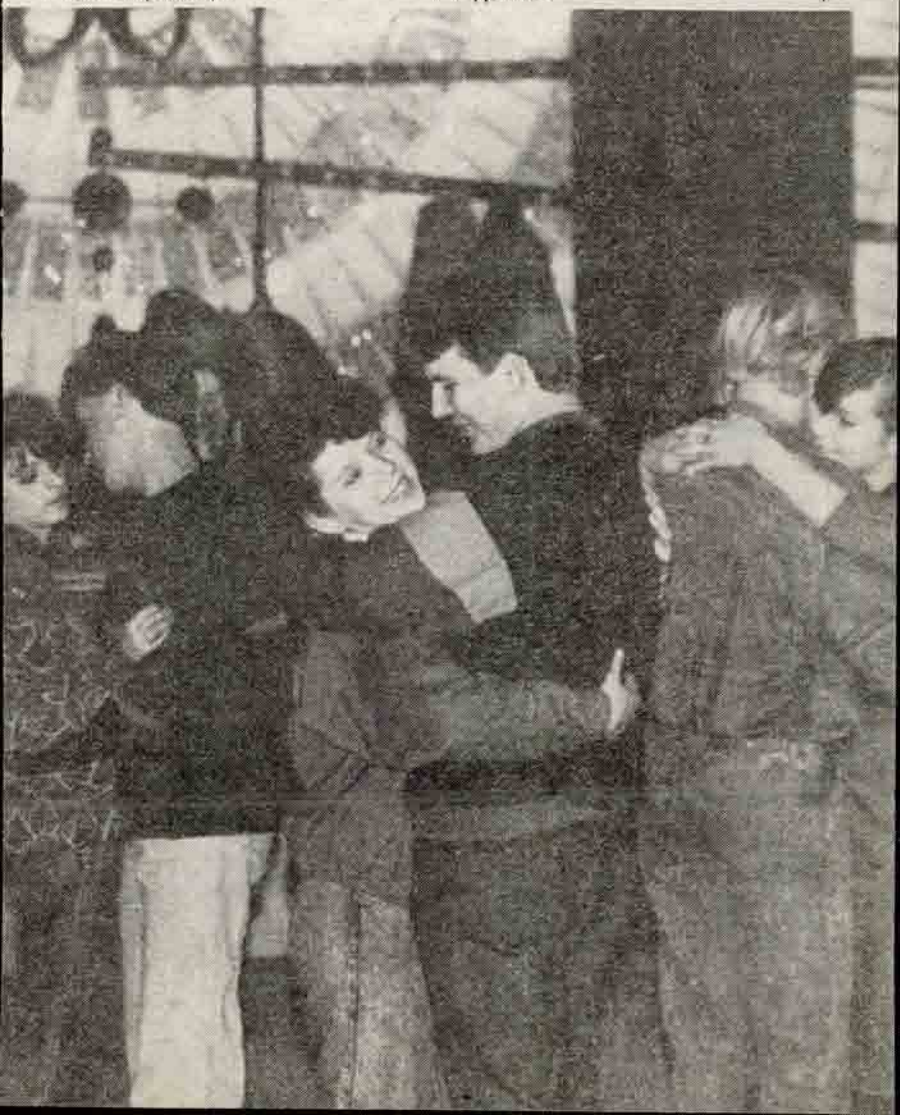
жется, все ясно: передай нам ту валюту, которая идет на заграничные закупки. Перечисли прямо на наш колхозный счет! Так нет же, развели такую канитель с получением этой валюты — уму непостижимо, сколько разных бумаг требуется.

— Слышал, кое-кто все же продал государству зерно за валюту.

— И получил вдвое меньше, чем американцы.

— За такое же зерно?

— Наше кубанское зерно — лучшее в мире, это давно известно. Но и в рублях нам платят за него гроши. Почему многие колхозы убыточны? Мы всю жизнь сдавали пшеницу по 7 копеек за килограмм, а комбикорм покупали по 20—25 копеек. Где, в какой стране видано, чтоб комбикорм стоил втрое дороже пшеницы? Вот колхозы и залезали в долги...

— Зато потом государство их прощало...

— Прощало? Если разобраться, так это долги не колхозов, а государства. А точнее, долги тех бюрократов, которые занимали высокие посты в правительстве, Политбюро. Но назовите хоть одного деятеля, который бы ответил за это, — никто не ответил! И до какого ж состояния мы докатились...

— Но ведь недавно закупочные цены повышены?

— Слушайте, зачем мне этот пряник, когда тут же — кнутом по горбу? Да, подняли цену до 300—400 рублей за тонну — и сразу вздорожали удобрения, ядохимикаты, семена, горючее, техника.

Так что колхозы и совхозы ничего от этой прибавки не получают. Настолько безграмотно наше государство ведет политику — все вразрез с интересами крестьянства.

— А у нас с вами разве разные интересы?

— Интересы одни у всего народа. Но когда плохо крестьянину — плохо всем.

Наши интересы общим не противоречат: произвести больше продуктов и получить за них нормальную сумму, которая необходима для расширенного воспроизводства, приобретения новых технологий и так далее. За все время существования колхоза мы не получили от государства бесплатно ржавого гвоздя. Ни

рубля не вложило оно. Все, что тут построено — на 50 миллионов рублей, — оплачено потом и кровью. Развиваем у себя в колхозе малые предприятия: работают сырзавод, колбасный цех, пекарня, мельница, кирпичный завод. Маслобойку строим. Хотелось бы иметь и небольшой мясокомбинат. А то ведь мы возим мясо на са-амый большой комбинат! Молоко — на са-амый большой молокозавод. В то время как его можно прекрасно перерабатывать на месте, а не возить за тридевять земель. Совмин наконец-то додумался и принял постановление о развитии малых предприятий, но оно, это постановление, опоздало лет на пятьдесят. Займись мы этим раньше, сегодня не говорили бы о дефиците продуктов. Было бы изобилие!

...Так случилось, что незадолго до поездки на Кубань оказался я в одном смоленском колхозе. И теперь невольно припоминал, сравнивал. Тот колхоз, по выражению самого председателя, ниже среднего. Кое-какое жильё начали строить, но на всем — печать нищеты, разрухи. Над ним (как, впрочем, и другими хозяйствами района) дамокловым мечом висели долги. Едва появлялась живая копейка, забирали в погашение. И снова нет ничего в кармане.

Агропром по-прежнему диктует, сколько коров держать, сколько чего сеять. «Заставляют, — жаловался председатель, — посеять 170 гектаров льна. Посеять можно. Но убрать мы в состоянии только сто».

Райсельхозтехника разделилась на четыре самостоятельных предприятия — РТП, агроснаб, ХРСУ и еще что-то. Перестройка, специализация, улучшение обслуживания? Раньше грабила одна контора — теперь четыре. Ведь всем им прибыль нужна! Кормить четырех

начальников вместо одного...

Там, в совершенно иных условиях, я тоже, как и на Кубани, не нашел желающих фермерствовать. Пугают людей дороговизна техники, отсутствие нормального техобслуживания, риск. Боятся оказаться во власти тех же структур — РТП, ХРСУ и т. д. Обдерут как липку — и долгов не простят. Возможно, кто-то и рискнул бы, но нет уверенности в завтрашнем дне — не станет ли фермерство очередной кампанией?

— Но вы не станете отрицать, — это я Капленко говорю, — что собственник земли всегда работает лучше, чем наемный работник?

— Бесспорно. У нас в колхозе — коллективная собственность. Но нет личной ответственности. Может ли она быть в колхозе? Может. Давайте на первом этапе условно разделим землю между колхозниками. Покажем человеку: вот здесь — «твой» десять гектаров земли. Понимаете, частник все равно придет к объединению, как пришли американские фермеры — они сами мне рассказывали. Фермер не способен один купить комбайн за 200 тысяч долларов. А если даже способен, ему это невыгодно.

— Но там связи горизонтальные.

— Правильно. Вот и надо идти по линии горизонтальных связей. Вертикали не нужны.

— А в колхозе управление почти целиком построено по вертикали.

— Да, горизонтальных связей очень мало... Но если разделить хозяйство на фермерские участки земли, оно будет вестись хуже. Частную собственность можно внедрять при условии, если будут созданы вспомогательные службы. Которые, в свою очередь, могут быть частными и кооперативными. Сегодня фермеру понадо-

билось горячее, запчасти — куда он побежит?

— В агроснаб, например.

— А там ничего нет!

— Колхоз же достает где-то?

— В колхозе есть специальная служба. Снабженец ездит, достает, меняет. Например, у нас в крае нигде нет подшипников — приходится ездить по другим областям. Может фермер позволить себе такую роскошь, когда уборка в разгаре? Это ж не Америка — позвонил, и тебе привезли. Так что пока не будет системы обслуживания, фермер не сумеет нормально работать. Больше того: нужно несколько фирм одного направления, чтобы фермер мог выбирать, у кого купить, допустим, семена. Сегодня даже колхозу семена никто не гарантирует. И когда депутаты, забыв, в каких условиях мы находимся, пытаются автоматически перенести западные формы земледелия на нашу почву, уклад — как же так? Надо сначала заложить основу, как на Западе, по крайней мере делать это одновременно. Другого пути нет.

— Тем не менее фермеры появляются.

— Безумцы! Они берут многотысячные ссуды, ничем не подкрепляя их. Какая гарантия, что построят фермерские хозяйства, отдадут долг? Никакой...

— Иногда гарантами выступают колхозы, совхозы.

— Мы выступать не станем. Земельная реформа должна идти поэтапно. Сразу на фермерское хозяйство не перейдешь. Но в принципе пусть существуют и колхозы, и фермеры, и кооперативы. Будем соревноваться. У нас есть свободные земли, можем выделить.

Мы даже пойдем на то, чтобы один севооборот — полторы тысячи гектаров — целиком отдать фермерам.

— Хочет ли кто взять землю насовсем или в аренду?

— Я четырежды предлагал на собраниях. Пока охотников не сыскалось. Не забывайте: у частного нет отпуска, нет больничного листа, нет колхозных льгот. Кроме того, он будет обязан платить налоги — в пенсионный фонд, на содержание дорог, медучреждений, школ. Все ли новые фермеры, освобожденные на первое время от налога, об этом задумываются? И еще. Высокая производительность труда частного может быть только за счет переработки: малой механизации практически нет, а лопатой много не наработаешь.

Это еще не вся «колхозная правда»... Я того парня за язык не тянул, сам с чего-то разоткровенничался.

— Воруя, — говорит, — в колхозе, и все об этом знают. Мне продают три с небольшим тонны кормов. Этого хватает на четырех поросят. А держу десять! Чем кормлю? Оплачиваю, допустим, тонну свеклы. Приезжаю в поле — кто там будет следить, сколько я загрузил?

И зачем ему, спрашивается, фермерство, если от колхоза он имеет весьма приличный гарантированный заработок, благоустроенную квартиру, дешевые (и частично бесплатные!) корма? Представьте: все кругом не «мое колхозное», а частнособственническое? Поди сопри что-то у фермера... Суд, срок. Или порция соли из ружья. А вывезти «излишек» с колхозного поля еще менее предосудительно, чем вынести кусок колбасы с мясокомбината.

Все это, разумеется, не секрет для Капленко. Он только попросил уточнить:

— А кем тот парень работает?
— Забыл спросить, — слукавил я.

— Если он механизатор, то себя обеспечит — они получают более пяти тонн одного зерна. Если лодырь, да еще с семьей, конечно, будет воровать. Как сделать, чтобы он не крал? Откровенно говоря, мы сегодня можем выдавать зерно каждому по потребности, независимо от его трудового вклада. По очень низкой цене или вообще бесплатно. Прямо на дом привозить. Но побаиваемся это делать. Все-таки нужно заставить человека работать, самому зарабатывать все блага.

Наверное, и сам Николай Максимович отлично понимает всю безнадежность такой задачи в реальных условиях. Сколько лет ставляли, почти ничего не давая взамен! Разве мы не знаем, что государство оставляет работающему человеку лишь прожиточный минимум? По сути, продрозверстка у нас никогда не кончалась. Ни в колхозе, ни на заводе. Об экономическом же стимулировании мы твердим много лет (ссылаясь часто на известное высказывание Ленина), но под прикрытием правильных фраз продолжается самая настоящая экспроприация. Даже льготы, как у Капленко, ее, наверное, не компенсируют. Так зачем работать лучше, если «излишек» все равно отберут? Путем ли самого прогрессивного в мире налога, снижения расценок, пересмотра норм — так или иначе, а разбогатеть наемному работнику государственного предприятия не позволят. В то же время колхозник знает и другое: помереть с голоду колхоз не даст. В этом его сила и одновременно слабость.

— Думаете, я не знаю, что колхоз имеет свои крупные недостатки? Даже очень хороший колхоз.

— Назовете?

— Да вы сами уже назвали... Воровство, пьянство, порой нежелание работать, иждивенчество. Нужно возродить ответственность путем личной экономической заинтересованности и экономической наказуемости. Человеку надо платить не двадцать процентов от стоимости произведенной продукции, как мы платим, а сорок, шестьдесят.

— Вы не можете платить колхознику столько, сколько он заработал?

— Можем! Но в этом случае крестьянин не должен платить такой подоходный налог. В городе с заработка до 80 рублей налог не берут. У нас берут с каждого рубля! Мы платим более полумиллиона подоходного налога да в централизованный фонд. Давайте мы заплатим продналог — и все. И не дергайте нас больше.

Вообще-то с точки зрения здравого смысла я бы призывал наших колхозников работать... похуже. А платил бы вдвое больше: ведь от уменьшения производства такая выгода получится! В СССР производится в год на душу более 700 килограммов зерна. В странах Европейского экономического сообщества — всего около пятисот. Им почему-то хватает... Не знаю точной цифры, но можно представить, каких фантастических затрат — при наших масштабах — требует производство этих «лишних» двухсот килограммов. Впрочем, никакой Америки я здесь не открываю. Государство спешит все — и побыстрее — вывезти в «закрома Родины», где гноятся, горят, бесследно исчезают продукты.

В эту полуголодную зиму все мы смотрели и читали репортажи о продовольственной помощи Запада Грузовики, самолеты с бесплатными продуктовыми посылка-

ми... «Люди от чистого сердца помогают, — убеждали нас, — надо быть благодарными». Я и сам сознавал, что от чистого... Умом сознавал. А в душе ничего, кроме чувства стыда и унижения, не просыпалось. Может, это неблагоприятно, но это так... Другое дело — когда Спитак, Ленинанкан. Тогда помощь не была унижительной ни в малейшей мере. Но что с нами сейчас случилось, как мы сели в такую позорную лужу? Окончательно добил меня рождественский телерепортаж о том, как солдаты бундесвера раздают подарки нашим солдатам в Германии. Они в советские казармы даже вино к праздничному столу привезли.

Отчего ж мы пошли по миру с протянутой рукой? Ладно, не сумели убрать небывалый урожай (Капленко-то сумел, причем без посторонней помощи). Но ведь на уровне хотя бы прошлогоднего колхозы заготовили и сдали государству? Куда все делось? И причём тут колхозы, они ли во всем виноваты?

— Мы теряем тридцать — сорок процентов продукции, — говорил Капленко. — Теряем зерно, овощи, мясо, молоко... **Все** теряем! Именно этого нам и не хватает. Так давайте не будем говорить об увеличении производства. Хватит с лихвой того, что есть, распорядиться бы этим с умом. Но никто не ищет выхода из положения. А я бы предложил переключить часть нашей промышленности на создание малых перерабатывающих предприятий в крестьянских хозяйствах и колхозах.

— Это деньги...

— Правильно. Надо посчитать. Но никто не хочет считать. Все кричат: давай закупай за границей! Лучше бы часть этих сумм направить на строительство малых предприятий. Ну, Россия выделила миллиард рублей на развитие

крестьянских хозяйств. А кому конкретно, на что именно? Не верится, что будет с этого толк...

— Вам не кажется — слабость колхозной системы в том, что слишком многое зависит от одной личности? Один председатель пробивной, хитрый, другой...

— Не кажется. А государство не зависит от личности? Или возьмем другой пример. Завод, фабрика — да и та же ферма! — не зависят? Но и фетишизировать роль личности я не стану. Она играет роль, когда опирается в своей деятельности на коллектив. Без крестьян я ничего не смог бы сделать.

...Разве все дело в председателе? Наша система — политическая, экономическая — зашла в тупик. Она породила вопиющую бесхозяйственность. Теперь руководители высокого ранга сопротивляются введению рынка, потому что он даст ответ на вопрос «кто есть кто» и заставит работать. А я полагаю, что без рынка у нас ничего не получится.

— Какой рынок, если везде границы, запреты на вывоз продукции? И у вас в крае — тоже. Кто принял такое решение?

— Крайисполком.

— И он же дает разрешение на вывоз?

— Он. Но не каждый может добиться такого разрешения... Так вот, я продолжу о рынке. Через 2—3 года колхоз сможет жить, ни в чем не нуждаясь, работать на прямых связях. Почему я должен что-то через кого-то получать? Я сегодня поехал в Грозный, заключил договор с директором нефтеперерабатывающего завода. Он мне поставит 250 тонн бензина. Мы ему — три тонны сыра, пятнадцать — сахара, пять — мяса. По госценам, никто никого не обдиравает. Если брать бензин через нефтебазу — плати тридцать копеек. Без

посредника — девятнадцать с половиной. И я ему — без посредника. Всем выгодно.

— Какой же это рынок? Натуральный обмен.

— Почему же? Я купил бензин, заплатил рублями. И он мне платит за мясо.

— А если б вы сидели без денег, в долгах?

— Тогда должен прийти на помощь банк. А я — искать выход из ситуации...

— Когда дают задаром, как было в Нечерноземье...

— Это бесполезно, это разлагает. Вот у нас рядом колхоз — он должен был 9 миллионов. Сейчас долги списывают. Спрашивается: поправит ли это дела? Сомневаюсь. Люди привыкли жить не за свой счет.

— Тут есть противоречия. Помните, мы говорили: долги государства, а не колхоза.

— Верно. Но коль мы подошли к такому моменту, списали — начинай хозяйствовать по-настоящему.

— Кому, по-вашему, должна принадлежать земля?

— Колхозам, совхозам, кооператорам, фермерам... В Совете тоже может быть свой земельный фонд. Но Совет не должен вмешиваться в дела земледельцев — иначе получится точно такой же диктат, каким был партийный.

— А если вы плохо работаете?

— Если хозяин снижает плодородие земли, он должен отвечать всем своим состоянием. Будь то частник или колхоз.

...Мой старый друг Стародубцев тоже не прав. Я так и говорил ему: «Вася, ты не прав! Что, ты возражаешь против частной собственности? Я тоже против, но давай попробуем все разрешим — и частную, и колхозную, и кооперативную, и аренду. Давай посмотрим, что лучше». Кто не выдер-

жит конкуренции — сам, как говорится, сойдет с дистанции. Единственное мое требование — чтобы все были в равных экономических условиях.

— А он?

— Уперся, как буйвол.

Может возникнуть вопрос. Ну хорошо, Капленко — умный председатель, расчетливый хозяин. А придет на его место дурак и развалит хозяйство? Но не будем забывать: дураков обычно присылали «сверху». Прощтрафившихся инструкторов, чиновников. Как известно, из районной номенклатуры в рядовые не разжаловали. А куда их девать? В колхоз, куда еще? И попробовали б колхозники возразить! Нынче времена все-таки не те. Если дурак и окажется случайно на председательском месте, быстро вышибут, и никакой райком не помешает. Во-вторых, хороший председатель всегда подумает о премнике. Капленко тоже не одним сегодняшним днем живет.

...События последних месяцев не внесли полной ясности. Да, российский Съезд народных депутатов ввел частную собственность на землю. Но спустя несколько дней союзный Съезд решил провести референдум по этому же вопросу. Вот и ломает крестьянин голову: как еще дело повернется? Как будут учитываться мнения горожан и селян? Горожанин-то, известно, двумя руками «за» — ему участок под дачу нужен...

А мне эта затянувшаяся война парламентов постоянно напоминает старую поговорку: «Паны дерутся, а у холопов чубы трещат».

...И последнее. На днях получил письмо от Капленко. Он пишет: «В 1990 году колхозы и совхозы вырастили большой урожай, а убрать его не смогли. Зерна потеряли более 50 миллионов тонн, не убраны сотни тысяч гектаров подсолнечника, свеклы, картофе-

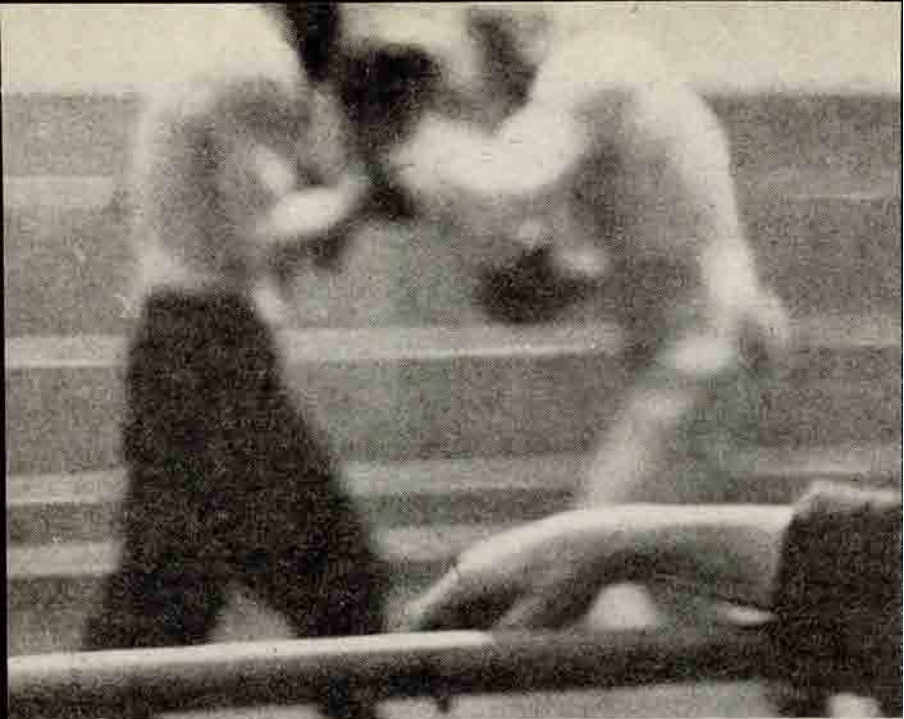
ля... И нет виновных! Пытаются обвинить в этом колхозы и совхозы. А я обвиняю руководителей страны, республики. Почему Ельцин и Силаев не дали горячее в период уборки урожая? Не было запчастей, автотранспорта. Ни Ельцин, ни Силаев не помогли спасти урожай...»

От редакции.

Понимаем, нетрудно возразить председателю колхоза, привычно сославшись на систему, на общий хозяйственный хаос.

Но будет ли прибыль на обеденном столе нашем от этих возражений и споров? Может, все-таки тому, кто кормит, виднее?..

СТАЛАН

АНДРЕЙ БАТАШЕВ

Фото ИГОРЯ ЯКОВЛЕВА

В мае минувшего года в Майами (США) известный в недавнем прошлом советский боксер-любитель, 34-летний Виктор Рыбаков (семикратный чемпион СССР, бронзовый призер Олимпиад в Монреале и в Москве, двукратный серебряный призер Кубков мира, трехкратный чемпион Европы, четырежды признававшийся лучшим боксером континента) дебютировал в состязаниях профессионалов в весовой категории до 139 фунтов и в четвертом раунде кокаутировал американца Диона Стюарта...

ТАЙМ

ТЫ — МНЕ, Я — ТЕБЕ

Виктор Рыбаков родился в «солнечном» Магадане, одном из самых знаменитых центров архипелага ГУЛАГ. Вырос он в интернате.

Однажды — Виктору было тогда 14 лет — товарищ угостил его помидором. До этого Виктор видел помидор только в кино и очень удивился, ощутив его вкус и запах. Он вдруг почувствовал, что за пределами Магадана

есть какой-то совсем другой мир...

Однако от «поэтических» размышлений он быстро пришел к выводу, что все на свете, а не только какой-то там помидор можно купить. А значит, главное в жизни — деньги.

Когда десять лет назад я впервые переступил порог московской квартиры Виктора Рыбакова, мне показалось: в его глазах вот-вот замелькают цифры калькулятора, подсчитывающего стоимость того,

во что я одет. Потом Виктор задал контрольный вопрос:

«Вы на машине?» — «Нет». — «Понятно. Проходите...»

И только часа через два, к концу нашей беседы, сказал: «Все мы живем по принципу: ты — мне, я — тебе... Значит, надо вовремя предугадать, кто на что способен».

С тех пор Рыбаков не стал миллионером. И живет явно скромнее, чем в прежние времена. Однако в глазах его я теперь не вижу прежней расчетливости...

Какие же события ее стерли?

«ВООРУЖЕНКА» И «ДИАЛОГИ В АНТРАКТЕ»

В 1984 году капитан Советской Армии Виктор Рыбаков, который к тому времени завершил спортивную карьеру, был назначен старшим тренером по боксу Группы советских войск в Германии (ГСВГ). Жил в Шверине вместе с женой и шестилетней дочкой.

Раньше, когда Виктор сам был боксером и выступал за ЦСКА, он вспоминал об армии, только получая деньги за «звездочки». Теперь же близко познакомился с армейской реальностью, где действовали совсем иные ценностные ориентиры, нежели в его прежней жизни.

...Спортсмен Виктор Рыбаков вырос с убеждением, что самые престижные соревнования — это, конечно, Олимпийские игры. Поэтому, представляя руководству нового боксера — Шамиля Сабирова, подчеркнул, что Шамиль — чемпион Московской Олимпиады.

Однако начальство, отмахнувшись от этой «лишней» подробности, оборвало его:

— При чем здесь Олимпийские игры? Кому они нужны? Ты лучше скажи, что он выиграл на наших

соревнованиях? На «Вооруженке»?

Команда, которую принял Рыбаков, не поднималась на «Вооруженке» (первенстве Вооруженных Сил) выше 12-го места. В ее составе были в основном «старички», которые не утруждали себя тренировками. К гэдэзеровским магазинам они проявляли гораздо больше интереса, чем к боксу.

— Утром ребята приходили ко мне и говорили: «Пойдем к мужику», — вспоминает Рыбаков. — Я сначала не подавал вида, что понятия не имею, кто такой этот «мужик». Но в конце концов мне пришлось согласиться: пошли, мол. Оказалось, что «мужик» — это памятник то ли шахтеру, то ли строителю. А напротив него — пивной бар. Вот он-то и притягивал моих подопечных...

Спортивные руководители смотрели на эти развлечения сквозь пальцы, требуя взамен только одного: чтобы их подчиненные не забывали регулярно «благодарить» старших по званию за такую терпимость.

— Я быстро уяснил это, — рассказывает Рыбаков. — Помню, в самом начале моей работы в ГДР, приезжаю в Вюнсдорф, к начальнику физической подготовки ГСВГ полковнику Тушаковскому и докладываю: «Товарищ полковник! К нам прибыл новый боксер. Нужно определить его на капитанскую должность». — «Мда... А почему с пустыми руками?»

Я растерялся, услышав столь откровенный вопрос, но потом ветераны команды объяснили мне специфику взаимоотношений с начфизом. И когда я узнавал, что он едет к нам в Шверин с проверкой, мы тут же начинали собирать деньги.

Для встречи с Тушаковским нужно было подготовить ребят. Я давал команду, и сразу же начи-

нался переполох: поскольку спортсмены надевали военную форму раз в год, то всегда оказывалось, что у одного рукава длинные, у другого брюки короткие, у третьего погоны разные...

Но вот, наконец, все построены — офицеры, прапорщики, солдаты...

«Так, негодяя, так, скоты... — медленно двигаясь вдоль строя, начинает беседу с боксерами начфиз. Потом вдруг резко останавливается против кого-нибудь и выпаливает: — Ну? Какое место займешь на «Вооруженке»? Не станешь чемпионом — выгоню!»

К вечеру мы устраивали где-нибудь застолье, я совал начфизу 500 марок, он давал ценные указания, наливался, и его увозили.

На очередном первенстве Вооруженных Сил мы заняли второе место. Докладывая об этом начфизу, я думал, что услышу в ответ слова благодарности. Но ошибся. «А почему не первое?» — гневно спросил он. «Да потому что я не миллионер!» — мысленно крикнул я ему.

Всем было известно, что армейских боксеров из ГДР или из Чехословакии в Союзе ждали как манны небесной. Знали: у ребят есть деньги и они не будут скупиться. Мне тоже пришлось поддерживать эту «традицию», ублажая арбитров всевозможными дарами, чтобы нас судили по-божески.

Вслух же я, конечно, сказал о другом: о том, что занять второе место среди команд 15 округов не так уж плохо и что у нас есть резервы — в технике, тактике и в физической подготовке.

Я долго не мог сообразить, почему Тушаковский не позволяет себе говорить с нами по-человечески. И однажды он объяснил мне:

— Чем требовательнее ты будешь, тем больше тебя станут бо-

яться. А чем больше боятся, тем сильнее зависят от тебя. Вот тогда у тебя не будет недостатка ни в деньгах, ни в подарках.

Начальник политотдела подполковник Белоцерковец не откровенничал со мной относительно своих принципов. Но действовал так же. Сначала замучил меня своими придирками: «Сколько у вас членов партии?» — «Двое». — «Почему так мало? Смотри у меня!»

Куда смотреть? И что я должен увидеть?

Когда же я потерял надежду найти выход из этой безнадеги, он сам подсказал мне, как это сделать.

Во время очередного разноса мой «шеф» вдруг перевел взгляд на мои кроссовки и спросил: «Какой у тебя размер?»

Я понял, куда он клонит. «У вас, — говорю, — наверное, сорок третий». — «Сорок четвертый».

Я тут же бросился к своим друзьям-немцам, достал с их помощью адидасовские кроссовки и к нему: «Товарищ полковник, мы понимаем: вам некогда самому позаботиться о своей спортивной форме. Вот ребята и решили сделать вам подарок». — «Да? Ну ладно. Давай».

И кроссовки исчезли в ящике его письменного стола.

Высшее начальство подарков не требовало. Ему было нужно другое — общение. Я это понял, когда меня в первый раз вызвали к командиру дивизии полковнику Симонову.

«А-а-а... Рыбаков? Слышал, слышал... Как дела?» — благосклонно спросил он меня и этак дружески потрепал по щеке. А я стою перед ним навытяжку. Я ведь военный человек, капитан, в форме.

«Ну, пойдем...» — Подходит к холодильнику и достает бутылку водки. — «Давай!» — «Да я не

могу, у меня тренировка» — «Давай!»

Потом до того дошло, что его адъютант даже ночью поднимал меня с постели: «К командиру дивизии!»

Думаю: да что же это такое? Что я, ракетчик, что ли? Сажают в машину. Везут. В баню. А там уже сидит командир дивизии в окружении своих телохранителей. «Давай!» — «Но ведь сейчас ночь!» — «Давай, я сказал».

ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ

В те времена все в жизни Виктора Рыбакова шло словно по инерции. И это его устраивало. Правда, иногда он задумывался: а что будет потом, когда кончится безмятежное существование в ГДР? И как-то раз в баре «у мужика» один из ветеранов команды подсказал своему старшему тренеру, как можно «сделать деньги».

Способ оказался на редкость простым. Рыбаков покупал на фабрике в Веймаре фарфор третьего сорта, привозил в СССР и сдавал в комиссионный магазин, считая, что не нарушает никаких законов.

Однако благоденствие длилось недолго...

— Был у нас в команде Сурен Ц., — рассказывает Виктор. — Боксером его можно было назвать с большой натяжкой, поскольку занимался он только своим мелким бизнесом: покупал и перепродавал. Сурен уже года четыре жил в ГДР, мог объясняться по-немецки и неплохо ориентировался в «коммерции».

Я не собирался давить на него: пусть живет, тем более что через год он должен был уехать.

К сожалению, успехи в бизнесе пробудили в душе Сурена дремавшие до поры до времени страсти. Мы узнавали об этом из полицей-

ских протоколов: тогда-то он напился, а тогда-то ударил в баре девушку... Меня же после таких выступлений Сурена вызвали на партсобрание и грозили всевозможными карами «за упущения в воспитательной работе».

Я не раз предупреждал Сурена Ц., что так продолжаться больше не может: «Раз не хочешь боксировать, то хоть не мешай нам». Но он уже не мог остановиться.

Когда же я, как того требовала субординация, доложил начфизу, что хочу отчислить Сурена Ц., он приказным тоном сказал мне: «Он останется у тебя».

Я знал, что Сурен оказывает Тушаковскому коммерческие услуги, но отступать не стал и написал рапорт командиру дивизии. Об этом узнал начфиз, вызвал меня к себе и предупредил, что меня ждут большие неприятности.

Вскоре я на несколько дней уехал в командировку, а тем временем к моей жене зашел Сурен якобы с поручением от меня.

Он принес фарфоровую статуэтку и сказал, что вот, дескать, Витя купил ее в последний момент, не успел занести домой и попросил его, Сурена, сделать это.

Вернувшись, я сразу же обратил внимание на статуэтку и спросил у жены: «Откуда это у нас?» — «Сурен принес. Сказал, что ты купил...»

Я подумал, что таким образом Сурен дал мне взятку, чтобы я оставил его в покое, однако оказалось, что он с чьей-то подачи сделал более хитрый ход.

На первой же тренировке я сказал ребятам: «Как только увидите Сурена, передайте ему, чтобы зашел ко мне и забрал свою статуэтку».

Но Сурена (он спешно уехал в Союз сдавать институтские экзамены) я так и не дождался. Вместо него пришли другие.

...Ночью — часа в три, — продолжает Виктор, — раздался стук в дверь. Спросонок я не мог понять: почему стучат? Ведь есть звонок. Открываю дверь, вижу — солдаты, а впереди — капитан. Прочитали мне какое-то постановление, ввалились в квартиру, вклучили свет и начали обыск.

Проснулась и заплакала дочка. Капитан уперся взглядом в ее сережки: «Снять!»

Я пытался узнать, что произошло, но на все вопросы мне отвечали: «Помолчите!» и «Отойдите!»

Навсегда запомнил глаза капитана, который руководил «операцией», — пустые и в то же время радостные. «Ну что? — читал я в них. — Сейчас мы вывернем тебя наизнанку. Понял, кто мы и кто ты, ничтожество?»

Когда в сопровождении солдата он вышел на площадку покурить, я в очередной раз спросил его: «В чем меня обвиняют? Что за статья?» «Сложная у тебя статья, — с удовольствием затягиваясь, сказал капитан, — от восьми до пятнадцати и выше. Но я думаю, что тебя не расстреляют».

Во время следствия я узнал, что Сурен Ц. написал в особый отдел, что, мол, старший тренер Рыбаков спекулянт и взяточник и поэтому он, Сурен Ц., вынужден был подарить Рыбакову фарфоровую статуэтку (всадник верхом на лошади) стоимостью в столько-то марок.

Выяснил я и другое: письмо было готово за несколько дней до того, как Сурен принес моей жене эту злосчастную статуэтку.

Следователь дал мне возможность встретиться с моим обвинителем. Я задавал Сурену вопросы, на большинство из которых он не мог ответить. Тогда он стремительно «забывал» русский язык и начинал говорить по-армянски.

На суде Сурена не было... Дока-

зать, что подарок Сурена Ц. — взятка, обвинение не смогло, поскольку подопечные Рыбакова подтвердили: он действительно просил их передать Сурену Ц., чтобы тот забрал свою статуэтку.

Тогда Рыбакову припомнили еще одно прегрешение. Как-то один из боксеров, служивших в ГДР, пригласил старшего тренера в ресторан и завел разговор о том, чтобы ему продлили контракт. Рыбаков дал согласие. На суде ужин в ресторане был расценен как «подношение». В итоге по обвинению в спекуляции в особо крупных размерах и получении взятки он получил 6 лет лишения свободы с конфискацией имущества и с отбыванием наказания в исправительно-трудовой колонии (ИТК) усиленного режима.

— Когда после более чем полугодового следствия мы в «столыпине» (так называют вагон, в котором перевозят заключенных) ехали в колонию (она находится в Белоруссии, под Оршей), — рассказывает Виктор, — солдаты-охранники приходили поглазеть на меня, словно на зверя в клетке. Я попросил одного: «Дай водички попить». — «Не дам!» — «Почему?» — «А кем ты был на свободе?» — «Спортсменом, офицером». — «И хорошо жил?» — «Не жаловался». — «И за границу ездил? В Америку?» — «Ездил». — «И все у тебя было: семья, квартира, машина?» — «Было». — «А у меня нет. Понял? Так что сиди здесь и мучайся».

«Просящему дай и от хотящего занять у тебя не отвращайся», — сказано в Евангелии. Несмотря на многовековую христианскую историю, у нас мало кто знаком с Новым Заветом. Однако чуть ли не все почему-то убеждены, что евангельские моральные принципы, преломленные в русской литерату-

ре, прежде всего в творениях Льва Толстого и Достоевского, тем не менее вошли в плоть и кровь народа. Однако охранники не читают ни Толстого, ни Достоевского, как, впрочем, и большинство их сверстников, убежденных, что одного слова «перестройка» достаточно, чтобы заполнить любой вакуум культуры.

ЗА КУСОК КОЛБАСЫ, ЗА ПАЧКУ СИГАРЕТ...

— Когда мы ехали в лагерь, — вспоминает Виктор, — в «воронке» среди других осужденных был молодой, очень живой и энергичный парень. Всю дорогу он говорил, что, дескать, знает порядки и сумеет постоять за себя.

Месяца через два я снова встретил его.

Он молча шел в толпе, одетый в грязное тряпье. Один глаз у него был то ли выбит, то ли выколот.

А еще через месяц я заметил его в группе «петухов», молодых парней, которых изнасиловали, а потом заставили смириться со всем. «Опустили», как говорят в лагере.

На любительском ринге Виктор Рыбаков провел 219 боев, в 203 победил. Годы, отданные боксу, добавили твердости его и без того жесткому характеру.

И это пригодились ему в колонии, где, как это обычно бывает, верховодили осужденные за убийства, насилия, грабеж...

— Это люди физически сильные, — говорит Виктор, — и одновременно лишенные всего человеческого, за кусок колбасы или пачку сигарет готовы продать любого. Именно они были первыми помощниками администрации и, терроризируя остальных осужден-

ных, поддерживали в лагере «дисциплину и порядок».

Я видел, как они били «провинившегося». Тяжеленными табуретами — и те разлетались в щепки.

Уголовная «служба информации» сработала задолго до того, как Виктор прибыл в колонию. Поэтому здешние «лидеры» заранее подготовились к встрече с ним. Сначала оказывали ему покровительство, рассчитывая, что, приручив Рыбакова, смогут по своей указке заставить его кулаками выбивать «непослушание» из других осужденных, затем стали вымогать деньги. Когда же поняли, что дойной коровы из него не получится, начали провоцировать Виктора на драки, чтобы расправиться с ним руками начальства.

Преследования особенно усилились, когда Рыбакову уменьшили срок на два года (обвинение во взятке сняли), и он обратился к руководству колонии с просьбой отправить его на стройки народного хозяйства — «на химию».

...Я не был в той колонии, в которой Рыбаков провел около двух лет. Однако видел, как живут в другом «исправительно-трудовом учреждении» за колючей проволокой. И не мог отделаться от мысли, что нахожусь в пространстве, где деформируется все нормальное в человеке.

«А вы здесь за что?» — спросил я у первого встречного, тащившего бетонную плиту. «За убийство, конечно». — «А кого убил? Как?» — «Жену, ножом. По пьянке. Но мог бы и кулаком», — добавил он, уверенный, что если бы догадался не применять «специальное орудие убийства», то его вообще не за что было бы судить...

А рядом, в оранжерее, построенной на территории ИТК, начальник колонии показывал мне выра-

ценные здесь, за Полярным кругом, фантастической красоты розы. Но в соседстве с колючей проволокой, «простреливаемым коридором» и штрафными изоляторами эти розы вовсе не были символом прекрасной человеческой мечты. Это был расцвет сумасшествия, ежедневно подпитываемый необходимым количеством света, тепла и удобрений.

Когда мы уезжали, офицер-оперативник сказал: «Уголовники влияют на нас сильнее, чем мы на них. Все, кто служит здесь более десяти лет, по-моему, сходят с ума...»

Уголовники подначивали Рыбакова очень умело: все роли у них были давным-давно распределены, приемы отработаны.

И однажды Виктор не выдержал и нокаутировал того, кто больше всех усердствовал в травле.

Этим ударом он, казалось, уничтожил все, что строил почти два года. Это был конец, продление срока, торжество лагерной мафии. И все же судьба спасла его, сохранив в нем способность действовать безрасчетно, защищая свою честь, свое достоинство...

— В бешенстве, не думая ни о чем, я влетел в кабинет начальника колонии, — рассказывает Виктор. — Хорошо, что в тот момент, кроме нас, там никого не было.

«У вас будет несчастье, — сказал я. — Кого-нибудь я здесь обязательно прибую. Я старался жить, соблюдая все правила. Но меня провоцируют ваши «друзья». Я вас предупредил. А там поступайте как знаете...»

Продолжения этой истории не последовало. Видимо, начальник решил придержать своих «активистов». А потом состоялся еще один суд, и Виктора направили «на химию» — в поселок Руба, под

Витебском, где он должен был работать строителем.

И БОКС, И АЗРОБИКА...

— Самое страшное — это подневольный труд, — говорит Виктор. — Я, например, никогда не стану ни каменщиком, ни маляром. Для меня такая работа — каторга, потому что это не мое; я, Виктор Рыбаков, должен заниматься своим делом — боксом...

Разве кто-нибудь проиграет, если он организует секцию бокса для ребятишек здешнего поселка? Но к кому обратиться с таким предложением? Виктору казалось, что лучше всего — к одному из заместителей начальника спецкомендатуры, старому уже человеку, более мягкому на вид, чем другие. Но, как известно, внешность бывает обманчива.

— В одно из воскресений, — рассказывает Рыбаков, — мы, трое осужденных, сидели в своей комнате и смотрели «Утреннюю почту»: выступала Жанна Агузарова. И в это время к нам вошел тот самый майор. Послушал, послушал, а потом говорит: «Таких, как она, надо в дурдом отправлять...»

И здесь я взорвался. «Правильно, — говорю. — Только туда надо отправить еще и тех, кто выпустил ее на телевидение, членов жюри всех конкурсов, где она побеждала, музыкантов, которые с ней выступают, композиторов и поэтов, которые сочиняют для нее песни. И зрителей, которым она нравится. И только вас оставить на свободе».

Он посмотрел на меня: «Ишь ты, как заговорил...»

После этого мне без всяких объяснений было запрещено по воскресеньям выходить в поселок. А когда я заикнулся о том, чтобы организовать секцию бокса, мне сказали: «Да ты понимаешь,

о чем говоришь? Ты — осужденный! Делай, что тебе велят, и помалкивай!»

Тогда я пошел в обход. Прорвался на прием к генеральному директору стройки и сказал: «Я такой-то и такой-то, нахожусь там-то и там-то. Могу сделать то-то и то-то, потому что я специалист высокой квалификации. В спортивном зале от меня будет гораздо больше пользы, чем в рабочей бригаде».

Через несколько дней из соответствующего Управления МВД в спецкомендатуру пришло распоряжение: разрешить осужденному Виктору Рыбакову организовать спортивную секцию.

— Вскоре вся Руба повалила ко мне, — вспоминает Виктор, — и мальчики и девочки: я открыл еще и секцию азробики. В зале был магнитофон: занятия шли под музыку. Я придумывал новые упражнения, играл с детьми в футбол и баскетбол, выполнял комбинации с лентой, булавами и обручем... А потом устроил соревнования по боксу. Все было, как в настоящих турнирах — скрип канифоли под боксерками, гонг, судьи в белых костюмах и черных бабочках... Ко мне приезжал чемпион Игр в Сеуле Вячеслав Яновский. Мы чувствовали, что он еще не отошел от олимпийского боксерского турнира, и потому всех нас — и моих воспитанников, и меня — тянуло к нему...

Американский репортер, написавший о Рыбакове в «Майами геральд», заметил, что тот напоминает актера Чарльза Бронсона.

По-моему, так оно и есть, причем сходство между ними не только внешнее: Рыбакову всегда был присущ внутренний артистизм. Поэтому-то, рассказывая о турнире в Рубе, он сделал акцент именно на тех деталях, которые и создают неповторимую атмосферу на спортивных подмостках.

Более полугода проработал Рыбаков в Рубе. А потом его освободили. Условно-досрочно.

...МНЕ ВСЕГДА НЕ ХВАТАЛО СЕМЬИ

— Когда я вернулся в Москву, — вспоминает Виктор, — у меня не было ничего. Дома тоже что-то не ладилось. Я ушел и поселился в какой-то клетушке в коммунальной квартире, где было еще десять семей.

Безнадежно было с пропиской, с работой. А я не могу изо дня в день терпеливо кланяться: помогите, пожалуйста... Позвонил одному, другому — чувствую: никому мои звонки не нужны...

Был один момент. Выпил я. И целый час просидел, обхватив голову руками и глядя в стол. Я вспоминал друзей, которые в такой же «стартовой позе» начинали свой путь в пропасть, а среди них были классные мастера, в том числе и чемпионы мира. И дал себе слово не пить. Ни капли.

Он уехал в город Долгопрудный под Москвой. Там в конце концов Рыбакова взяли детским тренером в общество «Трудовые резервы». Потом он стал заниматься с кооператорами, с теми, кто хотел овладеть азами бокса, что называется, для себя.

— Постепенно все стало у меня налаживаться, — продолжает Виктор. — Мне уже не стыдно было появляться на людях, среди прежних знакомых... Мы помирились с женой, и я вернулся домой. Поступить иначе я не мог: я ведь детдомовский, и мне всегда не хватало семьи.

КАНДИДАТ В «ПРОФИ»

Ему все время снился один и тот же сон: его выводят на ринг,

а он пытается задержаться и объяснить, что уже все забыл, все растерял... А ему отвечают: «Ничего страшного. Поиграешь, подвигаешься и вспомнишь...»

Этот сон в скором времени стал явью. Рыбакова разыскал его первый тренер Борис Саулович Гитман, который в 1979 году уехал в Канаду и организовал там боксерскую фирму «Спорт девелопмент интернэшнл».

В свое время тренер из Магадана Борис Гитман воспитал знаменитого советского тяжеловеса Игоря Высоцкого (в его активе победа над феноменальным кубинцем Теофило Стивенсоном), абсолютного чемпиона СССР Вячеслава Яковлева, чемпиона СССР Валерия Удовика (первый средний вес) и других известных боксеров. После отъезда из СССР Гитман, в частности, готовил к Сеульской Олимпиаде команду Южной Кореи.

Гитман заключил соглашение с объединением «Спортконцерт» Госкомспорта СССР, и осенью 1988 года несколько советских боксеров, в том числе и Виктор Рыбаков, приступили в подмосковном городе Химки к тренировкам, чтобы затем попытаться счастья за океаном.

— Не думаю, что Борис Саулович возлагал на меня большие надежды, — говорит Рыбаков. — Я восемь лет не выходил на ринг и, конечно, понимал, что моя попытка подготовиться к дебюту среди профессионалов выглядит сомнительно. Вероятнее всего, Гитман хотел лишь по-человечески помочь мне, но так, чтобы это не бросалось в глаза и я не чувствовал бы себя слишком обязанным ему за поддержку. А для этого я должен был приехать в Канаду спортсменом, а не гостем.

В декабре 1988 года группа советских боксеров вылетела в Ка-

наду, в Торонто. Гитман снял для них двухэтажный дом.

— Мы жили, словно в маленькой гостинице с «домашним» рестораном и отличной сауной, — рассказывает Виктор. — Потренировались несколько недель, пока Гитман и близко не подпускал нас к профессионалам, и вдруг один из наших боксеров подходит ко мне и говорит: «А тебе не кажется, что у нас все как-то не так?» — «Что же тебе не нравится? Что «не так»?» — «Да вот, понимаешь, мы только тренируемся, завтракаем, обедаем да ужинаем... Нет-нет, все очень вкусно. Но чего-то здесь все же не хватает...»

Мне не пришлось долго его пытываться, чтобы выяснить: по его представлениям, жизнь профессионала (а он уже привык считать себя «профи») — это шоу, варьете, стриптизы и еще черт знает что...

«Мы слишком много тренируемся, — объяснял он мне, — и почти совсем не развлекаемся...»

Это, кстати, не соответствовало истине — иногда мы бывали и на хоккее, и на баскетболе, и в столь милом его сердцу варьете.

Я ответил ему не очень дипломатично: «Послушай, а кто ты такой? Теофило Стивенсон? Майк Тайсон? Ты только что закончил боксировать в любителях и работал мастером в ПТУ. Сколько ты зарабатывал?» — «180 рублей». — «А где жил?» — «В общежитии». — «А теперь походи, взгляни на свои чемоданы. Ты только приехал, не провел ни одного боя, а тебе уже заплатили одну тысячу долларов, другую... За что?»

На такой вопрос он не смог ответить.

«Дай Бог, — говорю, — чтобы тебе и дальше платили. Но иногда все-таки вспоминай: ты приехал сюда работать. И дело свое должен делать на совесть».

Мои слова вроде бы подействовали на него. Он неплохо подготовился к соревнованиям. Но американские медики после двухчасового обследования в барокамере (до этого я и не предполагал, что возможен столь глубокий медицинский контроль) не допустили его к бою. И он вместе с еще одним нашим спортсменом, не прошедшим этого испытания, получил обещанные деньги и с набитыми чемоданами отправился домой.

СТРЕЛЬБИЩЕ В МЫТИЩАХ И ПЕРЕВАЛ САЛАНГ

— Лишь через месяц после приезда в Канаду мы стали посещать залы, где тренировались профессионалы, через два — драться с ними, — рассказывает Рыбаков. — И только после этого Гитман начал подпускать нас к сильнейшим — в Торонто, в Нью-Йорке и в Майами. Таким образом подводил нас к встречам с ними постепенно и бережно, а вовсе не сразу бросил в пекло.

Любительский бокс — это, если так можно сказать, военные учения, а профессиональный — настоящая война, — продолжает он. — Для любителя выйти в первый раз против профессионала означает, на мой взгляд, примерно то же, что для отличника боевой и политической подготовки перебраться вдруг с обычного стрельбища где-нибудь в подмосковных Мытищах на перевал Саланг в Афганистане в разгар боевых действий.

Любители обычно долго разминаются, потом разучивают те или иные приемы, предварительно договорившись друг с другом, кто и что будет делать.

У профессионалов этого нет.

У них очень короткая разминка, после чего начинается вольный бой, который может длиться 12, 15, а то и 20 раундов. Этим мастерам незачем постоянно возвращаться к «школе»: ведь все они в свое время были великолепными любителями, и классические комбинации у них в крови. А тренерские задания они отрабатывают в жестком спарринге, ничуть не заботясь об удобствах и безопасности партнера.

Когда-то мне было не так уж сложно боксировать с европейцами, потому что я почти всегда знал, что сделает мой противник: технический и тактический репертуар у большинства европейских боксеров не слишком обширен. Ближний бой европейцы не жалуют, а вот американцы действуют здесь с поражающей изобретательностью.

Когда мы начали спарринговать с сильнейшими, я в ближнем бою проводил серию за серией. В пустоту. Ну, скажем, пробиваю 15—20 ударов — в голову, в корпус, куда только можно. Бью очень быстро, но все они где-то вязнут.

И вдруг получаю в ответ один удар, но такой болезненный... И, естественно, сразу же отступаю: все, мол, хорошо. Спасибо, извините... А сейчас я немного подвигаюсь, приду в себя, соображу, что к чему.

Чтобы боксировать с «профи», необходима физическая мощь.

Поэтому, кстати, в Канаде и в Америке мы очень много работали на тренажерах.

ШУТНИК ФРЕДДИ

За океаном Виктор Рыбаков быстро изменил свою манеру. И эта его способность схватывать новые движения и «влезать в чужой костюм», словно в свой собствен-

ный, говорит, как мне кажется, не столько о даре подражания, сколько опять-таки о свойственном Рыбакову артистизме, который предполагает и умение, перевоплотившись в партнера, почувствовать его изнутри.

Вот что Виктор сам рассказывает об этом:

— Помню, в Майами мы первый раз вошли в зал, где тренируются звезды. На ринге двое в масках. Дерутся жестко, четко, ну, классно. И чемпион мира Юрий Александров (он тоже был в нашей группе) спрашивает меня: «Как ты думаешь, в каком они весе?»

Я говорю: «Наверное, в среднем (до 71 кг)». — «Нет, в твоём — в 139 фунтов (около 63 кг)».

Отсюда можно понять, насколько они были сильны физически.

Одного из них звали Фредди. Он первый претендент на бой с чемпионом мира в этой категории. И я, пока мы в течение 3—4 дней занимались в этом зале, естественно, держался от него подальше. Но вот однажды Гитман показывает мне взглядом на Фредди: «Сегодня боксируешь с ним».

Я отвечаю, что, мол, особенно не рвусь, но если это необходимо, попробую.

Мы должны были провести четырехраундовый спарринг. Вышли на ринг, и Фредди начал не столько боксировать, сколько издеваться надо мной. Я стараюсь уклониться и ударить, а он поймает мою голову, прижмет и хохочет. Потом повернется спиной ко мне и начинает шутить с кем-то из зрителей — обычно на этих тренировках собиралось множество любителей бокса, — а заодно невзначай дернет меня за ногу так, что я чуть не теряю равновесие. Оказались мы у канатов — он отвернулся от меня и выполняет меж-

ду ними нырки. Словом, делает все, что хочет. Я же, казалось бы, боксирую очень технично, по-европейски грамотно, но все время попадаю впросак и чувствую, что выгляжу совершенным идиотом.

Едва начался третий раунд, Гитман остановил нас: «Стоп! Хватит».

Мне было страшно неловко. Фредди не снисходил даже до того, чтобы нанести мне настоящий удар. Он лишь развлекался, играя со мной в кошки-мышки...

Но вот прошло еще два дня, и Гитман опять говорит: «Вперед. С Фредди».

На этот раз я действовал совершенно иначе. За это время я столько думал о том поединке, что все-таки проник в суть стиля Фредди. И у меня вдруг прорезались те же приемы, что и у него. Я стал предугадывать, что он предпримет в следующее мгновение. Вот он пытается повернуться в сторону, а я уже жду его там, придерживая за плечо; хочет повернуться спиной ко мне — я успеваю дать ему пинка коленом... Вот тогда я почувствовал себя в своей тарелке. Мы начали боксировать очень жестко и бить по настоящему. Он пытается, как раньше, улыбаться, шутить с залом, а я провожу многоударную серию — та-та-та-та-та! — и все проходит! В зале — хохот... Краем глаза поглядываю на Гитмана и вижу: он одобрительно кивает мне...

Потом мы пошли с моим тренером обедать, и я спросил его: «Ну как? Каким я был в этот раз?»

А он говорит: «Знаешь, Витя, а ведь ты обезьяна. Тебе нужно только раз что-нибудь увидеть, и ты уже повторяешь маневр твоего партнера...»

ДЕБЮТ

НА ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ АРЕНЕ

Иногда мне кажется, что много лет назад судьба подслушала, как Виктор Рыбаков признался, что, кроме спорта, больше всего любит драматический театр, и потому решила попробовать его на своей сцене, в самых разных социальных ролях, прежде чем доверить ту, о которой он всегда мечтал.

И только тогда, когда Рыбаков доказал: он готов к любому сверхнапряжению ради дебюта на профессиональной арене, судьба вывела его на тот единственный квадратик пространства в Майами, ограниченный канатами, где все должно было решиться, и, отступив в сторону, словно бы пригласила: «Давай. Теперь все зависит только от тебя самого...»

— Меня переполняли эмоции, — рассказывает Рыбаков. — Я добился своего, я вышел на ринг! Без майки — я профессионал!

В зале — шикарная публика, запах сигарет... И это еще одно напоминание, что я участвую в матче «профи».

Перед боем нам бинтуют руки, надевают перчатки, ставят на них штамп.

У меня рука довольно тяжелая. Но когда я почувствовал на ней перчатку, сделанную из какой-то невесомой, фантастически мягкой кожи, рука стала легче. Я ударил в «стенку» и говорю Юре Александрову, который тоже разминался в этом зале: «Мне кажется, такой перчаткой я могу проломить эту «стенку» насквозь». — «У твоего соперника — такие же перчатки. А что если он попадет тебе в голову?»

Он? Мне? Я даже мысленно не мог допустить этого.

...Бой начнется только через 15—20 секунд, а я уже прыгаю

в своем углу. Нет, это не жажда крови. Это желание показать себя и доставить радость зрителям. Я хочу, чтобы все эти люди, которые курят дорогие сигары и швыряют деньги, развлекая своих спутниц, аплодировали мне, чтобы они кричали: «Да здравствует Рыбаков!»

Когда я шел к центру ринга, то чувствовал каждый свой нерв, каждую мышцу. По моим ощущениям мне в те минуты никак не могло быть больше двадцати лет...

Ну а потом, когда мы с Дионом Стюартом сошлись в центре ринга, я забыл обо всем. Мой противник — чернокожий, высокий, мощный. Он намного моложе меня и уже выиграл здесь несколько боев нокаутом. Смотрю, как обычно, ему в глаза. Ну, красивые они у него... Но мне до этого нет никакого дела. Он говорит мне что-то по-английски. Что именно — понятно: я, дескать, сейчас убью тебя и так далее.

Но вот бой начался... Не прошло и минуты, а я уже почувствовал себя этойкой кошкой. Подкрадываюсь к Диону, он бьет, не может попасть, а я думаю: вот она, моя победа... Вот она. У меня только одна мысль: надо выиграть наиболее эффектным образом...

Не помню, чтобы я когда-нибудь был в такой форме. И когда наносил удар, знал: я безукоризненно заворачиваю кулак, как того требуют каноны бокса, и попадаю с абсолютной точностью.

Он пробил раз-два и не достал. А я в это мгновение уже знал: ты мой, сейчас я тебя съем. И начал потихонечку есть. Во втором раунде попал левым сбоку — он болтанулся, я побежал добивать — он меня схватил, упал. Пока встал — очухался.

В третьем раунде я опять попал

в голову — он снова в нокадауне. Встал. В четвертом — я дважды попал ему в печень — он упал. Затем провел комбинацию — в голову и в печень. Он рухнул и больше не мог подняться...

КАРНАВАЛ В МАЙАМИ И ПРАЗДНИКИ В МАГАДАНЕ

Сейчас Виктору кажется, что в полосу успеха он попал, едва самолет приземлился в Майами.

— Как только мы вышли из аэропорта, — рассказывает он, — меня сразу же поразил чистый-чистый воздух... Им было невозможно надыхаться. А когда оказались на улице, нас ослепили своей расцветкой множество попугаев, больших и маленьких, окрашенных во все мыслимые и немыслимые цвета. Совсем рядом на пальме, очень низко, сидел здоровенный попугай, наверное, не меньше метра в длину. И как-то странно орал. Среди нас был один большой знаток этих птиц. Он приподнял попугая крыло и стал под ним чесать. Попугай зажмурил глаза и даже высунул язык от удовольствия. Я подошел с другой стороны и тоже принялся его улаживать. Попугай заурчал от счастья. Когда же мы попытались уйти, он так возмущенно закричал, что нам пришлось еще немного задержаться.

На следующий день мы отправились на пляж. Идешь по берегу Атлантического океана, а вокруг тебя нескончаемое карнавальное шествие. Какие-то неправдоподобные красавицы и красавцы, вслед за ними неспешно движется шикарный «роллс-ройс», за рулем которого — толстяк в мексиканском сомбреро, а вслед за ним едет старинный экипаж. Кучер — в черном смокинге и в белых перчатках, а лошади стерильно-белые, под цвет перчаток.

И если ты случайно встретишься с кем-то взглядом, тебе обязательно улыбнется, да так, что и тебе захочется улыбнуться в ответ...

Карнавал на атлантическом пляже. Это, конечно, вполне подходящая сцена для финала. Если бы только Виктор Рыбаков не вырос в Магадане и не жил в Москве. Поэтому с каждодневным карнавалом в Майами в сознании Рыбакова связаны другие праздники, те, что проходили Первого мая в Магадане, когда он учился в первых классах школы-интерната.

— Кому-то может показаться смешной такая параллель, — говорит Виктор. — Но я очень любил те торжества, может быть, потому, что других у нас не было. Мы с ребятами всегда бегали посмотреть на парад — тогда везде были парады. А потом демонстрация. Люди идут с воздушными шарами, с транспарантами, веселые, возбужденные. И почти все под хмельком... Для меня это был карнавал, хотя тогда я не знал даже такого слова. Я сидел на заборе и чувствовал себя счастливым.

Магадан. Я там был своим. Как-то, когда уже был известным спортсменом, сломал руку, так на улице ко мне подходили незнакомые люди и предлагали кто деньги, кто спирт... Таксисты почти всегда узнавали меня и не брали денег.

ВЖИВАЯСЬ В ДРУГИЕ РОЛИ

С блеском сыграв свою роль в Майами, Виктор Рыбаков уже начал вживаться в другие.

— Я получил лицензию профессионального боксера, — говорит он, — и, видимо, мог бы вы-

ступать еще. Но вряд ли мне удалось бы еще раз пережить такую же радость, как в бою с Дионом Стюартом. Если бы передо мной впереди была бы почти недостижимая цель — стать чемпионом мира, она, наверное, потянула бы меня с такой силой, что я не смог бы ей сопротивляться. Но эта цель действительно недостижима для меня без всяких «почти».

Я не тяжеловес, обладающий уникальными физическими данными. Поэтому не могу надеяться, что смогу всякий раз решать исход боя несколькими сокрушительными атаками, сея при этом в противнике панику собственной нечувствительностью к ударам.

Я обычный человек. И, чтобы побеждать, должен находиться в высочайшей боевой готовности. А для этого в моем возрасте нужно очень много тренироваться. Сколько я продержался бы в таком режиме? Не могу точно сказать. Но мне, без сомнения, не хватило бы времени подняться на верхний этаж профессионального бокса...

Гитман прекрасно понимал это. Но он не стал обсуждать со мной проблемы будущего. Борис Саулович поступил иначе: предложил мне работу в своей фирме, и теперь я у него тренер-селекционер — ищу талантливых ребят в нашей стране, таких, которые сумеют сделать себе имя на профессиональном ринге.

Я слушал Виктора и думал, что схема, которой я невольно придерживался, рассказывая о нем, — преступление плюс наказание равняется награде, выраженной в некой круглой сумме американских долларов, — не очень-то верна. Потому что любая награда — это какой-то итог, требующий остановки, хотя бы для того, чтобы осознать его. Но такие люди, как Рыбаков, не стремятся, материализо-

вав свои успехи, бережно опустить вещи-якоря в поток времени, чтобы, покачиваясь на его волнах, наслаждаться долгожданным покоем...

Перед Рыбаковым открылись и другие перспективы.

В ближайшее время при Союзе театральным деятелей РСФСР, вероятно, будет создана своего рода труппа боксеров-профессионалов. Ну, а поскольку люди театра чувствуют в Рыбакове родственную душу, то именно ему, по их мнению, следует поручить роль старшего тренера.

Таким образом, перестройка и гласность не только «смазали Рыбакову подметки для беспрепятственного перехода в профессионалы», как писала газета «Майами геральд». Они открыли ему и другие возможности для самовыражения, которые он наверняка сумеет использовать.

ЧИТАТЕЛЬ • «СМЕНА» • ЧИТАТЕЛЬ

Г Жизнь как жизнь?

Г Эксперимент №...

Г Меня задело письмо читательницы Г. К. Юшковой из Ижевска, особенно фраза «матерям-одиночкам предоставляются льготы...». Мы с Г. К. Юшковой живем в одном городе, и каких-то льгот, тем более в предоставлении жилплощади, я не ощущаю. Может быть, я еще мало по инстанциям побегала, но спасибо государству и за двадцать рублей пособия для ребенка, и за двенадцать рублей, получаемых на работе. Вот и все. Больше благодарить не за что. Чтобы эти пособия получить, писала прошения, именуемые всевозможных копий и справок. За 1989 год доход моей небольшой семьи составил в среднем двадцать четыре рубля на человека в месяц, в этом году и того меньше — шестнадцать.

Я работаю (точнее, числюсь на работе, так как за мной сохраняется рабочее место, пока я ухаживаю за ребенком) в ДОП-5 Горьковской железной дороге в резерве проводников. Путевку в ясли мне не дали. Весь свой денежный запас — полторы тысячи рублей — уже истратила. Рассчитывала-то я свои средства всего на полтора года, пока буду сидеть с малышом, а теперь живу на грани нищеты, на голодном пайке в прямом смысле слова. Знако-

мые отметили уже, что я поухадела, да и сын мой за последние десять месяцев не прибавил в весе. Пишу и плачу, слезы застилают глаза. Вот они, льготы. А когда я поступала на работу и в отделе кадров поинтересовалась, как обстоят дела с путевками в дошкольные учреждения, мне ответили, что мест в детских садах на всех хватает.

Заявление на квартиру у меня тоже не приняли, так как в семье норма — по пять метров на человека, а то, что живу в одной комнате со старшей сестрой (сестра тоже не может устроить свою личную жизнь из-за этого проклятого квартирного вопроса), брат живет в проходной, а разведенные родители — в одной комнате, это никого не волнует. Вот уже восемь лет мы не можем разменяться, так как живем на первом этаже в старом доме, построенном на бывших болотах. В этом году на стенах всюду цветет плесень. Никто в нашу квартиру ехать не хочет. Сестра уже заработала полиартрит, мой сын за полгода три раза болел бронхитом в тяжелой форме, у меня стал часто обостряться псориаз, болят суставы. Пришла к врачу-кожному, а он выписывает мне витамины по 4 рубля 80 копеек и мазь по 1 рублю 70 копеек за

тубик. Вот и думай, что делать: или лечиться витаминами, или купить продукты. Ездил на работу, выпросила материальную помощь тридцать рублей — еще раз спасибо родному профкому. Но эти деньги не спасут, потому что я почти все сразу истратила: купила сыну войлочные ботинки и талоны отоварила — на мясо, масло, сахар, стиральный порошок. Основная пища — второсортная лапша. Мне бы хоть одну «льготу» — ясли для ребенка, тогда бы я смогла на работу выйти да долги вернуть. Пыталась устроиться подрабатывать хотя бы уборщицей, нигде на полставки не берут.

Иногда кажется — все! Больше не смогу, не выдержат нервы: дома постоянные склоки, драки с пьяным отцом, неустроенность в жизни, голодание, болезни малыша. Но стоп! Беру себя в руки: у тебя сын — твой ангел-хранитель, твой спаситель, твоя живая кровинушка, твой родничок, из которого ты черпнешь силы для следующего дня. Пишу и плачу и прошу меня извинить за неровность почерка, потому что завтра новый день, день, полный неожиданностей. Я живу без всяких планов на жизнь, потому что нечего и не из чего планировать, впереди — неизвестность.

**АЛЕКСАНДРА БОГОМОЛОВА,
Ижевск**

Никогда не выписывал «Смену», но много о ней слышал. В прошлом году я журнал выписал и сейчас сожалею, что раньше этого не сделал.

Живу в Новосибирске, мне и моей жене уже за пятьдесят. Я получаю пенсию, жена еще нет. Сейчас настало для нас время, которое заставляет думать о старости, и думы эти очень тревожные.

Вот смотрю я на свою маму — ей уже 77 лет. Человек прожил такую страшную жизнь: голод, война и опять голод, работа, которая высасывала все жизненные соки, послевоенная разруха, которую надо было восстанавливать, — да все знают, как это было. А что в итоге? Большая и живет все в тех же ужасных условиях, даже еще хуже. Нет здоровья, чтобы с талонами бегать по пустым магазинам, стоять в многочасовых очередях. Вот и сидит, ждет, когда придет сын, который натаскает ей дров, воды, вытащит на помойку грязную воду, а потом схватит авоську, талоны и побежит по тому же кругу. Принесет порой пустую эту авоську и уедет домой. Потому что у сына тоже семья, те же нужды и хлопоты. Неужели и меня ожидает такая же старость?

Здоровье у нас плохое, а медицинской помощи никакой. Придешь к врачу, диагноз поставят, и иди работай, а если выпишут лекарство, то его нигде не купишь. Много я бы еще написал о своей житухе, да большинство и сами так же живут — знают. Возникает вопрос: до каких же пор будет продолжаться такая «жизнь»?

Кто бы ни стал у «руля» власти, сразу начинается новый эксперимент. Да что же мы — подопытные кролики? Говорят все много и красиво, а с каждым годом, с каждым месяцем живем все хуже и хуже.

Ну вот и все, что я хотел написать, излить свою душу.

**Ю. В. ШАЛЬКОВ,
Новосибирск**

Недавно сын моих знакомых совершил уголовное преступление. Сорвал меховую шапку с женщины «под угрозой ножа».

Нож был обычный, кухонный, и парень его взял специально как «отягчающее обстоятельство», побоявшись, что за одну шапку «мало дадут». Сделал он это, чтобы в армию не идти — панически боялся армии, начитавшись и наслушавшись о дедовщине. А тут еще сосед пригласил с оказией такое письмо... Он служит, ну и описал, что с ним проделывают по ночам. Так вот, парень и предпочел тюрьму армейской службе. Я тоже читала и слышала довольно много о том, как измываются «деды» над «молодыми». Душераздирающие истории! Сын матери описывает, брат — родным, сосед — соседу. Как там его... Но почему-то вот не слышно про то, как он потом других. Вы понимаете? Ведь каждый был поочередно «молодым» и «дедом». И если бы молодые, все перетерпел и памятуя, как им было больно, горько, стыдно, потом других не стали бы бить и унижать, то все на этом бы и кончилось. И не потребовалось бы никаких санкций, никаких специальных мер. Может, кто-нибудь по-честному расскажет, почему лично он бил, зачем. Из мести: «Раз меня так, то и я так»? Из-за того, чтоб не отстать от других и быть «не хуже»? Признавая тем самым уголовный эталон поведения, где жестокость в цене и насилие за героизм почитается. Или ему действительно приятно было бить, унижать другого, он первый год службы только и мечтал дожить, дорваться, насладиться? Пусть хоть один расскажет, чтоб легче было разобраться в природе явления, дойти до корней его.

Когда я читала об издевательствах над политзаключен-

ными, тоже думала о людях, которые это творили. Живут ведь они где-то. Среди нас живут. Где их набрали столько — таких? И хоть бы один написал воспоминания о том, почему, как он мог мучить людей. Чтобы открылся путь превращения человека в нечеловека, весь процесс расчеловечивания. Неужели им сейчас не тяжело, не больно, не страшно? Но теми, может стать, двигал страх. Страх очутиться на месте арестованных. А в армии? Никто не заставляет новых «дедов» быть такими же, как были прежние. Что это? Неизбежное превращение жертвы в палача? Неужели в каждом есть предпосылки для развития того и другого? Но даже если так, хоть это и ужасно, надо знать движущие «пружины». Я знаю, многие ребята перед армией учатся боевым искусствам, готовятся постоять за себя, обещают показать этим «дедами», даже клянутся в этом. Но почему же они в первый год службы не поклянутся себе и друг другу, что, став «дедом», руку не поднимут на первогодка, что не обидят, не унижат его никогда ни словом, ни делом? Очень хочется узнать мнение тех, кто служил и служит.

**Т. ЯКИМКИНА,
Куйбышев**

НИКОЛАЙ БЕРЕЗИН

Штурмовой

ФОТО ИГОРЯ ЯКОВЛЕВА

Ч то может быть общего между связкой баранок, «французской» рулеткой, матрешками и карнавальными масками?

Все это, оказывается, можно использовать для определения порядковых номеров участников очередных туров международного фестиваля песни «Ступень к Парнасу-90».

На борту речного трамвая, у иллюминаторов, за которыми плещется Москва-река, столики с угощением. На каждом — по самовару. Конкурсант выбирает столик, садится и ждет начала жеребьевки. А она уже проведена. Его номер — число баранок в связке, спрятанной под самоварной крышкой. Светлане Портнянкой, например, досталось семь баранок. Так и не поверив моим словам о волшебности цифры «семь», она стала победительницей первого отборочного тура. И надо же такому случиться — в финале ей снова досталось первое место, и выступала Светлана... седьмой! Именно этот номер оказался на маске, снятой певицей с рождественской елки в ресторане «Арлекино».

Такое оригинальное, театрализованное проведение жеребьевки делает честь организаторам фестиваля. (Главным его спонсором стал Московский молодежный театр эстрады Анатолия Иванова.) Есть надежда, что разнообразие коснется и видового ряда при показе фестивальных концертов.

Как не вспомнить телевизионные показы музыкальных ярмарок для деловых людей в рамках «Ступени к Парнасу-89», когда право участия в отборочном туре получали победители предварительного конкурса клипов. И демократичности больше, и зрелищности. Хорошо, что в этом убедились уже к третьему туру и на 16-

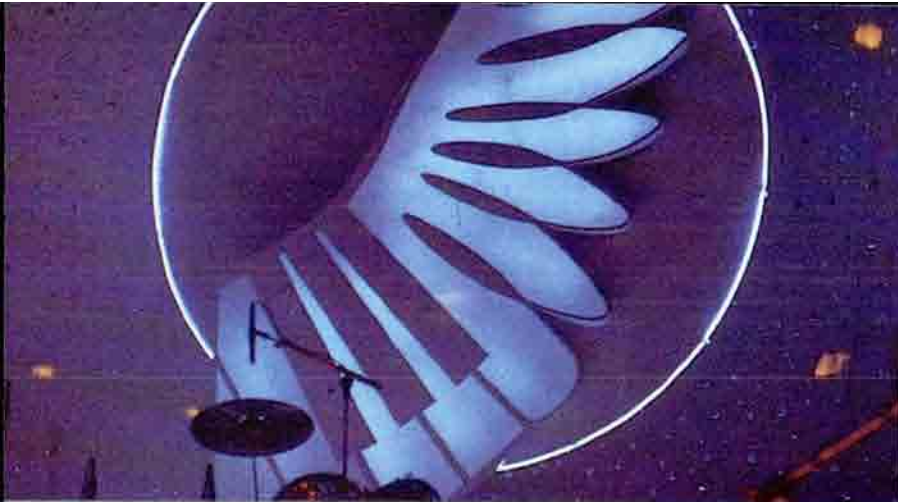
КАРОЛИН ВЕРДИ.
(Третья премия, Франция)

ГИНТАРЕ. (Лауреат
фестиваля. СССР)

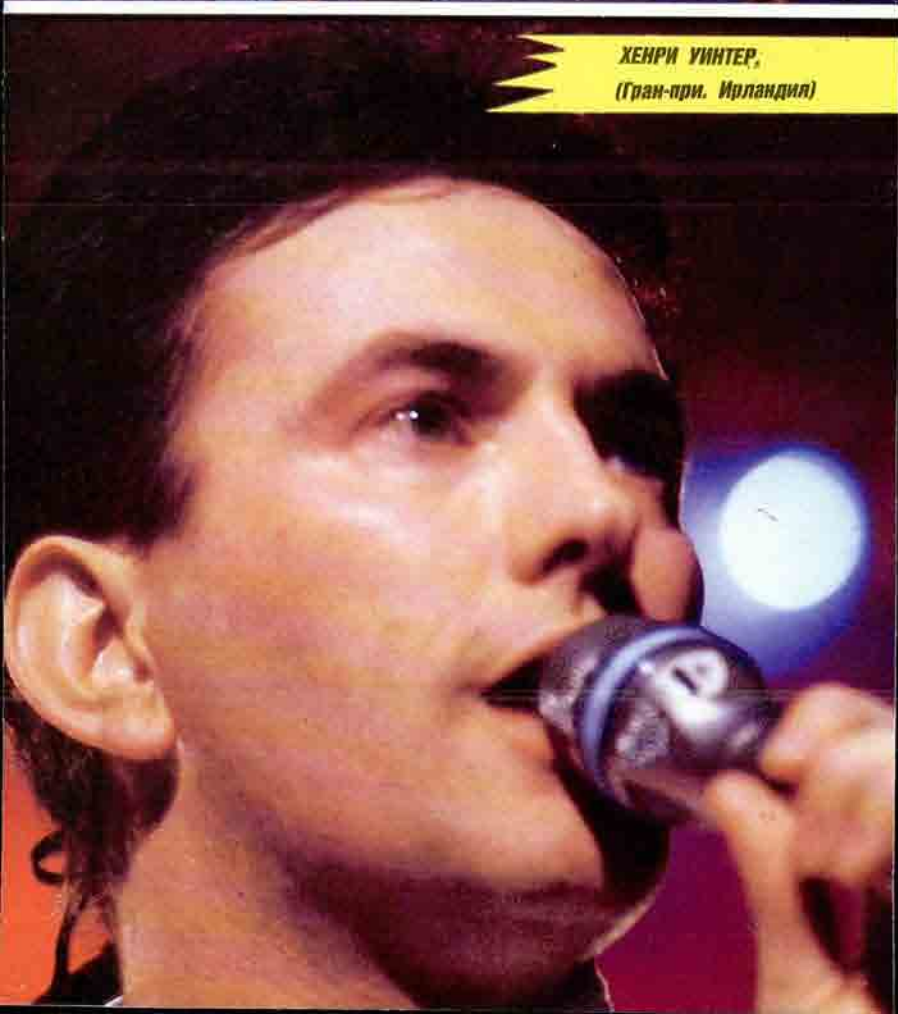

ГРУППА «В. СКОТТ и К°».
(Лауреаты фестиваля. Франция)

ХЕНРИ УИНТЕР,
(Гран-при, Ирландия)

ТРИО «ЭЛЛАЙЗ». (Вторая премия. Ирландия)

СВЕТЛАНА ПОРТНЯНСКАЯ. (Первая премия. СССР)

мониторном экране «приблизили» исполнителей к галерке. Продемонстрированный на мониторе ряд эффектов навел на мысль о еще не до конца использованном потенциале современной телетехники. Но то, что он есть в распоряжении хозяев фестиваля, радует!

Понятны связанные с проведением прежних ярмарок организационные трудности «родителей» и радетелей «Ступени к Парнасу», но все же жаль, что резко сократилось число претендентов на победу. И почему-то главным образом за счет представителей оригинальных направлений, что привело к усредненности жанра эстрадной песни на фестивальной сцене. Если всего несколько лет назад понятие «эстрадная песня» воспринималось как нечто непереносимо «кремлевское», а рок-музыка казалась донельзя прогрессивной, то в их противопоставлении еще был какой-то смысл. Скорее социальный, нежели музыкальный. А сейчас, когда «рок» практически растворился в коммерческой «попсе», представляется досадным стремление ограничить новый фестиваль песни рамками поп-и рок-музыки.

Заговорил об этом потому, что слышал высказывания членов международного жюри «Ступени к Парнасу» об отдельных конкурсантах, «жанрово выбивавшихся за фестивальные рамки». Да слава Богу, что были такие «выбивающиеся». И ведь не по мастерству, заметьте, а по жанру!

Кроме того, предельно урезанной оказалась и «квота» для отечественных исполнителей. Хотя это и не очень понятно, учитывая невысокую и безвалютную их оплату. Тем более что фестиваль создавался и для того, чтобы помочь нашим артистам выйти на международную эстраду. Участие в «Ступени к Парнасу» способство-

вало таким выходам «Тяжелого дня», «Агаты Кристи», Андрея Мисина...

А где же новые имена? Выясняется, что их практически нет. Наблюдая за заметным подъемом творческой планки фестиваля, становится очевидной разница в мастерстве среднего зарубежного и советского исполнителей. Она, увы, не в нашу пользу. Если на первом фестивале его лауреатами стали в основном советские артисты, то более высокий исполнительский уровень второго выявил преимущество иностранцев, число которых определялось умением.

Действительно, самому лучшему из зарубежных конкурсантов «Ступени к Парнасу-89» — болгарской группе «Спринт» — досталось лишь шестое место. Теперь же Гран-при у 29-летнего ирландского певца и композитора Хенри Уинтера, второе место заняли его соотечественники из трио «Эллаиз», на третьем — французженка Каролин Верди, разделившая с Хенри Уинтером и приз прессы.

Вторая «Ступень к Парнасу» действительно оказалась по исполнительскому уровню участников фестиваля выше первой. Как же должны будут выглядеть наши артисты на третьей? Неужели на сцену нового отборочного тура сумеет выйти лишь один в лучшем случае исполнитель от всех, пока еще союзных, республик?

И уж совсем было обидно, когда из двух вакансий для советских претендентов на «Хрустальное крыло» одна так и осталась свободной. Это произошло в силу непредсказуемости Жанны Агузаровой, собиравшейся выступить в конкурсной программе второго отборочного тура. На жеребьевке, проводившейся с помощью «французской рулетки» в казино «Москва», Жанна отсутствовала.

За нее «играла» неизменная ведущая фестиваля Татьяна Веденеева. На конкурсном концерте она объявила, что Жанна появится на сцене ГЦКЗ «Россия»... как гостя-звезда! Не хочу оспаривать право Жанны Агузаровой на «звездность», но осмелюсь утверждать, что достойнее было сразу же заявить об этом. Тогда в конкурсе мог бы принять участие другой советский исполнитель.

И еще о звездах. Традиция «Ступени к Парнасу» — приглашать таковых из зарубежья. Именно этот фестиваль открыл для советских любителей поп-музыки Патрисию Каас (Франция), ближе познакомил с Си Си Кейч (ФРГ), Брендой Рассел и Каролиной Мас (США). Из гостей третьего тура хочется отметить Памелу Миллер, еще одну исполнительницу из США, которую представил советской аудитории сам Майк Столлер, написавший музыку многих хитов Элвиса Пресли.

В отличие от своего предшественника прошлогодний фестиваль собрал на своей сцене и многих доморощенных «звезд». Восторженная публика помогла собрать урожай цветов и аплодисментов Владимиру Кузьмину с «Динамиком». Ах, как вдохновенно бежал он по залу, приветствуя своих поклонниц! Как прыгали на сцене его согруппники! И «звучать» при этом, разумеется, не прекращали. Знаете, почему? Потому что, пока публика готова довольствоваться одним лишь лицемерием своего кумира под фонограммный аккомпанемент, зачем им, спрашивается, напрягаться? Побережись нужно. Для слушателей более опытных, заграничных. Тем более что это было выступлением в телешоу. Да ведь и конкурсанты снимались в том же телешоу, и даже зарубежные звезды были, однако ра-

ботали «живую». Вот когда и у нас «фанерные» номера будут встречаться с недоумением, то они, кумиры, непременно перестанут имитировать «труды праведные». Тогда, кстати, настоящим безголосым, пусть даже и шаблонно смазливим, придется зарабатывать свой хлеб другим способом.

Телезрители между тем увидели в технической паузе после «магнитофонного» выступления «Динамика», как настраивались музыканты из английской группы «Снейскинз». Им удалось выйти в финал благодаря уверенности и энергии по-настоящему живого звука. Очень удачно, что такой звук требуется конкурсной программой фестиваля и от певцов, и от музыкантов. Кстати, именно по этой причине итальянская лауреатка третьего тура Манузэлла Вилла, категорически отказывающаяся выступать в музыкальных телепрограммах, сделала исключение для «Ступени к Парнасу».

Это участники конкурса. А звезды? Что до зарубежных, то Каролину Мас, к слову, сильно удивил мой вопрос о допустимости использования фонограммы. Петь так петь. И при этом на гитаре играть, а не держаться за нее.

Раз уж телевизионная программа ведет не просто павильонную съемку, а организует платный концерт, грех не подумать о тех, кто, желая насладиться концертным, а не студийным звучанием, способствует фестивальному аншлагам.

Вместе с этими аншлагами, наличием которых привычно оценивается популярность концертов, на успехи «Ступени к Парнасу» оказывает влияние возросшее количество спонсоров и рекламодателей от советских, зарубежных и совместных предприятий. Дело даже не в том, что передачи об этом фестивале многократно показываются ЦТ всему Советскому

Союзу, а по программе «Москва» — странам Европы, Латинской Америки и Африки с прямыми телетрансляциями на Финляндию, Канаду, Израиль. Обширна советская и зарубежная почта фестиваля — самый точный показатель роста популярности. Будем считать, что прошлогодние итоги фестиваля дали полное право его организаторам и участникам на новый сорт шампанского, названного «Ступень к Парнасу».

Предполагая, что к своему Парнасу стремятся не только поэты или, как оказалось, музыканты, но и сам фестиваль, можно с уверенностью утверждать, что он не замер на стартовой площадке и успешно преодолел вот уже вторую ступень. Следующая — выше!

АЛЕКСАНДР ИВАЩЕНКО

ПЕСНЯ.

ПТИЦЫ ПЕЮТ...

Рисунок ИГОРЯ ГОНЧАРУКА

крип. Скрип. Скрип.

Топ. Тарк. Тарк. Звяк. Бульк. Гррр... Шишшш... Ссссс... Светает.

Медленно. Постепенно приходит утро. Сумрачное. Ничего не предвещающее.

За стылými, серыми окнами осенняя серая морось. И чересполосица звуков. Но это там. А здесь...

На кровати — блеклый, иссушенный намек на прошлое. Не спится. Не думается. Вставать с постели не хочется. Не хочется есть. Не хочется пить. Ничего не хочется. Не хочется. Не хочется. Не хочется...

Тихий, осторожный стук в дверь. Отвечать не хочется. Все плывет перед глазами, постепенно окрашиваясь в ослепительно белый цвет. Что это? Весна, проникнувшая в этот ограниченный серыми стенами квартирный сумрак, или совсем наоборот?.. Зима? Снег?!

Снова стук в дверь. Громче. Настойчивей.

Белизна уходит, вновь превращаясь в серый реальный сумрак.

Может, и они уйдут. Хорошо бы. Никого не хочу. Лучше, когда одна. Совсем одна...

Скрипит ключ в дверном замке. Не ушли.

Тарк! Бульк... Тарк! Бульк...

Мяукнула входная дверь.

Шаги. Легкие. Осторожные.

Голос. Девчоночий. Спокойный, уверенный, не очень громкий.

— Ба, ты спишь? А?..

Молчание. Потом кому-то в коридоре, шепотом:

— А ты чего застрял там? Иди сюда. Смелее... Вот чудак, стесняется...

Опять с кем-то. Очередная романтическая история. Вся в маму. Господи, прости ей прегрешения ее... И мне тоже прости... слова мои... Может быть, несправедливые...

Другой голос — юношеский, смущенный. Тоже шепотом:

— Так ведь время вроде бы не очень того, чтобы с визитами являться. Ранковато вроде...

Почему — ранковато, а не рановато? Странно. Приезжий, что ли? Из глубинки... И чего ради она его с собой притащила? Ох, девка-девка, носит тебя...

А первый голос свое гнет:

— Ну, даешь! Ну, умора! Какие визиты? Мы бабулю проводить всего-навсего... Про-ве-дать! Здоровьем поинтересоваться и т. д. и т. п. Усек?

— Усек.

— А раз усек, сопи в две дырочки и делай, что я говорю. — Шаги мягко, осторожно удалились. Голос почти потерялся в сумеречном пространстве, но спустя мгновение возник снова. — А я тебе говорю: плащ сюда, обувь под вешалку, сумку в руках держи — понадобится, и за мной, за мной...

Две пары ног ступали осторожно, на ощупь. Топ... топ... топ... Половицы ответствовали — скрип... скрип... скрип...

— Старайся середины держаться. Здесь черт ногу сломит. Все никак руки не доходят порядок навести.

— Может, лучше свет зажечь?

— Ни в коем случае! Бабуля не любит. Идем, идем...

— Ой!

Что-то металлическое — не слишком объемное, но гулкое — опрокинулось, стукнулось, звякнуло, дробно зазвучало, катясь по полу. Должно быть, кофейник.

В коридоре заохали, зашипели, зашуршали, заволновались.

— У! Чтоб тебя!.. Неуклюжий какой!..

— Я не хотел... я нечаянно... — И руками по полу — шлеп, шлеп...

— Не хватало, чтоб специально... я б тебя тогда... — И тоже чуть дальше — шлеп, шлеп.

— Нашел! Вот...

— Давай. Осторожней ты...

— Извини.

— Вот-вот, только и знаешь — «извини... не хотел...» — Потом, несколько смягчившись: — Да нет же! Не так... не туда... Вот теперь правильно.

Снова что-то стукнуло, звякнуло — стихло.

— Ну что стоишь? Пошли.

В ответ — вздох, какое-то невнятное мычание, потом...

— Слушай, а может, я в другой раз? Неудобно как-то...

— Ну, даешь! Нашумел, навредил, а теперь ему неудобно, видите ли... Нет уж, дорогой мой, раз пришел — вперед!

И снова — шаги. Вот уже в дверном проеме возникли расплывчатые силуэты неожиданных гостей: сначала ее — легкий, почти прозрачный, затем его — неопределенно-громоздкий, едва различимый.

Она тихонько переступила порог.

— Ба! Ты спишь?

Молчание. Потом снова шепот.

— Видишь, спит она.

— Ну да. Как бы не так! Будет она спать после твоего тарарама. Это мы, понимать надо, характер демонстрируем. — Позвала громче, настойчивей: — Эй! Ты чего? Я же вижу, что не спишь...

Вот чертова девка! Липучка противная! Никак не хочет понять, что не до нее... не вовремя... не то чтоб беседовать — пошевелиться сил нет... и желания, кстати, тоже...

К самой кровати подошла.

— Здравствуй, ба...

Что с ней поделаешь? Не отцепится ведь.

— Здравствуй.

— Ну вот... Давно бы так. А то — молчишь, молчишь... Мало ли что подумать можно.

Наклонилась. Чмок в лоб. Ладонью руки коснулась. Погладила.

— Как ты тут? Ползаешь помаленьку? Ну и чудненько... Ну и молодцом... А я к тебе прямо с поезда. И, прости уж, не одна. Познакомься. Это Паша. Как говорится, тот самый. Я тебе про него рассказывала... перед поездкой... Помнишь? Подойди ближе, Паша. Вот сюда, здесь виднее...

Паша передвинулся, куда ему было велено. Преодолевая неловкость, откашлялся, поздоровался.

— Доброе утро.

— Доброе,— последовал сдержанный ответ.

За сдержанностью, как за забором крепким, намеревалась укрыться. Куда там! Укроешься от нее! В ухо самое ткнулась, шепчет... вопрошает...

— Как он тебе? Производит впечатление?

Ну что тут ответишь? Само собой. А что еще? Тем более, как тебе разъясняют, он ужасно стеснительный поначалу, зато потом... К счастью, тема эта тут же оставляется и начинается новая, затем другая... третья... четвертая...

— Моя бабуля... Самая замечательная из всех бабуль... Очень надеюсь, что вы подружитесь... Но это все потом, потом, потом... А пока — сядь, Паша. Сиди и слушай. А мы с бабулей парочкой слов перебросимся... Как-никак неделю не виделись.

Паша послушно отодвигается в тень. А эта дрянь-девчонка уже вся в иных хлопотах: какие-то пакетики на столе разложила, что-то в холодильник сунула, шуршит бумагой оберточной, звякает ножом, вилками, тарелками...

— Смотри, что мы тебе приволокли. Деликатесы заморские! Все с заднего крылечка... А как же... Для любимой бабули ведь... Попробуй... Ух, вкуснятина! Не нравится? Ну и ладно. Может, и так себе... Мне хвалили — я взяла...

Поднос с гостинцами в сторону, и далее — снова полный вперед: тра-та-та! — про то, про это, только успевай мысль улавливать...

— Ничего, что мы в такую рань нагрянули? Все равно ведь не спишь. Нет, ты не думай, что мы с ним к тебе потому, что податься некуда... Ничего подобного. Я просто подумала: утро раннее, времени — до чертей и больше. Не к мамаше же через весь город тащиться... сквозь морось и сырость... Опять же, если не сейчас, то когда? Ведь как заведусь на целый день, и не доберусь до тебя... Мало ли чего... А навестить все равно надо... Так ведь, ба? Ты что это?.. Неудобно? Может, перестелить? А может, чаю согреть? Или приготовить чего? Ты только скажи. Я мигом — раз-два, и готово... Ну, не хочешь, как хочешь. Так посидим, еще про что-нибудь поговорим...

И она говорит, говорит, говорит...

Стучатся слова. Настойчиво. Неотступно.

— А Паша... ты знаешь, ба... ну такой мастер! Таких еще поискать надо... Чес-слово!

Естественно. А иначе и быть не может. Но это начало только. Гнесь-то куда, милая?

— Он тебе здесь все-все переделает, усовершенствует. Не узнаешь потом...

Ага! Мне только этого не хватало! Чтоб я потом у себя дома найти ничего не могла.

— Он тебе такой модерн устроит...

Модерн?

— Хоть прежний, хоть нынешний... Какой пожелаешь...

Прежний... нынешний... О чем это она? Стоп! Назад, назад... еще чуточку...

Память устремляется в поисках промелькнувшего было слова. И настаивает его.

Модерн... вот именно. Модерн! Когда-то, в двадцатых... Нет, раньше еще — тоже модерн был, но другой... Его ругали, хвалили... Нет, не это... А что? Не помню. Не могу вспомнить. А! К черту модерн! К черту все!

Снова стучатся слова. Далее, далее бегут, складываясь в картины какой-то странной, чуждой ей нынешней жизни...

— А Паша... он ведь совсем другое дело. Он хвалится не любит. Сделал — и все. Но как сделал... Они там, конечно, так и ахнули... Как?! Что?! Откуда?! Это же девятнадцатый век... это то, это се... Одним словом, музейная редкость... Все, конечно, галдят, слова всякие, восторги... А Паша — он у меня не такой, как все, — молчит... Ну, как не про него все это...

При чем тут Паша?! Такой — не такой... Тут совсем другое. Другое!..

И как отгородилась от всего постороннего, от всего отвлекающего, раздражающего.

Побежали мысли — туда, туда... в давнюю, иную жизнь... в город зеленый, где впервые встретились они. Где бродили ночи напролет по пустынным липовым аллеям. Где приютила их в коммунальном голосистом раю каморка трехметровая, полуоконная — дворец их несказанный, предел мечтаний...

И... где осталась навсегда их счастливая, их единственная осень... Тихая. Удивительная. Пожаром листовым обжигающая.

Явилась та река, камышовые заросли, утлая лодчонка... И они в лодчонке — Он и Она. У него в руках ружье. У нее — цветы. И птицы летят... Они летят, а он не стреляет. Любуется.

Ему кричат, а он только улыбается. Потому что все вокруг — распрекрасно! Потому что они счастливы! Потому что осень, и птицы летят!..

Снова голос знакомый прорывается. Шаги. Шумы...

— Эй, слышишь, ба? Не слышит. Ну ладно. Отдыхай. А мы пока на кухне... посидим... почаевничаем...

Ушли на кухню. Чайник наполнили. Газ зажгли. Дверь прикрыли.

Странно — дверь прикрыли, а радио вроде громче заговорило. Ну и пусть его — играет... галдит... Слушать необязательно. Нужно просто про свое думать. Думать, думать, думать... И все будет хорошо. Все будет, как надо. Нет. Не думается... Не думается... Господи! Ну что так ужасно там скрипит? Что там может скрипеть? Стул? Стол? Что?!

Скрип-скрип... Скрип-скрип...

Да что ж это за наказание такое! Слово душу сквозь мясорубку пропускают.

Скрип-скрип... Скрип-скрип...

Неужели самих не раздражает? Неужели самим не противно слушать?..

Скрип-скрип... Скрип-скрип...

Нет, не слышат, не замечают... Другим заняты. Более интересным. Потому и не замечают, что другим заняты...

Скрип-скрип... Скрип-скрип...

А ты, дура старая, не слушай... Тоже про другое думай, про другое... свое...

Скрип-скрип... Скрип-скрип...

Да, будешь тут про другое, когда в ухо прямо, в душу самую лезет этот скрип проклятуший... лезет, лезет, лезет...

Наконец скрипы смолкли. Тишина. Даже не верится.

Длись, длись, мгновение, обернись вечностью вечной!

Ну да! Скажешь тоже — вечностью. Вот она уже и аукнулась твоя вечность... Слышишь?

Тсс... Сссс... Чшш... Скрррр... Хххрр... Шссс...

Другая жизнь снова заявляла о себе, настойчиво заполняя пространство новыми скрипами, шорохами, шагами, вздохами. Вновь полувнятные голоса зазвучали. Ее и его...

— Ну вот, видишь, и совсем не зря пришли. А ты боялся...

— Я не боялся. Я сомневался...

— А-а, хрен редьки не слаще.

— А ты молодец...

— Конечно. Такие, как я, на дороге не валяются. Учти...

— Обязательно.

Замолчали. Целуются. Долго. Почти беззвучно. И снова шепчутся. Чуть слышно.

— Тебе хорошо со мной?

— Очень.

— И мне с тобой тоже... очень-очень... и даже больше...

И опять целуются. И шепчутся. Шепчутся. И целуются.

Ну и пусть! Это их дело. Их время такое. А ты — не слушай!..

Не слушай!.. Ну да... легко сказать... Только как тут не услышишь... когда, куда ни повернись, отовсюду оно — шу-шу-шу... шу-шу-шу... А ты все равно не слушай... Про другое думай!..

— Погоди!

— Что?

— Показалось, наверное. Глянь, как она там... Может, надо чего?

— Да чего глядеть-то? Все, что надо, — под рукой. Не обращай внимания. Забудь про нее. Слышишь, забудь. Считаю, что, кроме нас, здесь больше никого... Никого... Видел ведь, какая она. Колода колодой. Ни мыслей, ни чувств... Так, одна видимость существования...

— И все-таки... неловко как-то... Вдруг...

— Да брось ты! Не бери в голову. Ну?

И снова — поцелуй... еще... еще... И далее — шепоты, вздохи и все тот же переворачивающий душу, препротивнейший скрип... — скрип, скрип, скрип... — от которого ни убежать, ни скрыться. Скрип, скрип...

Да что же вы! Будто и нет меня в живых. Будто не человек я, а предмет неодушевленный какой. Жива я еще покуда! Жива!!

Приподнялась, нашарила рядом с кроватью на тумбочке поднос с заграничными яствами, отшвырнула от себя: вот вам! Вот!

С грохотом, со звоном рассыпались на полу банки, склянки, тарелки, ложки, вилки...

И тут же дверь кухни широко, ослепительно распахнулась...

— Ба! Что случилось?! Что?! Что?!

Вбежали. Остановились у кровати, испуганные, ожидающие, быть может, самого страшного.

Ответила не сразу. Пересилив раздражение, досаду, брезгливость.

— Окно.

— Что — «окно»?

— Открой! Воздуха хочу.

— Тебе ж вредно, бабуль.

— А я хочу! Хочу!! Могу я чего-нибудь хотеть?! Или я, по твоему, уже ничего не могу?.. — Накопившаяся не только за нынешнее утро обида вдруг вскипела в ней и выплеснулась в этих словах.

— Пожалуйста, кто ж против? Хоти, пожалуйста...

Щелкнули шпингалеты. Открылось окно, впуская в комнату промозглое, мглистое утро.

— Шире! Еще шире... Воздуха хочу! Хочу услышать, как птицы летят...

— Какие птицы? Ты что, ба?..

— А я говорю — птицы летят... А я говорю...

— Да, пожалуйста... пусть летят... пусть... только успокойся... Вот капли — выпей... Ну, нет и нет... Успокойся только... Ну? Успокоилась?.. И хорошо...

— Свет уберите.

— Сейчас. Сию секундочку. Пашенька, прикрой дверь.

Дверь прикрылась.

— Чуток оставь, чтоб прибрать видно было. — Схватила веник, зашаркала, зазвякала, сметая осколки, наводя порядок. — Все. Гаси.

Свет погас. Тьма. Нахлынула, заполнила все вокруг до самых доньшек усталых старческих глаз.

Потом медленно отступила, преобразившись в полутьму. И в этой полутьме вновь увидела она рядом с собой две застывшие в напряженном ожидании фигуры.

Злорадно усмехнулась. Ишь, забегали! Испугались... И сразу же одернула себя: а радуешься-то чему, дурища? Ну, испугались... Ну, забегали... И что? Подумаешь, великое дело свершила — тарарам устроила. А дальше-то что?..

— Ба... может, надо чего? А? Ты скажи...

— Ничего. Идите. Я вздремнуть попробую.

— А окно?

— Пусть.

Вышли. Плотно дверь прикрыли. Тишина.

Вдруг у соседей справа посудой застучали.

У соседей слева музыка запела.

С кухни тоже голоса приблизились. Вернее, не голоса, а шепоты... чуть внятные, осторожные...

— Ты че? А?

— Так. Просто.

— Да брось ты. Нашел, из-за чего киснуть. Что поделаешь — закон жизни. Они — туда, мы — на их место...

— Жалко.

— Само собой. Кто ж говорит, что не жалко. Только извини, всему свое время: пожил — пора и честь знать. А то ведь некоторые до девяноста лет дотягивают! Это особенно старушечий касается. Представляешь? С нее уж песок последний сыплется, а она все живет, за соломинку последнюю хватается. Только что это за жизнь такая? Не понимаю. Вот хотя бы нашу бабулю возьми. Слышал ведь: осень у нее уже... птицы летят... — Кратенькое, захлебывающееся хихиканье... Представляешь? Нет, это ж надо придумать... — И дальше, словно оправдываясь, тихо-тихо: — Нет, ты не думай, я против нее ничего не имею. Тем более что она у нас пока еще молодец бабка. За надобностью сама ползает. Никаких претензий особенных не высказывает. Капризами опять же не допекает. Я только вот чего боюсь. А ну как сляжет совсем? Как под себя ходить станет? Я ж ее тогда возненавидеть могу... И даже, может, убить. Ты это понимаешь?... Неужели и мы такими будем? Неужели и мы когда-нибудь вот так же...

А куда денетесь... Конечно, будете. Если доведется дожить.

— Не смей про это! Слышишь... У нас все по-другому будет. По-другому...

А что? Что по-другому?

— У нас все еще впереди... все... все... все...

А что — все?

— Все... все... все...

И — поцелуй... поцелуй... поцелуй...

И — скрип... скрип... скрип...

Нет, это невыносимо!

Скрипы текут, текут... Настоящее половодье скрипов.

Скрип-скрип... Скрип-скрип... Скрип-скрип... По горло уже.

Скрип-скрип... Скрип-скрип...

С головой уже захлестывают.

Скрип-скрип...

Дышать нечем!

Да когда же вы уберетесь, душемоты окаянные?

Убрались.

Все убрались: и ближние, и дальние... И те, кто рядом был, и кто за стеной — и слева, и справа, и кто на улице... и кому на работу, и кому в школу, и кому просто куда-то... по своим надобностям...

Казалось бы, теперь-то как раз и расслабиться, отдохнуть, забыть... Забыть все и вся... И, забыв, вздохнуть облегченно.

Увы, ничего не забывалось... не отдыхалось... не становилось легче...

Мысли, свершив кругооборот, возвращались все к тому же...

Ах, молодость, молодость! Что же это вы, милые мои? Что же это вы такие... нечуткие? Недобрые?... Впрочем... впрочем, одни ли вы такие?... А мы? Тогда... в наши золотые мгновения... Может быть, тоже... мимо кого-то... так же вот? Может, так же вот спешили... Жить? Любить? Действовать? Добывать? Откры-

вать? Преобразовать? Может быть... Не помню. Да это и не важно теперь. Вернее, теперь не это важно.

А что? Что важно?..

Снова явились из далекого далека слова, некогда оброненные похода, в беспечном самоуверенном неведении: «Вот здесь и будем жить... И все у нас будет... будет!..» И тут же усмешечкой проскользнуло запоздавшее сомнение: «А будет ли счастье?» Не думалось тогда про это. Само собой подразумевалось: конечно, будет! И не будет, а уже — вот оно... А было-то его всего на доньшке. Более не отмерила судьба. Не отмерила...

Больно. Обидно. Тяжело. Одиноко.

Темный прямоугольник окна сиял мрачно, значительно, словно обозначал не элементарное связующее звено с ближайшим переулком, а вход в преисподнюю.

Сколько это продлится? Сколько?..

Не пора ли самой... взять и решить все?.. Все узелки одним махом развязать...

Тени в углу зашевелились, согласно закивали, потянулись навстречу серыми, дымчатыми, вздрагивающими лоскутами.

В ужасе закрыла глаза. Словом святым попыталась прогнать дурные видения. Но они словно бы переместились внутрь ее, опутывая страхом и безнадежностью.

Трудно, ах, как невыносимо трудно стало дышать!

Сильнее, сильнее застучало сердце, просясь на волю...

Пересилив слабость и страх, встала. Приблизилась к все еще пугающему окну. За которым что-то туманилось. Перемещалось. Существовало в каком-то беспрестанном свободном движении.

И тут — словно что-то позвало ее.

Радостно екнуло в груди.

Знакомые, ни с чем не сравнимые звуки. Осень. Птицы летят...

Пора... Пора в дорогу...

Собралась с силами. И — полет... По-ол-ле-ет!!

Короткий сухой шлепок упавшего на тротуар тела. Хряск обветшавших за долгую и не слишком радостную жизнь костей.

Боль уходила навсегда.

Оставив брненное тело, летит душа над мокрой, холодной землей. Летит. Летит. Поет.

Берите все! Пользуйтесь!.. Будьте счастливы, если сможете...

Все выше, выше полет...

Как велик, как огромен мир!

И как мал, как ничтожно мал человек...

Боже! Дай тепла Земле и неразумным детям ее — землянам...

Дай им Весну!

ПОД ТРАК

ТРАРЫ... ЮРИЙ КАМИНСКИЙ

«Нет таких крепостей, которых большевики не могли бы взять!»

И сейчас еще есть люди, которые свято верят в это...

К сожалению, знаменитое сталинское изречение не предусматривало одного — ответственности за жизнь каждого отдельного человека, участника «эпохальных» событий, сопровождавшихся громом речей и оркестров. Примеров много: челюскинская эпопея, вы-

садка на Северный полюс папанинской экспедиции, дрейф ледокольного парохода «Георгий Седов»... В этот ряд можно смело поставить и рекордный перелет самолета «Родина».

Предыстория такова: женщины-летчицы капиталистических стран постоянно увеличивали мировой рекорд дальности беспосадочного полета. Летом 1938 года французка Дюпейрон довела его до 4360 километров. В том же году

трем советским летчицам, «сталинским орлицам», как их потом называли, — Валентине Гризодубовой, Полине Осипенко и Марине Расковой — было предложено совершить перелет из Москвы на Дальний Восток. Для побития французского рекорда.

Неизвестно, насколько серьезно рассматривался «наверху» вполне очевидный фактор риска: самолет АНТ-37, избранный для перелета, находился в стадии доработки. Первый экземпляр во время испытаний потерпел катастрофу из-за разрушения фюзеляжа.

— На втором АНТ-37 мы стали готовиться к перелету, — рассказывает Гризодубова. — Хорошо запомнился день 19 августа 1938 года. Мы с Полиной должны были сделать несколько полетов, а затем поехать в Тушино на авиационный праздник. Взлетели с Центрального аэродрома. На высоте примерно 50 метров машину вдруг резко рвануло вниз. Большим усилием выровняла самолет, осторожно набрала высоту. Над площадью Маяковского делаю разворот, и машина клюет еще раз. На втором развороте — то же самое. Чувствую, что-то не так, надо сажать... Подхожу к аэродрому. Третий разворот выполняю более-менее благополучно. При посадке самолет сильно тряхнуло. Еле вырвала машину у самой земли и приложила к полосе. И тут ее начало мотать! Наконец, встали. Сразу — к хвостовому оперению. И все стало ясно: оно разрушилось. Оставалась третья машина, на которой продолжили тренировки и затем совершили перелет...

В октябре 1938 года Москва торжественно встречала женский экипаж самолета «Родина», установивший новый мировой рекорд дальности полета. Вся информация о перелете, по сути, уместилась в незыблемую формулу: со-

вершен очередной подвиг во имя социализма. И никто не спрашивал, какой ценой.

— Решение о перелете затягивалось, — продолжает Валентина Степановна. — Уже началась осень, а лететь предстояло через Урал и Сибирь, куда зима приходит рано. Вдруг в конце сентября телефонный звонок: «Завтра утром вылетаете. Готовьтесь». Испытания начались почти сразу же после взлета. Примерно через 150 километров машина вошла в облачность, и земли мы фактически не видели до самой посадки. Но самое неприятное и неожиданное заключалось в том, что вскоре вышла из строя вся бортовая радиоаппаратура — и приемная, и передающая! Если Полина Осипенко была летчиком высокого класса, то штурман Марина Раскова не имела специального образования, налетала не более 30 часов. У нее не было ни малейшего представления о полетах в экстремальных условиях, тем более ночью. Со своего места я видела штурманскую рубку в носовой части кабины. Помню, Марина вскрыла аппаратуру и долго что-то там подкручивала отверткой. А мы летим... — куда? Ну а если даже связь заработала? За две недели до перелета исчез специалист, отвечающий за радиоподготовку (как потом оказалось, его арестовали). Он даже не успел предупредить штурмана, когда произойдет смена частот и позывных. Когда началось обледенение, Марина открыла форточку, чтобы счистить иней со стекол, и... все полетные карты выдуло за борт. Так наш самолет стал не только глухим, но и слепым. Поэтому мы с Полиной выдерживали курс чисто интуитивно. Больше всего я боялась уклониться вправо и пересечь границу...

Даже у человека, неискусенно-

го в авиационных делах, должен возникнуть вопрос: как же можно было продолжать полет в таких условиях? Но нельзя не выполнить задание вождя!.. А если бы потребовалась экстренная, аварийная посадка, да еще ночью? Раз нет связи — нет и привода ни к одному аэродрому. Женщины даже не знали, где они летят!

Надо отдать должное самообладанию летчиц. Они упорно вели самолет куда-то вперед. За 26 часов «слепого» полета было и обледенение, и страшный, пронизывающий холод...

Облачность оборвалась неожиданно, и экипаж увидел впереди Тугурский залив Охотского моря. Цель перелета была достигнута. Но не кончились «сюрпризы». Предстояло найти место посадки. По расчетам штурмана, горючего должно было хватить на три с половиной часа, поэтому решили идти в Комсомольск-на-Амуре. И тут зажглась красная лампочка на расходном бачке. Она предупредила: горючего осталось на 30 минут. Что это — ошибка штурмана или недосмотр и халатность наземных служб?

Ситуация требовала экстренной посадки в таежной болотистой местности. При посадке на «брюхо» обычно плющится носовая часть кабины, поэтому Расковой приказали прыгать с парашютом в глухую тайгу. Снова возникает вопрос: неужели организаторы перелета не могли предусмотреть такого исхода и связанных с ним последствий?

Позже авиационные специалисты признали, что Валентина Гризодубова произвела посадку мастерски. Машина почти не пострадала, не разбилось ни одно стекло.

На поиски самолета «Родина» мобилизовали свыше пятидесяти

самолетов, сотни пеших отрядов, следопытов на лошадях и оленях, рыбаков. Поиск определили в гигантском треугольнике Хабаровск — Аян-Казачинское. Площадь — более полутора миллионов квадратных километров. Перелет с самого начала вышел из-под контроля, поэтому никому не было известно, где самолет сел или разбился и находится ли в пределах этого гигантского треугольника. К тому же слишком свежо еще было в памяти таинственное и трагическое исчезновение экипажа Леваневского после прекращения с ним связи.

Шло время, а о «Родине» никаких вестей. Между тем подступала зима. Только на девятый день «пропажа» обнаружилась. В «Правде» за 4 октября 1938 года было опубликовано сообщение командующего 2-й воздушной армией Я. Сорокина. В нем говорилось: «3 октября звено гидросамолетов Воздушного флота вылетело из Комсомольска на поиски самолета «Родина»... В 13 часов 30 минут (по местному времени) летчик Сахаров заметил самолет на земле в 20 километрах юго-западнее озера Амукит. Снизившись до 10 метров, он ясно увидел двух человек около самолета, подававших сигналы белым полотнищем... Есть основания предполагать, что обнаруженный двухмоторный самолет на меридиане восточнее Хабаровска есть самолет «Родина».

— Я в то время был командиром двухмоторного ПМ-6, — вспоминает М. Е. Сахаров. — Это пассажирский поплавковый вариант самолета АНТ-7. Наш гидроотряд входил в Дальневосточное территориальное управление ГВФ. 30 сентября я летел с пассажирами на Сахалин. В Комсомольске-на-Амуре мы остановились на ночевку. Утром 1 октября получил от

командира гидроотряда телеграмму с заданием принять участие в поисках самолета «Родина». Надо было осмотреть бассейн Амура в его среднем течении и прибрежную часть Охотского моря в районе Шатарских островов. Я попытался представить себе, что делал бы на месте командира «Родины», выполняя такой длительный полет без радиосвязи и не имея сведений о погоде как по маршруту, так и на Дальнем Востоке. Логичное решение — идти курсом 90 градусов. Если это было именно так, то наиболее вероятным местом посадки самолета представлялся район Охотского побережья. Но это только предположения. Аэродромов там нет, ближайший — в Комсомольске-на-Амуре. Осмотрев все заданные районы, самолета я не обнаружил. 3 октября получил задание переместиться в район поселка Керби и реки Амгуни. С таким же задани-

ем вслед за мной — через 15 минут — вылетел летчик Бурлаков, а еще через полчаса — Романов, бывший учлет Гризодубовой... Дальний Восток я знал хорошо — летал там по многим трассам. Западный обрывистый берег Амура покрывают сплошные непроходимые болота. А в районе Амгуни — мари, по которым можно пройти. Для посадки они более удобны — меньше воды. Поэтому особенно тщательно осматривал эти места. После двухчасового поиска заметил среди разводящей пятно с непрерывно меняющейся конфигурацией. Снивился с 700 до 50 метров. Пятно оказалось двухмоторным серебристого цвета самолетом. Рядом два человека встряхивали расправленным куполом парашюта, стараясь привлечь мое внимание. Я сомневался, что обнаружил «Родину», — ведь ее экипаж состоял из трех человек. И названия самолета я не увидел. Сни-

зился до бреющего, но так ничего и не понял. Уже позже мы узнали, что слово «Родина» написали на нижней поверхности крыла и по бокам носовой части фюзеляжа, поэтому увидеть его сверху было невозможно. Радист дал на аэродром радиограмму: мы, возможно, обнаружили в районе Амгуни «Родину». Сбросили выпел с запиской — как сообщить нам сигналом, кто из членов экипажа отсутствует. Так мы узнали, что нет штурмана. Решили возвращаться на базу в Комсомольск-на-Амуре. Летавшие вслед за мной Бурлаков и Романов подтвердили, что также видели в тайге самолет. На земле между тем установили, что ни одна из машин дальневосточной авиации не совершала в данном районе вынужденной посадки. Теперь можно было с уверенностью говорить, что мы нашли «Родину».

Только на следующий день после описанных событий исхудав-

шая и обессилевшая Марина Раскова нашла место посадки самолета. Десять суток провела она в осеннем северном лесу, уже припорошенном снегом, имея лишь небольшой аварийный запас пищи. К тому же после прыжка с парашютом Марина потеряла один из унтов. Так что вывозить ее пришлось на носилках. То, что она выжила в непролазной дальневосточной тайге, можно считать просто чудом.

Имена рекорсменов облетели всю страну. Вот небольшой отрывок из газетного отчета о выступлении И. В. Сталина на торжественной встрече с героинями: «...Далее товарищ Сталин предупреждает о необходимости особой осторожности и бережности с самым драгоценным, что у нас есть, — человеческими жизнями наших храбрых, иногда безудержно храбрых героев-летчиков. Эти

жизни дороже нам всяких рекордов, как велики и громки эти рекорды ни были бы».

Дороже?.. О пропавшем при перелете через Северный полюс экипаже Леваневского постарались побыстрее забыть. Ни полслова не было сказано и о трагическом событии, связанном со спасением экипажа «Родины». Во время лихорадочных поисков произошла страшная и нелепая катастрофа.

— Вскоре прибыл комдив Я. Сорокин, — продолжает рассказ М. Е. Сахаров. — Узнав, что я разыскал «Родину», он предложил мне вылететь в этот район на его самолете ТБ-3 в качестве штурмана. Я отказался, объяснив, что выполняю полетное задание своего непосредственного начальника — командира гидроотряда ГВФ. Мог ли я предположить, что этим отказом сохраняю свою жизнь?.. На следующий день, 4 октября, я опять вылетел к са-

молету, чтобы уточнить обстановку. С высоты увидел «Дуглас», ходивший над «Родиной», а на юго-востоке — четырехмоторный ТБ-3, круживший над небольшой долиной. «Дуглас» подходил к ТБ-3 все ближе и вдруг, крылом отрубив ему хвост, упал и взорвался. После удара огромный ТБ-3 пошел вверх, сделал половину петли, в верхней ее точке опустил нос и в перевернутом положении врезался в землю. В момент, когда он переворачивался вверх колесами, из открытых кабин выпали четыре комочка, над ними раскрылись парашюты. Так спаслись командир корабля, второй пилот и два воздушных стрелка. Из «Дугласа» не выпрыгнул никто... Все это видели и летчицы. Они выложили из полотнищ разорванного парашюта сигнал «ТБ-3 0» и стрелу, указывающую направление к месту бедствия. Подошедший к месту посадки «Родины» второй

рались они к «Родине» 12 часов.

Спасшийся командир ТБ-3 Наумов рассказывал потом, что командир Сорокин, летевший в их самолете, стоял перед катастрофой в кабине пилотов. Он грозил экипажу приближающегося «Дугласа» кулаком, кричал: «Убьет он нас!» Наумов обернулся — и в этот момент произошел удар. Сорокин бросился в штурманскую кабину за парашютом, но не успел... Летчиков ТБ-3 и воздушных стрелков выбросило из открытых кабин. Приземлившись, все четверо бросились к горящему «Дугласу», принялись сбивать пламя. Но спасти там было некого...

Вместе с Сорокиным погибли другие члены экипажа ТБ-3, а также корреспондент и все, кого командир пригласил лететь с собой.

Но вернемся к рассказу Сахарова.

— Этот полет ТБ-3 не был вызван необходимостью! Наоборот, я слышал, как телеграфист читал

ТБ-3 направился в соответствии с сигналами на земле к месту катастрофы. Потом он вернулся, сбросил двух парашютистов-спорткомиссаров (они должны были снять барографы для регистрации рекорда дальности) и снова пошел к месту катастрофы.

Там он сбросил врача и трех парашютистов, которые должны были помочь летчикам пройти через болото и тайгу к Амгуни. Доби-

с ленты телеграмму из Москвы: Сорокину предписывалось руководить полетами из штаба и категорически запрещалось вылетать к месту посадки «Родины». Что касается виновника катастрофы, Героя Советского Союза флагштурмана ВВС А. Бряндинского, то он вообще должен был встречать экипаж «Родины» на земле — в Хабаровске. Бряндинский перед вылетом в резкой форме отверг

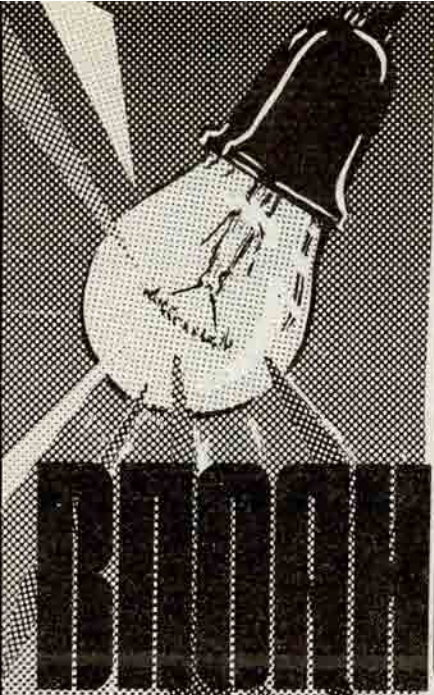
предложение уточнить у меня место посадки «Родины». Он красным карандашом обвел на своей карте круг и поставил в нем крест. Кто-то из присутствующих мрачно пошутил: как бы этот крест не оказался дубовым... К несчастью, шутка оказалась пророческой. Да, был флаг-штурман слишком самоуверенным... Впоследствии я слышал, что командующему Дальневосточной армией И. Коневу за недисциплинированность командования 2-й воздушной армии был объявлен выговор. Кстати, разбившийся «Дуглас» находился в ведении Конева, но никто не получал у него разрешения лететь на этом самолете. Позже стало известно, что заводской летчик П. Генаев по просьбе члена военного совета Литвиненко слетал на реку Амгунь и забрал тела Брядинского и Сорокина. Их похоронили в Комсомольске-на-Амуре. Об остальных погибших попросту забыли.

86

Сообщение о трагедии, конечно, не вписывалось в атмосферу всеобщего ликования. Историю эту хранили в глубокой тайне, все возникающие вопросы и разговоры на тему катастрофы пресекались на корню.

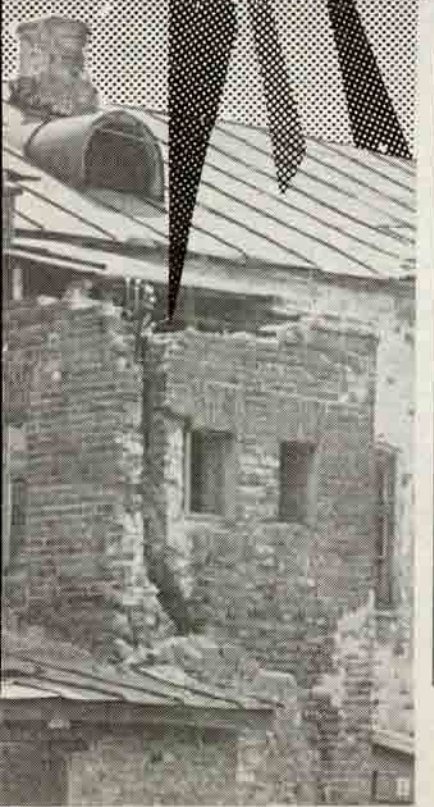
Молчание длилось долгие годы...

Только в 1968 году стало известно, что охотники нашли в тайге разбитые самолеты и человеческие останки. Летом следующего года группа энтузиастов добралась до этого места и предала земле прах авиаторов...

Авария в Чернобыле заставила всех нас посмотреть на отечественную энергетику иными, нежели раньше, глазами. Мы увидели немало «родимых» пятен на некогда безмятежно-чистом челе этой важнейшей отрасли: атомные электростанции, построенные и строящиеся в сейсмически опасных зонах; аварии с человеческими жертвами на тепловых электростанциях; долгострои; затопленные водохранилищами ГЭС пахотные

Вспоможка

земли, леса, поселки и города... А еще — темные, бесфонарные улицы; рабочим приходится выходить на смену ночью или в воскресенье — в будние дни не хватает энергии; в стране уже действует фактический запрет на новое промышленное строительство из-за недостатка электричества; в городах и селах отключают в домах свет — пока на час, на два; холодные батареи в квартирах... Такова ситуация в нашей энергетике. Как ее поправить?

Об этом корреспондент «Смены»

СЕРГЕЙ ЛИТВИНОВ

беседует с академиком-секретарем
отделения физико-технических
проблем энергетики
Академии наук СССР

ЮРИЕМ РУДЕНКО.

— Насколько я знаю, Юрий Николаевич, наша страна переживает дефицит электроэнергии, пока, правда, не замечаемый большинством, — рядового человека он в общем-то не коснулся. Лампы в квартирах горят. Пока горят...

— Да нам попросту «везет»! Промышленность страны переживает спад (иначе потребление электроэнергии было бы гораздо большим). Три последние зимы были, на наше счастье, очень теплыми. Если бы не эти обстоятельства, последствия оказались бы катастрофическими...

Причин много, назову главные. Установленная мощность электростанций явно недостаточна. Развитие электрических сетей относительно слабое. Снабжение топливом идет с большими сбоями. Генерирующее оборудование сильно изношено. Немало турбин действует с довоенных, а то и с дореволюционных (!) времен. Установленная мощность электрических станций страны сегодня — 350 гигаватт (350 миллионов киловатт). Из них полностью выработало ресурс оборудование мощностью свыше 40 гигаватт, или более 10 процентов. Оно должно быть демонтировано, однако работает, поскольку мощностей не хватает. Особенно сложная ситуация в Армении, на Украине, в Прибалтике, на Северном Кавказе, на Урале... Там в часы пик вообще отключают потребителей.

— Можно ли ожидать, что в ближайшие несколько лет ситуация изменится к лучшему?

— Нет. Заделы, которые есть в сооружении электростанций, недостаточны. В доперестроечный период в действие вводили десять-одиннадцать гигаватт ежегодно. Сейчас — лишь два-три гигаватта в год... Сегодня ответственность и местные власти тре-

буют прекратить строительство примерно шестидесяти электростанций суммарной мощностью около 150 гигаватт — это около половины ныне действующей мощности. Представьте: требования удовлетворены. Это значит, что в следующие годы мы не будем вводить ничего.

При этом надо учитывать, что энергетика — очень инерционная отрасль: решение о строительстве станции принимаем сейчас, а входит в строй она через десять — двенадцать лет.

— Скажите, Юрий Николаевич, а существует ли научно-выверенная программа развития отечественной энергетики?

— Естественно.

— Ее разрабатывали специалисты Минэнерго СССР или Академии наук?

— Академия работает в тесном контакте с «Энергосетьпроект» — головным институтом Минэнерго. Когда президиум АН поручил нашему отделению разработать альтернативную программу развития энергетики в СССР, была создана комиссия АН, в которую вошел заместитель главного инженера «Энергосетьпроекта» Ершевич.

— Трогательное единство академической и отраслевой науки. Мне-то всегда казалось, что академические ученые должны быть независимы от ведомств... И отличаются ли в итоге позиции АН и Минэнерго?

— Концепции развития энергетики практически совпадают. Однако есть ряд положений, по которым отличие принципиальное. Например: Минэнерго считает, что темпы развития АЭС должны быть несколько большими, а доля газа, используемого на ТЭС, — существенно меньшей.

— Скажите, а были ли в предыдущие годы схемы развития се-

годняшной энергетике?

— Безусловно.

— Они выполнены?

— В полном объеме — ни одна.

— Почему?

— Причин тому много. Первая — Госплан СССР не выделял достаточно средств...

— Странно, специалисты Госплана говорили мне, что выделяют на энергетику ровно столько денег, сколько могут освоить строительные подразделения Минэнерго... Может быть, есть другие причины?

— Не хватало строительных мощностей...

— И поэтому Минэнерго, по моим данным, около сорока процентов своих строительных мощностей применяло на возведении объектов, никак не относящихся к энергетике: КамАЗ, например, строило, «Атоммаш»...

— Но есть и объективные причины. Во-первых, мы недостаточно разумно относились к использованию природных ресурсов. Мы иными глазами смотрели на экологическую емкость, совершенно иной была законодательная и нормативная базы... Естественно, что после стольких лет пренебрежения экологией у людей выработалась своего рода аллергия на любое (!) энергетическое строительство. И когда мы уверяем, что отныне все будет «в рамках», нам не верят.

Во-вторых, электроэнергия используется нерационально. Электроемкость национального дохода чрезмерно велика. Электроэнергия дешева, можно тратить, не очень думая над тем, как уменьшить потребность.

И третье. Уровень технических решений во многих случаях невысок. Недостаточно степень безопасности атомных электростанций, низок уровень экологической чи-

стоты ТЭС, сжигающих органическое топливо, пагубны последствия из-за сооружения ГЭС на равнинных реках.

— Прежде чем мы продолжим наш разговор, разрешите пару «детских» вопросов — для рядки. В магазине не достать лампочек. Они часто перегорают. Кто виноват; производители лампочек или поставщики электроэнергии?

— И те, и другие. Качество продукции невысоко, безусловно. Но тут важна и стабильность напряжения. А у нас оно уж очень «переменно»...

— Второй вопрос: почему улицы западных городов залиты светом — везде горят фонари, светятся рекламы, витрины, а идешь по улицам Москвы, Ленинграда — темно, как в пещере?

— Две причины. Первая — дефицит электроэнергии. С каждым годом он становится все больше. Экономим киловатт-часы. И еще: на Западе иначе смотрят на жизнь. Они считают, и совершенно справедливо, что улицы городов должны быть освещены ярко. Мы полагаем — это необязательно...

— Как же, на ваш взгляд, выйти из тяжелого положения, в котором оказалась электроэнергетика?

— Мы обязаны разумнее относиться к использованию природных ресурсов. Что имеется в виду? Необходимо серьезно, коллективно анализировать как глобальные, так и региональные последствия работы энергетических объектов. Парниковый эффект, так называемый трансграничный перенос выбросов — кислотные дожди, радиационные и углеводородные загрязнения... Необходимо повысить эффективность использования электроэнергии. Что для этого нужно? Переориентировать нашу экономику на производство более наукоемкой

и соответственно менее энергоемкой продукции, совершенствовать технологии, улучшать электропотребляющее оборудование. Все это объединяется понятием «электросбережение». Его потенциал, кстати, у нас большой. Если бы мы изменили структуру экономики, перешли на энергосберегающие технологии, то сэкономили бы около трети потребляемой сейчас электроэнергии...

— Как сделать, чтобы сэкономить электроэнергию было выгодно?

— Можно перейти на условия рынка: если мне выгодно покупать электроэнергию, то я буду покупать, а если выгодно экономить ее, буду экономить... Но этого мало. Даже если увеличим стоимость энергоресурсов (и электроэнергии в том числе, стоимость ее недопустимо низка), все равно в бюджете предприятий, даже весьма энергоемких, это не слишком большая доля. Поэтому одними экономическими рычагами действовать трудно. Есть еще нормативные, законодательные акты. Например, что сделали американцы после энергетического кризиса 1973 года? Они просто законодательно запретили выпускать автомобили, не соответствующие требованиям энергосбережения. Законодательство заставляет искать наиболее эффективное оборудование. Именно заставляет! Без этого нельзя. Вообще влияние должно быть смешанным — и экономическим, и законодательным. Вот пример: электрические компании США ведут сейчас агитацию за использование наименее электропотребляющих бытовых приборов. Казалось бы, парадокс! Ведь компании выгодно как можно больше продать энергии. Зачем же им за свои деньги агитировать покупать лампочку, которая потребляет всего четвертую часть электро-

энергии при той же освещенности? Механизм достаточно простой. Есть согласительная комиссия штата, где принимают решение о стоимости отпускаемой электроэнергии. Сегодня она стоит, допустим, пять центов за киловатт-час. Специальные разработки показывают: если будут использоваться новые, наименее энергопотребляющие приборы, то нужда в электроэнергии у группы потребителей снизится в три раза. В этом случае комиссия позволяет той компании, которая берегает энергию, увеличить ее стоимость, допустим, до 8 центов за киловатт-час. В итоге компании выгодно агитировать за более экономичные приборы, она компенсирует свои затраты прибылью. И не станет строить новые энергоблоки...

— По-моему, абсурдно, что у нас электроэнергия стоит одинаково и в семь вечера в декабре, и в час ночи в июле. В первом случае — дефицит мощности, во втором — избыток. Во многих странах применяются плавающие тарифы...

— Совершенно верно. Ситуация дикая. Надеюсь, Госкомитет по ценам наконец сделает то, что от него требуется...

— Поскольку есть резервы в электросбережении, давайте не строить новых станций, лучше начнем как следует экономить...

— Действительно, электроэнергию нужно расходовать эффективно. Но нельзя путать электросбережение и энергосбережение. Электрификация в конечном счете экономит топливно-энергетические ресурсы. Увеличение электропотребления снижает энергопотребление. Простой пример: если использовать ТЭЦ вместо котельных, расход электричества растет, но использование энергии уменьшается.

И еще. У нас потребление —

5500—5600 киловатт-часов в год на человека, в США — 12 500—13 000, то есть в два раза больше. Не надо стремиться догнать Америку — ее вряд ли догонишь, но... если посмотрим, какая часть электроэнергии уходит в промышленность, транспорт, строительство, сферу обслуживания, быт, то увидим, что доля, идущая на нужды промышленности, в два раза выше у нас, чем в США. То есть надо увеличивать расходование электроэнергии в сфере обслуживания, быта, транспорта, в агропромышленном комплексе. А в промышленности — уменьшать. И тогда — по совокупности — расход электроэнергии на душу населения несколько увеличится. Это тщательно проанализировано. Цифры такие: сегодня мы потребляем около 1850 миллиардов киловатт-часов, к 2000 году — 1900—2100 миллиардов, к 2010 году — 2200—2700 миллиардов. Дальше, по-видимому, темпы замедлятся и потребление будет расти только с увеличением населения.

Электроснабжение — одна из наиболее важных составляющих в снижении дефицита, но нельзя говорить: товарищи, не надо строить станции, давайте лучше экономить электроэнергию. Нет сомнения, экономить надо. Но если мы сегодня активно займемся сбережением, эффект начнет проявляться только через пять — семь, а то и десять лет... И так, хоть и не хочется многим, чтобы возводились электростанции, а надо!

— Но какие станции строить? Общественность против атомных, не без основания опасаясь нового Чернобыля: уже закрыты Армянская АЭС, будут перепрофилированы Краснодарская и Крымская... ТЭС тоже под вопросом — никому не хочется затопления Ма-

тер. «Зеленые» дружно выступают и против тепловых станций: приоритетом является строительство Северной ТЭЦ в Москве...

— Электроэнергия нам нужна, как хлеб, вода, транспорт... Мы попросту перестанем без света и тепла существовать. Наступит новый ледниковый — «рукотворный»! — период. Спрашивается, к чему тогда наше стремление к цивилизованной жизни?

— Вспоминаю карикатуру. Двое сидят при свече, и один говорит другому: «А хорошо, что мы все-таки добились закрытия этих АЭС и ТЭС!..»

— Вот-вот... Поэтому, понимая причины, которые заставляют людей протестовать против строительства, недопустимо отвергать саму возможность сооружения любых электростанций. Конечно, атомные вызывают наибольшие споры, и проблем с ними больше всего. Собственно, основных трудностей три. Первая — проблема безопасности атомного реактора. Вторая — как контролировать хранение радиоактивных отходов. Третья — проблема плутония.

Как быть с безопасностью атомных реакторов? Во-первых, совершенствуются конструкции действующих. Во-вторых, проектируются и создаются новые. Принципы их те же самые, но изменений в конструкции очень много — в десять, сто раз повышающие безопасность. И, наконец, ведутся работы по созданию самозащитаемого реактора, который, если какие-то неприятности происходят, гасится сам. Его считают практически безопасным. Как видим, работа ведется по всем направлениям... Но чернобыльский шок силен, и в ближайшее время увеличение мощностей станций не может быть значительным: к 2000 году, по-видимому, мощность АЭС увеличится до 45—50 гигаватт (про-

тив 37,5 гигаватта в настоящее время), а к 2010 году — до 55—65 гигаватт.

— А что можно сказать относительно перспектив строительства гидроэлектростанций?

— Страна обладает огромными гидротехническими ресурсами. Но экономически эффективный их потенциал используется лишь на 20 процентов... Гидротехника хороша тем, что чиста. Однако из-за сложных экологических проблем возводить крупные плотины на равнинных реках нецелесообразно, поэтому в дальнейшем, думаю, надо ориентироваться на сооружение средних и малых ГЭС.

— Но, Юрий Николаевич, давайте вспомним, во что ГЭС превратили Волгу! Некогда красивая, изобилующая рыбой река стала цепью болот, где почти нет ничего живого. Как вы оцениваете строительство волжского каскада — как ошибку? Тогда кто за нее ответит? Или, как это принято у нас, свалим все на «коллективное решение»?

— Оценивать решения прошлого нужно с позиций того времени, в котором они принимались. Нельзя сегодняшним взглядом измерять то, что было вчера. Это элементарно.

Кроме того, насколько я знаю, каскад волжских ГЭС никогда не задумывался лишь для производства электроэнергии. Они строились как комплексные сооружения для решения многих проблем... Надо было обеспечить судходство. Нужна была вода городам Поволжья — промышленность по берегам стремительно развивалась. Хотели решить проблемы рыбозаведения (хотя сейчас очевиден ущерб, на порядок больший, чем полученный эффект)... Но остановимся на электроэнергии. Когда собирались строить волжский каскад, подсчи-

тали, сколько энергии и какой ценой можно получить на этих станциях. Какие были альтернативы? В то время только тепловые станции. И лишь на донецком или кузнецком угле. Но донецкого угля не так много, и это «грязный» уголь. Причем технические решения очистки, которые мы и сегодня считаем неудовлетворительными, были в то время еще хуже... Вот и судите, что предпочесть? Однако если бы сегодня принималось решение, я бы сказал — строить волжский каскад не надо.

Что касается «виноватого»... Ученые и хозяйственные руководители, увы, не сумели за сиюминутную выгоду разглядеть последствия. Как в шахматах — просчитали два-три хода, а надо было десять... Но, поймите, их давили то время, те социальные и политические обстоятельства...

— Слышал версию, что ГЭС на Волге, как и каскад мощных гидроэлектростанций на Енисее, построен потому, что в тех районах существуют мощные строительные подразделения. И, возведя одну гидроэлектростанцию, дабы далеко не перемещаться вместе с техникой и людьми, они начинают строить новую...

— Не думаю, что наличие строительного коллектива было основным в принятии решения о возведении объектов. Главная причина — другая стратегия развития экономики. Говорили: нам надо обеспечить форсированным путем производство, скажем, алюминия. Технология его получения требует больших затрат электроэнергии. Прекрасно. Где можно в больших масштабах «добывать» электроэнергию? В Сибири. Значит, построим там станцию. Такая схема рассуждений логична. Но эта стратегия развития экономики предельно неудачна.

— Почему?

— Не просматривалась цепочка до конца. Нужен алюминий, и все. А для чего нужен? Вот если бы было подсчитано: он необходим, чтобы на столько-то поднять жизненный уровень населения,— другое дело... И уже сегодня, когда мы рассматривали альтернативы развития энергетики, ставилась задача: ориентироваться на определенный уровень жизни к такому-то году. Для этого квартира у человека должна быть такой-то площади; столько-то машин на тысячу семей; такой-то уровень электропотребления в быту; такая-то обеспеченность продуктами... И уже отсюда — требования к промышленности, цифры ожидаемого электропотребления. Экономика «танцует» от человека... Так не думали, конечно, прежде. В этом одна из причин неэффективного характера нашей экономики.

— Итак, атомные станции масштабно развиваться не будут. Строительство ТЭС ограничится малыми и средними. На что сделать основную ставку? На тепловые станции?

— Думаю, да. И их нужно всемерно совершенствовать. Как это делать, известно. Тут основные трудности связаны не с решением научных проблем, а, как всегда, с внедрением. Есть проекты котлов с кипящим слоем, новых видов топков... Есть способы улучшения очистки уходящих газов от оксидов серы, золы... Кто или что мешает реализации этих проектов? Общий бедлам в экономике. Сейчас трудно даже сказать, кто и за что отвечает. Договоры нарушаются. Хозяйственные связи разорваны. Министерства, которые создают генерирующее оборудование — котлоагрегаты, турбины, — монополисты. Им не скажешь: «Раз вы не делаете более чистого агрегата,

я закажу его в другом месте...» Нельзя сегодня закрыть станции, а назавтра открыть чистыми. Что бы они не дымили, нужно время — спроектировать новую технику, заказать оборудование, привезти, смонтировать его...

Другой аспект проблемы: необходимо более широкое использование газа — за счет применения газотурбинных и парогазовых установок. Что они дают нам? Увеличение коэффициента полезного действия с сегодняшних 35—40 процентов до 45—52; во-вторых, экологическая чистота электростанций — нет золы, оксидов серы; на 30 процентов снижаются удельные капиталовложения.

Нам говорят: нет газа. Масса проблем, сообщает концерн «Газпром», у добытчиков, у транспортно-системы. Трудности в самом деле серьезные. Они заставляют «Газпром» вести добычу не теми темпами, что необходимы. И вроде бы ситуация такова, что на широкомасштабное применение газа в производстве электроэнергии рассчитывать не приходится. Но все-таки объективно положение иное. Есть ли газ как ресурс, и не просто ресурс, а запасы промышленных категорий? Так вот, запас газа по промышленным категориям очень большой. Сегодня он составляет 60 триллионов кубометров. Мы говорим о ежегодной добыче примерно одного миллиарда кубометров. Подсчитайте, какая часть добывается. Сегодня мы продаем его по цене приблизительно 50 рублей за тысячу кубометров. А если увеличим цену на газ до 60—70 рублей за тысячу кубометров, что примерно соответствует среднемировым ценам, то можем довести экономически эффективную ежегодную добычу даже до 1,4 миллиарда кубометров и одновременно решить сложные экономические пробле-

мы у газовиков. Причем в течение длительного времени (два-три десятилетия). И когда мы формируем экономическую политику, то должны учитывать запасы, которыми реально располагаем. В этом смысле газ есть... Так что именно за счет ТЭС должны в первую очередь решаться проблемы электроснабжения в ближайшие десять — двадцать лет.

— Вы ничего не сказали об альтернативной энергетике: солнечных, приливных, ветровых, геотермальных и тому подобных станциях.

— Дело в их стоимости... У нас существует солнечная электростанция в Крыму. Это электростанция так называемого башенного типа: лучи от зеркала направляются на бочку с водой, вода испаряется, пар вращает турбину. По тем временам, когда она только строилась, стоимость установленного киловатта была пять тысяч рублей. Тогда же стоимость установленного киловатта на тепловой станции составляла 220—250 рублей, то есть в двадцать раз дешевле.

— Я знаю, многие лаборатории на Западе работают над совершенствованием солнечных батарей, увеличением КПД приливных станций и так далее. Возможно ли в будущем промышленное применение нетрадиционной энергетики? Не окажемся ли мы в хвосте у западных фирм из-за того, что не развиваем нетрадиционную энергетику?

— Исследования в нетрадиционной энергетике ведутся достаточно активно. Госкомитет по науке и технике имеет без малого два десятка научно-технических программ. Одна из этих программ — экологически чистая энергетика. А одно из направлений в ней — возобновляемые источники электроэнергии. Были объявлены кон-

курсы по направлениям: геотермальная энергетика, солнечная энергетика, ветроэнергетика, биогаз. Победители конкурсов представили проекты со сдачей объектов под ключ. В рамках направления координируется работа очень многих научных и производственных организаций страны... Самое эффективное, конечно, солнечная энергетика. Все остальные масштабный эффект не могут дать никогда. Просто никогда.

— В США, насколько я знаю, действует около четырех тысяч электростанций, у нас — лишь 900. Всегда политика Минэнерго была: строить крупные станции, длинные мощные линии электропередачи, в которых теряется до 10 процентов энергии... Пресловутый гигантизм, охвативший, пожалуй, все сферы. Не лучше ли возвести небольшую станцию, чтобы снабжала электроэнергией свой район? Как вы прокомментируете подобные ошибки Минэнерго?

— Технология принятия решений в нашей стране всегда была иной, чем в Соединенных Штатах. Решение принималось централизованно. Рассматривали: что выгоднее строить — одну большую станцию или несколько маленьких? Выяснялось: одну большую, и иные факторы, кроме выгоды для огромной державы, в расчет не принимались. Раньше никто не спрашивал мнения Советской власти на местах, мнения общественности... Сейчас надо договариваться с Советами. Чтобы не только не были против, но поддержали, помогли, понимали, что это им выгодно, полезно. Выбрать сегодня площадку для строительства ТЭЦ мощностью в один гигавайт, да еще обеспечить капиталовложениями — если дефицит тепла в том месте, где ее собираются строить, составляет пять процентов от мощности станции — почти

невозможно. Говорят: «Вы нам будете покрывать дефицит, когда постройте, лет через десять, и отадача будет не только нам, но и соседям. Дайте лучше нам маленький котелок, мы завтра получим тепло и не будем отдавать его соседям». Все это понятно. А у американцев так давно. У них совсем другая система принятия решений — та, к которой мы сейчас идем.

Но многие американцы убеждают нас: «Вы только не разрушайте свою единую энергетическую систему. Вы ее создали. А мы ее не можем создать». Другая система собственности! Они вынуждены держать 25—30 процентов мощностей в резерве. Они вынуждены идти на менее эффективные решения. Менее эффективные с позиции государства как единого целого... Но может быть эффективность и с других позиций: например, жителей какого-то района, граждан какой-то республики. Станции — для людей, а не для некоего абстрактного государства...

— В начале беседы вы говорили, что нас спасают только теплые зимы. А что, если следующая зима будет очень холодной?

— Ответ прост и страшен. Возможна серия системных аварий. Массовые отключения потребителей. Остановятся многие заводы. Воцарится хаос... Сейчас мы переживаем время полусвета. А тогда наступит время тьмы

— Из этого я делаю вывод, что энергетику надо спасать прежде всего.

— Вы, безусловно, правы.

— Спасибо за откровенные, хотя и достаточно осторожные ответы.

ЛАРИСА МИЛЛЕР

А если был июнь и день рождения...

96

СТРАНИЦЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ СЛОВЕСНОСТИ

*В затонах остывают пароходы,
Чернильные загустевают воды,
Свинцовая темнеет белизна,
И если впрямь земля болеет нами,
То стала выздоравливать она —
Такие звезды блещут над снегами,
Такая наступила тишина,
И, боже мой, из ледяного плена
Едва звучит последняя сирена.*

ФОТО АЛЕКСАНДРА КРИВОМАЗОВА

Всего одно маленькое стихотворение, над которым стояло имя неизвестного мне поэта: Арсений Тарковский. Стихи запомнились. Имя тоже.

Однажды я услышала, что при Союзе писателей открывается студия молодых литераторов. Меня пригласили в эту студию, и я с радостью пошла. Организационное собрание происходило в малом зале Дома литераторов. Зал был набит битком. За длинным столом сидели писатели — будущие руководители семинаров. Речи, речи. По окончании собрания всем студийцам предложили подойти к спискам, висевшим на доске, и посмотреть, в чей семинар они попали. Я мечтала оказаться в семинаре Давида Самойлова, но, увы, не оказалась. Я так огорчилась, что побежала к одному из организаторов студии, поэту Нине Бялосинской, с которой была знакома прежде, умоляя написать меня к Самойлову. «Не могу,— говорила Нина,— у него полно народу. Но я записала тебя к прекрасному поэту Арсению Тарковскому. Иди, познакомься с ним. Вон он, пожилой, с палкой». Робея, я подошла к нему. Он встал, уронил палку, протянул мне руку ладонью вверх и, мягко улыбувшись, сказал: «Здравствуйте, дитя мое». Происходило это в 1966 году. Тарковскому было 59 лет.

На первом семинаре Тарковский произнес речь, если то, что он сказал, можно назвать речью. «Я не знаю, зачем мы здесь собрались,— говорил он с улыбкой.— Научить писать стихи нельзя. Во всяком случае, я не знаю, как это делается. Но, наверное, хорошо, если молодые люди будут ходить сюда и тем самым спасутся от тлетворного влияния улицы». Вот с такой «высокой» ноты мы начали свои занятия. На каждом семинаре кто-то читал стихи, а потом «семинаристы» высказывались по поводу прочитанного. Почему-то на литобъединениях было принято нападать и кусаться. Тарковского такой тон шокировал. Было видно, что ему становилось неуютно в обществе юных волчат. Тарковский не хвалил всех подряд. Вышучивал неуклюжие строки, не пропускал ни одной плохой рифмы, но никогда не делал это грубо. Если же стихи ему совсем не нравились, он говорил: «Это так далеко от меня. Это совсем мне чужое». Арсений Александрович никогда не держался мэтром, вел семинары весело и любил рассказывать, как однажды Мандельштам читал в его присутствии новые стихи:

Довольно кукситься! Бумаги в стол засунем!

Я нынче славным бесом обуян,

Как будто в корень голову шампунем

Мне вымыл парикмахер Франсуа...

«Почему не Антуан?» — спросил Т. «Молодой человек! У вас совсем нет слуха!» — в ужасе воскликнул Осип Эмильевич.

В присутствии Тарковского, такого артистичного, живого, ироничного и простого, смешно выглядели юные не улыбочивые поэты, которые мнили себя гениями, говорили загадками, читали туманные стихи. Однажды во время занятия вошел один такой юный «гений», шумно подвинул стул на середину комнаты, взял со стола пепельницу, поставил ее возле себя на пол и, усевшись, закурил. В перерыве мрачный юноша подошел к Тарковскому

и с ходу стал читать ему что-то заумное и длинное. А. А., который, видимо, надеялся в перерыве отдохнуть от стихов, покорно выслушал чтение до конца. Но когда тот собрался читать дальше, прервал его и спросил, кто он и откуда. Молодой человек сказал, что работает в подвале. «Что вы там делаете? Пытаете?» — осведомился Тарковский.

А. А. был терпим. Он не любил конфронтации, острых углов. Никогда не спорил с пеной у рта, а просто молча оставался при своем мнении. Но он бывал непримирим и определенен, когда речь шла о принципиальных вещах. Мой друг Феликс Розинер был свидетелем такой сцены на семинаре молодых литераторов в Красной Пахре в 70-х годах. На общем собрании один из участников семинара вышел на трибуну и гневно заявил, что накануне вечером имярек пел под гитару антисоветские песни. «За такие песни расстреливать надо!» — кричал обличитель. И тут из зала раздался громкий голос Тарковского: «Того, кто говорит, что за песни надо расстреливать, необходимо немедленно лишить слова».

Наступил день, когда на семинаре в ЦДЛ обсуждались мои стихи. Не помню, что мне говорили, но помню, что я была удручена. Мне казалось, что Тарковского мои стихи оставили равнодушным. Некоторое время спустя А. А. вдруг попросил меня дать ему стихи. Он сказал, что хочет повнимательнее прочесть их. Когда через несколько дней я пришла к нему домой, Тарковский был в страшном волнении. Он шел мне навстречу, Вернее, не шел, а прыгал на одной ноге (он был без протеза), тяжело опираясь на палку. «Здравствуйте, детка. Я как раз пишу вам письмо. Вы чудо и прелесть, — говорил он. — И стихи ваши чудо. Вы все прочтете в моем письме. Пойдемте в комнату». Мы сели на диван. Голова моя кружилась. Мне казалось, что это сон. Арсений Александрович придвинул к себе лист бумаги и стал дописывать письмо. «Читайте». Он подал мне густо исписанный листок бумаги. Я читала и не верила своим глазам. Когда я кончила читать и посмотрела на Тарковского, он, улыбаясь своей особенной растроганной улыбкой, быстро провел ладонью по моим волосам. «Все правда, детка. Вы чудо. Только пишите». Даже сейчас, через двадцать с лишним лет, вспоминая тот день, я завидую самой себе. Потом до меня доходили слухи, что А. А. читал знакомым мои стихи, носил их в журнал «Юность», ездил в издательство «Советский писатель» на прием к главному редактору Соловьеву и пытался ускорить издание моей книги, которая лежала там без движения. Сам Т. никогда мне об этом не говорил. Разве что вскользь, без подробностей. Я не боюсь, что меня обвинят в нескромности, по нескольким причинам. Во-первых, как говорила Ахматова, беседуя с кем-то из друзей: «Мы не хвастаемся. Мы просто рассказываем друг другу все подряд». Могу ли я, вспоминая о своих отношениях с Тарковским, пропустить одно из самых важных в моей жизни событий, связанное с ним? И кроме того, поэт не рожден поэтом раз и навсегда. Он может иссякнуть. Любое его стихотворение может стать последним. И тогда он гол как сокол. Никакие прошлые стихи и успехи не утешат. Во всяком случае,

меня. И потому я позволю себе привести полностью письмо Тарковского.

«Дорогая Лариса!

Я прочитал глазами ваши стихи, прочитал весь ваш 1967 год моему приятелю Владимиру Державину и (как и он) нахожусь в состоянии восхищения, все радуюсь, каким очень хорошим поэтом вы стали в ЭТОМ году. Раньше все было в начале шкалы отсчета, теперь же вы занимаете наивысший уровень над поэтами послевоенного времени.

У вас уже все есть для того, чтобы задира́ть носик и не считаться ни с кем. Больше чем в чье-нибудь, я верю в ваше будущее. У вас свой взгляд на каждую изображаемую реалию, все проникнуто мыслью, вы прямо (в лучших стихотворениях) идете к цели; мысль крепко слажена, и нова, и нужна читателю. Особенно внимательно я прочитал стихотворения 1967 г., заметил — что, по-моему, нужно исправить (ударения, звуки). На книгу стихов стихотворений еще не набирается, не стоит хорошее разжижать ранними (послабей) стихотворениями. Что еще у вас хорошо — это большое дыхание: синтаксического периода хватает на всю строфу, и вы прекрасно ее строите; что до формы, то идеалом мне кажется — совпадение ритма и синтаксиса, а это у вас есть. ПОСЛЕДНИЕ СТИХОТВОРЕНИЯ очень выигрывают от того, что вы стали строго рифмовать. Вы прелесть и чудо; теперь все — для поэзии, я уверен, что русская поэзия должна будет гордиться вами; только ради Бога, не опускайте рук! Я верю в вас и знаю, что ваше будущее — не только как поэтессы, но и поэта — у вас в кармане, вместе с носовым платком. Еще год работы — и слава обеспечена, причем слава ваша еще более, чем вам, нужна вашим будущим ЧИТАТЕЛЯМ.

Преданный вам А. Тарковский. 10.IV.1967 г.

Не выбрасывайте этого письма, спрячьте его на год. Посмотрим, что принесет он вам (нам), проверим мое впечатление. А. Т.».

С этого дня началась наша многолетняя дружба.

Так хочется удержать в памяти его мимику, голос и выговор. Он произносил какие-то усеченные редуцированные гласные. Говорил так, будто ему не хватает воздуха, слегка задыхаясь. И стихи читал, будто на последнем дыхании, замирая к концу. И тем не менее великолепно доносил каждое слово, каждый звук.

А мать стоит, рукою манит, будто

Невдалеке, а подойти нельзя:

Чуть подойду — стоит в семи шагах,

Рукою манит; подойду — стоит

В семи шагах, рукою манит...

Сама строка здесь прерывистая, как дыхание. И последнюю фразу он произносил, как бы сходя на нет: «А мать пришла, рукою поманила — и улетела...» Кто бы и как ни читал стихи Тарковского, я всегда буду слышать только его голос, помнить только его интонацию:

*Вот и лето прошло,
Словно и не бывало.
На пригреве тепло.
Только этого мало.*

*Все, что сбыться могло,
Мне, как лист пятипалый,
Прямо в руки легло,
Только этого мало.*

А. А. делает глотательное движение, будто сглатывает то, что стоит в горле и мешает читать...

*Листьев не обожгло,
Веток не обломало...
День промыт, как стекло.*

И еле слышно:
Только этого мало.

Он читал без пафоса, иногда с волнением, иногда почти индифферентно, но я не думаю, что кто-то может прочесть его стихи лучше, чем он сам. В 70-е, 80-е годы Тарковский нередко выступал в научных институтах, библиотеках, творческих союзах. А. А. всегда читал стоя. «Из уважения к Музе», — говорил он. В 1976 году мы с мужем купили магнитофон и приехали к Тарковскому, чтоб записать его чтение. Это была моя давняя мечта. А. А. читал долго и щедро. К сожалению, качество кассет оказалось низким, и сейчас их почти невозможно слушать. Слава Богу, теперь выпущены пластинки.

Тарковский любил читать стихи других поэтов. Он часто читал Тютчева, Ин. Анненского, Мандельштама, Ходасевича, Ахматову. По-моему, Тарковский очень тосковал без нее. Однажды он грустно сказал мне: «Вот нет Анны Андреевны, и некому почитать стихи». Когда Тарковский читал Ахматову, на глаза его наворачивались слезы. «Ее рукой водили ангелы», — говорил он. Тарковский любил вспоминать шутки Ахматовой. У Татьяны Алексеевны даже есть записная книжка, в которую она все годы их знакомства записывала ахматовские остроты.

Как-то, придя к Тарковским в Переделкино, мы увидели у А. А. на кровати маленький сборник Георгия Иванова, изданный за рубежом. «Послушайте, какой дивный поэт!» — воскликнул Т. и, открыв книжку, прочел:

*Эмалевый крестик в петлице
И серой тужурки сукно...
Какие печальные лица,
И как это было давно.*

*Какие прекрасные лица
И как безнадежно бледны
Наследник, императрица,
Четыре великих княжны.*

Потом мы долго листали сборник и читали стихи по очереди. Арсений Александрович с удовольствием читал гостям стихи и прозу Даниила Хармса из хранившегося у него самодельного

сборника. Часто читал понравившиеся ему стихи молодых своих друзей: Саши Радковского, Марка Рихтермана, Миши Синельникова, позже Гены Русакова. Всех нас он опекал, пытался помочь, хотя это было непросто и не всегда ему удавалось. «Плохие времена, детка, пятидесятилетие», — со вздохом говорил А. А. еще в начале нашего знакомства.

На моей книжной полке стоит фотография, сделанная в 72-м году в библиотеке имени Чехова, где мы, молодые поэты, — Саша, Миша, Марк, Алик Зорин и я — выступали со стихами. Тарковский вел вечер. «И как это было давно!» Марк Рихтерман умер в 80-м году. Он успел увидеть в печати несколько своих стихотворений. Случилось это только благодаря усилиям Евгения Евтушенко, Арсения Александровича и его жены Татьяны Алексеевны Озерской, которая стала другом всех молодых друзей Тарковского. У Саши Радковского до сих пор нет ни одной книги и даже ни одной настоящей публикации. А те несколько стихотворений, что напечатаны, тоже, по-моему, появились в печати не без помощи Тарковского. Остальным участникам того вечера больше повезло: у нас есть книги. Хоть и урезанные, препарированные, но есть, что само по себе чудо, если учесть, что пятидесятилетие плавно перешло в шестидесяти-, а потом в шестидесятипятилетие. И все это время мы ждали, когда кончатся «праздники» и начнется жизнь. Невольно приходят на память строчки из самодельной книги никогда не печатавшегося поэта Владимира Голованова «Сентяб, октяб, нояб, декаб, кап, кап, кап...». Одно время Тарковский, которому случайно попал в руки машинописный сборник Голованова, с удовольствием угощал гостей его странными, абсурдными, смешными и горькими стихами. «А ледники ползут, как змеи, и тают, гадины, как масло...» — громко хохоча, читал А. А.

Сентяб, октяб, нояб... Шли годы. И все это выморочное время Тарковский оставался для нас заповедником, где мы находили то, что исчезало на глазах: корневую, нерушимую связь с Русской и Мировой Культурой, благоговейное отношение к Слову, Музыке, Жизни. Арсений Александрович не любил пафоса, и мы ему никогда не говорили высоких слов, хотя каждый из нас понимал, что такое Тарковский. Его присутствие на земле вселяло надежду. И он сам всегда призывал надеяться, не опускать рук, хотя вовсе не был оптимистом. Вот как он подписывал свои сборники: «...с надеждой добра и пожеланием счастья, в ожидании новых стихов и книги, с заветом писать во что бы то ни стало... 18.8.69», «...с неистребимой верой в физическое бессмертие произведений подлинного искусства, в неодолимую силу их духовности, в то, что грядущему они — хлеб насущный. 7.2.1975».

Я всегда показывала Тарковскому свои новые стихи. Сперва читала их сама, потом он брал листки у меня из рук и прочитывал про себя или вслух своим особым вибрирующим голосом. Последние две строки он обычно произносил медленнее и тише, как бы замирая к концу и возвращая стихотворение туда, откуда оно пришло: в тишину, безмолвие, небытие. Тарковский редко ругал стихи, которые я ему читала, но я всегда видела,

когда он по-настоящему взволнован. Иногда очень ценные замечания делала его жена Татьяна Алексеевна, переводчик художественной литературы с английского языка. У нее прекрасное чувство слова, и мне всегда было важно ее мнение. Когда я дарила Тарковским свой очередной самодельный сборник, я всегда поражалась тому, с каким вниманием Татьяна Алексеевна прочитывала его и потом звонила мне, чтоб поговорить подробно о стихах. Случалось, что Тарковский просил почитать новое, но я вздыхала: «Новых нет. Не пишется». «Ничего,— отвечал он,— это перед стихами». Сам он некоторое время не писал и очень страдал от этого. И вдруг, по-моему, в середине 70-х, произошел новый взлет. Он написал сразу несколько прекрасных стихов. Т. удивительно помолодел. И даже его реакция на чужие стихи изменилась. Он стал требовательнее, придирчивее, острее реагировать на то, что ему читали. После стольких лет привычного: «Все у вас хорошо, детка»,— я вдруг услышала замечания, критику, что было неожиданно и необычно.

Я никогда не видела А. А. озабоченным литературными делами. Он был далек от всех и всяческих группировок, от редакционной суеты и сплетен. Он был сам по себе.

Я никогда не видела Тарковского сосредоточенно работающим за письменным столом, как подобает профессиональному литератору. Может быть, он работал так прежде, когда был моложе. И тем не менее в те годы, когда я его знала, им была написана целая книга стихов. Среди них такие шедевры, как «Пушкинские эпиграфы», «Зима в детстве», «Вот и лето прошло», «Памяти Ахматовой», «И я ниоткуда». Да разве все перечислишь! Он записывал стихи в свой толстый, небольшого формата кожаный блокнот с ленточкой-закладкой. Этот блокнот он всегда брал с собой на выступления и читал оттуда новое.

Конечно, я занимаюсь зряшным делом, пытаюсь передать словами его облик, живую мимику, жесты. Лицо Тарковского казалось чрезвычайно подвижным. В глазах была нежность, а в углах губ уже таилась ирония. Временами, когда он себя плохо чувствовал, глаза его были полуприкрыты, и на лице появлялось страдальческое выражение. Но, услышав что-нибудь смешное, он мог мгновенно просиять и расхохотаться. Иногда он вздрагивал и стонал, жалуясь, что у него болит нога. Ампутированная.

«Где моя палка-упалка, палка-пропалка?» — говорил А. А., собираясь встать. Он часто ронял и терял свою палку. Но и когда тяжело опирался на нее, не было ощущения, что он устойчив. И правда, он нередко терял равновесие, падал. Наверное, потому, что был импульсивен, порывист. И потому, быть может, что осмотрительность, осторожность не были свойственны ему. Т. мог ползти по приставной лесенке за книгой, лежащей на верхней полке. Мог встать на что-нибудь шаткое, чтоб починить лампу. Он ломал то руку, то ногу, но не менялся.

Тарковский немного «играл», и не всегда удавалось понять, серьезен он или шутит. «Ой, умираю!» — вскрикивал он, хватаясь за сердце, за локоть или плечо. «Что с вами, Арсений Александрович? Что у вас болит?» — «Все болит. Душа болит.

Я устал». — «От чего устали?» — «От всего устал. Жить устал. Обмениваться, дышать». Когда раздавался звонок в дверь или телефонный звонок, Т. страшно вздрагивал, и лицо его искажалось, как от внезапной боли. «Таня-я-я, — громко звал он жену. — Звонят». Причем это «звонят» звучало как «пожар». По-моему, у А. А. была телефонофобия. По телефону его голос звучал почти панически, и он быстро кончал разговор.

Вижу его большие, крепкие руки. Руки мастерового. Тарковский и правда многое умел делать руками. Он мне показывал журнальный столик, который сам обтесал и отполировал. Он умел переплетать книги и делал это изящно и со вкусом. В 1977 году А. А. подарил мне рукопись только что написанной шуточной поэмы «Чудо со щеглом». Он сам переплел ее и оформил. Это был его подарок к нашему с мужем пятнадцатилетнему юбилею. Тарковский читал свою поэму вслух, хохоча так, что с трудом дочитал до конца. Он был очень артистичен. Удивительно красиво держал сигарету и ловко пользовался зажигалкой. В последние годы Татьяна Алексеевна запрещала ему курить. Он, как ребенок, пытался перехитрить ее, куря тайно и прося свидетелей его преступления не говорить Тане. «Из чего только сделаны мальчишки?» Тарковский всегда оставался мальчишкой. Если не карманы, то ящики его стола были набиты всякой всячиной: изящными зажигалками, красивыми записными книжками, разнообразными ручками, маникюрными наборами разного калибра. Он радовался красивым и экзотическим мелочам. Любил получать их в подарок и любил дарить. Когда родился мой старший сын, Т. подарил нам золоченый стаканчик с изящным рисунком и золотую ложечку с орнаментом. «На зубок», — сказал он.

Но главным его богатством были книги и пластинки. Если книги были навалены всюду и везде: на полках, на столе, на кровати, на полу, — то пластинки были тщательно разобраны, расставлены по местам. На них была заведена картотека, и Т. легко находил нужную. Когда у него появлялись дубликаты, он отдавал мне старые пластинки. Они и сейчас хранятся у меня, в конвертах, на которых рукой Тарковского написано, что и кем исполняется. Однажды Арсений Александрович спросил, есть ли у меня сонаты Бетховена. Я сказала, что есть. «А кто исполняет?» — спросил А. А. Я не помнила. «Вы сами не знаете, что у вас есть», — сказал он скучным голосом. Я очень расстроилась и с той поры изучила все свои записи и пластинки. У Т. пластинки никогда не лежали мертвым грузом. Он жил с ними. У него был прекрасный проигрыватель, и слушать музыку у Тарковского было особым удовольствием. И не столько из-за качества звука, сколько из-за самого хозяина. Трудно даже объяснить почему. Когда у него появлялась новая полюбившаяся пластинка, он сообщал об этом, едва вы входили в дом. Он как бы угощал вас ею. «Вот послушайте. Дивная вещь». Он прыгал к полке, доставал пластинку и, сняв с нее рубашку, аккуратно ставил на проигрыватель. Затем плюхался на диван и, откинувшись на подушку, слушал. Иногда при этом курил, а иногда полировал специальной пилочкой ногти. Ничего особен-

ного не происходило, но для меня он был, пожалуй, единственным человеком, в чьем присутствии мне было легко слушать музыку. Когда мы слушали Моцарта, он брал с полки каталог Кехля и проверял, в какое время написана та или иная вещь. Он вообще очень любил словари и справочники. Когда я читала ему свои новые стихи, он, если в чем-то сомневался, посылал меня за словарем. «Ларисочка, вон словарь на нижней полке. Подите, детка, принесите, вы молодая, у вас ноги есть».

Помню, как эти книги и пластинки превратились в бешеную, взбунтовавшую стихию, когда Тарковские собирались переезжать с Аэропортовской на Садово-Триумфальную. Помню, как измученные хозяева пытались укротить ее с помощью коробок и бечевки. Помню, как на борьбу со стихией бросились Саша Радковский, мой муж и кто-то третий. В новой квартире оказалось шумно и пыльно, и приходилось держать окна закрытыми даже летом. Все больше времени Тарковские проводили в Домах творчества или на даче в Голицыне. А. А. не очень любил покидать свою московскую квартиру. Особенно жалко ему было расставаться с пластинками. Одно время он даже собирался завести лишний проигрыватель, чтобы возить с собой. Но так и не завел.

В начале 70-х мы с мужем провели у Тарковских в Голицыне несколько летних дней. Дача казалась большой, тенистой. В комнатах, заставленных книжными полками, ностальгически пахло старыми книгами. Помню, что в одной комнате стоял тяжелый письменный стол, в столовой — камин, который иногда топили. Но главной достопримечательностью Голицына был старый телескоп. Когда-то А. А. очень увлекался астрономией, и в его огромной голицынской библиотеке было множество книг по астрономии. Он вообще интересовался науками: естествознанием, физикой. Любил беседовать с людьми, занимающимися наукой. Часто говорил с моим мужем — физиком — на разные космические темы. На дачном участке росли кусты сирени, шиповника, малины. Живя там, мы каждый день собирали к чаю мелкую сладкую малину. Дом казался загадочным, старым, скрипучим, хранителем многих тайн, свидетелем давних событий. Однажды я встала раньше всех и пошла на террасу пить кофе. Туда выходило окно комнаты, в которой спал Арсений Александрович. Он неровно дышал во сне, его рот был полуоткрыт, щеки ввалились. И я вдруг осознала, что Тарковский — старый человек и что он смертен. Когда он бодрствовал, лицо его становилось таким подвижным, он умел так смеяться и шутить, что подобные мысли не приходили в голову. Но сам-то он, как всякий поэт, думал о смерти и писал о ней.

А! Этот сон! Малютка-жизнь, дыши,

Возьми мои последние гроши.

Не отпускай меня вниз головою

В пространство мировое, шаровое!

Невозможно в таком рассказе придерживаться хронологического порядка. Вспоминается то одно, то другое. И хочется все удержать, все донести. Осень 1977 года. Мы с мужем едем к Тарковским в Голицыно. Я везу ему свою первую книгу,

которая наконец-то, после долгого ожидания, вышла. Тарковский в постели. Он недавно упал, сильно ушибся и еще малопо-
движен. Арсений Александрович берет книгу в руки, перелисты-
вает страницы, кое-что читает вслух, изучает обложку и иллю-
страции. Он рад моей книге: очень ждал ее появления и немало
для этого сделал. Вижу, как он держит книгу своими большими
сильными руками, как листает, как проводит по странице ладо-
нью. Увы, когда десять лет спустя, в 1986 году, вышла моя
вторая книга, Тарковский был уже почти отключен от внешнего
мира. После операции под общим наркозом, которую он перенес
в 1984 году, Арсений Александрович стал совсем плохо слышать
и даже то, что слышал, не всегда понимал. Он почти не говорил.
Единственной живой реакцией была паника, когда он не видел
рядом Татьяну Алексеевну. Он испуганно искал ее глазами и,
как ребенок, потерявший мать, восклицал: «Таня! Танечка! Где
Таня?» На это было больно смотреть. В это не хотелось верить.
Иногда вдруг случались просветы. Тарковский оживлялся, ра-
дуясь приходу знакомых, друзей Шутил. Но это длилось недол-
го. И снова на лице возникало столь несвойственное ему расте-
рянное, беспомощное выражение. Тарковский уходил.

Помню один из последних разговоров, когда он был еще самим
собой. Весна 83-го года. У меня только что умерла мама. Кто-то
из друзей дал мне книгу Моуди «Жизнь после жизни». Эта книга
была мне нужна как воздух. Благодаря ей мне казалось, что
я сохраняю связь с мамой. Я сидела в переделкинской келье
у Тарковских и рассказывала им содержание книги. Я видела,
какое впечатление производят на Тарковского мои слова. Он
слушал серьезно и напряженно, стараясь не пропустить ни
слова. Как ему хотелось верить в те чудесные явления, о кото-
рых писал Моуди. Как хотелось ему верить в жизнь после
жизни.

*И я ниоткуда
Пришел расколоть
Единое чудо
На душу и плоть.*

*А сколько мне в чаше
Обид и труда...
И после сладчайшей
Из чаш — никуда?*

А тогда, в 77-м, он читал и перелистывал мою книгу. Тогда же
зашел разговор об Андрее. Арсений Александрович с грустью
сказал, что Андрей давно не звонил, не появлялся и даже не
знает, что отец болен и лежит в Голицыне. И, о чудо, возвраща-
ясь в тот день из Голицына, мы оказались в вагоне метро рядом
с Андреем. Я бросила случайный взгляд на рукопись, которую
он читал, и увидела, что это сценарий о Моцарте. Велико было
искушение сказать ему, что мы едем от отца, который болен
и скучает, но мы не решились, так как не были знакомы.
Я много раз встречала дочь Тарковского Марину, которая часто
навещала отца. Мы подружились и иногда перезванивались.
Андрея же я видела только дважды в жизни: первый раз

в Политехническом музее на вечере Арсения Александровича, второй — тогда в метро. Саша Радковский видел его чаще и говорил мне, что порой казалось, будто Арсений младше Андрея. Рядом с А. А., который часто шутил и дурачился, Андрей казался молчаливым и серьезным. Саша видел, как они играли в шахматы. Когда А. А. проигрывал, он так расстраивался, что даже чувство юмора ему изменяло. Он требовал новых партий и играл до тех пор, пока не выигрывал. Если же не удавалось взять реванш, Тарковский долго оставался не в духе. Я не видела, как играл в шахматы А. А. с Андреем, но знаю, что он не мог равнодушно смотреть на чужую партию. Однажды в шахматы сразались мои сыновья. Я что-то рассказывала Арсению Александровичу, но увидела, что он меня не слушает и весь поглощен игрой детей. Младшему было тогда лет девять или десять. Он только учился играть. Ему требовалось время, чтоб обдумать ход. Но не тут-то было. А. А., передвинув на доске фигуру, требовал: «Ходи так». Но мой сын хотел ходить сам. Он поставил фигуру на место и сделал другой ход. Нелепейший, с точки зрения Арсения Александровича. «Что ты делаешь? — кричал А. А. и хватался за голову. — Кто так ходит?» Он пытался повторить прежний ход, но мой сын вцепился в фигуру и не отпустил. Он был почти в слезах, Тарковский — в гневе, а я — в ужасе. Положение спасла Татьяна Алексеевна. Она пришла (это было, кажется, в фойе переделкинского Дома творчества) и увела всех в парк.

Я почти не встречалась с Андреем, но Арсений Александрович нередко говорил о нем. Особенно во время съемок фильма «Зеркало». Да и позже. Однажды А. А. сказал: «Сегодня был Андрей и рассказал сон: мы с ним по очереди ходим вокруг большого дерева: то я, читая стихи, то он. Скрываемся за деревом и появляемся снова». Сон был длинный. Я не придала этому рассказу значения и мало что запомнила. А позже поняла, что этот сон был началом «Зеркала», моего любимого фильма. А. А. видел фильм много раз, хотя это давалось ему не просто, и он всегда имел при себе валидол. Как больно смотреть «Зеркало» теперь, когда нет ни Андрея, ни Арсения Александровича, ни Марии Ивановны — матери Андрея. Какое счастье, что остаются стихи и фильмы. Какое счастье, что остался голос Арсения Александровича. Его неповторимый, глуховатый, вибрирующий голос:

*Свиданий наших каждое мгновенье
Мы праздновали, как богоявление,
Одни на целом свете. Ты была
Смелей и легче птичьего крыла,*

*По лестнице, как головокруженье,
Через ступень сбегала и вела
Сквозь влажную сирень в свои владенья
С той стороны зеркального стекла.*

Думая о «Зеркале», особенно о последних кадрах фильма, тех, где бескрайнее поле, через которое идут то мать с детьми, то бабушка с внуками, я невольно вспоминаю маленький люби-

тельский снимок, который я видела у Арсения Александровича: по тропинке, взявшись за руки, идут отец с сыном. Снимок довоенный. Отец еще без палки, молодой, в белой рубашке с закатанными рукавами, а сын маленький, стриженный. Они сфотографированы со спины, идущими через поле солнечным летним днем.

А. А. часто повторял: «Зачем они мучают Андрюшку? За что они его так мучают?» Когда Андрей уехал, Тарковский долго не имел от него прямых вестей. Получив наконец длинное письмо, он читал его, перечитывал и давал читать друзьям. В том письме Андрей писал о причинах своего отъезда, о своих многолетних мытарствах и горестях. Теперь это письмо опубликовано и многократно процитировано. Когда Андрей умер, Арсений Александрович уже мало осознавал происходящее. И тем не менее Татьяна Алексеевна, боясь за него, старалась подготовить Тарковского к страшному известию. Узнав о смерти сына, А. А. плакал. И все же удар, наверное, был смягчен тем состоянием, в котором он находился. Я была у Тарковских в Переделкине, когда туда приехала Марина, только что вернувшаяся из Парижа, с похорон. Она была утомлена и подавлена. Ей трудно было говорить. А. А. спал, одетый, на диване. Марина, несмотря на усталость, хотела дождаться его пробуждения, чтобы поздороваться и поговорить. Наконец Тарковский открыл глаза. Марина наклонилась к нему: «Папа. Папа». Т., увидев ее, спросил: «Что? Похоронили?» «Похоронили», — ответила Марина. Больше А. А. ни о чем не спрашивал.

108 Случилось так, что Арсений Александрович и Татьяна Алексеевна пережили своих сыновей. Андрей похоронен в Париже, а Алеша, сын Татьяны Алексеевны, поблизости, в Вострякове, куда Тарковские часто ездили. Несколько лет назад поздней осенью мы сопровождали их на кладбище. А. А. с трудом шел по размокшим от дождя дорожкам. Сперва мы навестили могилу Алеши, а потом могилу Марии Ивановны, похороненной там же.

Жизнь меня к похоронам

Приучала понемногу.

Соблюдаем, слава богу,

Очередность по годам.

Но ровесница моя,

Спутница моя былая,

Отошла, не соблюдая

Зыбких правил бытия.

Пишу одно, а вспоминаю другое: и драматичное, и забавное, и смешное. Вспоминаю, как летом 1972 года Тарковские приехали навестить нас в «Заветы Ильича», где мы снимали дачу. Мы пошли вместе на речку, и мой старший сын, которому тогда было четыре года, завел с дядей Арсюшей разговор о том, что каждый человек похож на какое-нибудь животное. «Ну, а я на кого похож?» — спросил А. А. «Ты?» Мой сын задумался, внимательно разглядывая Тарковского. «На обезьяну», — уверенно заявил он. А. А. расхохотался. По-видимому, он был польщен, так как любил обезьян, считал их милашками и даже держал старую плюшевую обезьяну на своем диване. Когда мы собира-

лись уходить с речки, мой ребенок отличился снова. Он долго следил за тем, как Тарковский пристегивает протез, а затем громко спросил: «А дядя что, разборный?»

А. А. всегда запоминал чужие шутки и любил их повторять. Он не терпел котурнов и даже о драматичном и тяжелом в своей жизни умел говорить как о чем-то будничном и смешном. Однажды Тарковский рассказывал, как он со своими солдатами брал высоту. Мой муж спросил его: «А как вы поднимали солдат в атаку? Кричали? Приказывали?» «Нет», — ответил Т., — я им сказал: «Ребята, надо взять эту высоту. Если не возьмем, меня расстреляют». Даже о том, как он потерял ногу, А. А. рассказывал как о забавном эпизоде. Он уже погибал, нога загнивала, а раненых все несли и несли. Врачи не справлялись, санитары спали на ходу. Тарковского спас лежащий рядом офицер, который выхватил пистолет и, направив на вошедшего хирурга, приказал нести раненого на операцию.

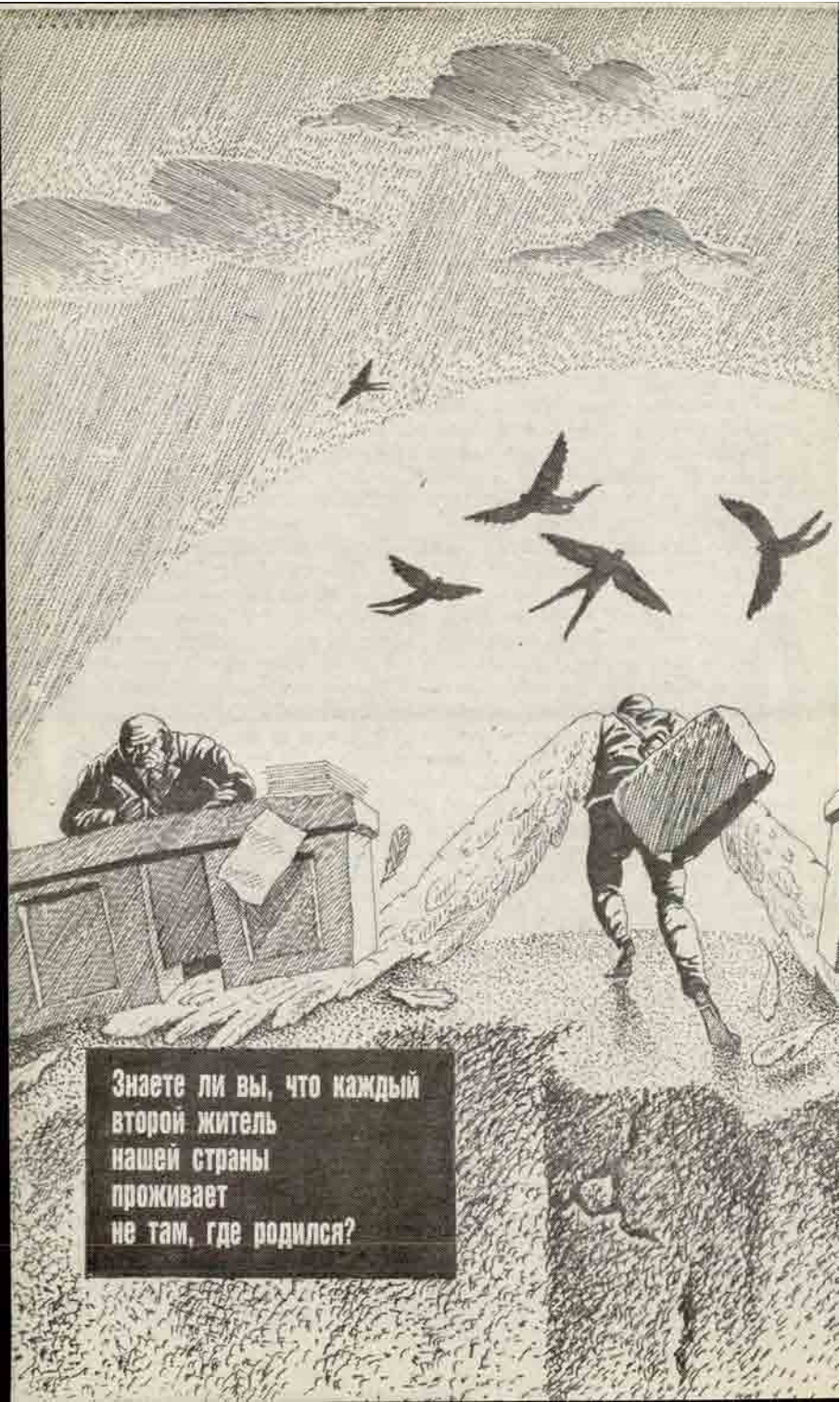
Интонация, междометия, улыбка Тарковского — этого не передашь. И все же, вспоминая один эпизод за другим, не хочу отпустить их в небытие. Даже мелочи. Вот идет разговор о фильме, который Тарковский видел накануне. «Что вы вчера смотрели?» — спрашиваю я А. А. «Таня, что мы вчера видели?» Татьяна Алексеевна называет фильм. «Хороший?» «Чудовищный», — отвечает А. А. «Как! Арсюша! — возмущается Татьяна Алексеевна, — ты вчера говорил, что хороший». «Я же не воробей, чтоб каждый день чирикать одно и то же», — невозмутимо отвечает Тарковский. Однако были фильмы, о которых Т. всегда «чирикал одно и то же»: фильмы Чаплина. Как он любил Чаплина! Как оживлялся, когда говорил о нем!

Все, что происходило в жаркий майский день 89-го года в большом зале Дома литераторов, казалось, не имеет никакого отношения к Тарковскому. На сцене — гроб с телом покойного. Справа от гроба — стулья, на которых сидят родные: жена, дочь, внуки. В полутемном зале те, кто пришел проститься с Тарковским. Обычная церемония: почетный караул, речи, цветы, музыка. Но Тарковского здесь нет. Мертвое лицо с ввалившимися щеками — разве это он? И вот я еду с панихиды, вспоминая его стихи, говорю с ним, смеюсь его шуткам: «Ларисочка, приезжайте, детка. Я купил ваше любимое желе — тварь дрожащую». Я вижу, как он характерным движением откидывает прядь со лба, слышу его голос:

*И страшно умереть, и жаль оставить
Всю шушеру пленительную эту,
Всю чепуху, столь милую поэту,
Которую не удалось прославить...*

И снова лето. Лето без Тарковского. Но без поэта ли? Ведь я слышу его голос:

*А если был июнь и день рожденья,
Боготворил я праздник суетливый,
Стихи друзей и женщин поздравленья,
Хрустальный смех и звон стекла счастливый,
И завиток волос неповторимый,
И этот поцелуй неотвратимый...*

Знаете ли вы, что каждый
второй житель
нашей страны
проживает
не там, где родился?

СТРАНА МИГРАНТОВ

ВИКТОР ПЕРЕВЕДЕНЦЕВ, кандидат экономических наук

РИСУНОК АЛЕКСЕЯ ШЕРИНОВА

Много больше половины сегодняшних городских жителей и треть деревенских — мигранты. Это без тех, кто переселялся внутри города или сельского административного района. Учтем еще вот что: многие возвращаются в места рождения, пожив в одном или нескольких других местах, поколесив по стране. Кроме того, дети в миграционном отношении малоподвижны. Так что среди взрослых жителей страны тех, кто постоянно жил на одном месте, очень мало, за исключением сельских местностей республик Средней Азии и Закавказья.

По моим расчетам, при той интенсивности миграции, которая была в стране в последние десятилетия, средний советский человек за свою примерно семидесятилетнюю жизнь должен переселиться шесть раз. Четыре переселения приходятся на годы юности — с 15 до 30 лет. Как видит читатель, миграция населения — процесс не только преимущественно, но и сугубо молодежный.

Знаменательно то, что такая миграционная подвижность населения сосуществует с государственной миграционной политикой, направленной преимущественно на «закрепление» населения, «прикрепление» его к местам проживания (ограничения прописки в больших городах и ряде других мест), закрепление сельского населения... с отсутствием в стране до сих пор свободы выбора мест жительства, свободы перемещения граждан по территории своей страны, то есть отсутствием у граждан Советского Союза элементарных и в то же время фундаментальных прав, которыми располагают члены любого демократического общества.

О миграционной политике, неизбежных тут — в связи с переходом к рыночной экономике — переменах, о том, что и как тут нужно делать, мы поговорим в конце статьи. А сначала — о самой миграции, мигрантах, их положении в нашем обществе.

Главные направления миграции таковы: из деревни в город, из малых и средних городов — в большие, из освоенных районов — в районы нового хозяйственного освоения, главным образом районы Севера. Север — это особая большая и болезненная тема, о ней нужно говорить особо, оставим ее на будущее.

Чистый отток сельского населения из деревни в город (то есть перевес движения из села в город над обратным) за 10 лет между переписями 1979 и 1989 годов был примерно равен по стране в целом его естественному приросту. С учетом изменения городских границ и преобразования сельских населенных мест в городские сельское население немного уменьшилось. Однако в одних частях страны сельское население стремительно росло (Средняя Азия), в других — быстро уменьшалось. В одних местах увеличивалось аграрное перенаселение, то есть скрытая безработица, в других — недостаток рабочей силы в сельском хозяйстве.

В средствах массовой информации часто высказывается мнение, что тяжелое положение нашего сельского хозяйства и острота продовольственной проблемы определяются главным образом миграцией сельских жителей в города, что миграция — главная или одна из главных причин бедственного положения нашей деревни, что отток деревенских жителей надо резко сократить или даже прекратить и т. д. Эти пози-

ции обыденного сознания глубоко ошибочны. Дело совсем не в величине оттока сельских жителей по стране в целом, а в том, что люди уходят главным образом **оттуда, где некому работать**, и почти не уходят **оттуда, где нечего делать**. Село в целом, несомненно, трудоизбыточно, то есть трудовых ресурсов в нем больше, чем требуется рабочей силы его народному хозяйству. По данным нашей официальной государственной статистики, в сельском хозяйстве страны занята **пятая часть** ее рабочей силы. Это примерно на порядок больше (то есть в 10 раз), чем в ряде экономически развитых стран мира, хорошо кормящих свое — и не только свое — население. Да и Госкомстат морочит нам голову, давая занятость в так называемых среднегодовых работниках, которых много меньше, чем **физических лиц**, занятых в сельском хозяйстве (если колхозник работает в общественном хозяйстве полгода, то это будет половина среднегодового работника, а в сельском хозяйстве очень велика сезонность).

Но, понятно, российскому Нечерноземью не легче от того, что много «лишнего» народу в селах Таджикистана, Грузии или Дагестана.

Кто и почему уходит из села?

Четко выделяются основные потоки мигрантов. Два наиболее многочисленных — выпускники неполной и полной средней общеобразовательной школы в 15—16 и в 17—19 лет.

Первые — в техникумы, ПТУ, на разного рода городские курсы.

Вторые — в вузы, техникумы, технические училища, на курсы, на работу.

Девушки уходят в город в среднем раньше и активнее юношей. Последние часто остаются дома до призыва в армию.

Два других заметных потока — юноши после возвращения из армии и молодые специалисты, «отработавшие» в селе свои обязательные три года после окончания вузов и техникумов.

Разумеется, в потоке мигрантов из деревни в город есть всякие люди, от младенцев до дряхлых стариков, от людей неквалифицированных до высококлассных специалистов, от сугубо деревенских по душевному складу людей до «коренных» горожан, попавших в село по «распределению»... Но общую картину миграции определяют четыре перечисленные выше группы молодежи.

Почему и зачем уходят из села?

Чтобы переселиться, необходимы две вещи: **желание** переселиться и **возможность** сделать это.

Переселение обычно выступает как средство улучшить в том или ином отношении свою жизнь сейчас же, немедленно или в будущем. Чтобы понять стремление сельской молодежи в города, достаточно сравнить условия и уровень жизни в деревне и городе. Почти по всем показателям город выглядит много предпочтительнее.

Хорошо известно, что в Нечерноземье, где сельская молодежь уходит в города особенно активно, этот переход одобряют и активно стимулируют родители. Нередко они, как говорят, «выпихивают» детей в города. Кстати, дело тут не только в объективных соотношениях условий жизни между городом и деревней. Хорошо известно, что в Центральной России и сто лет назад сельские жители смотрели на город «снизу вверх», что в некоторых местах сельские парни, не пожившие в городах, получали прозвища «пастухов», и им даже трудно было найти себе жену. Так что тут — давние

и крепкие традиции. Городские магниты очень сильны. Во многих местах несколько лет назад в городе хотело уйти подавляющее большинство сельской молодежи. А уходило на самом деле много меньше. Почему?

Грубо говоря, «город не резиновый». Жить там может столько народу, сколько нужно именно ему, городу. Чтобы жить там, нужно, естественно, иметь, на что жить, то есть иметь работу или иной источник дохода. Пока молодой человек в городе учится, его, как правило, поддерживают материально сельские родственники и натурой (деревенскими продуктами питания, одеждой-обувью), и деньгами. А дальше — надо самообеспечиваться, а многим — и помогать «старикам», оставшимся в деревне. Так что число рабочих мест в городе и число мест в вузах, техникумах и ПТУ довольно-таки жестко определяют численность горожан вообще, численность тех мест в городе, которые могут занять переселенцы из села. А поскольку желающих много больше, миграция из деревни в город идет в соперничестве, соревновании, конкуренции — назовите это как хотите. Как на приемных экзаменах в институт, если на одно место претендуют трое — двое отсеются, точно так же в город переселится один из троих, если там найдется лишь одно место на троих желающих стать горожанами. Просто в этом случае все не так наглядно, не так обнажено, как в примере с институтом. И многим кажется, что, сколько людей ни пожелай жить в городе, столько и будет. Это ошибка.

Итак, конкуренция. Кто же в ней побеждает? Те, кто имеет более высокое образование и лучшие знания, городские профессии, более высокую квалификацию, родственников в городе, тот,

у кого сильнее желания, тверже воля... Постоянно происходит «сепарация», город отбирает преимущественно лучшую, наиболее дееспособную сельскую молодежь. Среди оставшихся повышается доля менее способных, менее образованных, менее квалифицированных, апатичных... Это одна из главных причин общеизвестного нежелания большинства колхозников и работников совхозов Нечерноземья *переходить к более производительным, более эффективным формам организации сельскохозяйственного труда.

Длительный интенсивный отток жителей из сел Нечерноземья привел не только к сильному уменьшению его сельского населения, но и к фактическому его разрушению, то есть к такому состоянию, когда сельское население многих областей уже не может самостоятельно восстановиться. Приведу в качестве примера вполне типичную для Нечерноземья Тверскую область. Вот какой была численность ее сельских жителей на даты пяти Всесоюзных переписей населения:

Годы	1939	1959	1970	1979	1989
Тыс.					
человек	1879	1019	741	550	476

Как видим, сельское население области уменьшилось вчетверо с предвоенного времени и вдвое за последние тридцать лет (по стране в целом число сельских жителей изменилось за 30 лет мало, поскольку оно быстро росло в Средней Азии). На квадратный километр территории в Тверской области теперь приходится менее шести сельских жителей (в ряде мест Средней Азии — более 200). Но дело не только в численности.

Поскольку из деревни уходит главным образом молодежь, население деревни стареет. Уже в 1959

году в Тверской области оно было очень старым, то есть в нем была высока доля пожилых (старше 60 лет) и старых (старше 75) людей и мало молодежи. С 1963 года в области по этой причине постоянно умирает больше людей, чем рождается, то есть идет **естественная убыль** сельских жителей, их вымирание. По переписи 1989 года, треть сельского населения области — пенсионного возраста. Очень велика и доля тех, кто перейдет в этот возраст в ближайшем будущем. И крайне мало молодежи. В возрасте от 50 до 60 лет насчитывалось 75 тысяч человек, а в возрасте от 10 до 20 — всего 45 тысяч. Но ведь последние не только должны «заменить» первых в составе трудовых ресурсов, но и восполнить естественную убыль населения в рабочем возрасте. Если бы даже отток населения из села прекратился, в последнее десятилетие нашего века население тверского села стало бы много малочисленнее и еще значительно старше.

Поскольку женщины уходят из села значительно раньше и активнее мужчин, в самых активных возрастах очень сильны половые диспропорции; это тяжелейшая для Нечерноземья «проблема невест». Вот какими были в 1989 году соотношения между полами в возрасте от 25 до 35 лет:

возраст лет	мужчины	женщины	женщин на 100 мужчин
25—29	18 168	14 719	81
30—34	19 151	14 421	75

В этих возрастах подавляющее большинство женщин — замужем. На одну незамужнюю женщину приходится по нескольку неженатых мужчин. Горожанки редко выходят замуж за сельских жителей, причем обычно с тем условием, что муж переберется к ней в город.

В крупнейших городах — обратная диспропорция: молодых женщин значительно больше, чем мужчин.

Демографический кризис российского села усугубляется распадом системы прежнего, сложившегося еще при единоличном хозяйстве расселения. Множество сельских населенных пунктов исчезло и продолжает исчезать. Этому очень способствовала порочная государственная политика сселения «неперспективных» деревень.

В Тверской области, по переписи населения 1970 года, было 12 104 сельских населенных пункта со средним числом жителей в 61 человек. К 1989 году осталось 8954 поселения, а средняя людность снизилась до 53 человек. Из оставшихся 5,4 тысячи имеют до 25 жителей в каждом, в том числе 1,6 тысячи — по 5 и менее жителей, 1,4 тысячи — от 6 до 10 человек в каждом. Замечу, что для Тверской области хуторское расселение не было характерным.

Продолжение миграционных тенденций последних десятилетий неизбежно привело бы в недалеком будущем к окончательному распаду сельского населения Тверской и многих других подобных ей областей Нечерноземья. Ни проводившаяся много лет подряд политика «закрепления» сельской молодежи, ни так называемое сельскохозяйственное переселение в его нынешних формах и размерах серьезно противостоять этому разрушительному процессу не могут. И если мы хотим сохранить Нечерноземье в качестве серьезного производителя сельскохозяйственной продукции, неизбежно его **повторное заселение**. О том, кем и как — в конце статьи.

В Средней Азии проблема противоположная. Здесь продолжается «демографический взрыв», оттока сельского населения почти нет, численность сельского населения стремительно растет, увеличивая аграрное перенаселение, то есть скрытую безработицу, понижая жизненный уровень, который и без того крайне низок (в Таджикистане душевые доходы **большинства** населения — менее 75 рублей в месяц). Вот как росло сельское население Средней Азии в последние десятилетия:

Годы

1959 1970 1979 1989 в % к 1959

Тыс. человек

8911 12 261 15 113 19 826 223

За то время, когда в Нечерноземье число сельских жителей вдвое уменьшилось, их число в Средней Азии вдвое выросло. В сельском хозяйстве Средней Азии теперь занято столько населения, сколько не понадобилось бы для всей трехсотмиллионной страны, если бы производительность труда в сельском хозяйстве была на уровне наиболее развитых стран Западной Европы.

На первый взгляд миграционные проблемы Нечерноземья и Средней Азии никак не связаны между собой. Но только на первый. На самом деле связь между ними есть. И даже очень тесная.

В течение долгого времени Средняя Азия стягивала население из всех частей страны, в том числе из Нечерноземья. На ее промышленных предприятиях и стройках работали преимущественно люди неместных национальностей. В частности, на текстильных фабриках работало и работает много женщин, прибывших

сюда из Центрального экономического района (Московской, Тверской, Ивановской, Владимирской и других областей). Если с текстильных фабрик Иванова, Твери, Вышнего Волочка... на фабрики Ташкента, Душанбе и других среднеазиатских городов переходят ткачихи, прядильщицы, ровничницы и т. д., то на их прежние места приходят девушки из местных ПТУ, а в ПТУ приходят сельские девочки из тех же областей, недавно покинувшие общеобразовательные школы. Это с одной стороны. А с другой — прибывшие из России текстильщицы занимают рабочие места, которые могли бы занять коренные жительницы Средней Азии — узбечки, таджички...

Но это еще не всё. Промышленные министерства, преследуя свои ведомственные интересы, старались вводить новые предприятия и новые рабочие места в старопромышленных районах: тут и инфраструктура более развита, и рабочая сила более квалифицированная... Понятно, что построить третий текстильный комбинат рядом с двумя старыми и освоить его мощности куда проще, чем строить его на «пустом месте». Демографическую же ситуацию никто учитывать не хотел. Сельским жителям Средней Азии и некуда было податься. Подавляющее большинство сельских жителей переходит в города в пределах своих республик. Переезду в другие республики сильно препятствуют языковые, культурные, бытовые различия. В городах Средней Азии могло быть введено много больше рабочих мест. Это, кстати, вело бы и к снижению естественного прироста населения Средней Азии, прекращению здесь демографического взрыва. Сельская девушка, переселившаяся в город, полу-

чившая образование и профессию, работающая на промышленном предприятии или в учреждении, имеет много меньше детей, чем ее сверстница, оставшаяся в кишлаке.

Переход к рынку, судя по всему, высвободит из сельского хозяйства большое количество избыточных и ныне работников, особенно в южных районах страны, не только в Средней Азии, но и в Закавказье, на Северном Кавказе и в ряде других мест, поскольку приведет к повышению производительности труда в сельском хозяйстве, сокращению его потребности в рабочей силе. И если города смогут вместить высвобождающееся население, переход сельских жителей в них может сильно возрасти.

Концентрация горожан

За тридцать лет между переписями населения 1959 и 1989 годов численность горожан увеличилась со 100 до 189 миллионов человек, или на 89 процентов. За это время возникло 1,6 тысячи новых городов и поселков городского типа, то есть число их увеличилось более чем на треть. Понятно, что новые городские поселения преимущественно небольшие. Однако число горожан увеличилось больше всего в крупнейших городах. В малых и средних городских поселениях (до 100 тыс.) число жителей увеличилось на 45 процентов, в больших (от 100 до 500 тысяч) — на 110, в сверхбольших (более полумиллиона) — на 159 процентов! Число городов-миллионеров выросло с трех в 1959 году до 23 в 1989-м! Три пятых всех горожан живет теперь в больших городах. Такой концентрации горожан, как у нас, нет больше ни в одной крупной стране.

Все это тем более замечательно, что главной идеей нашей государственной градостроительной политики, ее «стержнем» все последние десятилетия было сдерживание роста больших городов, недопущение их «чрезмерного роста», ставка на «преимущественное развитие малых и средних городов». Орудиями этой политики были, с одной стороны, административное регулирование миграции с помощью «паспортного режима», то есть запреты или резкое ограничение прописки в крупнейших городах, с другой — запреты и ограничения в строительстве новых промышленных предприятий и расширении старых при их реконструкции в больших городах. Число таких «запретных» городов постоянно и быстро возрастало. Как видим, все эти старания, запреты и хлопоты оказались совершенно безуспешными.

Ограничения роста больших городов раньше всего начались и наиболее жестко проводились в Москве. Еще в 1931 году директивными органами было принято решение о том, что население Москвы никогда не должно превышать пяти миллионов человек. Ограничение числа москвичей — центральные пункты всех последовавших за этим Генеральных планов развития Москвы — и Генплана 1935 года, и Генплана 1971 года, и разрабатываемого в последние годы. В плане 1971 года численность населения города на конец 1990 года намечалась в размере 7,9 миллиона человек, а фактически на его начало составила 9 миллионов. Почему же плановые наброски не сбылись?

Да потому, что здесь постоянно вводилось громадное число новых рабочих мест. Строились новые промышленные предприятия и расширялись старые, возникали и расширялись новые научные

и проектно-конструкторские учреждения, вузы и т. д. Громадные потоки переселенцев стекались в столицу со всех концов страны. В последние 30 лет Москва росла ежегодно в среднем на 90—100 тысяч человек, причем 80—90 процентов прироста, а в самое последнее время и весь прирост приходился на мигрантов.

Всегда находились веские причины и пути обхода общих запретов в области промышленного строительства («в порядке исключения»), всегда находились способы обойти запреты прописки. Однако вреда «паспортный режим» принес много. Жизнь множества людей была искалечена. Так, скажем, в Москве и близких ее окрестностях было запрещено повторно прописывать многих москвичей, отбывших сроки наказания, если даже в Москве проживала их семья. Селиться можно было на «сто первом километре» от Москвы. «Паспортный режим» широко использовался для «очистки» Москвы от тех или иных нежелательных элементов.

Для обхода запретов прописки стали широко использоваться фиктивные браки (запретить прописку одного супруга к другому все же не решились), блат, взятки... Так что запрет прописки оказался все же формальным. А фактически он оказался «запретом выписки». Из Москвы почти перестали выезжать пенсионеры, люди, для которых в Москве не было работы по специальности или уровню квалификации (сколько тут агрономов, зоотехников, ветеринаров, почвоведов, мелиораторов и других специалистов, занятых чужим для них делом!), трудно стало «распределять» молодых специалистов и т. д.

Единственное, чего оказалось возможным добиться с помощью «паспортного режима», — это заставить многих людей жить в отдалении от мест работы, не в Москве, а в Подмосковье. Ежедневно в Москву только на работу прибывает более 600 тысяч человек. По некоторым из одиннадцати сходящихся к Москве железных дорог в часы пик переполненные электрички идут с минимально допустимыми интервалами. Сотни тысяч людей ежедневно тратят дополнительно к обычным для большого города значительным затратам времени на дорогу к работе и обратно по часу-двум-трем. А это сказывается на уровне образования и квалификации этих маятниковых мигрантов, на производительности их труда, на их здоровье, на всем образе жизни их самих и их семей; есть сведения о том, что даже дети в семьях маятниковых мигрантов учатся хуже других. Так что вреда от насильственного недопущения людей в большие города скорее значительно больше, чем пользы, если даже отбросить очень веские соображения, касающиеся прав человека. Но это еще не все. Из-за скопления населения в ближайших пригородах крупнейших городов разрушается их природная среда; пригородная зона перестает быть местом эффективного кратковременного отдыха жителей центрального города. Так, разрушается лесопарковый защитный пояс Москвы — это «легкие города» и место отдыха миллионов москвичей в конце недели. Практически ЛПЗП уже нет, ибо на его территории находится множество городов (в том числе и больших) и поселков городского типа, которые быстро растут.

Но самое интересное то, что запреты прописки в больших городах просто абсурдны с демографической точки зрения. Дело в том, что у больших городов очень плохи показатели естественного воспроизводства населения. Чем больше город, тем при прочих равных условиях ниже в нем рождаемость. В Москве и Ленинграде на каждую тысячу человек родительского поколения приходится всего около семисот детей, которые придут им на смену. Если предположить, что большие города перестанут пополняться прибывающей в них молодежью, они очень скоро, за два-три десятилетия, станут «городами пенсионеров», в структуре их населения доля пожилых и старых людей окажется чрезвычайно большой; эти города, где находятся основные вещные производительные силы страны, будут быстро терять свое экономическое значение. А также, естественно, научное и культурное.

Нынешний «паспортный режим» оказывает на демографическое развитие больших городов сильное отрицательное влияние. В частности, многочисленность фиктивных браков и разводов ради прописки наносит дополнительные удары по городской семье, которая и без того переживает тяжелые времена. В крупнейших городах в последние десятилетия один развод приходится всего на два брака. Ощущение непрочности брака ведет к ограничению числа детей в семье. Так называемым лимитчикам (людям, получившим временную прописку в большом городе на условиях работы только на данном предприятии) бывает трудно создать семью. Из-за половых диспропорций в молодых воз-

растах (в крупнейших городах сильно не хватает женихов) велика доля внебрачных детей.

Преимущественный рост населения больших городов, разумеется, не случаен. Эти города имеют большие преимущества перед другими как с точки зрения размещения новых производств (наличие инфраструктуры, относительно квалифицированной рабочей силы, производственной кооперации, организации снабжения и сбыта, близости научных и проектно-конструкторских организаций и т. д.). С другой стороны, эти города имеют немалые преимущества с точки зрения самого человека. Главное — это широкий спектр возможностей, относительная свобода выбора в любом отношении: мест учебы, профессии, специальности, мест работы, друзей, способов проведения свободного времени, увлечений и т. д. Человек в большом городе чувствует себя несравненно свободнее, чем в малом, не говоря уж о селе. Специфическая особенность большого города — анонимность в нем человека, отсутствие постоянного, повседневного личностного контроля, так характерного для небольших поселений, где о человеке обычно все знают все.

В реальных условиях СССР малое значение имело и то, что крупнейшие города пользовались значительными преимуществами в снабжении населения товарами личного потребления.

Фактическая концентрация населения СССР значительно больше, чем это следует из приведенных выше данных о преимущественном росте населения больших и крупнейших городов. Дело в том, что в последние десятиле-

тия очень сильно развились городские агломерации, то есть скопления городов и поселков, тесно связанных между собой в разных отношениях и имеющих общий трудовой баланс, то есть такое положение, когда значительная доля жителей одних поселений работает в других. Почти каждый большой город окружен меньшими городами и поселками. Крупнейшая и наиболее зрелая наша агломерация — Московская, в которой проживает не менее 15 миллионов человек. Города и поселки ближнего Подмосковья (километров на 50 от железнодорожных вокзалов Москвы) растут много быстрее, чем сама Москва.

Рост населения малых и средних городов и рабочих поселков — это главным образом рост агломераций; отдельные, одиночные, «точечные» города и поселки в последнее время обычно не растут или даже уменьшаются.

Теперь в агломерациях проживает большинство населения страны. Притягательная их мощь лучше всего видна на примере все той же Московской агломерации. В 1927 году в Москве и Московской области проживала **пятая часть** всего населения Центрального экономического района (12 областей вокруг Москвы), теперь — **более половины**. За три десятилетия между переписями 1959 и 1989 годов абсолютный прирост населения Москвы и Московской области был больше, чем района в целом, то есть население остальных одиннадцати областей уменьшилось.

Между республиками

Большинство переселений происходит внутри союзных респуб-

лик. Однако значительны и потоки между республиками. Межреспубликанская миграция преимущественно межгородская.

Долгое время главной республикой чистого оттока была Россия, а наибольший приток имели Средняя Азия и Казахстан. В 60-е годы Средняя Азия с громадной силой стягивала население из всех без исключения союзных республик. Постепенно положение менялось, и в 80-е годы Россия была уже главной республикой притока, а Средняя Азия — главным районом миграционного оттока. По данным Госкомстата, за 10 лет между последними переписями населения Россия «приобрела» 1 миллион 767 тысяч человек (20 процентов общего прироста ее населения за это время), а Средняя Азия потеряла 850 тысяч человек (11 процентов прироста). Казахстан потерял 784 тысячи человек (42 процента прироста), Закавказье — 639 тысяч (38 процентов). Традиционно большой по сравнению с ее населением приток был в Прибалтике — 248 тысяч человек (44 процента прироста). Украина получила небольшой миграционный прирост (153 тысячи и 8 процентов), из Молдавии был отток (56 тысяч и 14 процентов), результаты миграции между Белоруссией и другими частями страны были практически ничейными (потери 8 тысяч человек, или 1 процент прироста); это неожиданно: после Чернобыля (апрель 1986 года) можно было ожидать куда больших миграционных результатов.

За два последних года ситуация с межреспубликанской миграцией сильно изменилась. Из-за межнациональных конфликтов появилось много беженцев (точ-

ные цифры неизвестны, в печати повторяется круглая цифра — 600 тысяч). Кроме того, многие миллионы людей, проживающих за пределами «своих» республик, потеряли уверенность в своем будущем, лишились привычного комфорта в межличностных отношениях, почувствовали угрозу. Это вызвало большие миграционные потоки, особенно из мест с трагическими межнациональными конфликтами. Очень сильно возрос поток мигрантов из Средней Азии в Россию.

На новых местах

После переезда человеку нужно не только элементарно «устроиться» на новом месте, что часто бывает непросто, но и адаптироваться (привыкнуть, приспособиться) к условиям этого нового места, что значительно труднее, требует много времени и сил. Чем сильнее места вселения отличаются от мест выхода, тем труднее и продолжительнее адаптация; она даже не всегда возможна; нередко человеку приходится уезжать из новых мест именно из-за трудностей или невозможности адаптации. Широко известный вариант — ухудшение здоровья, что особенно часто случается при переезде с юга или из средних широт на Север. Этот аспект мы тут рассматривать не будем. Остановимся на адаптации социально-психологической. При переезде человек обычно попадает в несколько иную, а иной раз — резко отличную социальную среду, где все или почти все более или менее иное, чем в прежней, привычной мигранту обстановке. Самые большие различия, естественно, между традиционным, неурбанизированным

или слабоурбанизированным селом и современным большим городом. Сельский человек в городе — это громадная социальная проблема. К сожалению, она слабо у нас изучена. Зато хорошо отражена в художественной литературе (Ф. Абрамов, Н. Евдокимов, В. Шукшин и многие другие).

Превращение сельского человека в горожанина (не по месту жительства, а «по духу») — длительный и болезненный процесс, при котором зачастую происходит полная ресоциализация личности сельского мигранта... Проще и грубее говоря, сельская личность разрушается, а из ее «обломков» под воздействием новой среды формируется новая — городская.

Коренные и давние горожане к недавним переселенцам из села относятся обычно пренебрежительно, свысока (характерна лексика: «дярёвня» и т. д.). В последнее время само слово «мигрант» стало в Прибалтике ругательным, причем относится оно только к приезжим из других республик, преимущественно — бывшим сельским жителям. В Москве явный и сильный неодобрительный, отрицательный оттенок имеют слова «лимитчик», «лимита». Вообще недоброжелательность по отношению к новоселам в последние годы явно и значительно усилилась. Созданы мифы о том, что мигранты якобы перехватывают блага у коренного населения, что у них, в частности, лучше, чем у коренных горожан, жилищные условия («Не успели приехать, а уж отдельные квартиры получили, а мы по-прежнему ютимся в коммуналках» — типичное и много раз слышанное мною утверждение). Основа таких мифов — отдельные нетипичные

случаи, которые мифотворцы выдают за общее правило. В среднем же, как показало большое и тщательное исследование сибирских социологов, мигранты добиваются средних по городам жилищных условий только в третьем пятилетии проживания на новом месте, то есть уже тогда, когда сами становятся старожилками. И самые худшие жилищные условия как раз у переселенцев из села. Новоселы не только не перехватывают жилье у старожилов, но фактически именно они улучшают жилищные условия всех горожан. Я бы даже сказал: деревня строит города. Мигранты резко преобладают в строительных организациях, редкие коренные горожане туда идут, как и на другие тяжелые работы. Вообще говоря, мигранты из деревни выполняют в наших городах в большинстве случаев те же функции, что африканцы во Франции, турки в Германии и т. д. — обеспечивают функционирование тех отраслей народного хозяйства, занимают те рабочие места, куда не идут и откуда уходят коренные и старые горожане.

Несомненно, что реальное положение многих мигрантов из деревни в наших городах сильно затрудняет их «интеграцию» в город, их социально-психологическую адаптацию, превращение сельских личностей в городские. Это одна из причин низкой приживаемости новоселов, их возвращения в прежние места или движения дальше; некоторая часть мигрантов превращается в постоянных странников, кочевников, «перекати-поле»: тут поживут месяц, там год, в третьем месте — полгода... Крайнее выражение этого явления — «бичи», хорошо всем известные

в портовых городах Дальнего Востока, да и не только в них.

Наибольшие различия между городскими и сельскими системами ценностей, между городскими и сельскими личностями, насколько можно судить по имеющимся данным, — в области любовно-брачно-семейных отношений вообще, в сексуальной в частности. Суть в том, что в деревне сохраняется традиционная «двойная» сексуальная мораль, либеральная для мужчин и строгая для женщин, а в городе она стала (а где-то еще становится) единой, по мужскому образцу. В частности, по традиционной морали в первый брак женщина должна вступать девушкой, а в больших городах теперь подавляющее большинство молодых женщин ведет добрачную половую жизнь. Деревенские девушки приносят в город свои традиционные деревенские представления о любви, браке, сексуальном поведении, но тут они приходится не ко двору. Многие из них попадают в драматические, а то и в трагические ситуации. Немало тех, кто, уйдя из деревни в город в свои 15—18 лет, вскоре возвращается обратно с ребенком, но без мужа; многие из них, покрутившись какое-то время в деревне, оставляют детей бабушкам и вновь отправляются в город «на ловлю счастья». Сельские жители легкое поведение бывших своих землячек сурово осуждают, а сельские родственники мучительно его стыдятся.

Думаю, что государство и общество сильно виноваты перед мигрантами. И тем, что ставят «паспортным режимом» рогатки на путях переселений, и тем, что не знают истинного положения новоселов и мало им интересуются.

и тем, что дискриминируют переселенцев в городах (бесчеловечные условия прописки по лимиту), и тем, что не помогают социально-психологической адаптации переселенцев на новых местах... Показательно, что государственная статистика не имеет никаких сравнительных данных о фактическом положении переселенцев.

Предвидимое будущее

Как правильно и красиво сказал поэт, «грядущие годы таятся во мгле». Мгла эта усиливается нынешним кризисным состоянием народного хозяйства и общества, неясностью того, как и с какой скоростью будут меняться условия и факторы миграции населения. И тем не менее попробуем представить себе возможную миграцию в последние десять лет нашего века.

Будем исходить из того, что:

— произойдет переход к рыночной экономике, причем достаточно быстро, в течение нескольких лет;

— будет общий рынок рабочей силы в нынешних границах Советского Союза;

— нынешний «паспортный режим» с его разрешительной пропиской будет ликвидирован, то есть люди будут свободны выбирать места проживания (в конце прошлого года Комитет конституционного надзора объявил институт прописки неконституционным, теперь дело за изменением практики);

— будет проведена фундаментальная жилищная реформа, нынешнее государственное жилье станет товаром, каждый будет волен продавать свое жилье и покупать себе новое, что устраним ны-

нешнюю прикрепленность к нему горожан;

— в сельском хозяйстве широкое развитие получат отсутствующие в настоящее время или мало-распространенные формы хозяйствования (фермерство, кооперативы...), более производительные и конкурентоспособные, чем большинство нынешних колхозов и совхозов;

— повсеместно возникнут биржи труда, которые обеспечат полный учет потенциальных работников и рабочих мест, профессиональную подготовку и переподготовку безработных и их социальную защиту, дадут полную, достоверную и своевременную информацию о состоянии рынка труда в разных местах;

— будет обеспечена свобода выезда за границу и свобода въезда в Союз для граждан будущего Союза.

Будем, одним словом, исходить из того, что будут устранены нынешние многочисленные и многообразные препятствия миграционным перемещениям, будет обеспечена **свобода выбора мест проживания и перемещения**.

Что же в таком случае может произойти с миграцией населения? Какие перемены наиболее вероятны?

Несомненно, что резко усилятся стягивание русского и другого русскоязычного населения в пределы Российской Федерации. Дело не только в обострении международных отношений, но и в том, что в России в конце века совсем иное соотношение между численностью трудовых ресурсов и потребностью в рабочей силе, чем в большинстве других союзных республик. В России собственного прироста трудовых ресурсов не бу-

дет, а в Закавказье и Казахстане он будет большим, в Средней Азии — громадным. В России безработицы пока нет или почти нет (если не считать Северного Кавказа), а в Средней Азии она громадна и быстро возрастает.

Постоянный и значительный чистый отток жителей России в республики Прибалтики прекратится и сменится притоком в Россию.

А что произойдет в миграции населения между деревней и городом?

В деревне резко увеличится избыток трудовых ресурсов в одних местах и снизится их недостаток — в других. Если города смогут принять этот возросший избыток, отток из села увеличится. Но, с другой стороны, можно ожидать перемещения из города в деревню некоторого числа свободолюбивых, желающих быть относительно независимыми, «сами себе хозяевами», трудолюбивых, любящих деревню, землю и труд на ней горожан. В городах немало недавних сельских жителей, не адаптировавшихся к городу, не ставших горожанами психологически, тех, кому «снится деревня», кто был бы рад вернуться в нее, однако не на унизительную роль поденщика. Кстати, без такого процесса — возвращения в деревню бывших ее лучших людей — никакого «возрождения Нечерноземья» не состоится. Так что в этом случае нужно думать даже не столько о прогнозе, сколько о государственной политике, о создании будущим «возродителям» средне- и северорусской деревни условий «наибольшего благоприятствования». Должно произойти повторное заселение многих обезлюдивших сельских местностей.

А что произойдет с городами,

с городским населением? Станет ли его размещение по территории страны «более равномерным», начнется ли «преимущественный рост» малых и средних городов, перестанут ли большие города и агломерации расти «чрезмерно», на что была направлена многие десятилетия жесткая и безуспешная государственная градостроительная политика?

Процессы концентрации населения в больших городах и агломерациях скорее всего значительно усилятся. В двухтысячном году в них будет проживать заметно больший процент горожан, чем в 1990-м. Почему?

Большие города потому и стали ими, что изначально имели преимущества перед другими, это то, что специалисты называют выгодным экономико-географическим положением. А по мере роста города он приобретал преимущества, связанные именно с его размером и разнообразием городской среды. В рыночной экономике эти объективные преимущества проявятся сильнее и будут использоваться полнее, чем прежде. Переход к рынку будет связан с большими переменами в структуре народного хозяйства. Доля первичных, добывающих отраслей народного хозяйства будет снижаться, а третичной, обслуживающей сферы, — расти. Для малых и средних городов характерна добывающая промышленность, для больших — перерабатывающая. Число занятых в добывающей промышленности будет падать, в обрабатывающей — расти. А что касается обслуживающей сферы, то ее предприятия и учреждения должны разме-

щаться там, где живут те, кого надо обслуживать.

В крупнейших агломерациях, вероятно, произойдет некоторый относительный рост их центров за счет пригородов. Ведь многие теперь живут в пригородах только потому, что в центральные города их не пускают. Когда поселение в Москве станет свободным, очень многие из 600 тысяч, что теперь приезжают в нее на работу, пожелают и смогут жить в самом городе, поближе к месту работы.

Заметим, кстати, что в крупнейших городах страны жилищное положение населения заметно лучше (в среднем, разумеется), чем в городах меньшего масштаба. В той же Москве на человека приходится жилья на три квадратных метра больше, чем на среднего горожанина страны; другими словами, Москва обогнала по этому показателю страну на целых три пятилетки.

Все это не значит, однако, что большие города будут расти быстро. Это время прошло и уже не вернется. Дело в том, что истощились источники роста. До недавнего времени главным источником роста числа горожан было село, переселяющиеся в города сельские жители. А если учесть и детей, которых мигранты из села родили уже в городе, то деревня была **единственным** источником роста числа горожан. Когда в деревне проживали двое из троих жителей страны, переход в города одного их процента давал прирост горожан на два процента. А теперь тот же процент бывших сельских жителей даст лишь полпроцента горожан. А что касается естественного прироста

населения страны, то он стремительно падает и в недалеком будущем будет едва заметен. Дело в том, что население страны растет волнообразно, с многолюдными поколениями соседствуют малолюдные, и теперь страна переживает очередной демографический провал, повторяющий такой же провал 60-х годов. Численность ежегодных рождений стремительно падает; в середине 90-х годов в стране будет, вероятно всего, рождаться ежегодно всего около четырех миллионов детей, а умирать будет заметно больше трех миллионов человек. Так что для большого прироста числа горожан вообще и даже жителей больших городов нет никаких оснований. Увеличение ежегодных приростов населения страны после провала будет очень медленным. Скажется на численности населения страны и свобода выезда за границу, хотя я не думаю, что этот выезд, особенно безвозвратный, будет массовым.

Разговоры о многомиллионном «исходе» из страны, на мой взгляд, сушая чепуха.

В условиях рыночного хозяйства и неизбежной при этом свободе переселений человек будет успешнее искать и находить наиболее подходящее для него в стране место. Такое, где он мог бы эффективно развивать свои способности и удовлетворять свои разнообразные потребности. Свобода миграции — одно из важнейших условий развития интеллектуального и трудового потенциала страны. Административное регулирование миграции с помощью полицейского «паспортного режима» — одно из наиболее вредоносных установле-

ний административно-командной системы, до сих пор не устраненное на практике (как я уже говорил, Комитет конституционного надзора признал нынешнюю разрешительную прописку неконституционной). От его отмены больше всех выиграет молодежь.

Прогнозы прогнозами, но нужна и эффективная государственная демографическая политика, с помощью которой можно было бы регулировать миграционные процессы косвенными методами, в частности создавая лучшие для человека условия проживания там, где нужен приток рабочей силы, создавая новые рабочие места там, где имеется безработица, и т. д. Острейшая социально-демографическая проблема страны — громадное аграрное перенаселение Средней Азии при крайне низкой во всех отношениях мобильности ее сельской молодежи. Эту мобильность образовательную, профессиональную, социальную, территориальную нужно целенаправленно развивать. А для этого тоже нужна специальная программа. О ее необходимости я уже устал говорить и писать. Никто не желает слышать. Как не было «слышности» при отсутствии гласности, так нет ее и сейчас. Между тем дальнейшее накопление в среднеазиатском селе избыточного населения, безработицы и нищеты взрывоопасно. Оно может привести к еще большим социальным эксцессам, чем те, что были в 1989—1990 гг.

В наших научных кругах давно есть представление о миграционных проблемах страны и возможностях их решения. Но практические органы по-прежнему эти знания не востребуют. Рынок заставит.

ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ!

Мы хотели бы получить сведения о том, как вы живете, непосредственно от вас. Социальная политика в нашей стране, в том числе молодежная, требует серьезных перемен. Чтобы обоснованно ставить вопрос о необходимых изменениях и уверенно их добиваться, нужны знания. Заполненные вами анкеты будут обработаны квалифицированными статистиками и социологами. Полученные результаты будут использованы для защиты ваших интересов и опубликованы в журнале. Анкета анонимная; своих имен, подписей и адресов можете не указывать. Ответы напишите или подчеркните. Мы не возражаем против письменных добавлений с вашими мнениями и пожеланиями (в конце анкеты).

Анкета

I

1 Где вы родились: там, где проживаете сейчас, или в другом месте? Если в другом месте, то где? Назовите республику, край, область, город, село _____

2 Как давно живете здесь (с какого года)? _____

3 Откуда прибыли в данное место? _____

4 Сколько раз вы меняли места проживания (переселялись в другие населенные пункты)? _____

5 Прописаны ли вы в данном месте? Если да, то постоянно или временно? _____

6 Были ли трудности при прописке? Да, нет.

7 Собираетесь ли вы: жить здесь постоянно; переехать в другое место (если да, то куда и почему)? _____

II

1 В каком жилье вы проживаете: в собственном доме, отдельной государственной или ведомственной квартире, в коммунальной квартире, кооперативной квартире, в общежитии (семейном или одиночном), снимаете жилье у других, проживаете у родственников, прочее (что именно) _____

2 Сколько квадратных метров жилой площади приходится на одного совместно проживающего человека? _____

III

1 Ваше образование: высшее, среднее специальное, среднее общее, неполное среднее _____

2 Чем вы в настоящее время заняты: работаю, учусь с отрывом от производства, работаю и учусь (заочно, по вечерам, прочее) _____

3 Если вы работаете: ваша профессия, специальность, ваша квалификация (разряд, класс и т. д.) _____

4 Если вы учитесь, то где (в вузе, техникуме, средней школе, ТУ, ПТУ, курсах, — на каком курсе, в каком классе) _____

5 Если вы работаете: нравится ли вам ваша работа? Да, нет. Чем нравится или не нравится и почему? _____

6 Собираетесь ли вы: повышать свою квалификацию по нынешней профессии, менять профессию, менять место работы, повышать уровень образования? _____

IV

1 Каковы размеры ваших личных доходов (зарплата, стипендия и т. д.), рублей в месяц _____

2 Каков душевой доход (на одного человека) в вашей семье, рублей в месяц _____

3 Получаете ли вы денежную помощь от родственников (родителей, братьев-сестер)? Да, нет. Если да, то регулярно или время от времени; примерные размеры, рублей в месяц _____

4 Оказываете ли вы денежную помощь родственникам, проживающим отдельно от вас? Да, нет. Если да, то кому; регулярно или время от времени, примерные размеры, рублей в месяц _____

V

1 Как вы проводите свободное время? Как часто вы:

ежедневно	раз в неделю	раз в месяц	реже
общаетесь с друзьями _____			
смотрите телепередачи _____			
читаете книги _____			
читаете газеты, журналы _____			
занимаетесь спортом _____			
посещаете: кинотеатры _____			
театры _____			
музеи, выставки _____			
дискотеки _____			
лекции _____			
библиотеки _____			
другие занятия, что именно _____			

2 Сколько книг вы прочитали за последний месяц? Какие (приведите названия)? _____

3 Выписываете ли вы газеты и журналы? Да, нет. Если да, то какие (названия)? _____

4 Верующий ли вы? Да, нет, затрудняюсь ответить. Если да, то какую веру вы исповедуете? _____

VI

1 Ваш пол? Муж., жен. _____

2 Возраст, полных лет _____

3 Семейное состояние: холосты, состоите в браке, вдовы, разведены _____

4 Имеете ли детей? Если да, то сколько? Их возраст, лет _____

5 Где вы живете: республика, край, область, город (название), село _____

VII

1 Социальное положение ваших родителей: отца (рабочий, колхозник, служащий...), матери _____

2 Уровень образования ваших родителей: отца (высшее, среднее специальное, среднее общее, неполное среднее...), матери _____

3 Где жила семья ваших родителей в год вашего рождения (республика, край, область, город, село...) _____

ЗАМКНУТОЕ ПРОСТРАНСТВО

Досужие размышления фотохудожника **АНАТОЛИЯ МЕЛИХОВА**

ОБ АЛЬПИНИЗМЕ И ФОТОГРАФИИ

И фотография, и альпинизм — это болезнь. Это жажда риска. Когда я впервые поднялся на вершину и когда впервые увидел свои снимки напечатанными, ощущение было одинаковым. Будто вынырнул из омута и глотнул вздох свежего воздуха. Почувствовал, что во мне рождается новое «я»...

О ТВОРЧЕСТВЕ

Художник и фотограф... Совершенно разные — мышление, мироощущение, язык. Шишкин, к примеру, — раскрашенная карточка. А работы Брессона, Суткуса, Рудакова полны истинно художественного смысла, значения. Помню, впервые показал свои фото Макарову, он коротко бросил: «Плохо!» Потом сказал: «Тут **тебя** нет...» Люблю снимать людей, лица. В них — палитра жизни, роман, повесть, поэма. Репортажная съемка? Нужно быть в центре, снимать «изнутри» событий... Ре-

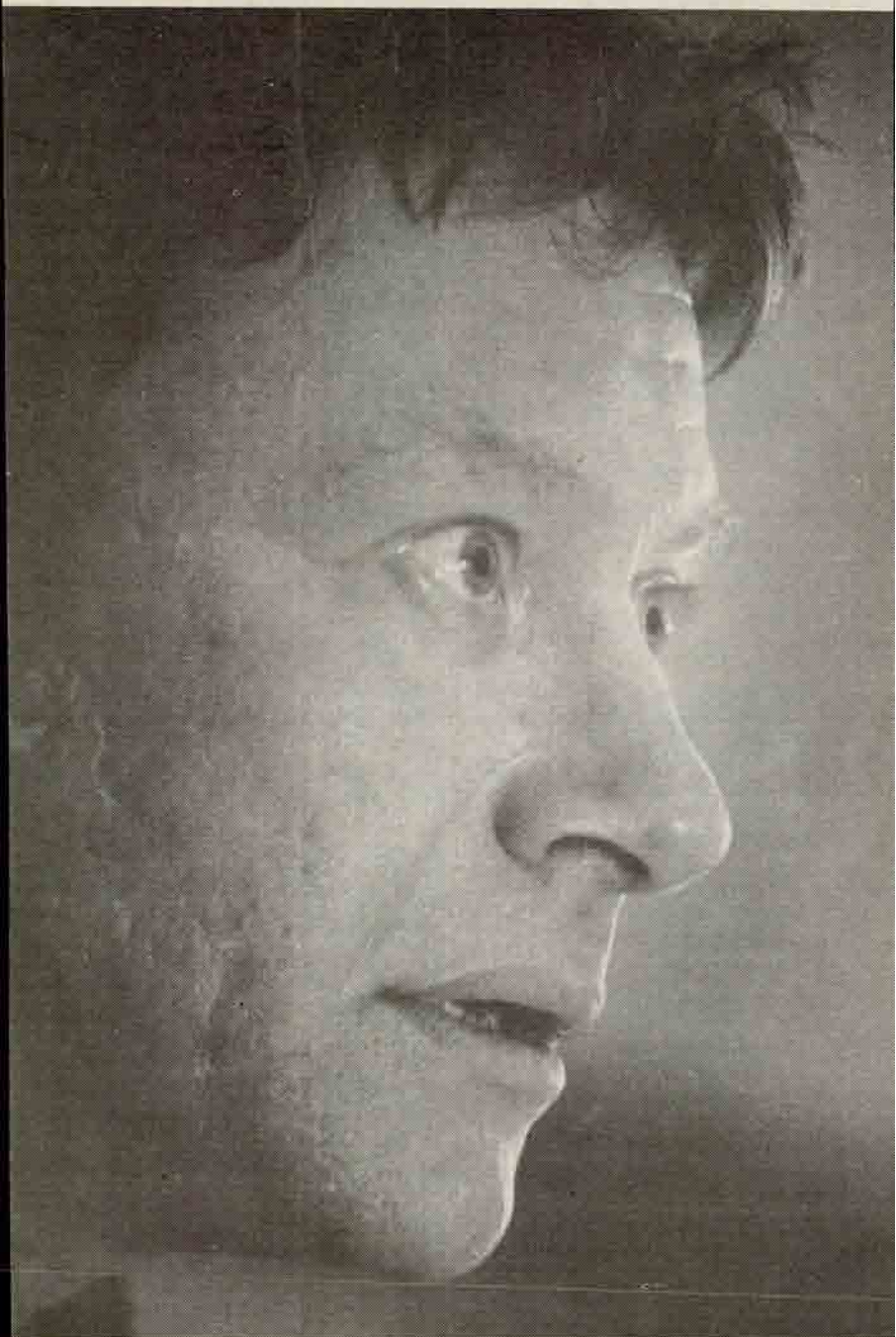
клама? Опять же только через себя, через собственное видение того, что рекламируешь...

О ЖИЗНИ

Я начал снимать поздно — около 20 лет. Но у меня уже был некоторый опыт. Жизненный... Понимал: с налету ничего не возьмешь. Тут, как в горах, — вприпрыжку не одолеешь. Сорвешься... Я старался *вглядываться* в пространство и *закрывать* его на себя. Любая жизненная ситуация не пугала и не пугает меня. В этом смысле я битый... Мне интересно, любопытно, смогу ли и по этой стенке взобраться и что там — за горизонтом...

О СЕБЕ

Учился. И не один раз. Женился — то же самое... Был солдатом, чуть-чуть не стал инженером, кинооператором, режиссером. Стал фотографом. Каким? Судите по работам, что перед вами. Все...

Репетирует **АНДРЕЙ МИРОНОВ.**

Переправа.

Как мама.

Ситуация.

Большая перемена (Вильнюс).

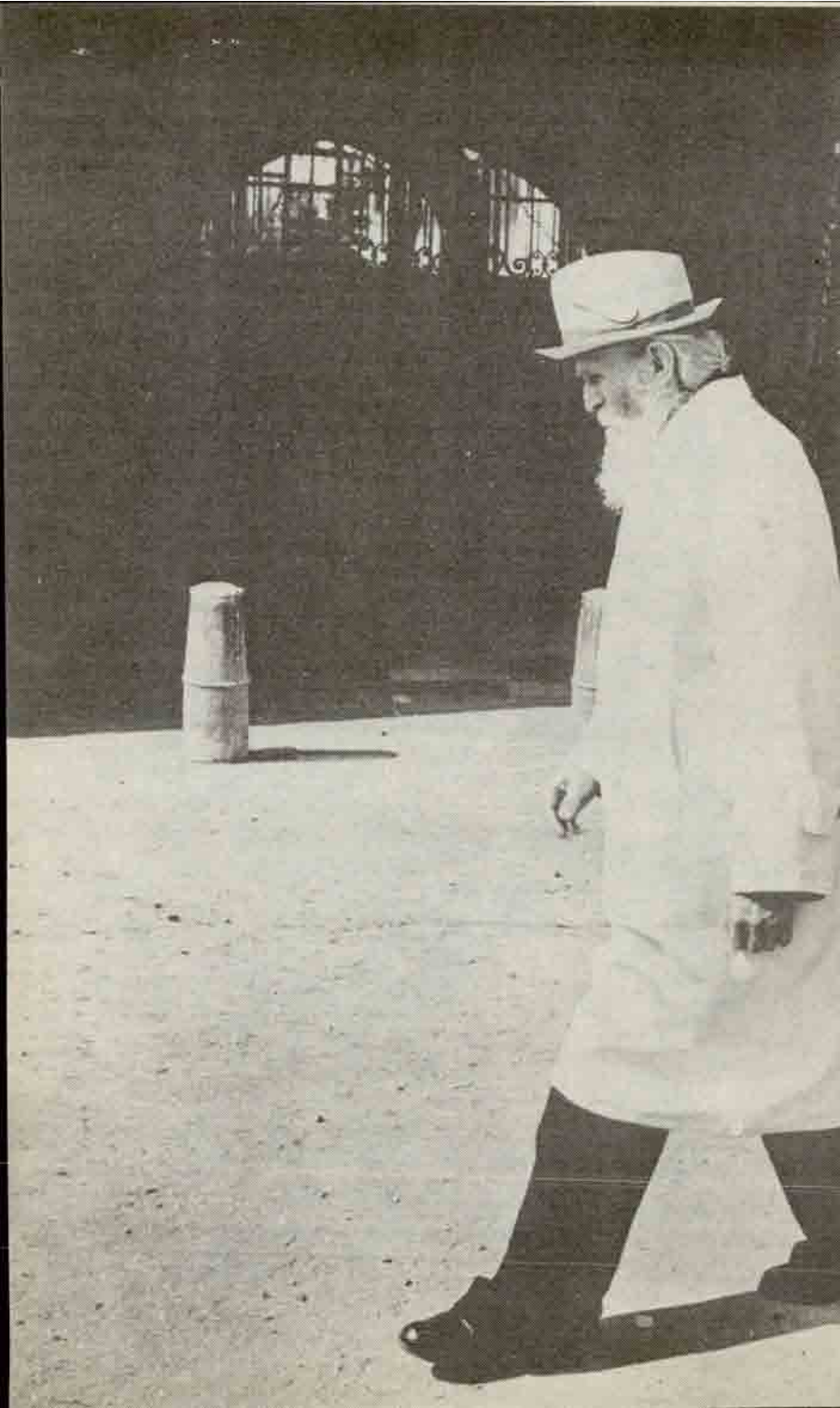
Нечаянная радость
из серии «На Красной площади».

Трудная операция.

На улице...

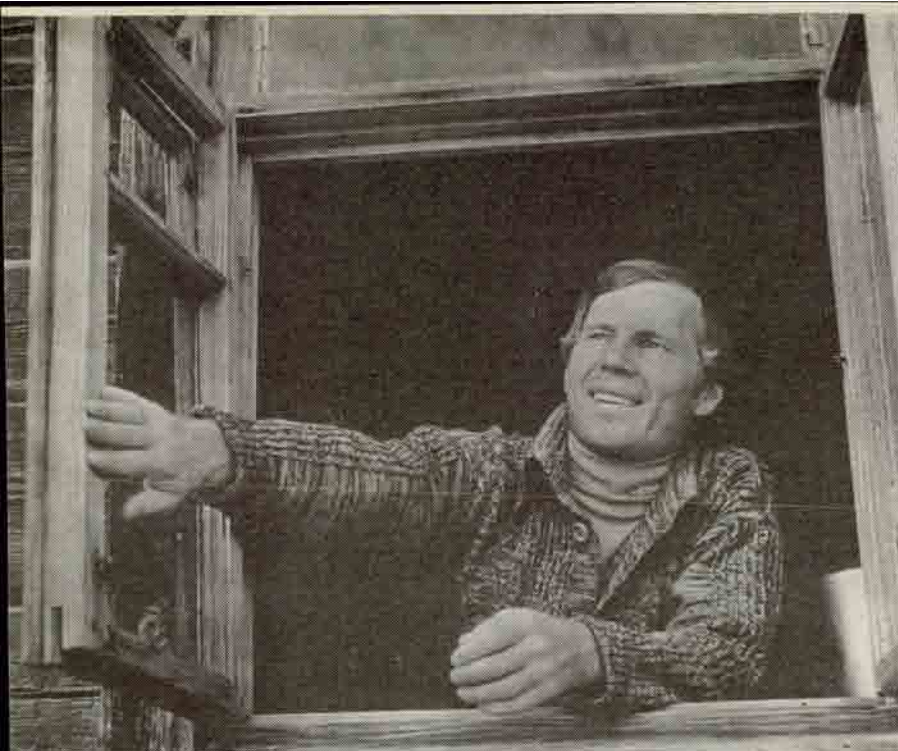
Из серии «Загорские зарисовки».

Портрет актрисы.

Пришла.

ВЛАДИМИР ГОСТЮХИН:

**«ДЛЯ СЕРЬЁЗНОГО
КИНО
СЕЙЧАС ПЛОХОЕ
ВРЕМЯ»**

— Когда американцы хотят подчеркнуть «высокую пробу» своего соотечественника, они называют его «стопроцентным американцем». И хотя у нас аналогичного выражения, к сожалению, не сложилось, все-таки рискну назвать вас «стопроцентным русским».

— Не отрицаю, потому что чувствую в себе и противоречия, и достоинства русского человека. Они мучают меня, сложно сосуществовая. Раньше я этого не понимал, но, наверное, боль за страну, за свой народ помогла мне глубже осознать трагичность той ситуации, в которой мы сегодня находимся.

— В чем вы видите истоки вашей «русскости»?

— Земля, на которой я родился, Урал, Свердловск и мои родители. Когда ушли из жизни мать и отец, стал острее понимать их роль в моем становлении как личности. Это были великие труженики, честнейшие люди, поразительны их доброта, отдача другим и абсолютная бескорыстность. Отец — партийный работник, инвалид войны — никогда не думал о себе и ушел из жизни, так ничего и не сделав лично для себя.

Мне постоянно везло на хороших людей. Вспоминаю Ольгу Петровну Солдатову, руководителя драматического коллектива в Свердловске, которая открыла для меня мир театра и повернула мою жизнь на 180 градусов: ведь до этого я и не предполагал быть актером. Затем Лариса Шепитько — мое удивление и открытие. Всегда в трудные минуты я ощущал ее отзывчивость и традиционную российскую поддержку. Это помогало мне выстоять в самые сложные периоды жизни.

— В последнее время все очевиднее становится безразличие, а порой и пренебрежение молодежи к своим корням...

— Происходит самое страшное: на молодежь обрушивается массовая культура, чаще всего низкого пошиба. Эта пена ложится на несформировавшийся внутренний мир молодых людей и корезжит его со страшной силой. Они не чувствуют, кто они и откуда, перестают любить свою землю, на которой живут, перестают ее обихаживать, и она приходит в запустение. Все чаще сталкиваешься с отношением к своей земле как к помойке. Духовный вакуум заполняется «дебил-роком» — результаты плачевны.

— Значит ли это, что вы не воспринимаете современную музыку?

— В свое время я очень увлекался роком и популярной музыкой. И знаю, что определенные стили рок-музыки могут обладать сильным наркотическим воздействием, которое имеет чисто разрушительную структуру. Сам я никогда не увлекался тяжелыми формами и предпочитал напряженному ритму таких групп, как «Лед Цеppelin» или «Дип Перпл», мелодичность «Чикаго», Элвиса Пресли и Пэт Буна. Ближе всего мне «Битлз», их диски «Оркестр клуба одиноких сердец сержанта Пеппера» и «Збби-роуд» считаю музыкальными открытиями.

Вообще всегда нравился классический мелодизм. Поэтому не приемлю никаких музыкальных авангардистских поисков: ну не ложится это мне на душу! Вершина для меня — Рахманинов, один из величайших, на мой взгляд, мелодистов, особенно в Первом и Втором концертах для фортепиано с оркестром. Знаю и люблю русскую народную песню, которая на несколько порядков выше любой — пусть даже с хорошим текстом — эстрадной песни. Радостно, что культура медленно, но все же возрождается, пытается

прорваться через обвал низко-
сортной продукции. В последнее
время для меня стала открытием
наша духовная музыка. Произве-
дения Бярятинского, Чесноко-
ва — целый мир, которого мы не
знали. Поразительные потери!

И это характерно не только для
музыки. Та же участь постигла
русскую философскую мысль. Ко-
гда я учился, то, естественно, за-
полнял вакуум работами западных
философов и даже не представ-
лял, что у нас целый клад своих
собственных мыслителей, оста-
вивших такое колоссальное
наследие.

— Сейчас рушатся мифы,
а многие идеалы на поверку ока-
зываются ложными. Как, на ваш
взгляд, это отражается на новом
поколении?

— Беда нашего века: все разру-
шить, а затем медленно, напряга-
ясь, восстанавливать. Я же при-
емлю только эволюционный путь
развития. Эволюция выстраивает
мир гармонично, через борьбу
и противоречия, а революция —
всегда насилие, излом, который
разрушает сложившиеся глубокие
связи и держит на плаву поверх-
ностный тип личности со смешан-
ными понятиями добра и зла. До-
стижения предков не имеют для
таких людей никакого значения:
«...до основанья, а затем!..» Но
ведь если новый мир не завязан
корнями с предыдущими поколе-
ниями, если нет прочного фунда-
мента, то этот домик находится
в шатком положении и когда-ни-
будь разлетится на кубики.

Боюсь, что поколение будет по-
терянным в нынешней ситуации
временщины и сиюминутности, ко-
гда люди все реже тянутся к ду-
ховности, постепенно превраща-
ясь в чернь. Конечно, хочется ве-
рить, что инстинкт самосохране-
ния все же сработает и здоровые
начала в народе возьмут верх. Но

надеюсь на это все меньше
и меньше.

— Почему?

— Люди разучились разбирать-
ся в себе, утеряли основы нрав-
ственности, исчезнувшей вслед за
истинными российскими интелли-
гентами, которых вырубili прак-
тически под корень. Ведь в основе
интеллигентности всегда было
глубоко заложенное самой приро-
дой бескорыстное служение идеа-
лам добра.

— Вы против материального
благополучия?

— Естественно, все хотят жить
лучше, богаче. Но ведь происходит
страшная материализация всех
понятий!

То же и в кинематографе: кино-
кооперативы взбаламутили всех.
Режиссеры только считают день-
ги. Не важно уже, что и как они
ставят: все перебивает запах ку-
пюр. И в результате мы имеем вал
пошлятины, извращение всех
нравственных, социальных и фи-
лософских категорий.

— Владимир Васильевич, а вы
получаете предложения от коопе-
ративов?

— Очень много. Предлагают
десять — пятнадцать тысяч за
роль. Но я отказываюсь. В драма-
тургии всегда ищу заряд нрав-
ственной правды о человеке. Го-
лая констатация фактов меня не
устраивает. Но вокруг чаще всего
вижу лишь стремление слудить за
две-три недели «картинку», напол-
ненную «клубничкой», и сорвать
большие деньги.

Настораживает усиливающаяся
тенденция романтизации преступ-
ного мира, что вызывает у меня
отторжение. Не может человек, пе-
реступивший черту по отношению
к другому, быть предметом восхи-
щения! О нем можно говорить
только как о фигуре трагической.
В произведении искусства всегда
должен существовать противовес

добра и зла, его идея должна быть катарсична. Кинематограф может быть веселым или грустным, сложным или простым, но он должен быть обязательно здоровым. Вот о таком кино я мечтаю.

— *Что вы думаете о состоянии отечественного кинематографа в целом?*

— Сейчас многие кивают на застойные времена и уповают на будущее, в котором вот-вот начнется «новое кино». Марлен Хуциев после фестиваля «Дебют» заметил, что ни в одной работе молодых режиссеров он не увидел гармонической глубинной перспективы. Он назвал это временным взглядом на мир. Он может быть острым, но обращен прежде всего на то, что лежит на поверхности, — на пену. Исследовать пену, может быть, и интересно, но все же сиюминутно.

Давайте вспомним, какой замечательный кинематограф был в самый расцвет застоя. И уровня его достичь пока не удается. В картинах Михалкова, Панфилова, Климова, Тарковского, Абдрашитова, Шепитько был тот самый заряд исследования человеческой души, который почти исчезает. Сейчас и близко нет картины, которая поднялась бы до уровня кинематографа Василия Макаровича Шукшина. Это был последний вздох истинно русского кино.

— *Неужели нет таких людей?*

— Видимо, нет. Все больше и больше распространяется эгоизм, мелочное самоутверждение. Но ведь самые лучшие произведения в нашем искусстве были немыслимы без боли и страдания за свой народ. В них все выстроено на внутреннем человеческом диссонансе, когда герой мучительно переживает собственное несовершенство, негармоничность окружающего мира. Но не шельмуя

все и вся, а стремясь облагородить этот мир.

Подобные идеи я находил и в лучших произведениях русской литературы. Благодаря В. Астафьеву, В. Распутину, В. Белову, В. Быкову я сохранил свой внутренний мир в те годы, когда у власти стояли монстры и все было ложно и криво. Эти люди несли нам правду, берегли для нас Россию. Сейчас разговоров о России — вплоть до высших уровней — очень много. А когда тот же Распутин первым поднял вопрос о чисто российских структурах — о суверенитете, об Академии наук и так далее, — тотчас же приклеили ярлык «националист». Его практически избивали все средства массовой информации. Мне же кажется, что в платформе любого человека нужно искать не то, что разъединяет, а то, что объединяет людей.

— *Ждете ли вы каких-либо перемен к лучшему в нашем кинематографе?*

— Криков насчет переделывания кинематографа было предостаточно. Однако видим, что люди, не согласные с существующей ситуацией, испытывают сильное давление. Особенно те, кто открыто идет против потока. Режиссеры, которым есть что сказать, молчат. У меня такое ощущение, что они пребывают в растерянности... Боюсь, для серьезного, глубокого кино сейчас плохое время. Хотелось бы верить в благие перемены, но... я скептик.

— *Каким вы видите свое дальнейшее существование в кинематографе? Есть ли режиссеры, которых вы могли бы назвать единомышленниками?*

— Меня всегда привлекают люди, способные противостоять внешнему обвалу лжи, твердо исповедующие свои понятия истины и нравственности.

Было удивительно хорошо и интересно с Сашей Итыгиловым. Наша картина «Смирненное кладбище» получилась тяжелой, трагичной. Я бы сказал, болезненной. А в самом Саше была здоровая человеческая основа. Он был крепкий, глубокий человек, живший по своим внутренним нравственным законам. Сколько у него было планов... Страшная, невосполнимая потеря!..

— Почти все ваши герои: Рыбак из «Восхождения», Белов из «Охоты на лис», Кузнецов из «Нашего бронепоезда» и Леха Воробей из «Смирненного кладбища» — несчастны. Почему?

— Наверное, единственный счастливый человек, которого я сыграл, — старшина Кацуба. Со временем этот образ и сама картина все больше вызывают во мне какую-то нежную любовь.

Что касается остальных... Действительно, все они у меня страдальцы и горемыки. Трагично само существование русского человека, перенесшего страшную потерю своей корневой структуры, исторической памяти. Все так или иначе накладывает отпечаток и на мою душу, и на создаваемые мною образы. Для меня крайне важен момент выхода героя к свету или падения во тьму; причащения или отлучения от соборной души народа.

— В чем, на ваш взгляд, обретет духовную опору та часть народа, которая тянется к свету?

— Неизбежен уход в истовую веру, в церковные догматы. В сути христианства лежит вера в лучшие, божественные начала в человеке, в его способность к бескорыстному служению добру. И если эти нравственные законы, устремленность к высшим проявлениям человеческой души будут оказывать свое лечащее воздействие на нашего запутанного, замо-

танного и затурканного человека, то от этого выиграем все мы.

Вообще нам пора объединиться! Хватит разрушений, революций, экспериментов. Хватит! Сколько жертв принесено, сколько человеческих жизней погублено, а стоим на месте! К сожалению, разрушать гораздо легче, чем созидать...

— Как вы относитесь к политике? Вы коммунист?

— Политику не выношу. Уж очень она скользкая, конъюнктурная. Но все вокруг настолько политизировалось, что и я слежу за событиями, волнуюсь, а подчас пребываю и в растерянности от запутанности нынешней ситуации. В шквале мнений и их ситуативный пока теряется главное: строительство. И это грустно.

А вступать в КПСС я отказался в 1982 году. Люди шли в партию не по убеждениям, а ради карьеры. Не говорю о всех членах партии, тем более что мой отец был истинным, честным коммунистом, который жил не для себя. Но то, что я видел, вызывало у меня отторжение!..

Я принимаю многие общечеловеческие принципы социальной справедливости, которые провозглашены партийной идеологией, но не согласен с тем, что во главу угла ставятся экономические задачи, а не нравственное и духовное совершенство человека. Кроме того, я не приемлю ни диктатуры, ни правого, ни левого экстремизма. По-моему, на любое радикальное изменение надо идти через глубокий, объективный анализ прошлого, а не через голое отрицание.

— Какой герой был бы вам интересен сейчас?

— Наверное, мог бы сыграть подонка и законченного подлеца, такого абсолютного носителя зла. И, думаю, мог бы сделать

настолько убедительно, насколько не приемлю деструктивные человеческие качества. Но все-таки мечтаю о гармоничном герое. С удовольствием бы проанализировал характер думающего человека, который смотрит внутрь себя, пытается разобраться в мире, несет в себе извечные положительные начала. Это может быть кто угодно: военный, рабочий, депутат, врач, крестьянин, учитель... Кстати, вот поле для настоящего большого исследования: личность учителя. Люди тяжеленного, подвижнического труда имеют дело с хрупким человеческим материалом — детскими душами.

— Сейчас предпринимаются попытки интеграции советского кино в мировой кинематограф. Одни считают, что нам необходимо отстаивать свое национальное своеобразие, другие же предпочитают побыстрее и незаметнее вписаться в мировые киностандарты...

— Категорически не согласен с последним! Если на Запад приходил настоящий русский художник, он все равно оставался носителем культуры народа, который его породил. За что и был там ценен. Настоящая культура может возникнуть лишь на национальной почве — русской, армянской, узбекской или какой-либо другой, — а размывание национальных традиций неизбежно приведет к массовой культуре. Вот он-то абсолютно безнационален.

— И ведь нам есть что сказать на Западе!

— Думаю, да. Другое дело, что некому. Кто будет говорить? Такой, как Никита Михалков, способен сказать, потому что везде остается русским человеком. Тарковский и на Западе остался насквозь русским художником: вспомним его «Ностальгию».

— Значит, наши фильмы могут иметь успех там, у «них»?

— Конечно. Они и имели успех: «Неоконченная пьеса для механического пианино» Михалкова, «Агония» Климова, «Восхождение» Шепитько и много других. Но только в среде интеллектуалов и эстетов. Массового зрителя наши проблемы не интересуют. Представьте его вкус, если невероятный бум произвел «Бэтмэн»! Я обожаю Джека Николсона. Но картина-то холодная и пустая, хотя и сделана технически здорово. Потребности массового зрителя просты. Впрочем, в нашей стране ситуация та же самая.

— Наверное, и наши актеры будут постепенно втянуты в международную кинематографическую интеграцию. На ваш взгляд, будут ли они конкурентоспособны?

— Если их будут втискивать в рамки сугубо западного материала, то думаю, что нет. Покупать нас станут за гроши и что-то всерьез предлагать не будут. Больших открытий и достижений, полагаю, не случится. Если, конечно, какой-нибудь крупный художник возьмет советского актера как носителя своего определенного национального типа, тогда возможно.

— Ну, а если герой будет американцем, французом?

— Его прекрасно сыграет любой американский или французский актер! Ну сыграть русского эмигранта, например, донести боль, страдание или, наоборот, отторжение, ненависть к бывшей Родине я смогу. Конечно, умом, рационально, я проникнусь чувствами англичанина, американца, итальянца — кого угодно. Но по большому счету не знаю их проблем и не собираюсь воплощать их на экране. Если и буду играть что-то на Западе, то только русский тип.

— Вы любите свое дело?

— Разумеется. Работа всегда меня спасала, и в этом смысле я, конечно, счастливый человек. Так трудно мне это давалось... Но все-таки судьба меня вознаградила за все страдания и мытарства. Да я и не жалею, что все так сложилось. Это сформировало меня, дало какую-то выносливость. Многим молодым артистам, видимо, проще все досталось, поэтому они позволяют себе прийти на площадку совершенно неготовыми, не углубляясь в дело, не мучаясь им. Я же научился ценить то, чего достиг большим трудом, и не даю себе расслабиться: даже из самой серой драматургии стараюсь хоть маленькую мышишку да вытащить. Жизнь приучила меня над всем работать серьезно.

— Значит, актеру необходим не совсем благоприятствующий посыл судьбы?

— Да не только актеру — любому человеку! Лишь когда ты проходишь через горнила испытаний, становишься умнее, глубже, интереснее. Нужно бороться с собственными слабостями, разочарованиями, преодолевать себя, стремиться к свету и этот свет нести людям.

**Беседу вела
ЗЛЬФИЯ ГАРИПОВА.**

ЧИТАТЕЛЬ • «СМЕНА» • ЧИТАТЕЛЬ

┌ Причина? Самогон.

┌ Религия — это вера в Человека.

┌ После принятия нового антиалкогольного закона в 1985 году врачи нашей больницы рассчитывали на более спокойные, чем прежде, дежурства: меньше будет пациентов битых, резаных, стреляных. Тем более что недели за две перед праздниками спиртного в магазинах часто вообще не было — не завозили.

К сожалению, ожидания медиков не оправдались. Даже наоборот: жертв пьяного разгула оказалось много больше, чем раньше.

Причина? Самогон.

Узнав заранее от работников торговли, что вина и водки в продаже не будет, многие наготовили браги и «домашней» водки. В отличие от напитков, изготовленных на государственных ликеро-водочных предприятиях, они, как известно, имеют свойство вызывать опьянение быстрое и более агрессивное. Отсюда и результаты.

Более пяти лет действует новое законодательство о борьбе с пьянством и алкоголизмом. Можно подвести некоторые итоги. Каковы же они?

Давайте оглянемся вокруг. Стали ли люди пить меньше? Единицы — да. А в общем — нет.

Кто пил много, тот и пьет, и достать водку, если она продается, не проблема. А нет вод-

ки — всегда найдется самогон. Но дело-то в том, что «употреблять» больше стали и те, кто раньше делал это нечасто. Запретный плод всегда сладок, дефицитный — тоже. И стоит человеку увидеть недлинную очередь в винный магазин, он не упустит шанс купить «про запас». А для выпивки повод всегда найдется.

Изменился и состав потребляемых напитков. Если раньше в продаже были сухие, десертные вина, наливки, настойки — сейчас только водка. Кто-то даже додумался сократить производство пива и запретить его продажу в кафе, ресторанах, буфетах. И очевиден сдвиг в сторону употребления суррогатов, особенно самогона. Сдвиг массовый. Подстегнутая дороговизной и недостатком магазинного спиртного, в государстве бушует сейчас настоящая самогонная буря.

В бутылке самогона вредных веществ в 50—70 раз больше, чем в таком же количестве водки заводского изготовления. Дубовая кора, марганец, жженный сахар и т. д. от ядовитых примесей самогон не спасают: они лишь отбивают запах и частично улучшают вкус. Яды, содержащиеся в самогоне, со страшной силой бьют по пече-

ни, желудочно-кишечному тракту, сосудам, сердцу, мозгу пьющего. Недаром, не доживая до пенсии, умирают сельские механизаторы — на селе самогон особенно в ходу.

Другие суррогаты алкоголя еще страшнее.

Клей БФ даже в небольших дозах быстро приводит к циррозу печени. Лак-политура начисто на срок до двух недель (в зависимости от принятой дозы) отключает систему естественного иммунитета. От одеклона сужаются мелкие сосуды. Есть данные, что мужская импотенция в первую очередь обуславливается употреблением самогона и других суррогатов, рождение детей-уродов и недоразвитых — тоже в основном их результат. И деградация личности, и алкоголизм при употреблении суррогатов развиваются много быстрее.

Одними запретами с пьянством бороться нельзя. Тем более, если борьба идет не с пьянством, а с бутылкой. Пьянство — явление социальное, и, пока не уничтожены причины, победить его практически невозможно.

У нас социальные причины пьянства есть, и они продолжают «работать». Их множество. Скажу лишь о трех.

Одна из них — семейная неустроенность. Распространяющаяся свобода добрых и внебрачных половых связей привела к неустойчивости и непрочности семей, неуверенности в том, что «в тылу» спокойно. А когда на душе плохо, выручает бутылка...

Другая — недостаточная трудовая нагрузка или плохая работа. Человек — существо живое, и, чтобы его организм нормально функционировал, он

должен уставать, особенно физически. При наших едва ли не самых низких в мире рабочих нормах этого сплошь и рядом не происходит. Чтобы восполнить пробел, организм требует иной нагрузки. В данном случае — алкогольной.

Третья. Плохая работа обуславливает бедность. И каждого в отдельности, и государства. Давно замечено, что бедные люди пьют больше. Но странное дело: стоит тому же бедняку разбогатеть, заметь какую-то собственность и деньги, дающие возможность, кажется, наконец-то попить от души, вволю, как он превращается в трезвенника.

Почему? Да потому, что откровенно становится совсем другой уровень жизни, желаний, возможностей. Появляются другие интересы. И человеку становится просто жаль тратить время на пьянку.

Быстро социальные причины пьянства не устранить. На это нужны годы. Но что делать сейчас?

Считаю, что нужно полностью удовлетворить спрос на государственное спиртное. Больше, чем сейчас, пить все равно не будут — уже некуда. А самая важная, по-моему, задача сегодня — срочно спасти население от самогона и прочих суррогатов. Иначе изменения в здоровье населения и генофонде станут необратимыми.

Нужно расширить и ассортимент. Пусть в продаже будут все виды спиртных напитков, особенно пиво. Это, кстати, уменьшит другую беду — распространение наркотиков.

Далее. Надо ни в коем случае не поднимать, а, наоборот, по мере насыщения рынка снижать цены на спиртное. Только

так будет сломан хребет самогонварения. Ибо себестоимость литра самогона, увы, не превышает двух рублей.

Могут спросить: я, что же, призываю совсем не бороться с пьянством? Конечно же, бороться надо! Но не с водкой, как сейчас, а именно с пьянством. Оберегать от пьянства молодежь, разрешив ей, особенно школьникам, работать и зарабатывать. За пьянство на работе, за рулем, за самогонварением надо жестоко наказывать.

И пьянство, я уверен, со временем уйдет само, когда хороший работник будет приносить домой такую зарплату, при которой жена могла б не работать, а содержать в порядке дом и воспитывать детей; когда любой из нас получит возможность проводить отпуск в любой стране мира; когда будут цениться не занимаемая должность, а труд и знания; когда автомобиль можно будет купить через полгода работы, а особняк — через несколько лет. Потому что пьянство — только следствие. А причина его — уровень и образ жизни.

Ю. П. ШАХТАРИН,
врач-нарколог,
г. Александров

Хотел бы поделиться своим мнением насчет возрождения «поповщины» в нашей стране.

Согласен — религия должна выражать основной нравственный закон жизни, но еще Л. Н. Толстой утверждал, что религия не есть нечто застывшее, а должна изменяться в соответствии с достижениями передовой человеческой мысли и духа. Так, существовала религия древних греков с культом телесного здоровья и здорового

рассудка, а затем ей на смену пришло христианство с духовностью, подаваемой как свод нравов учений, одно только слепое исполнение которых гарантирует награду и одновременно убавливает всякое стремление думать, превращая человека либо в дурака, либо в лицемера.

Но ведь давно существует и новая религия. Это вера в Человека. Человека как обладателя разума, живущего постижением истины и стремящегося осмыслить себя в этом мире. Как обладателя высоких идеалов духа, идеалов справедливости и благородства, основанных на развитом чувстве прекрасного и закреплённых опять же работой мозга.

Черты этой религии я вижу в трудах Кампанеллы, произведениях и жизни декабристов, Маяковского, Высоцкого...

Потому-то смешно видеть ренессанс рясы и кадила, и уж совсем странно — благословляемых попами коммунистов.

ЮРИЙ СТЮФ,
механизатор,
Нарва

ЕЛЕНА МАСЛАКОВА
Фото ВЛАДИМИРА ЧЕЙШВИЛИ

ОГОНЬ НЕ ГАСЯТ

OTHER

— Если тебя ударит одноклассник, что ты сделаешь, тоже ударишь его?

— Нет, отец Андрей, — серьезно отвечает человек лет семи, — Господь учил нас любить друг друга. Ведь огонь гасят водой, а не огнем.

...А в это время в группе второй ступени отец Михаил обсуждает со старшеклассниками быстротечность и необратимость времени, неразрывность прошлого и будущего. И так естественно, как бывает только в беседе единомышленников, разговор о Ветхом Завете внезапно поворачивается разными гранями, высвечивая то учение Платона, то проблему ориентации в современной политической жизни.

В Храме Вознесения Господня, что у Никитских ворот (москвичи обычно называют этот храм просто «где Пушкин венчался»), идут занятия Воскресной школы. Дошкольники от 4 до 6 лет учатся по субботам. Школьные группы I (до 6-го класса) и II (старшеклассники) ступеней — по воскресеньям. Есть еще факультативы по будним дням.

...Первым делом я попыталась понять, что же заставляет наших школьников, вымотанных бесконечной учебной неделей, каждое воскресенье вставать ни свет ни заря, чтобы в 9 часов быть в Храме к началу литургии. К тому же многие живут далеко и тратят на дорогу больше часа. Особенно трудно тем старшеклассникам, у кого до сих пор шестидневка в школе, — совсем никакой передышки. Но ведь приходят же, не опаздывают и не прогуливают!

Девочка лет тринадцати охотно разъяснила мне этот феномен:

— Это в школу вставать трудно, а сюда — знаешь ради чего. За неделю в школе намучаешься,

только и ждешь, скорей бы! Придешь, а здесь так хорошо! Воскресная школа дает мне покой и радость. И помогает терпеть обычную школу.

Вот так! А я-то, глупая, на какой-то момент пожалела этих ребят — тем более утро выдалось холодное и сырое. Но, видимо, есть и другое тепло, которое сильнее тепла домашнего, слаще утреннего сна.

Отец Михаил (в миру — Михаил Дронов) называет свою Воскресную школу «вольным клубом». Это значит — отчетности никакой. Ни зачетов, ни экзаменов, ни отметок, ни списков посещаемости. Дело же не в занятиях, подчеркивает он, а в том, чтобы верующий ребенок не был одинок.

— Мы добиваемся психологической адаптации маленького человека к действительности, — объяснил директор. — Здесь дети открыты друг другу, здесь они приобретают внутреннюю раскрепощенность... Я сам из семьи священнослужителя. И очень хорошо помню, как мы с сестрами в обычной школе были изначально противопоставлены остальным детям. Может быть, в чем-то это и хорошо — появляются чувство ответственности за свои убеждения, желание, а потом и умение их отстаивать. Сейчас и так жизнь нелегка. И если мы можем ввести ребенка в коллектив близких ему по духу людей, значит, мы обязаны это сделать.

Позиция отца Михаила полностью совпадает с тем, чего ждут от Воскресной школы родители. Все они считают, что и сами могли бы дать своим детям необходимые знания. Но приводят детей на занятия, чтобы легче было наладить православный образ жизни — дома, в одиночку, это гораздо труднее.

Большинство верующих родителей в напряженных отношениях с государственной школой. Жалуются: «Просто страшно отдавать ребенка в школу! Хорошо еще, если, кроме него, в классе окажется двое-трое верующих. Это, считай, повезло. А учителя... А грубость... Нет, добра оттуда не жди». Поэтому они видят в Воскресной школе светлую альтернативу школе государственной.

О детях и говорить нечего. Именно в порядке возражения общешкольным правилам дети здесь очень ярко, празднично одеты. Они держатся раскованно, реагируют на все происходящее живо и весело. И завтракают в трапезной с аппетитом — это вам не школьная столовая.

Во время занятий и малыши, и старшеклассники чувствуют себя совершенно вольно. Кто-то встает и выходит, кто-то входит... Спокойно, как дома, не смущаясь и не спрашивая разрешения. Кто-то вдруг садится на пол. Не потому, что нет мест, просто так хочется. Может быть, потому, что этого нельзя делать в обычной школе?

Среди слушателей II ступени — старшеклассники — есть ребята, которые намереваются стать священниками. В духовную семинарию принимают не моложе 18 лет. Однако, твердо определив свой жизненный путь, эти ребята уже сейчас уходят на домашнее обучение и появляются в общеобразовательной школе лишь для сдачи экзаменов.

Рассказывает двенадцатилетний пономарь Иван:

— Я уже второй год на домашнем обучении. И мама ушла с работы. Весь прошлый год мы с ней в Даниловом монастыре провели. Там мой духовный наставник служит — отец Даниил. Я и теперь к нему езжу, а раньше мог каждый

день подойти... Нас, пономарей, человек семь-восемь из Воскресной школы. Все друзья у меня здесь...

— А прежние друзья? — не удержалась я. — Ведь в обычной школе ты дружил с кем-то?

— Конечно. Правда, я теперь с ними не вижусь. И в школе никто не знает, что я работаю в Храме...

— Ваня, а есть что-нибудь, кроме Бога, кроме церкви, что ты любишь?

— Лошадей!

— Два года назад твоя жизнь переменялась полностью. К лучшему?

— Конечно! Раньше мне было трудно. А теперь у меня есть вера и покой. Я теперь ничего не боюсь...

— Совсем ничего? А смерти? — Иван снисходительно усмехается и отрицательно качает головой.

— А что ты можешь посоветовать тому, кто боится смерти? Кто боится за себя или близких?

— Постоянно исповедоваться, и причащаться, и молить Бога о том, чтобы не умереть без отпущения грехов.

— Ты работаешь в Храме каждый день? Когда же ты учишься?

— По вечерам, когда свободен. Трудно было ходить в школу каждый день. А самому спокойно учиться — чего тут трудного?

— Вам с мамой платят зарплату? Нет?! На что же вы живете?

— А на что нам деньги? Только на метро — до Храма доехать! Кормимся мы здесь, в Храме. На свитер да на ботинки хватает папиных алиментов. Папа не знает, что мы работаем в Храме. Знает, что веруем, ну и не против, хоть сам и не верит...

— Отец Михаил, — осторожно спрашиваю я, — а как вы относитесь к тому, что Иван ушел из

обычной школы? Это хорошо или плохо?

— Конечно, хорошо. Я бы очень хотел, чтобы мой ребенок проводил день в Храме, а не в школе. Но я своего и так-то не могу заставить сделать уроки. Какое уж тут домашнее обучение! А кто может учиться сам, молодец. Иван ведь у нас не один такой. Есть и еще ребята...

И протоиерей рассказывает о своем замысле открыть в ближайшее время гимназию при Храме. Сначала откроются только старшие классы. Для них хватает помещений и в самом Храме. А потом, когда будет специальное здание, все классы с первого. Тогда этим ребятам не придется сдавать экзамены в обычной школе. Конечно, гимназия предполагает ориентацию на духовную семинарию.

Протоиерей Михаил Дронов считает, что церковное воспитание нужно осуществлять в церкви. Государственная школа не должна навязывать никакой идеологии.

— Вот сейчас обсуждается, не ввести ли в школе закон Божий. Я думаю, если уж что-то вводить, то, например, курс истории мировых религий. Причем это должны быть чисто информативные занятия, без проповеди. Государственная школа не привьет веру, она может лишь отвратить от церкви.

...Мы-то с вами знаем, как умеет наша школа отвращать. За что ни возьмется, ко всему у детей немедленно появляется отвращение. Вот и с коммунистической идеологией так. Чем больше школа ее навязывала, тем извращеннее становилось отношение детей к коммунистическим идеалам. А как только система «октябрство — пионерия — комсомол» становится всеобщей и безальтернативной, — все. Дети бегут от нее

в Храм, в почти нереальную вольницу Воскресной школы.

Отец Михаил преподает в духовной академии, служит в Храме, читает проповеди по телевидению, ведет занятия в Воскресной школе.

— Какую же аудиторию вы предпочитаете?

— Конечно, детскую. Самых маленьких, — говорит он. Лицо его так освещается при этих словах, что глупо спрашивать почему.

Занятия Воскресной школы заканчиваются к двум. Не знаю, как кому, а мне никак не удавалось в этот день войти в круг обычных воскресных хозяйственных забот. Не переключалось сознание на очереди за продуктами, стирку, мытье полов...

А вечером, узнавая из программы «Время» об очередных горячих точках страны, я вдруг явственно вспомнила: «Огонь гасят водой, а не огнем».

Люди, родившиеся в России приблизительно между 1785—1815 годами, развивались необычайно рано и проходили свой жизненный путь с быстротой, которую объяснить отчасти даже и затруднительно. То, что пятнадцатилетний лицеист, барон Дельвиг, печатал свои стихи в «Вестнике Европы», было в порядке вещей. Его одноклассники — Илличевский, Яковлев, Пушкин — делали то же самое. В других отношениях Дельвиг даже от них отставал. «Способности его развивались медленно, — говорил Пушкин, — память у него была тупа, понятия ленивы. На 14-м году он не знал никакого иностранного языка и не оказывал склонности ни к какой науке. В нем заметна была только живость воображения». Учился он плохо и кончил двадцать восьмым из числа двадцати девяти. Его занимала одна поэзия, но и тут он отчасти ленился.

На поэтическом языке той поры слово «лень» означало наслаждение внешним бездействием при сосредоточенной деятельности чувств. Из этой лени рождались поэтические мечтания: эпитет «вдохновенная» подходит к ней как нельзя более. Юные лицейские стихотворцы воспевали ее в стихах и любили ей предаваться. У Дельвига она имела оттенок более физиологический, нежели у кого бы то ни было. Одутловатый, мешковатый, близорукий, Дельвиг часто впадал не только в поэтический тонкий сон, посылаемый Аполлоном, но и в сон самый обыкновенный, прозаический, с храпом. Лицейскому остро словию эта сонливость служила вечной мишенью. Однако ж она была болез-

ВЛАДИСЛАВ ХОДАСЕВИЧ

ДЕЛЬВИГ

ненна. «Дельвиг никогда не вмешивался в игры, требовавшие проворства и силы; он предпочитал прогулки по аллеям Царского Села и разговоры с товарищами». У него смолоду было плохое сердце.

Он был чувствителен, но к бурному проявлению чувств решительно неспособен. Они в нем умерялись медлительностью и ленью. Отсюда — склонность к идиллии, равно в поэзии, как и в жизни. Склад ума его был несколько иронический, но эту иронию чаще он обращал на себя, нежели на других. Он шутил беззлобно и легко переносил насмешки над самим собой, даже когда это были насмешки судьбы. В минуты жизненных неудач он порой вдруг широко склабился и нараспев произносил любимое слово: «Забавно!» Добродушие привлекало к нему сердца товарищей. Он и сам любил друзей верно и крепко, любил даже и самое чувство дружбы — с той же беззаветностью, как любил поэзию. Культ дружества, ставший лицейской традицией, именно ему много обязан своим развитием. Едва покинув лицей, он тотчас стал жаловаться:

*Не мило мне на новоселье:
Здесь все уныло — там цвело.
Одно и есть мое веселье:
Увидеть Царское Село!*

162
Дельвиг был весьма небогат, и по выходе из лицея, в 1817 году, надо было ему усердно заняться службой. Он так же лениво служил, как учился. Прослужив года два в департаменте Горных и Соляных Дел, он перешел в канцелярию министерства финансов, а оттуда в Публичную Библиотеку. Здесь его ближайшим начальником оказался Крылов, и они оба, в согласии вкусов, ничего не делали года четыре с лишним. В феврале 1825 года отпросился он в отпуск на 28 дней, поехал в Витебск, к отцу, и там захворал и окончательно разленился. Уже выздоровев, провел он в Витебске еще с месяц, потом — на несколько дней заехал в Михайловское, к опальному Пушкину. В Петербург он вернулся только 28 апреля — и все-таки не показывался на службу. 9 мая он был вынужден подать прошение об увольнении. Оно пришлось весьма кстати, потому что месяца через полтора произошли в его жизни события, которые вряд ли сумел бы он совместить со службой.

В первой половине мая он познакомился с восемнадцатилетней девицей Софьей Михайловной Салтыковой, тотчас влюбился и 30-го числа сделал уже формальное предложение. Оно было принято, но отец невесты, человек совершенно взбалмошный, дав согласие на брак, затем стал всячески отдалять его и даже пытался расстроить вовсе. Пять месяцев Дельвиг прожил в тревоге неопишуемой. Его письма к невесте поражают сочетанием самого высокого романтического стиля с простодушием и наивностью, может быть, уже даже не делающими чести автору. Во всяком случае, чистая душа Дельвига и безграничная любовь к «Ангелу моему Сониньке» видны в каждом слове. Наконец, упорство изверга и тирана (которого Дельвиг в письмах с ужасом называл «он»), не смея начертать его грозное имя) было сломлено. 30 октября состоялась свадьба.

Эротические и вакхические мотивы были весьма присущи лицейской поэзии. Однако известно, что их подкладка была более литературная, нежели житейская — у Дельвига в особенности. Даже скромные лицейские пирушки были ему не по силам: он быстро хмелел и «в лирическом жару» читал стихи, покуда не засыпал. По выходе из лицея Пушкин действительно растратил немало сил «на играх Вакха и Киприды». К 1828 году (и раньше) он уже имел все основания в этом раскаиваться. Дельвиг не калялся никогда, но не потому, что «погряз в пороке», а как раз напротив: потому, что в действительности ему каяться было не в чем. Его эротизм, как в лицее, так и после, был в значительной степени воображаемый. Он и в этом отношении, как во многих других, на всю жизнь остался лицеистом. Известен только один роман Дельвига до романа с Софьей Михайловной: он протекал в безнадежном и робком обожании. Вероятно, кое-какие холостяцкие грехи за ним числились; надо думать, что знаменитое заведение Софьи Остафьевны с ее воспитанницами было ему знакомо. Известно, что он однажды зазывал туда Рылеева. Но, конечно, женившись, он порвал с такими воспоминаниями. Вульф, близко и даже слишком близко знавший семейную жизнь Дельвига, называл его «примерным мужем». За месяц до свадьбы он писал невесте: «Я квартеру нашел, и прекрасную. Красить нечего, она чиста, как игрушечка, и в ней будет стыдно не жить опрятно». Он поспешил определиться на новую службу и вообще собирался свить гнездо прочное, мирное и уютное.

Софья Михайловна во многом являла противоположность мужу: она была хороша собой, обладала очень решительным характером и предприимчивостью в делах сердечных. (Между прочим, раньше, чем с Дельвигом, был у нее роман с Каховским.) Трудно сказать, что заставило ее выйти замуж за Дельвига, у которого не было ни привлекательной внешности, ни денег, ни положения, ни даже литературной славы. Вряд ли она могла им действительно увлечься — и сам Дельвиг это подозревал еще во времена жениховства. Если просто спешила она выйти из-под отцовской опеки и «выпрыгнуть», как тогда говорилось, за человека, который станет во всем ее слушаться и не посмеет стеснить ее свободы, то, конечно, лучшей партии, нежели Дельвиг, нечего было искать.

Дельвиг тотчас очутился под башмаком у нее. Вскоре явились и поклонники: Яковлев, бывший лицеист, был одним из первых.

Может быть, все было бы еще не так плохо, если бы Дельвиг умел уберечь жену от опасных влияний. Но он допустил, чтобы в том же доме, в соседней квартире, поселилась Анна Петровна Керн, недавно разведенная. В ту пору многие, так или иначе, пользовались ее щедротами — в том числе Лев Пушкин, Никитенко, Андрей Иванович Дельвиг (молодой инженер, двоюродный брат поэта), наконец — Пушкин, только теперь легко, но без особой радости, получивший все то, чего безуспешно, но пламенно добивался два года тому назад. Несмотря на разницу лет, Керн сдружилась с Софьей Михайловной. Вместе они выезжали, вместе брали уроки английского языка и проводили целые дни

неразлучно. В доме Дельвигов чаще запенилось шампанское, Софья Михайловна полюбила цыганское пение и поездки на тройках за город, в Красный Кабачок. Дельви́г охотно и сам принимал участие во всем этом, а Софья Михайловна тем временем все более поддадала влиянию Керн. Она уже была окружена целой «толпой молодежи столичной». В декабре 1827 года у Анны Петровны в доме появился ее кузен, Вульф, который был прежде в связи с нею, а потом в полусвязи с ее сестрой Лизой. Сам Пушкин воздавал должное вальмоническим талантам Вульфа. Софья Михайловна с первого дня стала выказывать ему явную благосклонность. Вульфу она очень нравилась, но ему не хотелось гулять на шет Дельвига, как он выражается в своем дневнике. Памятуя, быть может, закон Брантома, по которому изменой должны считаться лишь деяния самые несомненные, но и не желая упускать приятный случай, он старался ограничиваться ухаживаниями, затем поцелуями. Он то приезжал в Петербург, то вновь уезжал, и роман таким образом длился с перерывами два года. Софья Михайловна требовала все большего, но Вульф не пошел дальше длительных «разговоров пламенным языком сладострастных осязаний». Неизвестно, однако, чем бы все это кончилось, если бы в феврале 1829 года Вульф не уехал надолго из Петербурга, провожаемый бурными слезами Софьи Михайловны. Буквально силою вырвавшись из ее судорожных объятий, он бросился в сани и поскакал прочь с памятной ему Владимирской улицы.

164 Дельви́г все это время приметно страдал от ревности (к которой, впрочем, имел поводы и до Вульфа). Но Софья Михайловна умела смирять его: она «часто делала такие сцены мужу, что их можно было выносить только при его хладнокровии».

7 мая 1830 года у Дельвига родилась дочь¹. То была последняя и, вероятно, единственная улыбка счастья в его семейной жизни. Вскоре после того он уже имел основания ревновать снова — на сей раз к доктору Сергею Абрамовичу Боратынскому, брату поэта. В этом печальном состоянии он окончил жизнь свою — 14(26) января 1831 года, за месяц до свадьбы Пушкина. Ему было тридцать два года.

Недели через две после его кончины А. П. Керн написала Вульфу письмо, в конце которого прибавляла: «Забыла тебе сказать новость: Б. Д. переселился туда, где нет ревности и вздыханий!» Эта шуточка покорила даже Вульфа. Софья Михайловна полгода спустя вышла за Боратынского.

В 1821 г. Пушкин писал Дельвигу из Кишинева: «Напиши поэму славную... Поэзия мрачная, богатырская, сильная, Байроническая — твой истинный удел; умертви в себе ветхого человека — не убивай вдохновенного поэта». Слова о поэзии богатырской, мрачной и байронической до того не подходят к Дельвигу, что их можно принять за насмешку. Но это не насмешка, а ослепление дружбы, к которому примешивалась

¹ Она умерла только в 1913 году. — В. Х.

политика: Пушкин старался образовать литературное движение, ему были нужны соратники. Зная вялость Дельвига, он хотел подбодрить его.

Старания эти в конце концов оказались более или менее напрасны. «Ветхий человек» сидел в Дельвиге прочно, и если не вовсе убивал его, как поэта, то все же связывал — и связал навсегда. Как в жизни Дельвиг хотел прежде всего покоя, мира, халата, пасьянса, законченной и удобной формы — так прежде всего строгой формы он искал и в поэзии. В сущности, только ее и искал он. Но форма связана с содержанием. Как в жизни он не имел ни оригинальной идеи, ни способности видеть мир по-своему, ни даже сильных страстей — так не оригинальна оказалась и форма его поэзии. Подверженный многим влияниям, он не умел их переработать в нечто, принадлежащее лишь ему самому. Он старался лишь наилучшим образом применять чужие навыки — в идиллии, в песне, в романсе, в сонете, — и это нередко ему удавалось. Был он душой и сердцем мягок и в высшей степени благороден — столь же мягка, благородна, исполнена тонкого вкуса его поэзия. В ней мало промахов — зато почти нет и замечательных удач. Как сам он был рыхл, мягкотел — так рыхла и его поэзия. В 1823 году, судя о Дельвиге уже справедливее, Пушкин пишет ему: «Поздравляю тебя — добился ты наконец до точности языка — единственной вещи, которой у тебя не доставало».

Поскольку шло дело о сонете «Вдохновение», Пушкин был прав: на сей раз Дельвигу действительно далась точность языка. Но таких пьес у него оказалось всего две-три. Бодрый призыв опять пропал даром. Точного языка не мог Дельвиг добиться потому, что не было у него точных мыслей, а еще потому, что работать он не умел и не любил. Он писал мало и с медленностью поразительной. Но то было не столько вынашивание плода, сколько растягивание труда. Дельвиг больше любил говорить о своих поэтических замыслах, нежели осуществлять их. В конце концов и они выходили из-под его пера недоношенными. Пушкин и Боратынский порой придавали им заключительную отделку. В 1827 году Пушкин прямо уже называет его музу заспанной.

Более, чем заслуги собственно поэтические, принадлежность к партии Пушкина, Вяземского, Боратынского дала Дельвигу, как его другу Плетневу, положение в литературе и в истории литературы. Пушкинскую плеяду без Дельвига невозможно себе представить. Светило неяркое, он был необходим ее внутреннему равновесию и сыграл свою роль в механизме ее движения. Плеяде он был предан глубоко — по чувству литературному и дружескому. Но всякий задор, в сущности, был ему чужд. «Северные Цветы», столь способствовавшие возникновению сплоченной группы, он стал издавать по нужде в деньгах, а не потому, что рвался в литературный бой. Содействие друзей, более сильных, нежели он сам, обеспечило его альманахам их высокое качество и значение. Со своей стороны, друзья всецело способствовали его славе — столько же из уважения к его достоинствам, сколько из желания представить свои ряды

в лучшем свете. Полевой прямо обвинял Пушкина в рекламировании Дельвига. По форме его выходки были не очень пристойны, но по существу он был прав — если не полностью, то отчасти.

Партийные обстоятельства, которые выдвинули Дельвига в первые ряды тогдашних литераторов, были для него и несколько обременительны. В известной мере они послужили даже причиной его ранней кончины. В 1829 году возникла мысль о «Литературной Газете». Племянник Дельвига, близко стоявший к ее изданию и очень расположенный к дяде, говорит прямо, что «весьма трудно было найти редактора для этого органа». Все были слишком поглощены иными делами. «Хотя Дельвиг, по своей лени, менее всего годился в журналисты, но пришлось остановиться на нем, с придачею ему в сотрудники Сомова» — расторопного литературного дельца. Всю политику и полемику «Литературной Газеты» в действительности вели Пушкин и Вяземский. Дельвиг даже мало писал в ней, но ему пришлось расплачиваться. Осенью 1830 года было в ней напечатано четверостишие Делявина, невинное по содержанию и пропущенное цензурой. Булгарин сумел, однако же, обратить на него внимание начальства: Делявин почитался поэтом революционным. Бенкендорф вызвал Дельвига к себе, обошелся с ним в высшей степени грубо, грозил Сибирью и даже обращался на «ты». Дельвиг был оскорблен и угнетен чрезвычайно. Историки литературы не прочь представить дело так, будто Дельвиг и умер от жандармского обхождения. Усердие напрасное и обидное для памяти Дельвига: он вовсе не был Акакием Акакиевичем Башмачкиным, способным умереть от начальнического окрика. Но волнения эти вместе с огорчениями семейными сделали свое дело. Когда спустя два месяца Дельвиг простудился и заболел (у него было что-то вроде воспаления легких), большое сердце было уже ослаблено и не выдержало.

Что же осталось от Дельвига? Мало — и много. Он написал несколько хороших стихотворений; он участвовал в важнейших событиях русской литературной истории; он был тонким ценителем и знатоком поэзии — жаль, что более на словах, чем в печати. Единственное, что в нем было вполне изумительно, — это дар угадывать поэтов. Какое надо было иметь чутье, чтобы при жизни Державина и в расцвете славы Жуковского объявить гением пятнадцатилетнего Пушкина! Дельвиг же и Боратынского «подружил с Музой». Наконец, — и это, пожалуй, всего важнее — он был одним из людей, самых дорогих Пушкину. При встрече они целовали друг другу руки. В драгоценном предании об этой дружбе и в стихах Пушкина, ему посвященных, Дельвиг и будет жив вечно — более, нежели в собственной поэзии.

27 января 1931 г.

ЧИТАТЕЛЬ • «СМЕНА» • ЧИТАТЕЛЬ

Хочу поделиться тем, что болит, мучает. Хочу рассказать о Галине Николаевне Величко. Познакомились мы с ней в онкологическом диспансере Магадана. Я поступила на обследование. Народ в палате подобрался разный. Счастливицы, диагнозы которых не подтвердились; больные, которые менялись рецептами самолечения. Среди них выделялась Галя — черноглазая, очень спокойная, с удивительной речью: тихой, певучей.

Потом в разговоре выяснилось, что она из Житомира, а на Чукотку приехала с мужем-военным. Когда мы познакомились с ней поближе, она читала мне свои стихи. Это было удивительно: в такой обстановке — чистые и ясные стихи. И знаете, она искренне верила в Бога. На тумбочке у нее стояла маленькая иконка, за что ей часто выговаривал врач. Мне, родившейся от репрессированных родителей, всю жизнь прожившей на крайней точке страны, это было непонятно. Галя никогда не жаловалась на свои страдания, не плакала, всегда старалась помочь другим. Когда после операции пришел анализ, что и у меня рак, состояние

свое описывать не берусь: был страшный шок. Галя мне стала опорой. Она меня не жалела, не утешала. Она говорила: Татьяна, средство от нашей болезни обязательно найдут. Говорила, что мы должны верить. Она верила и не дождалась. Своих детей у нее не было, взяли они с мужем из детдома девочку, очень больную, слабую. И вот ее маленькая, любимая доченька осталась второй раз сиротой. А я? Дождусь ли действенного средства? Надежды мало. Занимаюсь самолечением. Посоветоваться не с кем. Кое-где в прессе просачивается информация, пишу по этим адресам, но ответа, увы, нет ниоткуда. Помощи уже не жду. Стараюсь навязать своим будущим внукам носочки, шапочки. Зачем вам пишу, не знаю. Мне просто захотелось сейчас, когда столько кругом равнодушия, злобы, бессмысленной ненависти и жестокости, рассказать о том, что жила на свете Величко Галина Николаевна — очень хороший человек, незаметный, но чуткий, сердечный, добрый. Такой, какими должны быть все мы, люди.

ТАТЬЯНА ИВЧЕНКО,
мать двоих детей, 37 лет

ВЛАСТИМИЛ ШУБРТ

КОНЕЦ

1

168

Едва я притворил дверь уборной, как раздался ужасный крик. Говорю — крик, но это был скорее исполненный боли звериный вой, в котором не осталось почти ничего человеческого. В жизни ничего страшнее не слышал.

Я взглянул на избу, чуть ли не до трубы занесенную старым и недавно выпавшим, совсем еще белым снегом, и с минуту постоял, напряженно прислушиваясь, но больше ничто не нарушало тишину.

Закрыв дверь на щеколду, я подался напрямик через сугробы к избушке. Ноги утопали в снегу по колено. Только что протоптанные мною следы успел занести и сгладить не на шутку расходившийся буран.

Вчера после обеда я клятвенно пообещал девчонкам, что с утра провожу их вниз, к автобусной остановке, но сейчас от одной только мысли об этой прогулочке у меня побежали мурашки. О спуске на лыжах и речи не могло быть, в этой фантастической завихуе отправиться в деревню решил бы только самоубийца.

Властимил Шубрт по профессии — инженер-электрик. Но имя его, как автора многих произведений детективного жанра, очень популярно в Чехо-Словакии. Работа на заводе помогает Шубрту исследовать нравы и образ жизни молодых людей.

В. Шубрт пишет в основном киносценарии; поставленные по ним фильмы хорошо известны не только в Чехо-Словакии, но и далеко за ее пределами.

Повесть «Конец королевы» включена в сборник «Злые любви», вышедший в 1987 году в издательстве «Круг» (г. Градец-Кралове).

КОРОЛЕВЫ

Едва я добрался до избушки и переступил порог, как меня ослепил луч света.

— А, черт, очумел? — выругался я.

— Это ты, Гонза? — раздался из глубины коридора голос Павла, и свет скользнул вниз, к моим ногам.

— А кто же еще? — откликнулся я. — Ты кого ждешь? Графа Монте-Кристо?

— Не валяй дурака, — с тревогой в голосе произнес Павел. В правой руке он держал фонарик, а левой обнимал Алену. Вид у него был растерянный.

Алена испуганно спросила:

— Ты где был?

— Для дамы вопрос не очень деликатный, — ухмыльнулся я. — Однако мы люди культурные, естества не стесняемся, а на этом ранчо, сами знаете, санузел оборудован весьма эксцентрично. Вы лучше признайтесь, с какой стати обнимаетесь по коридорам, когда у вас наверху люксовые апартаменты.

Я ткнул пальцем в приставную лестницу, ведущую на чердак, где Павел с Аленой ютились в крохотной каморке, и одновременно бросил взгляд на часы.

Была половина четвертого.

— Ты ничего не слышал? — спросил меня Павел.

— Что-то такое ухватил краем уха, — кивнул я. — На дворе — настоящий буран. Если до утра не стихнет, девчонки на автобус не попадут. Я вроде не трус, но выехать не рискну.

— Погоди, — прервал меня Павел, — обожди-ка минутку...

Из глубины хаты — то ли из кухоньки, где размещался я, то ли из самой большой комнаты, где отдыхали девчонки, — до нас долетел сдавленный всхлип, а потом женский голос отчетливо произнес:

— О Господи, скорее сюда! Все!..

Голос умолк, какое-то время слышались только горькие рыдания, а потом мы уловили еще одно слово. Грозное, неожиданное, неправдоподобное и в то же время ужасающее в своей реальности слово: — УБИЙСТВО!

ПАВЕЛ

Уж во что во что, а в предчувствия, телепатию, внушение и прочую чепуху никогда не верил. Но провалиться мне на этом месте, если не ожидал, что наш рождественский выезд в горы добром не кончится.

Все началось, разумеется, с Гонзы и его удачи в спортлото. Или неудачи, это уж как посмотреть. Сам Гонза уверял, что ему чертовски не повезло: он угадал только четыре цифры, а вместо его шестнадцати и восемнадцати выпали семнадцать и девятнадцать. Если же учесть, что за шесть угаданных цифр выплачивали двадцать восемь тысяч крон, а за четыре — только четыреста тридцать, то вполне понятно, что настоящий выигрыш ему лишь улыбнулся, но особой радости не доставил.

— Выбирай самое лучшее ночное заведение Праги, — предложил он Катаржине, — и там оставим эти четыре сотни.

Она, правда, посоветовала ему купить свитер или еще что-нибудь практичное, но он только бесшабашно махнул рукой и заявил:

— Что я — чокнутый? Чтобы мне эта дурацкая тряпка все время напоминала о такой невезухе? Нет уж, называй ресторан или бар.

Катаржина отказалась назвать, потому что в пражских забегах она, мол, не разбирается, да и вообще одна с Гонзой никуда не пойдет. Если уж он хочет выбросить эти деньги, пусть зовет целую компанию: Зузану, Борека, Алену и меня, — а иначе она не согласна. Гонза поймал ее на слове, выбрал «Дельту» и прихватил нас четверых для очистки совести.

Мы с Аленой уже заранее предвкушали удовольствие. Гонза, конечно, будет целый вечер выпендриваться, завлекая Катаржину, так что зрелище ожидалось интересное. Да и чисто технически такая вечеринка никаких проблем не представляла, потому что наша шестерка давно уже составляла свой тесный круг. Я жил в общежитии с Гонзой, Катаржина — с Зузаной, а Борок практически с самого начала семестра обитал в своей комнате один, потому что его сожитель, доктор Беран с кафедры германской филологии, уехал на стажировку в ГДР. Организовать оптимальное перемещение было так же просто, как решить уравнение с одним неизвестным. Но эту неизвестную, а вернее сказать, неопределенную величину представляла Катаржина, из-за нее-то в нашем кругу и возникали всякие сбои. А поскольку Борок ходил с Зузаной скорее из-за отсутствия иных возмож-

ностей, если говорить языком бюрократов, и, уж во всяком случае, о страстной любви там и речи не было, то соответствующие условия чаще всего требовались мне, и на свободной кровати обычно устраивался Гонза. Стоило только заикнуться — и он мигом сматывался. Когда же он с головой втрескался в Катаржину, я из солидарности стал ему подыгрывать. Дело в том, что Катаржина со всеми ее достоинствами была прямо-таки вещь «an sich»¹, как выразился бы покойный Кант. Что-то вроде неприступной средневековой крепости. На всем курсе, да, пожалуй, и на факультете, едва ли нашелся бы представитель так называемого сильного пола, который не выбрал бы ее главной героиней своих сексуальных фантазий, но, с другой стороны, трудно даже перечислить тех наших коллег, которые сгорели синим пламенем при попытке реализовать эти фантазии.

Я сгорел уже в самом начале первого семестра. Два месяца, терпя насмешки, я обхаживал ее и услуживал по мелочи, пока не уговорил сходить в «Севастополь» на вечерний сеанс, когда там показывали «Бабетту» с Б. Б.² в главной роли. О результате лучше бы промолчать. Когда я как бы случайно положил ей руку на колено, она оттолкнула меня и с досадой прошипела: — Это еще что! Ты что обо мне думаешь?

Остаток фильма я практически не видел. Бриджит на экране перестала для меня существовать, потому что та, что сидела рядом со мной, кстати, очень похожая на нее, только живая и совсем еще не потрепанная, отшила меня спокойно и безжалостно.

Насчет Б. Б. я не преувеличиваю. Катаржину большинство студентов знали под кличкой «Бардотка». Те же длинные, золотые, как у принцессы, волосы, уложенные в одну из двадцати известных ей причесок, тот же очаровательный носик, те же полные, великолепно очерченные губы, то же простодушное, полное детского удивления и невинности выражение огромных темно-карих глаз. К тому же она со вкусом одевалась. Миниюбку стала носить первой на факультете, гораздо раньше, чем мода на обнаженные ноги охватила широкие массы женщин, да и потом Катаржина почти не знала конкуренции. Едва ли не все шмотки на ней были из «Тузекса»³, дядя из Америки снабжал ее долларами. Но если бы она надела мешок из рогожи, ей бы и это было к лицу.

Словом, у Гонзы не было никаких шансов. Ни у кого из нас не было. Я бы поспорил на любую сумму, что наша прекрасная однокашница в свои двадцать два года все еще остается девственницей. Все свои желанья она подчинила одной цели: спокойно, безо всяких сердечных передрыг, закончить учебу, а там будет видно.

Так что вечером в «Дельте» Гонза, как и следовало ожидать, ничего не добился. Нам с Аленой жаловаться не приходилось, да и Зузана с Борексом тоже, правда, четыре сотни — это четыре

¹ «В себе» (нем.). Здесь и далее примечания переводчика.

² Бриджит Бардо, популярная французская киноактриса.

³ В Чехо-Словакии сеть валютных магазинов (типа наших «Березок»).

сотни, на них не очень-то разбежишься, но Гонза, финансирующей всю эту операцию, взялся за дело решительно. После ужина он заказал две семисотграммовые бутылки мозельского, и пошел у нас пир на весь мир. Девчонки, понятное дело, расфуфырились, как могли, Алена после обеда сходила к парикмахеру, Зузана вырядилась в черное вечернее платье с изящным ожерельем «мейд ин Яблонец», дополненным сережками и какой-то штуковиной в волосах. Да только рядом с Катаржиной теряли весь свой блеск и янтарь, и сама Зузана. Между тем Катаржина была в скромном светло-голубом платье, совсем простеньком, но стоило ей встать и пройтись, как этот наряд показался нам произведением портновского искусства. Он облегал и подчеркивал ее фигуру и спереди, и сзади, и со всех сторон, а, видит Бог, там было что подчеркивать.

Мы распивали уже третью бутылку, когда впервые зашла речь об избушке в горах и рождественских праздниках. Разговор об этом завел, понятное дело, Гонза. Принадлежит избушка двоюродному брату Гонзы, и на святки — это точно — там никого не будет.

Первой клюнула Зузана:

— Я — «за» обеими руками. У нас только три экзамена, так что пару дней активного отдыха мы можем себе позволить.

— А на лыжах там можно кататься? — уточнила Алена.

Гонза иронически усмехнулся, подчеркивая наивность вопроса.

— Что там говорить, — произнес он, — если прямо от избы — крутой спуск, а совсем рядом ровная площадка, будто специально для тренировок новичков.

Алена взяла меня за руку.

— Поедешь?

— Ну, конечно, — кивнул я, тут же согласился и Борек. Гонза совсем загорелся.

— Внизу, в деревне, накупим всякой всячины, и — прощай, цивилизация, здравствуй, дикая природа. Рождество в семейном кругу, а там и Новый год близко. Два дня на поправку — и третьего января отчаливаем. Прямо утром на Штепана¹ можно туда двинуться. Практически до самой горы идет прямой автобус. Через Костелец, где Катаржина может к нам присоединиться.

В том-то и была закавыка. Катаржина ни словом пока что не обмолвилась. Гонза, наверно, ждал, что кто-нибудь из нас поможет ему уговорить ее, но Зузана загляделась на танцплощадку, Алена вертела пепельницу, Борек раскуривал сигарету, а сама Катаржина смотрела в сторону бара. Глаза ее были слегка прищурены, словно она старалась прочесть надписи на этикетках бутылок, выставленных над стойкой. Она молчала.

— Надеюсь, Катаржина, ты тоже поедешь?

Она усмехнулась:

— Я на лыжах даже стоять как следует не умею. Последний раз каталась на них сто лет назад на уроках физкультуры.

¹ Канун Рождества.

Гонза тут же принялся расхваливать площадку для тренировок, на ней, дескать, и младенцу нечего бояться. К тому же прекрасные ландшафты, покой и здоровый климат, а до ближайшего селения — полмили.

— Ты хоть представляешь себе, как чудесно в горах зимой? Рядом граница, и совсем недавно туда никого не пускали. Девственная природа, не тронутая губительной цивилизацией...

— А десятого января — экзамен по немецкому, — теперь уже открыто рассмеялась Катаржина.

— Брось, тебе ли паниковать! Мне бы так языки давались...

— Не разбивай нашу компанию, — не без задней мысли поспешила на помощь Гонзе Алена. Ради гор и лыж она была готова на все и сообразила, что без Катаржины так удачно задуманная поездка уходит в область несбыточных фантазий.

— На Сильвестра¹ я должна быть дома, — решительно заявила Катаржина. — А тащиться на край света на пару дней...

— До Сильвестра так до Сильвестра, — вступил в разговор Борек, его поддержал Гонза, подали голоса и мы с Зузаной, словом, навалились со всех сторон... Только все это — зряшное дело, подумалось мне: чтобы Катаржина да уступила — не надейся и не жди... Но оказалось, что я переоценил ее. В конце концов мы услышали, что она поедет.

Гонза потребовал еще бутылку, оркестр на подиуме грянул ритмичную битловую композицию, к микрофону подбежала певичка, уже не первой свежести, но с хорошо сохранившейся фигурой и классической джазовой хрипотцой в голосе, и запела примитивный текст на еще более примитивную мелодию а-ля Роллинг Стоунз. Гонза объявил:

— Ну что? Пойдем потрясемся? — И манерно поклонился Катаржине.

Борек пригласил на танец Зузану, я — Алену.

Едва мы очутились на паркете и проделали пару фигур, как Алена спросила:

— Как ты думаешь, поедет?

— Кто? — глуповато отозвался я, потому что заслушался музыки, пытаюсь представить себе, как певичка у микрофона сумела бы исполнить что-нибудь порядочное, вроде «Сан-Луи блюза» или «Солитьюд». На Алену я не обращал никакого внимания, а она этого не терпела.

— Как кто? — пояснила обиженно Алена. — Конечно же, королева Ядрана.

Королева Ядрана — это значит Катаржина. «Хит» прошлогоднего отпускного сезона приморских пляжей солнечной Югославии, где наша обаятельная сокурсница провела часть каникул и приняла участие в конкурсе на титул «Мисс Приморья», ну, а жюри, разумеется, присудило это звание ей. В общем-то удивляться тут было нечему, правда, на факультете об этом узнали далеко не сразу. Катаржина ездила в Югославию по линии Чедока² и о своем заграничном триумфе ни словом не

¹ Канун Нового года.

² Туристическая организация в Чехо-Словакии.

обмолвилась. Уже начался семестр, как вдруг в конце сентября или в начале октября в «Кветах»¹ появился ее цветной фото-портрет: улыбающаяся Катаржина, на голове — корона, в руке — позолоченный жезл, из одежды — два-три квадратных сантиметра бикини — словом, сексом от той фотографии так и перло, а в подписи под снимком сообщалось о выдающемся успехе привлекательной пражской студентки, которая на известном международном конкурсе стала королевой Ядрана. Зузана уверяла, что, когда журнал со снимком попался на глаза Катаржине, та чуть не разревелась от злости. Какой, мол, дурак послал фотографию в журнал? Ей такая реклама ни к чему, теперь преподаватели будут над ней подтрунивать, хоть на занятия не ходи. На следующий день после выхода журнала снимок вырезали и поместили на доске объявлений, да еще в красной рамке, чтобы сразу в глаза бросался. Катаржина переждала, пока вестибюль опустел, а потом сняла фотографию и уничтожила. Вечером ей позвонили из молодежной редакции насчет интервью. Она только бросила трубку. И так два раза. Королева Ядрана не стремилась к популярности.

Когда мы время от времени заводили разговор о конкурсе «Мисс Приморье», она сокрушенно вздыхала:

— Ну и дура же я, что согласилась участвовать в этой комедии...

— Ну, Павел, как ты считаешь — поедет? — не отставала Алена.

— А почему бы и нет? — ответил я. Если, конечно, у нее на Рождество, как назло, не заболит бабушка или дедушка. Потому что Катаржина ради родни готова была на все. Практически каждую неделю она ездила на субботу и воскресенье домой, в Праге ее тоже кормила-обстирывала какая-то тетушка... Нет, никуда она не поедет, но не стоит портить настроение Алене.

За битом последовало танго, за танго — блюз, превосходно исполненный все той же хорошо сохранившейся, если принять во внимание ее возраст, девицей с джазовым голосом и заманчивой фигурой.

В перерыве между двумя танцевальными сериями мы никак не могли собраться у стола в полном составе, потому что всех нас потянуло в туалет. Когда мы с Борексом вернулись в зал, Гонза как раз разливал четвертую бутылку.

— Ребята, деньги у вас есть? — спросил он. — Еще бутылка — и мой выгрыш испарится, а мы даже не добрались до бара. Беру, конечно, в долг, а то жалко так быстро заканчивать.

— Сотня найдется, — сказал Борек и вынул кошелек.

— У меня тоже, — присоединился я и передал деньги Гонзе. В кармане оставалось крон двадцать, но на трамвай у меня был проездной, за обеды и ужины в студенческой столовой я тоже внес деньги наперед, к тому же родители со дня на день должны были прислать перевод.

— Спасибо, ребята, через недельку верну, — успокоился Гонза, Борек только улыбнулся, а я махнул рукой — мол, не сходи

¹ Чехословацкий журнал.

с ума и так уже поиздержался. Гонза сунул деньги в карман и вдруг завелся, как неисправимый оптимист, а проще говоря — как идиот. Ни с того ни с сего стал допытываться у Борка, позовет ли он на ночь к себе Зузану.

— Нет, — ответил Борек. — А что ты планируешь?

— Ну, — выдал Гонза, — если бы Павел переспал у тебя...

— Не возражаю! — захохотал Борек. — Апартаменты в вашем распоряжении.

— Чего скалишься? — на удивление сдержанно поинтересовался Гонза.

— Да вот соображаю: ты в самом деле такой дурак или нас дураками считаешь? Ты что, и вправду веришь, что уломаешь Катаржину?

— Попытка не пытка. Если не сегодня, так...

— Никогда! — докончил Борек.

— Ошибаешься — в горах, — не согласился Гонза. — Хочешь — поспорим?

— Ну что ты! Ей-богу, не хочу тебя разорять...

Было заметно, что Борка этот разговор забавлял, Гонзу в общем-то тоже, а я воздержался от комментария, тем более что девчонки уже появились на горизонте. Они были в двух шагах от нашего стола, когда им преградил дорогу лысоватый толстячок далеко не юного возраста в квадратных темных очках и сером костюме, он был уже сильно под газом, потому что широко раскинул руки, словно хотел обнять всех трех одновременно. Тут как раз оркестр начал следующую танцевальную серию, площадка стала быстро заполняться, и проходящие пары заслонили мне это зрелище. Я посмотрел на приятелей. Борек над чем-то смеялся и давал Гонзе прикурить.

— Все равно она поедет, — упрямо заявил Гонза, — даже если мне придется смотаться в Костелец и утащить ее из папиного дома.

— А если папаша не позволит ее утащить?

— Тогда оставляю вам ключ от хаты, а сам пойду и повешусь, — поставил точку в споре Гонза и прихлебнул вина. Борек принялся советовать, как лучше подготовить веревку, но тут у столика появились Зузана и Алена.

— Катаржина завязывает международные контакты, — провозгласила Алена и безудержно расхохоталась. — *Och, Fräulein Katherine, das ist wunderschön!*¹ — Она, как всегда, быстро опьянела, черные глаза светились, точно угольки. — Западный немец. В перстне с печаткой — граммов триста золота. Ты заметила, Зузана?

Зузана не заметила ничего. Только меланхолически улыбнулась.

— А в галстук — бриллиантовая булавка... Парни, интересно, почему вы не носите бриллиантовые булавки? — Алена хлопала меня по руке. — Павел, может, купить тебе к Рождеству бриллиантовую булавку? — Она отхлебнула из своего бокала и снова засмеялась.

¹ Ох, фрейлейн Катерина, это чудесно! (нем.).

— Что-то не пойму, о чем ты говоришь,— отозвался наконец Гонза.

Алена мотнула головой в сторону площадки:

— Погляди, кто там кадрит твою Катаржину.

Мы с Гонзой оглянулись. Борек давно уже смотрел туда, вид у него был наполовину иронический, наполовину недовольный. Королева Ядрана, танцуя со своим партнером совсем рядом с нами, послала нам через его плечо страдальческий взгляд. Это не составило ей труда. Она хотя и выглядела тростинкой по сравнению со своим на славу раскормленным партнером, зато была на добрых полголовы выше его.

Гонза с досадой отвернулся.

— Идиот! — произнес он. — Брюхо — как бочка, зато бумажник набит марками, и думает, что всему на свете господин.

— Если есть деньги, можешь позволить себе все, что угодно,— философски заметил Борек.

— Только не с Кат! — возразил Гонза. — К счастью, у нас еще существуют женщины, которые чихают на капиталы всех этих паршивых иностранцев.

Алена все еще смотрела на площадку и бормотала про себя:

— Fräulein Katherine, Fräulein Katherine...

Меня вдруг осенило:

— Он сказал — Катерина? Выходит, он знал, как ее зовут?..

Усмешка застыла на губах Алены.

— Ну да, как видишь... Правда, загадка?

— Какая там загадка,— ухмыльнулся Борек. — Просто у Алены слишком буйная фантазия. Особенно когда наклюкается. «Fräulein darf ich bitten»¹ звучит в беглом произношении примерно как «Fräulein Katherine», верно?

Прежде чем я успел осмыслить эту словесную эквилибристику Борека, он спросил Зузану:

— Ты тоже слышала, как он назвал ее по имени?

— Не знаю,— уклончиво ответила та. — Я не очень-то прислушивалась. Сразу начались танцы, так что, может, ты и прав.

— Перестань темнить! — отрезала Алена. — Никаких «darf ich bitten» — самая настоящая «Katherine»! У меня пока что слух хороший. Даже когда я под газом.

— Ну, ладно, хватит... — кисло произнес Гонза и обратился к Зузане: — Пойдем станцуем.

— Да это все шуточки,— попытался я сгладить впечатление.

— Точно! — кивнул Борек. Он встал и пригласил на танец Алену. Я долил себе вина и стал разглядывать танцующих. Главным образом Катаржину с партнером. Несмотря на свое брюхо, танцевал он достаточно умело, легко и свободно и все время что-то говорил Катаржине. Я даже улыбнулся, подумав, что наша подруга получит хорошую тренировку перед экзаменом по немецкому. После первого танца они остановились рядом со стойкой бара. «Ловко работает!» — мелькнуло у меня в голове на долю секунды раньше, чем господин из Германии отважился широким жестом руки пригласить партнершу на два свободных

¹ Фрейлейн, могу я вас попросить... (нем.).

стула. Катаржина сначала завертела головой. Та же игра продолжалась и дальше, с тем же результатом. Раз за разом Катаржина мотала своей шевелюрой, деликатно, мягко, но решительно. Второй танец они уже не танцевали, но беседа продолжалась. Правда, не больше минуты. Наконец Катаржина показала взглядом на наш столик, улыбнулась извиняющейся улыбкой, и они разошлись. Немец отправился к бару, Катаржина — ко мне.

— Представь себе! — едва усевшись, взволнованно воскликнула она. — Он узнал меня по той фотографии из Югославии. Говорит, что ее поместил «Stern»... Какой-то западный немец. Значит, Алена не ошиблась, подумал я и сказал:

— Он тебя пригласил к бару, да? Удивляюсь, почему ты отказалась. На твоём месте я бы заказал двойной мартель. Или «наполеон». По-королевски!

— Тебе смешно, а ты бы послушал, что он мне предлагал...

— Могу себе представить.

Она приложила ладони к горящим щекам и чуть не со слезами пожаловалась:

— Все настроение испортил, осел!

Я бросил взгляд в сторону бара. «Осел» как раз заказывал выпивку.

— Чтобы избавиться от него, пришлось пообещать, что мы с ним еще выпьем, — продолжала Катаржина. — Но я туда не пойду. Если что-нибудь себе позволит...

— А что бы он мог себе позволить? — поинтересовался я.

— Он меня разглядывал, как голодный кот. Вы, мужчины, — ужасный народ. Если бы ты видел его взгляд! Прямо-таки раздевающий...

— Меткое определение, — заметил я и подумал, что при виде Катаржины почти у всех мужчин взгляд становится «раздевающим».

— Павел, в субботу я все равно не осталась бы в Праге. Хотела уехать домой утром первым же автобусом, но, пожалуй, успею и на экспресс в 23.40. Извинись за меня перед остальными, ладно? Этот осел мне весь вечер испортил.

— Ты что, хочешь удрать от него?

— А что мне еще делать? — Казалось, она сейчас расплачется.

— Перестань, не сходи с ума! Если хочешь, я пойду и отошью его. Конечно, вполне корректно и дипломатично.

Катаржина быстро завертела головой, решительно отказываясь, но одновременно гладила мою руку. Чуть-чуть, легонько, но это прикосновение еще больше вывело меня из равновесия. Она не успела убрать свою тонкую, ухоженную руку, как я вновь поглядел на бар. Всего лишь на мгновение, но и этого хватило, чтобы убедиться, что Катаржина не водила меня за нос. Барменша как раз ставила перед толстяком две пузатенькие, наполненные на треть коньячные рюмки.

— Я уйду, как только перестанут играть. Ты пока ничего не говори! Знаешь ведь Гонзу: он может за мной побежать вдогонку.

Я кивнул.

— Как хочешь.

Она взяла со стола свою сумочку, машинально щелкнула замочком. Третий танец приближался к концу, и я поторопился спросить:

— А в горы ты в самом деле с нами поедешь?

Она чуть заметно свела брови.

— Ты тоже хочешь, чтобы я поехала? У тебя ведь будет Алена.

— Верно, — слегка смешавшись, возразил я. — Но я беспокоюсь обо всей компании. Если ты откажешься ехать, Гонза может передумать. Понятно?

— Выходит, мне ничего другого не остается, как поехать, — удовлетворенно сказала она и улыбнулась. — Но ты должен пообещать, что будешь меня оберегать. От интриг и ловушек.

Ответить я не успел. Оркестр умолк, Катаржина подарила мне экспрессивную улыбку и встала:

— Ну, пока! Значит, пока что ничего не говори!

Схватила сумочку и направилась к выходу. Но опоздала и столкнулась с Борекком и Аленой, которые возвращались к столу с площадки. Борек придержал ее, но не больше чем на полминуты.

Следующую серию я танцевал с Зузаной, Гонза — с Аленой, а Борек пропустил. Позже я объяснил Гонзе, что Катаржина уехала домой из-за немца.

— Нет, она просто чокнутая. Убегать из-за этого пивного бочонка? — удивилась Алена.

Я пожал плечами:

— Ну, ты же знаешь Катаржину...

— Норовистая девка! — поддержал меня Борек.

Гонза промолчал, только с ненавистью поглядел в сторону бара. Немец все еще ждал. После ухода Катаржины я не спускал с него глаз. Свою рюмку он опрокинул, вторая стояла нетронутая. Только минут через десять он выпил и ее; видно, дошло наконец, что остался с носом. Он заплатил и отчалил.

Чуть раньше встала и Зузана. Мозельское, очевидно, ударило ей в голову, но если у Алены развязался язык, то Зузана молчала как убитая. Вернулась она примерно через четверть часа — слегка побледневшая, но снова готовая выпить.

— Вышла на свежий воздух, голова немного разболелась, — объяснила она и виновато улыбнулась Борекку.

— Пить надо умеючи, — отрезал тот, чем рассердил меня, потому что сам выпил совсем мало, две-три стопки, а официант как раз раскупоривал перед Гонзой пятую бутылку. Последнюю. Больше решили не заказывать.

Гонзе почти хватило выигрыща, чтобы расплатиться. Мне он сотню вернул, а Борекку нет.

— Пойду еще куда-нибудь, — сказал Гонза уже на улице. — Деньги у вас есть, можете взять такси. А то намучаетесь с девчонками.

— С Зузаной — точно, — подтвердил я. Та стояла, прижав-

пись к Бореку, почти повисла на нем, глаза закрыты, голова — у него на плече.

— Не столько пьяная, сколько влюбленная, а это куда хуже, — хмуро, явно думая о своих делах, пояснил Гонза. Потом, уже поспокойнее, добавил: — Насчет меня не беспокойся. Пересплю в сто третьей у Властик. Пепек после обеда уехал домой.

— Ну и прекрасно! — сказал я и отправился ловить такси.

2

— О Господи! — выдохнула Алена и прижалась к Павлу.

А он словно окаменел, только фонарик в руке дрожал.

— Это, наверно, Мирка. Вчера нализалась, а теперь ей снятся кошмары. Или решила пошутить. Не слишком удачно.

— Нет! — вся дрожа, выговорила Алена. — В шутку так не кричат. В жизни ничего страшнее не слышала.

Про себя я признал ее правоту, но вслух ничего не успел произнести, потому что за спиной у Алены скрипнула дверь, и в свете фонарика появился Борек.

— Послушайте, что тут за психушник? — спросил он и, не дожидаясь ответа, продолжил: — Мирка там бьется, но не может открыть. Ключа, что ли, нет...

Что за неразбериха! Максимум десять минут назад, когда я отправился в уборную, Мирка была в норме, совсем не пьяная. Она собиралась ехать в Прагу. А сейчас ревет и кричит об убийстве.

Я уставился на Борека.

— Ты можешь мне объяснить, что тут происходит?

— Ничего не происходит, — ответил он, — если не считать того, что кто-то убил Катаржину. Понятное дело, если верить Мирке. Зузана спит, Мирка ревет, вы все здесь, передо мной, так что остается только королева Йордана... Я хотел сказать — Ядрана.

Он иронически ухмыльнулся, как бы давая понять, что в любых обстоятельствах умеет владеть собой.

Больше я ничего не стал спрашивать, а бросился в кухню. За мной — Павел, сопровождаемый Аленой, и последним — Борек. Пройдя между кафельной печью, столом и своей разбросанной постелью, я на секунду остановился перед дверью в «дамскую» спальню.

— Давай-давай! — поторопил меня Павел. — Чего ждешь?

Вместо ответа я взялся за ручку и открыл дверь.

В свете керосиновой лампы, стоящей на маленьком столике посреди комнаты, передо мной открылось ужасающее зрелище. На полу, в одной только черной кружевной комбинации, стояла на коленях Мирка, ее голые плечи тряслись, лицо она прятала в ладонях.

Катаржина лежала на постели. Вернее, на обеих постелях. Поперек. Ее голова утопала в подушке, левую половину лица закрывала прядь распущенных волос, широко открытые глаза уставились куда-то в потолок. Руки были бессильно опущены

вдоль тела, правая судорожно сжата в кулак, левая, с растопыренными пальцами, лежала на бедре, будто хотела, но не успела прикрыть поросший темными волосиками треугольник, ноги свисали на пол.

На ней не было абсолютно ничего. Кроме кухонного ножа с потертой деревянной рукояткой, глубоко вошедшего под левую грудь.

АЛЕНА

Я не могла смотреть на мертвую. Мне стало плохо, перед глазами завертелись желтые и лиловые круги, все вокруг закачалось, и я поторопилась зажмуриться, но было уже поздно: на фоне тех цветных кругов появилась Катаржина, бледная, пре-красная, нагая и с ножом в груди. Она в упор глядела на меня и, казалось, издевательски усмехалась. Павел едва успел подхватить меня, крепко обнял и вывел через кухню и коридор в заднюю комнату. Когда он втолкнул меня туда, я увидела две постели в противоположных углах, между ними ночной столик, а на нем — тройной подсвечник и три горящие свечки. На правой постели сидела Зузана и протирала заспанные глаза.

— Алена, — растерянно произнесла она, а когда увидела, что я сажусь на соседнюю постель, спросила: — А где Борек?

— Там. — Я ткнула пальцем в стену у нее за спиной. — Все там. У Катаржины. Кто-то ее убил.

— Убил? — испуганно повторила Зузана, и я в двух словах описала ей ужасную картину в соседней комнате. Она недоверчиво покачала головой, хотела что-то сказать, но не сумела и вдруг вся залилась слезами, целым потоком слез. Счастливая натура, подумалось мне, сейчас выплечется, а через месяц-два уже почти все позабудет. А вот я... Я не забуду вида убитой подруги до самой смерти, он всегда будет меня пугать, будить по ночам, и никогда мне от этого не избавиться.

— Зузана, не плачь! Ну, перестань, пожалуйста! — попросила я и положила голову на подушку. Мне снова стало дурно, постель закачалась, как на волнах, вверх и вниз, я мигом зажмурила глаза и постаралась дышать поглубже. Мне бы выйти во двор, на свежий воздух, но я даже пошевелиться боялась.

Три свечи на ночном столике продолжали гореть, пламя колыхалось, по стенам, полу и потолку метались причудливые тени, они кружились и качались, рисуя туманные видения, а за стеной в двух шагах от меня лежала холодеющая Катаржина, почти что над головой ревели Зузана, и я вдруг вспомнила, с каким нетерпением и радостью ждала этой поездки.

Неделя в горной избе, целая неделя среди нетронутой природы, где снега белеют, сверкают и искрятся на солнце, точно мириады крохотных бриллиантов, где не рыхлая, грязная каша, как у нас в Праге, а снег, настоящий снег, который скрипит под скользящими по нему лыжами и взлетает серебристой пылью, когда тормозишь или делаешь крутой поворот. Неделя с Павлом, целая неделя без расставаний, не часы,

проведенные вместе украдкой в моей или его комнате в общезнании, когда краем уха все время ловишь шаги в коридоре и по три раза проверяешь, заперта ли дверь, а полная неделя покоя, хорошей погоды и любви.

В Праге он ждал меня на платформе. Обнял, поцеловал, взял мой рюкзак и лыжи и провел к соседнему скорому поезду, где, как уговорились, в первом вагоне нас дожидалась Зузана. В отличие от меня она заметно нервничала. Дело в том, что Бореk написал ей, будто простыл и не уверен, поедет ли с нами.

— Ерунда, — пренебрежительно отмахнулся Павел. — Свежим ветерком его обдует — и снова станет как огурчик!

— Он уже перед святками чувствовал себя неважно, — заступилась Зузана. — И вообще в последнее время вел себя как-то странно.

— Прикидывается, — усмехнулся Павел. — Точно прикидывается, чтобы обратить на себя внимание. Увидишь — поедет.

— Ты так думаешь?

— Уверен.

Он заявил это так твердо, что Зузана ему поверила. А я нет. Мне Бореk вообще никогда не нравился, потому что я не выношу высокомерия. Учился он хорошо, экзамены сдавал всегда легко, без зубрежки и шпаргалок, словом, умный и вполне интеллигентный парень. Но этим его достоинства и исчерпывались. Во всяком случае, для меня. Как мужчину его даже рядом не поставишь с Павлом или Гонзой. Тощий, долговязый, остроносый, плечи, как у бабы, фигуры никакой... Я понимаю, что это дело вкуса, что мужчине вовсе не обязательно быть культуристом, чтобы девчонки по нему с ума сходили, — интеллектуалы тоже в цене. Но Борека нельзя было отнести и к этому сорту.

Терпеть не могу его вечную иронию, все эти намеки да экивоки, а его хлебом не корми — дай над кем-нибудь поиздеваться. Особенно над Зузаной. Скорее всего, он и ходить-то с ней начал, потому что она великодушно простила все его выбрыки. Или просто не замечала. Когда-то, еще в конце второго курса, он попробовал подкатиться ко мне, но тут же отстал, как только сообразил, что зря старается.

Не спорю, мы, женщины, любим посплетничать, но я уверена, что он стал обхаживать Зузану из-за Катаржины, потому что они жили в одной комнате, а он хотел провести «разведку местности». Катаржина, разумеется, его отшила, а позориться ему страх как не хотелось, вот он и переключился на Зузану.

Но сплетни сплетнями, а против Зузаны я ничего не имею, деваха что надо, отличная студентка и подруга, этакое тихое, непритязательное создание. И хвалю ее вовсе не потому, что отношусь к ней по-барски покровительственно (хотя большинство мужчин из нас двоих выбрало бы меня), просто мне Зузана нравится. И жаль, что она так простодушно связалась с Бореком.

Бореk выдал себя уже в «Дельте». Как только Павел сообщил нам, что Катаржина улизнула, у него первого упало настроение, и он собрался домой. Вид у него был еще мрачнее, чем у Гонзы.

Зузана, по-моему, тоже обратила на это внимание и тут же ушла на улицу, чтобы всплакнуть. Бедняжка...

В Костельце мы пересели с поезда на междугородный автобус и столкнулись с первой неожиданностью. Катаржина. Никто из нас о ней даже словом не обмолвился, но мы сомневались, что она вообще появится. А она выглядела, как всегда, великолепно; умения выбрать подходящий наряд у нее не отнять. Высокие ботинки из тюленьей кожи, лазурные рейтузы и подобранный в тон свитер, белая куртка с капюшоном — словом, Катаржина в полном блеске, как будто ехала не в забытый Богом приграничный уголок, а в Гренобль или Гармишпартенкирхен. Я заметила, как Павел удивленно окинул ее взглядом с ног до головы, а пожимая ей руку, спросил, куда это она так вырядилась и не рассчитывает ли для разнообразия принять участие в конкурсе «Мисс Горная красавица». Катаржина только засмеялась, легонько шлепнула его рукавичкой по щеке и сказала:

— Замолчи, негодник. Не могу же я при Алене сознаться, что еду только ради тебя.

А потом подъехал набитый битком автобус, и нас ожидала неожиданность номер два. Называлась она Мирка, и Катаржина представила ее как свою подружку, которая очень любит кататься на лыжах. Пришлось взять ее с собой.

— Надеюсь, у Гонзы найдется лишняя постель. В крайнем случае мы и в одной поместимся, — заявила Катаржина, а я подумала, что Гонза будет рвать и метать от такой «радости».

182 Мирка засмеялась. Голос у нее был глухой, хрипловатый, а выражение глаз — твердое и даже вызывающее. Но я вовсе не хочу сказать, что она была неприятной. Напротив, вполне милая девчонка — крашенные волосы, сильно подведенные серозеленые глаза, да и фигурка, насколько позволяли разглядеть джинсы и расстегнутый полушубок, первоклассная.

— Ты что говоришь, Катрин? — произнесла она своим альтбаритоном. — Одна постель для двух женщин... Мы ведь не из тех! Ты же обещала, что поедут три вполне приличных парня. Вот этого, — она кивнула на Павла, — беру не глядя.

Павел только кашлянул, а я с удовольствием бы врезала ей разок. Не помню, чтобы кто-то так сразу и навсегда пришелся мне не по душе. То же самое, видимо, почувствовала и Зузана, она, наверное, уже молилась, чтобы Борек и в самом деле лежал пластом и никуда не поехал, а то ведь эта чертовка мигом затащит его в постель.

— Мирка, ну, пожалуйста, перестань говорить глупости, — вполголоса проговорила Катаржина и напустила на себя такой сокрушенный и высокоморальный вид, что ей в самый раз было читать проповеди в Армии Спасения. Мирка в ответ только расхохоталась, но до самых Гониц больше не давала о себе знать.

А в Гоницах к нам присоединился Борек. Никакой простуды, конечно, выглядел даже лучше, чем всегда. Для приличия он, разумеется, пожаловался, что еще вчера вечером не знал, поедет ли, и что все святки пропотел и пролечился, боится даже, что перенес грипп или ангину. Так что на лыжах он не

ходок, будет топить печку, резать хлеб и открывать консервы. Тут все было как на ладони: кататься на лыжах не умеет, но боится стать посмешищем. Из-за этого и придумал свой грипп, хотя на самом деле здоров как бык. А Зузана клюнула на эту удочку и уже вслух жалела, что не захватила с собой грелку.

В Гоницах автобус стоял двадцать пять минут, так что мы успели выпить кофе в ресторанчике. Компания наша была уже в полном сборе, даже больше чем в полном, правда, Гонза уехал раньше, чтобы привести в порядок избу. Кофе я выпила буквально одним глотком, мне надо было хорошенько встряхнуться, потому что в автобусе я целый час зевала и подремывала. Потом отправилась в туалет. Располагался он в самом конце коридора — две кабинки и общая прихожая с умывальником и зеркалом. Я заперлась в левой кабинке, и тут же следом за мной примчались Мирка с Катаржиной. Они остались в прихожей, видно, хотели только привести себя в порядок и причесаться, а о том, что я тоже здесь, не подумали. Мирка заговорила своим глуховатым голосом; тон у нее был начальственный, даже диктаторский.

— Имей в виду, Катрин, тридцатого возвращаемся, даже если придется тебя силой гнать к автобусу.

— Не бойся,— ответила Катаржина.— Я уже несколько раз говорила им, что на Сильвестра должна попасть домой.

— Когда говорила? Где?

— В «Дельте». Еще в начале декабря.

— В начале декабря... А откуда ты могла знать?..

Катаржина прервала ее:

— Хочешь верь, хочешь нет — знала. По-твоему, я не могу сосчитать, сколько будет один плюс один.

— Ну, извини,— засмеялась Мирка.— Я все время забываю, что говорю с высокообразованной особой. Интеллектуалкой! — Последнее слово она чуть ли не выплюнула. Словно опасалась, что после этого придется рот прополаскивать.

— Ну, ладно, хватит, дай лучше гребешок,— остановила ее Катаржина.— И не переживай. Тридцатого едем.

— Если не окажемся где-нибудь в больнице с переломанными ногами.

— Гонза поклялся, что там есть место для начинающих. Никто и не требует, чтобы ты выделывала головоломные трюки.

В прихожей снова раздался Миркин смех.

— Будь спокойна. Я уж и не помню, когда в последний раз становилась на лыжи, но вот из-за тебя пришлось одолжить их у Марцелы.

Вот это да, подумала я, не помнит, когда в последний раз становилась на лыжи, а Катаржина заявила, что она «очень любит кататься на лыжах». Выходит, королева Ядрана нас обманула. Но зачем?

Ждать ответа пришлось недолго.

— Знаешь, Катрин,— продолжала Мирка,— тебя сам черт не поймет. Из-за какого-то студентика делать такую глупость... Только ты не злись.

— Тебе не кажется, что это мое личное дело?

— Согласна,— произнесла Мирка.— Но только до тридцатого. А потом я тоже вступлю в игру.

— Вот и чудесно! А пока держи себя в руках и не падай духом. Могла бы, кстати, обойтись и без вступительного монолога в Костельце. Ты хотела со мной ехать — вот и едешь. Накануне Сильвестра собираем манатки, а все остальное — моя забота.

— А если тебя твой мальчишечка не отпустит?

— Не волнуйся,— ответила Катаржина.— И пойдем, а то отстанем от автобуса.

— Ну и что? Рюкзак у тебя с собой, твой драгоценный присматривает за водителем и...

Хлопнула дверь, и я больше ничего не слышала. Когда вышла из кабины, то чувствовала себя так, словно меня хватили по голове поленом.

Катаржина и Павел!

Я с трудом проглотила слезы. Неприступная, до краев наполненная сексом Катаржина, королева красоты, мисс Ядран, которой впору нанимать телохранителей для защиты от поклонников, и вдруг обыкновенная, джунглиная, тайная или по крайней мере скрываемая от посторонних любовь, вульгарная связь с парнем, которого она сама когда-то отшила... А ведь это касалось меня, моей любви, любви единственной, прочной и ясной, как мне это казалось всего несколько минут назад.

Но как же все сходится! Вот хотя бы сегодняшняя встреча. Ласковый хлопок перчаткой по щеке и слова: «Не могу же я при Алене сознаться, что еду только из-за тебя». Сыграно изумительно, ведь самая страшная ложь — это откровенная правда. Какое лицемерие! Мирка выразилась определенно: «Твой драгоценный присматривает за водителем...»

Проклятая Мирка! Дрянь, но зато открыла мне глаза. Прямо как в каком-то дурацком романе. Вернее, нет. Там обычно подслушивают подобные разговоры либо за портьерой в спальне, устроенной в стиле Людовика XIV, либо в садовой беседке, заросшей плющом и цветущими розами. А в случае со мной — жесткий, несентиментальный реализм. Роковой разговор подслушан на унитазе.

Одно мне было непонятно: какую роль во всей этой комедии играет Мирка, отчего она так настаивает, чтобы на Сильвестра Катаржина была уже дома... Но как это выяснить, я не знала.

Я взглянула на часы. Пора было уходить.

Павел стоял у входа и заметно нервничал.

— О Господи, где ты болтаешься? — налетел он на меня.

— Ты же присматриваешь за водителем, верно? — отрезала я и умышленно замедлила шаг.

— Да он уже давно заплатил и ушел. Если девчонки его не задержат...

— Не трусь,— язвительно заметила я.— Катрин с ним справится...

Мне хотелось добавить: «Как и с тобой...» — но я удержалась. Не позволю вывести себя из равновесия, сохраню спокойствие во что бы то ни стало...

Гонза дожидался нас на конечной остановке автобуса. Когда

мы вывалились наружу и он увидел Катаржину, то весь аж заснял, но не успел в полной мере пережить свою радость. К нему подошел Борек, положил руку на плечо и сочувственно произнес:

— Катаржина у нас молодец, браток, свое обещание выполнила аж на двести процентов. Смотри, какую породистую кошечку с собой прихватила... Ну как? — И ткнул пальцем в автобус, с крышки которого Павел как раз подавал Мирке лыжи. — Устроишь для нее лишнюю постель, а? А то Катаржина собирается положить ее с собой.

Остолбневший Гонза уставился на Катаржину, а та обезоруживающе улыбнулась ему и повторила свою наглую ложь:

— Она очень любит кататься на лыжах, вот я ее и пригласила. Ты ведь не рассердишься, верно?

Гонза растерянно закрутил головой, а тем временем подружка Катрин уже встала перед ним, подала руку и представилась:

— Привет! Меня зовут Мирка. Найдешь для меня местечко, хозяин?

— Найду... — без особого энтузиазма ответил Гонза, потому что мигом сообразил, какую свинью подложила ему Катаржина: за этой рыжей она спрячется от него как за каменной стеной.

— Ну, ладно, поехали, — выдавил он наконец. — Еду взяли?

Все дружно кивнули, а Катаржина сказала:

— Мирка привезла то же, что и я: консервы и бутылку рома.

— Вот¹, — кивнул Гонза, передал Павлу два каравая хлеба, подождал, пока все наденут лыжи, и двинулся в путь.

Дорога наверх отняла у нас почти два часа. Одной бы мне хватило и половины этого времени, но из всей нашей семерки уверенно чувствовали себя на лыжах только я, Борек, к моему удивлению, и, разумеется, Гонза. Всем остальным лыжи только мешали. Павел то и дело скользил и увязал в сугробах, но мужественно двигался вперед, Зузана старалась не отставать и ни за что на свете не призналась бы, что уже на полпути почти выбилась из сил, а Катаржина с Миркой... Это было неописуемо: настоящая трагедия! В довершение всего на склоне горы подул пронизывающий ветер и запорошил мелкий снежок. Приходилось подниматься «елочкой», пробитой лыжни не было, потому что Гонза, как видно, съехал вниз на спине. Мирка, которая, по словам Катаржины, была завязанной лыжницей, а держалась на лыжах, как обезьяна на велосипеде, остановилась и во все горло облегчила душу:

— К черту такую дорогу! Хоть бы хатка какая была поблиости...

Катаржина тоже прекратила движение и укоризненно произнесла:

— Я и не знала, Мируш, что ты такая паникерша.

— Откуда я могла знать, — возразила Мирка, — что бывают такие горы?

— Как видишь, бывают, — ответила Катаржина и подбодрила: — Ну, давай, давай, не задерживай...

¹ Хорошо (франц.).

Я не упускала из виду обеих девчонок и заметила, что с самых Гониц держатся они натянуто. Катаржина явно с раздражением реагировала на Миркины замечания.

Наш отряд между тем остановился, все переводили дух. Я поехала вперед, чтобы сменить Борека, и, обернувшись, поддразнила:

— Ну что, молодежь, идем или нет? А то ведь, если глаза меня не подводят, уже смеркается.

Павел крикнул Гонзе:

— Сколько еще впереди? Небось километров шесть?

— Не робей, всего только пять с половиной, — ухмыльнулся Гонза. — Максимум полчаса — и мы под крышей. Пару минут можно и передохнуть...

Едва он произнес эти слова, как Борек удивил меня до глубины души. Он съехал чуть ниже, к Катаржине, протянул руку и сказал:

— Знаешь что, подружка? Давай-ка сюда свой рюкзак. Если и дальше пойдём в таком черепашьем темпе, нас тут до весны снегом завалит.

— Ты что, чокнулся? — Катаржина ушам своим не поверила. — Или всерьез?

— Я серьезен, как покойник, — захохотал Борек. — Скидывай эту штуку, и поехали. Я бы помог Зузане, но она справляется с лыжами куда лучше тебя. Ну, давай, давай, некогда ждать!.. Гонза поможет Мирке, и дело пойдет куда веселее.

Катаржина не стала больше возражать. Она сняла с плеча один ремень, второй ей помог снять Борек, а Гонзе не оставалось ничего другого, как предложить свою помощь Мирке. Та ни секунды не колебалась.

— Ну, парни, никогда бы не подумала, что вы такие джентльмены, — призналась она.

А я захлопала в ладоши:

— Bravo, Борек, ты прямо герой!

И украдкой взглянула на Павла. Вид у него был замученный, ничего другого я не заметила.

— А Зузана не обидится? — забеспокоилась Катаржина. Но та ее успокоила:

— С какой стати? Я иду вполне нормально, а вот ты плетешься из последних сил.

Это, конечно, была глупость, она выбилась из сил так же, как и Катаржина, но подвиг Борека иначе не могла оценить.

Гонза закинул за спину Миркин рюкзак и подбодрил нас:

— Ну, а теперь поднатужимся — и мы наверху!

Угадал он точно: через полчаса мы уже стояли у избы. И как раз вовремя. Ветер разбушевался не на шутку, а сумерки уже переходили в полную тьму. Мы сгрудились в кухне, где Гонза еще с утра предусмотрительно затопил печь. Павел зажег керосиновую лампу, мы разместились на табуретках, постели и лавке.

— Тут просто чудесно, правда, Мируш? — заметила Катаржина.

Та кивнула и улыбнулась.

— Но чудеснее всех хозяин дома. Сердечно благодарю за помощь, Йеничек...

Гонза махнул рукой:

— Надо разобраться с комнатами. Беда в том, что здесь ровно шесть постелей. Шесть постелей в четырех комнатах, включая кухню. Здесь сегодня спал я.

Он умолк, не зная, что еще сказать. Мирка перечеркнула все его планы. Вернее, Катаржина.

— Ну,— вмешался Павел,— как-нибудь устроимся, верно?

Устроились. В мансарде поселились мы с Павлом, хотя я ни на секунду не усомнилась, что Гонза рассчитывал поместить здесь Катаржину. Мебель в мансарде была солидная, постель, правда, одна, но достаточно широкая, уютная, к тому же хозяин дома положил на пол настоящую овчину, чтобы не мерзли босые королевские ножки. Когда я уселась на ней и заявила, что дальше и шагу не ступлю, Гонза так печально поглядел на меня, что даже жалко стало. Но мне обязательно надо было отвоевать себе эту комнатку, тогда я могла постоянно держать Павла в поле зрения и уверенно контролировать ситуацию.

В задней комнате внизу разместились Борек с Зузаной, а Мирка и Катаржина стали их и Гонзинными соседками. Установили мы и порядок дежурства на кухне. Первыми добровольно вызвались Мируш и Катрин: они здесь только до тридцатого, так что пускай уж отработают сразу.

— А зачем тебе ехать тридцатого? — спросила я Катаржину.— Неужели не можешь остаться?

— На Сильвестра мне надо быть дома с нашими. Семейная традиция, понятно? — ответила она.— С удовольствием осталась бы, но не могу, серьезно.

— А ты, Мирка,— поинтересовалась Зузана,— чем вообще-то занимаешься? Тоже учишься?

— Да,— улыбнулась Мирка,— учусь. В одном живописном пражском заведении. Мужской парикмахер, к вашим услугам.

Зузана смутилась:

— Не сердись, я не собиралась тебя допрашивать, но раз уж мы здесь все вместе...

— Перестань! Спросила — и ладно, ничего страшного,— сказала Мирка и весело улыбнулась. У нее была круглая, симпатичная и сообразительная мордашка, рот чуть великоват, губы полные, а зубы просто великолепные. Я относилась к ней с предубеждением, но в обаянии отказать не могла.

Павел вел себя вполне нормально, ничего от меня как будто бы не скрывал. Наоборот. Едва мы вернулись к себе в мансарду, как тут же решил затащить меня в постель под прозрачным предлогом: мол, после утомительного путешествия следовало бы отдохнуть. Я с этим согласилась и постелила ему на овчине, советуя приберечь силы до вечера.

А вечером Гонза организовал посиделки. Все собрались на кухне, и уже к десяти стоял дым коромыслом. Накурили — хоть топор вешай, на плите кипятилась вода для грога, снаружи трещал мороз, но у нас в кухне было тепло и уютно. Мы запели величальную, дошли уже до «Кто родился в октябре, встань,

встань, встань...». Зузана и Павел поднялись и чокнулись полными до краев рюмками.

— А целоваться? — завопила Мирка. — Ну-ка, целуйтесь!

Зузана растерянно взглянула на Борека, но тот стучал ладонью по столу, аж стаканы звенели, и кричал:

— Верно! Без поцелуя нельзя... В лобик!

Павел перегнулся через стол к Зузанае, и она его поцеловала, но так неумело, что все расхохотались.

— Вот так и отлынивают от работы, — прокомментировала поцелуй Мирка, а Гонза уже щупал под столом ее коленку.

— Что дальше будем делать? — спросила я, когда мы допели до декабря. — Может, во что-нибудь поиграем?

— Ну, конечно! В «согласен — не согласен», —скомандовала Мирка. — По крайней мере можно будет раздеться, а то здесь жарища, как в сауне.

— Ничего умнее ты не придумала, — свела брови Катаржина. — Я не собираюсь раздеваться.

— Да брось ты, Катрин, как будто... — Она не договорила и небрежно, точно пепел от сигареты, смахнула с колена руку Гонзы. — Сама знаешь, стоит мне чуток выпить...

Фразу она не закончила, и осталось непонятным, на что она намекает. «Как будто» — и многоточие. Кроме меня, никто их скрытого смысла не замечал. Катаржина больше не противилась, только поигрывала золотой цепочкой на шее и молчала.

— За каждое «не согласен» фант с себя и стопку в себя, — громогласно огласила Мирка правила игры. — Парные вещи, вроде чулок или сережек, считаются за одну... Вопросы есть?

— Нет! — ответили мы хором, воздержалась только Катаржина. Хмурая, как ноябрьское небо, она поигрывала для разнообразия браслетом своих миниатюрных часиков и, наверное, подчитывала свои безопасные, «необнажающие» фанты.

— Тогда поехали! — объявила Мирка. — Павел, ты согласен прямо сейчас отправиться в деревню за сигаретами?

— Не согласен! — ответил Павел и положил на стол часы. — Ну и заданьца ты даешь! Ничего себе игрушки!

— Придумай что-нибудь поинтереснее, — заявил Борек. — Твоя очередь.

Павел пожал плечами и спросил Зузану, не согласна ли она подарить Гонзе страстный поцелуй.

— Не согласна, — отказалась Зузана. — С какой стати я должна со всеми целоваться?

— Не со всеми, а с Гонзой! Но страстно! — уточнила я.

Зузана выпила глоток вина и тоже сняла часы.

Так и пошло. Вскоре фанты пришлось складывать на лавке, потому что на столе не хватало места, сливовицы в литровой бутылке осталось на доньшке, а вместо вина пила трог.

Первой раздеваться по-настоящему выпало Мирке. Зузана, которая задавала ей вопрос, в общем-то не требовала ничего невозможного: принеси, мол, из мансарды овчину и покувыркайся на ней. Но Мирка с пьяной ухмылкой произнесла: «Нате вам!» — и стащила через голову легкий свитерок, под которым остался только бюстгальтер. Свитер она швырнула на лавку,

глоток грога опрокинула в рот, а для Гонзы придумала совсем каверзное задание: не согласится ли он снять с Катаржины джинсы?

— Нет,— пожал он плечами.— Правда, если она не против...

— Не волнуйся, я против,— успокоила его Катаржина.— Это уже никакая не игра, а самый обыкновенный стриптиз.

— Ну и что?— загорланила Мирка.— Послушай, Катрин, перестань корчить из себя недотрогу, а то я и в самом деле разозлюсь! И уж если пойду вразнос...

— Не мели чепуху!— резко прервала ее Катаржина.— Перестань чепуху молоть,— повторила уже спокойнее, потом встала, расстегнула «молнию» и действительно сняла джинсы. Перед нами во всей красе, до самых кружевных штанишек, предстали ее длинные, стройные ноги. Но только на мгновение: она кинула джинсы на лавку и быстро села за стол.

— Твоя очередь,— кивнул Павел Гонзе.— Жаль только, что легко отделался...

Но, прежде чем Гонза что-то придумал, Катаржина предложила закончить игру.

— И так уже докатились,— недовольно заявила она, искоса глянув на Мирку.— Давайте возвращать фанты.

— Только за выкуп,— уточнил Борек.— Гонза, начинай!

Тут уж мы совсем развеселились. Борек пел оперные арии, Павел отжимался двадцать раз от пола, а Зузана получила задание лягнуть, поцеловать и шлепнуть по затылку любого из нас. Все это она проделала с Бореком, но лягала его и шлепала так осторожно, что выкуп мы ей не засчитали, а вместо этого отправили за водой для грога. Мирку заставили заплести Катаржине две косички, Катрин «за пережитые страдания» потребовала свои джинсы, но жюри решило, что она их не получит, потому что работала с нею мастерица и страдать ей не пришлось. Дошла очередь и до овчины, мы отправили за нею Павла, а Мирке пришлось-таки на ней кувыряться. Фанты уже разыгрывали сразу по два, чтобы побыстрее шло дело, но на лавке их было еще полно.

Зажав в руках очередные, Гонза провозгласил:

— Какой приговор тем несчастным, чьи фанты держу сейчас?

— Календарик!— крикнула совсем расшалившаяся Зузана.— Только календарик!

Гонза ухмыльнулся и вручил одни часы мне, а другие — Бореку.

— Ну вот,— проговорил Борек,— теперь с Аленкой полиземся.

Но я только показала ему язык.

— Обойдешься, дорогуша, не путай Далмацию с дирекцией. Это не мои часы, а Катаржиныны.

Катаржина кивнула головой, надела часы на руку и обратилась к Бореку:

— Давай будем сидя?

Тот было согласился, но тут вмешалась Мирка:

— Ну уж нет! Никаких махинаций! Только стоя!..

— Ради твоих прекрасных глаз буду всем демонстрировать свои трусики,— попробовала возразить Катаржина.

— Вот и прекрасно! — спокойно ответила Мирка, по-кошачьи прищуриив свои серо-зеленые глаза.— Но если ты возражаешь...

Снова неоконченная фраза и многозначительное молчание в ответ; похоже, она держала Катаржину в горсти и то и дело ей об этом напоминала. Эта загадка занимала меня даже больше, чем вероятная измена Павла.

Катаржина сердито поджала губы, но мигом взяла себя в руки, встала и отрезала:

— Что ж, если тебе приятно...

Они встали с Бореком спина к спине, и Гонза начал:

— Январь!

Катаржина повернула голову к окну, Бореk — к печке. Гонза, конечно же, досадовал, что разыграл не свои часы, а Борека.

— Февраль! — произнес он, и на этот раз черная шевелюра Борека и забавные Катины косички повернулись к печи.

Так и пошло раз за разом: март — направо, апрель — налево... Под общий хохот и крик Гонза подвел окончательный итог:

— Одиннадцать!

Борек поглядывал вокруг с видом Цезаря-триумфатора, Катаржина деланно улыбалась и теребила блузку, потом произнесла: «Господи, благослови!» — и подставила губы. Вся компания хором вела счет, а мне вдруг пришло в голову, что не Павел, а Борек Катаржинин «драгоценнейший», из-за него она приехала сюда. Он целовал ее всерьез, а она ему всерьез отвечала. В тусклом свете керосиновой лампы я отчетливо различала, как раскрываются и сжимаются губы целующихся, и каждый поцелуй длился чуть дольше предыдущего.

— Одиннадцать! — выкрикнули мы в последний раз.

Катаржина тут же села, а Борек одним духом выпил стаканчик сливовицы. Затем выкуп фантов продолжился. Чтобы получить обратно свой пояс, Гонзе пришлось признаться мне в любви, и он принялся уверять меня, что Павел всего лишь деревенский лоботряс или паршивый евнух из гарема персидского шаха, словом, порол чушь на полном серьезе. Мы надрывали животики от смеха, а мне, видно, хмель ударил в голову. Я ошаледа, но чувствовала себя прекрасно. Павел держал меня за руку, и я про себя просила у него прощения. Катаржина получила назад свое ожерелье за джайв с Гонзой, транзистор орал на полную мощь, и королева Ядрана не отлынивала: то ли опасалась очередного Миркиного «о Господи», то ли подействовали прог и сливовица, но она свалила две из трех свечек и выкомаривала как припадочная, только ее девчоночьи косички свистели в воздухе.

Примерно так же выкупались и другие фанты. Тем временем настроение у нас поднималось, а моральный уровень падал, пока наконец все вещи не вернулись к своим хозяевам.

Борек поймал по радио музыку для полуночников, и все кинулись танцевать. Я танцевала с Павлом, Гонза — с Миркой, потом с Зузаной, но та почувствовала себя плохо и отправилась во двор, на свежий воздух. Я пошла за нею, но она отслала

меня обратно. Так же, как и Борека, который, как ни странно, тоже там очутился. Когда я вернулась на кухню, уже и последняя свеча не горела, керосиновую лампу мы потушили еще раньше, по радио передавали какую-то сладенькую мелодию, и между печкой и постелью не столько танцевали, сколько обнимались две пары.

Нашарив на столе зажигалку, я закурила сигарету. За этот краткий миг я успела заметить, как целуются Мирка с Гонзой. Чуть дальше мелькнула перед глазами и вторая пара — Павел с Катаржиной. Вернее, всего лишь одна деталь: рука Павла, которая заползла под тонкую ткань Катаржининых штанишек.

Заметив огонек зажигалки, Катаржина тут же отстранилась от него.

Я почувствовала себя оскорбленной. Значит, все эти поцелуйчики с Бореком — хорошо продуманный обман. Значит, «любимчик» Катаржины все-таки Павел.

Я погасила зажигалку и пошла спать.

3

Вернувшись в комнату Зузаны, Павел сел на краешек постели и боязливо потрогал руку Катаржины. Борека стоял у стены, опустил плечи, и бессмысленно пялился прямо перед собой, Мирка, нахохлившись, пристроилась на табуретке у самой двери, левой рукой она прикрывала свое испуганное лицо, правую зажала между коленями. Тусклый свет коптящей керосиновой лампы скупо освещал комнату. Едва я ступил вперед, как моя тень, точно погребальный саван, упала на мертвую Катаржину.

Павел встал и произнес сдавленным голосом:

— Она совсем холодная. Она мертва уже... — Он помолчал, развел руками и неуверенно закончил: — Уже довольно давно.

Никто из нас не откликнулся.

— Мы разошлись около часа, — продолжал Павел. — Я ее больше не видел. Мы с Аленой сразу же ушли наверх... — Он отвернул рукав свитера и бросил взгляд на часы. Чтобы разглядеть стрелки, повернул руку к свету. — Сейчас полчетвертого. Тридцать семь минут. В час мы еще были вместе. И Катаржина с нами. А теперь она лежит здесь мертвая..

Он говорил медленно, запинаясь, глаза опустил вниз, стараясь не смотреть на убитую.

— Снаружи сюда никто забраться не мог, — пробормотал Борека, сообразив, к чему клонит Павел.

— Нет, ни в коем случае, — заверил я. — На дворе страшная вьюга, а началась она еще до полуночи. Значит, снаружи сюда никто не мог забраться.

С минуту стояла тишина. Мирка перестала всхлипывать, убрала руку с лица и блестящими от слез, перепуганными глазами взглянула на Павла.

— Итак, — заявил он и сделал после этого слова эффектную паузу, — вывод может быть только один: Катаржину убил кто-то из нас.

Ничего другого я и не ожидал услышать, но все равно ужас-

нулся и несколько раз глубоко вздохнул, чтобы одолеть внезапную дрожь. Павел тем временем приблизился к Мирке.

— Ты ведь была тут с нею, правда?

— Нет! — выкрикнула Мирка и вскочила с табуретки. — Меня здесь не было!

— Не было? — угрожающе продолжал Павел. — Может, еще скажешь, что всю ночь гуляла на свежем воздухе?

Мирка и слова не сумела выдать, только завертела головой. Борек схватил ее за руку, встряхнул, как тряпичную куклу, и злобно заорал:

— Будешь говорить или нет? Плевать мы хотели на твои юни!

Тем временем я все еще стоял точно каменный и никак не мог собрать разбегающиеся мысли. Наконец до меня дошло главное: среди нас убийца.

Убийца!

— Вот мы тебя и спрашиваем, — продолжал Павел, — а ты должна нам кое-что пояснить. Что у вас было общего с Катаржиной?

То же самое интересовало и меня, причем больше и раньше, чем Павла. Я старался хоть что-то вытянуть из Мирки, но напрасно. Стоило мне завести об этом разговор, как она тут же умолкала.

— Ты будешь говорить или нет? — процедил сквозь зубы Борек и снова встряхнул Мирку.

— Оставьте меня, — жалобно пролепетала она. — Я ничего не знаю, меня здесь не было.

— А где же ты была? — залпом выпалили Павел с Борек.

— В кухне, — едва слышно выдохнула Мирка. — В комнату я вернулась только что. От Гонзы.

— От Гонзы? — Павел повернулся ко мне.

Я легонько кивнул и, еле ворочая языком, объяснил:

— Пусты ее, Борек! Она все время была со мной. Когда Катаржина пошла спать, она осталась у меня. Расстались мы пару минут назад... Да пусть же ее, какого черта держишь?

Последнюю фразу я произнес уже со злостью. Борек начинал действовать мне на нервы. Если кто-то и имел право задавать вопросы, то только не он. Практически все время он крутился возле Катаржины, ухлестывал за ней, но в отличие от меня никаких иллюзий не строил. Мне отчетливо вспомнилось, как он вызывающе снимал у нее по дороге рюкзак, как обнимал и целовал во время игры, а Катаржина все его выходки терпела да еще и флиртовала с ним.

Я хотел что-нибудь добавить, чтобы окончательно смутить его и ошеломить, но, пока я переводил дух, он меня опередил:

— Будь добр сообразить наконец, что игрушки кончились... Или ты хочешь сказать, что Катаржина решила себе почесать ножичком живот, да рука неожиданно дрогнула?

Я промолчал, только презрительно окинул его взглядом. Тут в разговор вступил Павел:

— Этот нож... — Он бросил нерешительный взгляд на убитую. — Он ведь с кухни. Мы им хлеб резали.

— Ну и что из этого? — раздраженно проговорил я. — Любой из нас когда угодно мог его взять.

Мирка, воспользовавшись нашей перепалкой, вырвала руку у Борека и попыталась вскочить, но Павел обхватил ее сзади.

— Ты куда? — угрожающе прикрикнул он. — Ну-ка рассказывай! Мигом!

Она дернулась, и ее красивая грудь обнажилась до самых сосков. У меня сдали нервы. Я бросился к Павлу и изо всех сил хватил его по руке. Павел выпустил Мирку, но тут же его кулак засветил мне прямо в подбородок. Это был отличный нокаутирующий удар. Я отлетел к кухонной двери, прислонился к косяку и на секунду даже потерял сознание. Но Мирке мое вмешательство помогло освободиться, она отскочила подальше от Павла, почти что к самой постели, где лежала голова убитой Катаржины, и начала громко и судорожно всхлипывать.

— Оденься! — хмуро приказал Павел. — Перестань сверкать титьками, меня твои прелести не интересуют.

Что за идиот, подумал я, а Мирка, заикаясь, выговорила:

— Дурак паршивый!

— Точно, — с ледяной холодностью откликнулся Павел, повернулся ко мне и примирительно добавил: — Если у тебя прошла охота драться, помоги мне. Надо чем-то прикрыть Катаржину. Так ее нельзя оставить...

— Нет, — прошептал я, облизывая сухим языком потрескавшиеся губы, и посмотрел в сторону постели. Неподвижное тело Катаржины как бы светилось в полутьме.

— Ничего нельзя трогать, все должно оставаться так, как есть, — выдавил я.

— Ну, прикрыть-то ее можно, — заметил Павел и кивнул Бореку: — Принеси-ка что-нибудь подходящее. Одеяло или простыню... Да неси же, черт тебя побери, шевелись! — взорвался он, видя, что Борек не двигается.

Тот наконец послушался, открыл кухонную дверь и скрылся за порогом. Вернулся обратно с моим байковым покрывалом.

Павел взял покрывало и аккуратно накинул на Катину нагое тело. Покрывало было широкое, но коротковатое, оно укрыло мертвую только до подбородка, бледное лицо с выпученными глазами и разбросанными по подушке светлыми волосами осталось на виду.

— Глаза... — сказал Борек и проглотил слону. — Кто-нибудь это умеет?

Словно под гипнозом я ступил вперед. Мирка, стоявшая в углу комнаты спиной к нам и надевавшая свитер, испуганно уступила мне дорогу. Я приблизился к постели, наклонился к убитой и большим и указательным пальцами правой руки опустил ей веки. Действовал я быстро, без раздумий, и только потом на секунду пошла кругом голова, а по телу пробежала зябкая судорога. До этой минуты у меня еще сохранялось ощущение, что вся эта трагедия происходит не в жизни, а в каком-то романе, кинофильме или страшной пьесе, но вот я прикоснулся к мертвой — и это прикосновение словно пронзило меня током от ногтей до корней волос.

— Кому-то из нас надо бы спуститься в деревню,— нарушил тишину Павел.— Сообщить в полицию.

— Исключено! — чересчур быстроотреагировал я.— До уборной-то едва добрался. Не успеешь отойти от избы на несколько шагов, как тут же потеряешь дорогу. Придется ждать до утра, может, к утру погода утихомирится.

Павел промолчал. Двинулся к двери, ведущей в комнату Борика и Зузаны, и подергал за ручку. Дверь даже не дрогнула, только послышался скрип хорошо высушенного дерева.

— С какой стороны ключ? — спросил Павел Борика.

— Ни с какой. Когда она начала орать,— Борик махнул рукой в сторону Мирки,— я хотел заскочить к ней, но дверь была заперта. А ключ был у девчонок, у нас с Зузаной его не было.

— Гм,— пробурчал Павел,— значит, лежит где-то здесь. Мирка, ты его не видела?

— Нет,— ответила та,— не видела. Я к нему вообще не прикасалась. Да и потом,— она сделала паузу и перевела взгляд на Борика,— Катаржина никогда не запиралась.

Борик промолчал, только нервно дернул губами, зло взглянул на Мирку и тут же отвел глаза в сторону.

Не нравился он мне, нет, не нравился.

— Пошли на кухню,— предложил Павел.— Каждый расскажет, что знает, глядишь, что-то и выяснится...

Не успел он закончить, как Мирка юркнула через порог. Следом заторопился я, за мною — Борик. Павел взял со стола керосиновую лампу, но тут же поставил ее на прежнее место и тихо вздохнул:

— Свет мы все же оставим, подружка, хотя тебе он не очень-то и нужен...

И тоже вышел из комнаты.

В кухне он сунул в печку парочку смолистых полешек, Мирка села на мою разостланную постель, я устроился рядом, Борик остался стоять.

— Надо бы позвать девчонок,— заметил я.— Надо, чтобы все здесь собрались.

— Зачем? — возразил Борик.— Мы с Зузаной ушли отсюда спать. Павел с Аленой тоже. Даже чуть раньше нас...— Он немного поколебался и мотнул головой в сторону меня и Мирки.— В первую очередь стоит послушать вас обоих.

— Ладно,— согласился я и повернулся к Мирке, уже надевшей брюки и свитер.— Когда я побежал в уборную, ты пошла за сигаретами. Где они? Страшно хочется курить...

— Очень жаль,— ответила Мирка,— но я их не нашла. Сначала искала впотьмах, чтобы не разбудить Катаржину. Потом все же зажгла лампу и... увидела ее на постели, убитую...

Борик сунул руку в карман и подал мне пачку «Астры». Я поблагодарил его кивком головы и взял две сигареты. Одну протянул Мирке. Борик дал нам прикурить, я глубоко затянулся, выпустил дым и спросил:

— Что хотите услышать?

Павел промолчал, подкручивая фитиль у лампы, и слово взял Борик. Он придвинулся ко мне вплотную и резко выпалил:

- Зачем ты ее убил? Все остальное нас не интересует.
- Чокнулся? — осклабился я и еще раз спокойно затянулся.
- Нисколько не чокнулся!
- Тогда у тебя странное понятие насчет черного юмора.

Должен заметить, что с такими шуточками надо быть поосторожнее.

— Не валяй дурака! — прервал он меня, и стало ясно, что свой идиотский вопрос Борек задал вполне серьезно, или по крайней мере стараясь создать такое впечатление. «Понятно, — мелькнуло у меня в голове. — Лучшая оборона — это наступление. Только не на таковского напал, парень, нет, черт тебя побори, не на таковского...» Я встал.

— У кого еще был повод? — не унимался Борек. — Ну-ка скажи, у кого? Ты же сам твердил, что уговоришь ее, для этого и всю эту поездку организовал, строил из себя донжуана, хвалился перед нами, что переспшишь с нею... Так вот, из-за того, что Катаржина чихала на тебя, из-за того, что у тебя не было никаких шансов...

— Замолчи! — прервал я эту дикую чепуху и размахнулся. Но Павел был настороже. Он бросился между нами, заслонил Борек, а меня попытался оттолкнуть. Напрасно. Он успел еще крикнуть: «Перестаньте, ребята!» — и тут кухня словно бы закачалась, наступила полная темнота, чуть позже зазвенело разбитое стекло. Это упала и разбилась керосиновая лампа.

— Вот видите, петухи, из-за вас лампу разбил, — сокрушенно произнес Павел. — Спички есть? Борек...

— Где-то на столе лежат, — уже остывнув, ответил Борек. — Посвети фонариком.

Оранжевый круг света упал на стол, осветив коробок, потом сполз вниз, на пол, где лежали лампа и осколки стекла.

— А, чтоб тебя черти взяли! — выругался Павел и ногой закинул осколки под стол.

Я посчитал про себя до десяти, немного успокоился и обратился к Мирке:

— В буфете должны быть свечи.

Павел перевел туда луч фонарика, Борек вытащил целую пачку и зажег одну, затем первой зажег вторую и третью; я тем временем совсем пришел в себя и негромко заметил:

— Что толку обвинять друг друга, так мы ничего не выясним.

Пока прикуривал от свечки потухшую сигарету, никто не вымолвил ни слова, и я продолжал:

— Я Катаржину не убивал, но то же самое скажет каждый из нас, а она, наверно, часа три как мертва. Когда мы сегодня разошлись в час ночи, кто-то из нас на какое-то время остался один. На пять, на десять минут, а может, и меньше. Тогда-то и произошло убийство. Мы с Миркой были здесь. Здесь, на кухне.

— Мы с Аленой наверху, — сказал Павел.

Борек издал нервный смешок:

— А мы с Зузаной в задней комнате. А теперь можем начать сначала.

— Верно, но одно уже стало ясно: кто-то из нас убийца. Кто-то из шести. Поэтому я хочу, чтобы здесь собрались все шестеро, а не четверо. Павел, сходи за девочками!

Напористый тон действовал. Павел даже не пикнул и послушно направился в прихожую. Вскоре он вернулся с Зузаной и Аленой. Обе молча подсади к столу, рядом с Борекком. Павел остался стоять. Я произнес:

— Катаржина мертва, кто-то из нас убил ее кухонным ножом. На дворе буря, спуститься в деревню мы не можем, но надо все выяснить, пока не приехала полиция. Здесь мы все... Может, есть желающие добровольно признаться в убийстве?..

После моих слов наступила мертвая, гнетущая тишина. Кажется, даже ветер, сотрясавший порывами окна, стены и крышу избы, на мгновение стих.

Все молчали.

Сквозь облачко табачного дыма я окинул взглядом четверых своих однокашников. Павел застыл столбом, тупо глядя куда-то в пространство, Алена, прикусив губу, уставилась на стол, потом вдруг сунула руку в карман, вынула носовой платок и вытерла нос и глаза. Зузана сидела с отсутствующим видом, словно еще не осознала, какая трагедия здесь разыгралась. Бореk изo всех сил старался держать себя в руках, на его напряженном лице ни один мускул не дрогнул, только руки выдавали его волнение. Он не переставая ломал и теребил свои пальцы.

Внезапно прозвучал голос Зузаны. Тихо, с трудом выговаривая слова, она произнесла:

— Вы думаете... Ты думаешь, Гонза, что это убийство?..

ЗУЗАНА

Гонза ничего не ответил. Только нахмурился и впился в меня долгим, недоверчивым и в то же время печальным взглядом. Я его понимала. Ему нравилась Катаржина, и он вовсе не ожидал встретить то, что мне за мою жизнь встретилось уже дважды.

Смерть.

Само это слово, как его ни произноси, ужасает. Четыре согласных, разделенных одной гласной, звучат, как щелканье кнута. Как ни старайся, это слово не выговоришь мелодично, прокричи его или прошепчи, прохрипи или пропой, оно, это слово, не подчиняется твоей власти и выстрелит грозно и беспощадно.

«Постарайся держать себя в руках, Зузаночка, ты ведь уже почти взрослая. Папа с мамой отравились газом. Несчастный случай...» Слова утешения и соболезнования, теплые и формальные, и два гроба, исчезающие за черной дверцей крематория. Они ничего не поняли, не страдали, им не было больно, словом, «легкая смерть».

А примерно через год она коснулась меня снова, вторично, но уже совсем в другом обличье. Теперь она походила на черную маску с намалеванными на ней черепом и костями, которая выскочила из карнавального шествия, как бы дразня и насмехаясь над концом всех надежд.

Его звали Зденек. Мы познакомились летом в горах, куда поехали с тетей, чтобы я хоть немного оправилась от неожиданного удара.

Зденек. Мы все дни проводили вместе, а было их всего двенадцать, один лучше другого. Потом он уехал. Уехал, но стал писать письма, мечтательные и сентиментальные, полные любви, а потому прекрасные. Дважды приезжал ко мне. На мотоцикле. А ведь жили мы, как нарочно, в разных концах Чехии.

В июне я закончила школу и сдала приемные экзамены в институт, а в июле мы снова отправились в горы, уже без тети, с палаткой и двумя спальными мешками. Осенью его забирали в армию, а я уезжала в Прагу учиться. Два года пролетят — и не заметишь; как только он вернется из армии, мы поженимся, так мы решили в последний день в горах. В поезде я написала ему длинное письмо, а дома — еще три. В ответ ни слова. 10 августа пришло извещение: «Наш дорогой сын, брат и внук... трагически ушел из жизни в возрасте двадцати лет...» Что ни слово, то нож острый.

Я чуть не сошла с ума. В тот же день выехала к нему. Хотя бы на могилу. Тридцать часов езды, ожидания и пересадок — и я вышла в его городе, в траурном наряде и с букетиком увядших роз в руке. И в двух шагах от вокзала наткнулась на него. Он сидел на мотоцикле, нога на борюре, и болтал с какой-то девицей. Когда увидел меня, только расхохотался.

— Ты и вправду поверила?.. Ну, ты даешь! Мама отругала меня, чтобы я не сходил с ума и не связывался ни с кем до армии. А тут брат, ты же знаешь, он работает в типографии... Могла бы и догадаться, что это шутка... Он мне напечатал эту похоронку...

Домой я вернулась первым же поездом, в институт опоздала на месяц. И дала себе зарок: больше не терять голову от любви.

Выдержала я три года. Пока Борек не пригласил меня в кино и не стал захаживать к нам в комнату. Не к очаровательной Катаржине, а ко мне. Зарок зарок, но не записываться же мне в монашки.

На первое свидание меня собирала Катаржина. Целый час причесывала, красила мне глаза, одолжила даже свой австрийский пояс для чулок. Он был мне тесен и страшно резал, но Катаржина утверждала, что он улучшает фигуру. Все равно, мол, пару кило мне надо сбрасывать. И я сбрасывала, голодала, делала упражнения, за месяц похудела на три кило. Пояс уже не резал, и Катаржина отдала мне его насовсем. «Еще немного — и будешь девчонка что надо! — смеялась она. — Сбросишь еще пять кило — и Борек сгорит от любви...»

Не сгорел. Я сбросила еще три килограмма. Мы стали большими друзьями, а когда мне исполнилось двадцать два, и любовниками. Но именно тогда все и начало портиться.

День рождения мы отпраздновали с Борексом у меня в комнате, расстались далеко за полночь. В субботу я собиралась подольше поспать, но рано утром меня разбудила Алена: ей понадобились конспекты. Я решила восполнить недосып после обеда,

когда в общежитии станет поспокойнее, но не успела толком задремать, как меня снова потревожили. На этот раз Катаржина.

— Что такое? — пробурчала я и открыла глаза. Она толкнула меня в плечо, легонько похлопала по щеке и засмеялась:

— Вставай, вставай, соня, а не то вытащу из постели.

— Кати, откуда ты взялась? — удивилась я. — Ты не поехала домой?

— Нет, — ответила она. — Я была у тети в Праге. А сейчас еду домой. Понимаешь, я кое-что забыла.

Она села на постель и огляделась. На столе лежал Катаржинин чемодан, на постели — сумочки, шкаф — настезь, ящики письменного стола выдвинуты, словом, полный ералаш.

— Зузика, я где-то оставила такой маленький блокнотик, — объяснила она. — Ты его не брала? Темно-зеленый, в кожаной оправе.

Я завертела головой.

— Ничего не брала, Кати. Какой блокнотик?

— Да ты все еще никак не проснешься! — мягко заметила она. — Ну, давай вспоминай! Блокнот в кожаной оправе... Ты, наверное, его и не видела, я только недавно купила его в «Тузексе».

— И правда, Кати, я никакого блокнота не видела.

Она встала с моей постели.

— Ну, тогда плохо дело.

— А что там такого важного, что ты прибежала за ним в общежитие?

— Один адресок для папы, — пояснила Катаржина и снова принялась копаться в своем чемодане. — Ты была вечером у Борека? — поинтересовалась она между делом.

— Нет, он был здесь.

— Здесь? А он его не брал? Может, решил пошутить...

— Нет, — исключила я такую возможность, выбралась из постели и надела шлепанцы. Катаржина еще раз пересмотрела сумки, а я вдруг сообразила, что с ее одеждой что-то не так. Но что?.. Она как раз нагнулась, перебирая белье, сложенное в самом нижнем ящичке, подол высоко задрался, и тут до меня дошло. Да ведь на ней совсем другая одежда! Вчера она надела серый костюм, нейлоновые чулки и туфли без каблуков, а сейчас на ней белая блузка, черная мини-юбка, кружевные колготки и сапожки. А говорит, что была в Праге у тети. Ведь там у нее никакой одежды нет, она всегда возвращалась в том же наряде.

— Ты в самом деле не ездила домой? — уточнила я.

— Нет. Сейчас поеду. Чтобы все успеть, придется взять такси. Вот невезуха, правда? А почему ты спрашиваешь?

Она заметно встревожилась.

— Не волнуйся, — ответила я и добавила: — Никакого блокнота я не видела.

— Значит, сама потеряла... Ну, — она взглянула на часы, — я побежала. Бореку лучше ничего не говори. А то он рассердится.

Однако я сделала по-своему, и вышло так, как она сказала.

— Что я, вор? — кричал Борека, сжимая кулаки, и я даже опасалась, что он меня ударит.

Тогда-то и завелся у меня червячок сомнения. Зачем Катаржина лгала? Отчего всю комнату перерыла в поисках этого таинственного блокнота, почему не стоило говорить об этом Бореку и по какой причине, когда я все же спросила его, он так рассвирепел? Вопросов набралось много, и ни на один из них я не могла найти ответа. Ни Борека, ни Катаржину спрашивать мне больше не хотелось, уж очень явной была связь между ее тревогой и его злостью. Я начала подозревать, что кто-то из них ведет со мной нечестную игру. А может, и оба, но скорее все-таки Катаржина. Я всегда поверяла ей свои тайны, как-то под настроение рассказала даже о Зденеке и трагикомедии с его фальшивой гибелью; ведь мы были подруги и жили вместе, так пусть знает обо мне все. Зато она никогда ничего о себе не рассказывала, точнее, ничего серьезного и доверительного, что могло бы нас сблизить. Мне известно только, что она ни с кем еще всерьез не дружила, хотя и был у нее приятель, но только приятель, студент Академии художеств. Два года назад он нарисовал ее портрет, но сейчас уехал за границу, вполне легально, как стипендиат, но они даже не переписываются. «Девчонка я более-менее ничего, так что потерплю, пока не закончу учебу, — высказывалась она по поводу замужества. — А там какой-нибудь бедолага всегда отыщется...»

Отыскался. И отыскался даже раньше, чем я ожидала.

200 На первые выходные в ноябре я уехала домой к тете. Обычно я бывала там каждые две недели: в пятницу вечером — туда, в понедельник утром — обратно. Скорый приходит в Прагу в начале девятого, занятия начинались в девять, так что я ехала в институт прямо с вокзала. На этот раз я сидела как на иголках, каждую минуту поглядывала на часы, но время тянулось страшно медленно. В воскресенье после обеда я сказала тете, что мне надо срочно уехать. Сослалась на пропущенный семинар и еще на какие-то дела, но тетя все прекрасно поняла.

— Опять, наверно, влюбилась, — вздохнула она, провожая меня на вокзал, а я смутилась и ответила:

— Может быть...

Все мысли у меня были только о Бореке. Если все пойдет удачно, то уже в восемь вечера мы будем вместе.

Однако вместо удачи меня ожидали сплошные неприятности. Пригородный поезд, на который я сначала села, за четыре перегона ухитрился опоздать на двадцать минут, скорый ушел, и мне пришлось около трех часов ждать следующего, так что вместо половины восьмого я оказалась в Праге в одиннадцать. Как назло, и трамвай укатил прямо из-под носа, так что в общежитие я добралась только к полуночи. Вахтер как раз запирали вход.

К Бореку идти не было смысла. Я вскарабкалась на третий этаж, вынула ключ и хотела открыть дверь своей комнаты. Хотела, но не смогла. Ключ не лез, потому что изнутри торчал другой. Наверно, Катаржина заперлась и спит, подумала я

и осторожно постучала. В ответ ни звука. Я постучала еще раз, уже погромче, а потом — громко, не сдерживаясь.

В комнате послышался шорох, закрипела постель, взвизгнул пружинный матрас... Ну, слава Богу, наконец проснулась.

— Кати! — окликнула я. — Открой, Кати!

— Минутку, — донеслось из комнаты, — погоди немного, дорогая.

Но прошло добрых несколько минут, прежде чем щелкнул замок и дверь отворилась. Вернее, она только чуть приоткрылась, и из нее выскользнула Катаржина в шелковых китайских тапочках и белом халатике, брошенном на ночную рубашку.

— Прощу тебя, Зузика, давай зайдем в туалетную, — прошептала она, обняла меня и потащила в дальний конец коридора.

— Не спрашивай, ничего не спрашивай, я все тебе сама объясню, — заговорила она, затолкав меня в туалетную, и закрыла за собою дверь. Даже не закрыла, а захлопнула: раздался такой грохот, что весь дом задрожал. Катаржина остановилась на пороге и устало прислонилась к косяку.

— С ума сойти! — выдохнула она.

Ни о чем не подозревая, я поцеловала ее в щеку и прошептала на ухо:

— Что-то случилось?

Она быстро закивала головой, схватила мою руку и сильно сжала ее.

— Ах, Зузика, если б ты знала, какая я дура...

Я постаралась улыбнуться.

— Да брось ты! — Мне все еще было невдомек, о чем речь. Никогда раньше я не видела ее такой растерянной. — Тебе что-то приснилось, да? Какой-то кошмар, правда?

Теперь уже засмеялась Катаржина. Коротко, насмешливо, вызывающе.

— Сон? — переспросила она и откинула за спину свои распущенные волосы. — Нет, Зузика, к сожалению, не сон, а грубая реальность. Видишь ли, я была в комнате не одна... — Последнюю фразу я скорее прочла по губам, чем услышала. — Там был он, понятно?... — Но я ничего не понимала. — Ты же знаешь... Я тебе рассказывала о нем. Ну, Виктор приехал из Парижа... Наконец до меня дошло.

— Ах, вот оно что!.. Так что же ты ничего не сказала? Я бы приехала утром.

— Да я и понятия не имела, что он приедет. Он иногда писал, очень редко, в последний раз сообщил о каникулах, а сегодня вдруг ни с того ни с сего позвонил. Сказал, что сейчас в Праге и хочет меня видеть. После обеда мы встретились на Граде, потом он пригласил меня поужинать... Понимаешь, все было так чудесно... Потом он привез меня на такси в общежитие... — Голос у нее дрожал от волнения. — На вахте почему-то никого не было... Я не могла от него отделаться, он пошел со мною наверх... — Она пожала плечами, прикусила губу, опустила голову и, глядя на кончики своих тапочек, смущенно, но отчетливо выговорила: — Мы с ним переспали...

Вот тебе и королева Ядрана, засмеялась я про себя, и до нее

дошла очередь. Глядя на стройную фигуру, вырисовывающуюся под нейлоновой ночной рубашкой, я погладила ее по щеке и произнесла:

— Что ж, раньше или позже — все равно это случилось бы.

— Да, только я представляла себе все это совсем иначе, — пролепетала она. — А тут все как-то неожиданно, без всякой подготовки... Знаешь, я даже не знаю, нравится ли он мне... — Она уставилась на меня своими прекрасными, невинными, по-детски чистыми глазами и всхлинула: — Я, наверное, ненормальная...

Похоже было, что она сейчас расплчется. Вот так, прислонившись спиной к косяку, она выглядела прямо-таки несчастной, но это несчастье было таким красивым, что я только удивлялась, как она могла сохранить себя от этого почти до двадцати двух лет.

— Ну, ты же не маленькая, Кати, — сказала я и доверительно ей подмигнула. — А что со мною?

Она недоуменно взглянула на меня.

— О чем ты?

Я закрутила головой.

— Кати, возьми себя в руки, ну, пожалуйста. Я же не поеду туда, не стану его пугать. Пойду в учебный корпус. Не беспокойся, как-нибудь перебежусь до утра.

— Ни в коем случае, — решительно возразила Катаржина. — Пусть он немедленно уходит.

Я взглянула на часы.

— А как? Уже почти половина первого. Дед запер дверь за мной. А сегодня на вахте тот злой и противный, с мохнатыми бровями. Он записался... как Виктор?

— Нет, — ответила Катаржина. — Когда мы пришли, на вахте никого не было.

— Вот видишь! Хочешь получить на первый случай выговор?

Она махнула рукой.

— Он же не скажет, что идет от меня. Сунет деду что-нибудь — и порядок.

— Что он ему сунет?.. Нет уж, лучше сделай, как другие девчонки. Отведи его в подвал, и пусть вылезет через окно...

— Видишь, как у тебя все просто, а я... — Она нервно поправила волосы и запахнула халат. — Будь добра, посиди здесь немного, я скоро за тобой вернусь. Надо же вас познакомиться.

Прежде чем я успела возразить, Катаржина выскочила в коридор. И тут же вернулась.

— Все в порядке, Зузика, — весело выпалила она. — Господин испарился.

Она подала мне листок бумаги с небрежной надписью: «Завтра позвоню. Пока. В.».

— Ишь как испугался меня, — засмеялась я. — Как он выберется на улицу?

— Не переживай, — с заметным облегчением произнесла Катаржина. — Сунет деду полсотни, и дело с концом. Денег у него куры не клюют, и потом... он же прошел выучку в Париже...

Мы отправились в комнату. Катаржина сняла халат и откры-

ла окно, чтобы проветрить помещение. Дыму действительно было полно.

На другой день она вернулась в общежитие довольно поздно. — Была с ним? — не удержалась я от вопроса.

Она кивнула. Я ждала, что она обо всем расскажет, но она больше не вымолвила ни слова. Вчерашняя откровенность, вызванная, очевидно, моим неожиданным приездом, исчезла без следа. Виктор перестал для нее существовать. А тут как на грех в самый неподходящий момент к ней прицепился Гонза. Обычно она только посмеивалась над безнадежными ухищрениями своих «воздыхателей», а тут вдруг разошлась не на шутку.

— Пусть только попробует ко мне прикоснуться, я его на куски разорву! — заявила она. Конечно, сделать это было бы трудновато: Гонза — один из самых рослых парней на курсе. Выглядит он хоть куда, и было непонятно, почему от одного его вида Катаржина чуть ли не впадала в истерику.

— Слушай-ка, подруга, ты случайно не в положении? Что-то у тебя с нервами не в порядке, — вскользь обмолвилась я.

— Чего ты лезешь со своими дурацкими вопросами? — набросилась на меня Катаржина. — И какого черта я, дура, все тебе рассказала?

Она так расписывалась, что я промолчала и оставила ее в покое. А она мне была нужна, очень нужна, потому что неприятности теперь начались у меня. С того вечера, когда мы поссорились из-за Катиного блокнота, Бореk явно охладел ко мне, даже стал меня избегать.

«Что я, вор?» — вспоминала я его рассерженный голос, побагровевшее лицо с горящими глазами и то, как сразу же после этого он свалил меня на постель, прямо швырнул туда, ни свет не погасил, ни дверь не запер, хотя по коридору слонялось полно народу и в любую минуту кто-то мог заглянуть в комнату.

Бореk ни на что не обращал внимания, ему на все было наплевать, он ничего не хотел откладывать. На мне была узкая юбка, но, к счастью, она лопнула по шву, а не то он бы определенно изодрал ее в клочья, а если бы я сопротивлялась, он бы меня изнасиловал. Но я не сопротивлялась, только подумала, что, наверное, так любили варвары, страстно, грубо, но при этом чудесно. Внутри у меня словно вулкан закипел, каждое его движение вызывало боль, но одновременно и наслаждение, огромное, нескончаемое, невыразимое, и я тоже ни на что не обращала внимания; черт с ней, горящей лампой, и незапертой комнатой. Если бы сейчас распахнулась дверь и к нам ворвались комендант общежития и целый студсовет, я бы только крикнула Бореку: «Давай еще, давай еще! Чихали мы на них! Люби меня еще! Люби, люби, люби...»

В женский блок я возвращалась уже на рассвете. В коридорах было темно и спокойно, и я не столько шла, сколько тащилась, колени у меня подгибались, на лестнице, хочешь не хочешь, пришлось держаться за перила, и вся я была изломанная, больная и, несмотря на это, счастливая... Ах ты, мой милый, самый дорогой, самый любимый!

Это было в понедельник, 23 октября, вскоре после моих именин. А потом — ничего. Два раза мы сходили вместе в кино, один раз — на ужин, четыре раза он садился со мной на занятия, трижды, когда Катаржина уходила к тете, я приглашала его к себе, но он так и не пришел. Мало-помалу я убеждалась, что это конец, что та замечательная, незабываемая ночь была в то же время и последней.

А потом Гонза выиграл в спортлото третий приз и только чуть-чуть не дотянул до второго. Невезение прямо-таки фатальное, как он сообщал направо и налево, потому что именно ему, по общему мнению, больше всего пригодились бы эти двадцать пять или сколько там тысяч. И все ему поддакивали, кроме Катаржины. Чем настойчивее он ухаживал за ней, тем большее вызывал у нее отвращение. И все же он решил, что свой проклятый выигрыш сложит к ее ногам, а говоря проще, прокутит его вместе с нею. Пригласил ее в «Дельту». Она категорически отказалась, но Гонза не отступился, пригласил еще раз, и Катаржина неожиданно сдалась. С условием, что он позовет всю компанию. Так он и сделал.

Наверное, я радовалась больше, чем Гонза. Целый вечер с Бореком или хотя бы вблизи от него — чего мне желать лучшего? Однако, когда слишком сильно ждешь чего-то хорошего, обязательно что-нибудь помешает. У меня так всегда бывает.

С удовольствием бы вычеркнула из своей жизни тот вечер, когда мы отправились в «Дельту». Если бы его не было, если бы, как в фантастической книжке, после четверга сразу наступила суббота, не глядел бы сейчас на меня Гонза такими страдальческими глазами и не стояла бы перед ним проблема отыскать убийцу Катаржины. Именно тот вечер в «Дельте» все и решил, я в этом совершенно уверена.

Для меня вся эта «драма» началась уже после обеда. В столовой Борек сообщил, что я должна законспектировать для него под копирку лекции. Сам он не сможет, к нему в Прагу приезжает дядя, и он обязательно должен его встретить. Писать конспект под копирку — обычное дело, но меня уже попросила об этом Катаржина. Она уходила к тете. Тетя и дядя, Борек и Катаржина — что это, случайность? У меня невольно возникли подозрения.

Для проформы я спросила Борека, где и когда он встречается с дядей. Он ответил, что в полтретьего на Главном вокзале, а потом они еще посидят где-нибудь в кафе. Я сказала, пусть не волнуется, конспект для него я сделаю. А у меня волнения были еще впереди. Беда в том, что в два я должна была сходить к парикмахеру, а лекции начинались в три. К счастью, мне удалось вырваться на час раньше, и без четверти два я уже сидела под сушильным колпаком, держа на коленях немецкую грамматику, но никак не могла сосредоточиться и с трудом соображала, что читаю. Поэтому я захлопнула книгу и сквозь приоткрытую занавеску загляделась на уличную толпу. В воздухе уже кружились первые снежинки, ветер играл с ними, унося их то вверх, то вниз, а потом они ложились на мостовую, где

сразу же таяли и превращались в жидкую, грязную кашу. Я всерьез загрустила, представляя Борека ветром, а себя снежинкой, пусть не такой хрупкой, но такой же брошенной и ненужной, и чуть не ударилась в слезы. Чтобы отвлечься, я стала разглядывать прохожих, в них ничего грустного не было. Вдруг среди незнакомых лиц появилась фигура в элегантном сиреновом плаще, ослепительно белых сапожках и модной шляпке над водопадом золотых волос — Катаржина. Я увидела ее совсем близко, она миновала парикмахерскую, круто свернула направо, перешла через дорогу и свернула в поперечную улицу. Наше «свидание» не удивило меня: Катина тетя жила где-то здесь, на Малой Стране, но тут мое внимание привлек еще один прохожий. Теперь уже о случайности говорить не приходилось, подозрения мои явно подтверждались, тетенка с дянькой определенно имели связь. Прохожий, который свернул за тот же угол, что и моя подруга, как раз сейчас должен был ожидать поезда на Главном вокзале на другом берегу Влтавы.

У меня хватило сил саркастически улыбнуться. Вслед за парижским художником наступила очередь Борека.

И тут я так вздрогнула, что ударилась лицом о сушилку. Какая же я дура! Да никакой не Виктор, а Борок, Борок был тогда ночью у Катаржины. Потому-то она и утащила меня в туалетную, потому-то и заслонила дверь, потому-то и напела мне басен о первом прегрешении против шестой заповеди. Просто она разыграла со мной комедию, которую я простодушно приняла за чистую монету. Нет, ночному гостю Катаржины вовсе не надо было подкупать вахтера или прыгать через окно, он спокойно прогулялся по коридору через два соседних блока, и все дела! Пока Катаржина валяла передо мною дурака в туалетной, ему вполне хватило для этого времени.

О Господи, как же я могла быть такой глупой и доверчивой?..

Катаржина вернулась в общежитие около семи. На мой вопрос не видела ли она Борека, ответила, что нет. А почему я спрашиваю? Ах, вот что, из-за лекций. «Ну, сейчас ему не до науки, Зузика, — улыбнулась она. — Он же идет с нами в «Дельту»... Или нет?»

— Идет, конечно, — кивнула я. — Почему же нет?

— Вот еще забота! И чего Гонзе приспичило разыгрывать миллионера? Идиот!..

— Ну отчего же? Ради тебя он готов на все... И не он один.

— Перестань, Зузика, а то сейчас получишь! — пригрозила она беззаботно и весело. — Лучше помоги выбрать наряд. Что нашему Гонзику понравится?..

Она вынула из шкафа короткое светло-голубое платье.

— Ну, знаешь, — заметила я, — ты ему скорее без платья понравилась бы...

— Да, да, конечно, — вздохнула она. — Зузанка встала сегодня с левой ноги. Ты что, поругалась с Бореком?

«Комедиантка!» — чуть не сорвалось у меня с языка, но вслух я произнесла:

— Нет, мы с Бореком никогда не ругаемся.

Весь вечер Борок сидел рядом со мной и всем своим видом

давал понять, что я его не интересую. Тем не менее развлекались мы от души. Я имею в виду всех остальных, у меня настроение было мерзкое. Гонза требовал одну бутылку за другой, а я отважно пила. Сказочное лекарство от воспоминаний. Пусть Бореk меня не замечает и, очевидно, больше никогда замечать не будет, пусть все идет не так, как я ожидала, — не беда. Ведь я уже после обеда получила ясное представление, к чему дело клонится.

Часов около десяти Гонза вдруг завел разговор о хате в горах и о том, что мы могли бы отправиться туда на Рождество. Мы немного попрепирались на этот счет, обсудили со всех сторон, и в конце концов оказалось, что никто не возражает. Одна Катаржина молчала. Гонза сначала не хотел ее спрашивать напрямик, ходил вокруг да около, но потом решился и сообщил, что туда едет прямой автобус через Костелец, где она может к нам присоединиться. Катаржина ничего на замечание Гонзы не ответила, сделала вид, что не расслышала. Тогда вмешался Бореk.

— Надеюсь, ты тоже поедешь, Катаржина? — спросил он ее, но прозвучало это как приказ.

Я ожидала, что Катаржина осадит Борека, но она только деланно улыбнулась, нерешительно пожала плечами и робко призналась, что совсем не умеет ходить на лыжах, а кроме того, десятого у нас экзамен по немецкому. Тут все заговорили разом, уговаривая ее, присоединилась к этому хору и я, но сама не сводила глаз с Борека, следя, когда и что он скажет. Катаржина почти оправдывалась, что на Сильвестра ей надо быть дома, а на пару дней...

Не закончила. Бросила короткий взгляд на Борека, а он еле заметно кивнул, слегка нахмурился и подвел итог:

— Ну, значит, до Сильвестра.

Дальше я уже не вслушивалась. Словно откуда-то издалека до меня донеслись слова Катаржины, что она поедет.

Она подчинялась ему так же, как и я. Ни словом не осмелилась возразить, хватило одной фразы, одного взгляда — и королева Ядрана, удивительная и завлекательная Катаржина превратилась в послушную девочку. Скажи он ей: «Иди на площадку и разденься!» — она пошла бы без единого звука.

Довольный Гонза пригласил ее на танец. Он выглядел сейчас как пятилетний мальчишка, который нашел под рождественской елкой велосипед. Меня пригласил Бореk. Все три танца он таинственно ухмылялся. Произнес только пару слов: «Ну и дурак этот Гонза!»

Следующие два часа прошли как в кошмарном сне. Я беспрерывно повторяла про себя одну и ту же фразу, как ведьмино заклинание: «Бореk и Катаржина — любовники». Но почему они это скрывают? Почему играют с нами в прятки? Какие у них для этого причины?

Вопросы, вопросы, целый ряд безответных вопросов... А неожиданности тем временем не кончались.

Мы пошли привести себя в порядок — Катаржина, Алена и я, — и, когда возвращались к своему столику, нас вдруг

остановил какой-то человек и пригласил Катаржину на танец. Я даже не обратила внимания, что он обратился к ней по-немецки. Алена в общем-то хорошо разглядела его — от бриллиантовой заколки в галстук до золотого перстня с печаткой. Она еще уверяла, что он обратился «Fräulein Katharine», но этому не очень поверили, потому что она была уже порядком навеселе. После первого танца тот человек пригласил Катаржину к бару, я видела ее отрицательный жест, потом она оставила его и вернулась к нашему столу. Мой партнер ревниво следил за происходящим и комментировал каждое движение Катаржины.

— Ишь ты, кабан, как напирает! Думает, если у него карман набит марками, так все может себе позволить... Эх, турнуть бы его отсюда, да и всех этих иностранцев! Очень может быть, что они тут во время войны разгуливали в эсэсовской форме, а мы перед ними расстилаемся...

И все такое прочее. А когда после второго танца Катаржина бросила немца и тот отправился к бару один, Гонза чуть не запел оду национальной гордости и чувству самоуважения Катаржины. Танцевальная серия еще не успела закончиться, как Катаржина исчезла, и Павел пояснил нам, что она и в самом деле удрала от слишком настырного иностранца.

— Он принял ее за тузексовую кралю, а вы же знаете Катаржину. Разозлилась и уехала домой. Не в общежитие, а в Костелец.

208
Гонза выругался. Борек промолчал, но по его глазам я поняла, что он смеется про себя. Я тоже молчала, мне было о чем подумать. Когда мы с Гонзой возвращались с площадки, я заметила, как Катаржина перекинулась парой слов с Борексом. Могу поклясться, что она что-то вынула из сумочки и подала ему. Потом мне стало дурно, и пришлось срочно выйти в туалет. Я умылась, натерла виски одеколоном, а потом встала перед зеркалом и взгляделась в свое лицо, такое простое, невзрачное. Мне захотелось разрыдаться, и я отвернулась от зеркала. За эти несколько минут немного пришла в себя, но голова еще слегка кружилась. Выйдя из туалета, я направилась по лестнице не вниз, а наверх, на второй этаж. Опомнилась уже наверху. Остановилась и недоуменно уставилась на длинный гостиничный коридор с нумерованными дверями, на темно-красный ковер и уютно освещенные уголки отдыха с клубными креслами и курительными столиками...

В тот момент, когда я поняла свою ошибку, я заметила, что в коридоре не одна. Чуть поодаль появился Катаржинин партнер. Он открыл дверь одного из номеров, но не вошел, а обернулся к ближайшему закоулку, махнул рукой; и я услышала короткое приглашение:

— Na bitte, keine Angst!¹

В голове мелькнула мысль, что господин иностранец быстро нашел себе замену. Вдруг из клубного кресла поднялась женская фигура в плаще с поднятым воротником и в несколько пружинистых, приглушенных ковром шагов проскользнула в но-

¹— Ну, пожалуйста, не бойтесь! (нем.)

мер. Тузексовка во всей своей красе. Немец зашел следом за ней, коротко щелкнул замок.

Я оторвалась от стены, сбегала на первый этаж, а оттуда в ресторан. Эпизод, невольным свидетелем которого я только что стала, выбил меня из колеи. До сих пор я только слышала и читала о продажной любви, а теперь увидела такую сделку собственными глазами. В профессиональном исполнении. Ни минуту не сомневалась, что «дама» наверху не была дебютанткой.

Помню еще, что, когда Гонза расплачивался по счету и выложил на стол зеленые сотенные бумажки, мне вдруг стало интересно, сколько может стоить такая «ночь любви» в роскошном отеле и с такой профессионалкой. Никакой конкретной цифры я представить себе не сумела, но одно поняла отчетливо: даже если всплакну в подушку, легче мне не станет.

4

Я внимательно посмотрел на Зузану. Она просто ела меня глазами, словно мои слова могли быть окончательным и не подлежащим обжалованию приговором кому-то из нас.

— Зачем так вот сразу думать о самом худшем? А что, если это несчастный случай или самоубийство? — поддержала Зузану Алена.

— Нет, — возразил я. — Если бы она лежала на животе и нож был под нею, тогда еще допустимо. А так... нет! Очень жаль, но убийца сидит среди нас.

Алена хотела еще что-то сказать, но только тяжело вздохнула и опустила глаза на скатерть, где нервно сплетал и расплетал пальцы Борек. Туда же сосредоточенно смотрела и Зузана.

Я повернулся к Мирке.

— Катерина совсем раздета. Ты можешь сказать, в чем она спала?

— Если тебя это интересует, на ночь она надевала сиреневую пижаму... Она иногда ходила в ней на завтрак.

— Верно, — вспомнил я и тут же сообразил, где видел эту пижаму. Она лежала рядом с постелью, ближе к ногам. Когда Павел взял лампу, чтобы унести ее, я определенно разглядел пижаму.

Немного поколебавшись — очень уж не хотелось возвращаться в комнату, где лежала убитая, — я все-таки пересилил себя, подошел к двери, приоткрыл ее и остановился на пороге.

— Пижамы лежит у постели, — сказал я. — Когда к ней зашел убийца, она как раз хотела ее надеть. Но не успела. Значит, ее убили перед сном.

После этих моих слов наступила долгая пауза. Разглядывая присутствующих, я представил себе, что это я случайно застал Катаржину совершенно раздетой. Что бы она сделала? Наверняка поспешила бы чем-нибудь прикрыться. Скорее всего, бросилась бы в постель и укрылась одеялом. Между тем постель была аккуратно застлана. Катаржина продолжала одеваться ко сну. Значит, убила ее женщина. Мирка, Зузана или Алена.

Зузану я исключил сразу же. Представить, что она убила, было просто невозможно. Тихая, пассивная Зузана абсолютно не подходила для этой роли. Мирка была со мной, а у Алены не было повода для убийства. Но... в самом ли деле не было?

Перед глазами снова встало ужасное зрелище нагой Катаржины с ножом в груди, потом мелькнуло еще несколько эпизодов: короткий разговор Павла и Катаржины перед ее уходом из «Дельты», явное раздражение Алены в обращении с Павлом уже здесь, в избе, и еще одно, казалось бы, невинное происшествие во время вечеринки. Случилось оно после полуночи. Зузана отправилась куда-то на двор, Борек с Аленой пошли за нею, а мы с Миркой и Павел с Катаржиной танцевали. Кто-то еще раньше погасил все свечи, в кухне было совсем темно. Я страшнo завидовал Павлу, который держал в руках Кат, к тому же полуодетую и, впервые на моей памяти, немного навеселе. Поэтому, целуя в темноте Мирку, я мучился, представляя, что там вытворяют Павел с Катаржиной. Потом кто-то зашел в кухню, щелкнула зажигалка, Павел и Кат отпрыгнули друг от друга, и я разглядел в слабом, колеблющемся свете пронзительный взгляд Алены. Я вновь совершенно отчетливо увидел эту картину, но постарался отогнать ее, оставил пока мотив убийства в покое и решил заняться восстановлением по времени событий этой трагической ночи. У кого из нас, собственно говоря, есть алиби?

Около часа ночи наша вечеринка закончилась, все девчонки отправились в коридор к умывальнику. Потом ушел Павел, а следом за ним и Борек. Я остался на кухне. Павел не вернулся, зато появилась Мирка, а после нее прошла в свою комнату Катаржина. Чуть погодя заглянул и Борек. Покурил с нами пару минут и исчез. Скорее всего, в уборную. Когда туда отправился я, то заметил его в сугробах. А когда возвращался обратно, натолкнулся на Мирку. Ее я не только заметил, но стал обнимать и целовать. Она отбивалась, крича со смехом, что, мол, где это видано, где это слыхано: соблазнять честную девушку в такой буран. Я наконец крепко схватил ее в объятия, снежинки таяли на наших губах, и, прежде чем декабрьский холод загнал нас в избу, кухня добрых минут пять стояла пустая. Кто угодно мог там пройти, заглянуть в комнату Катаржины, ударить ее ножом и тем же путем незаметно ускользнуть. Борек и Зузана, Павел и Алена. В конце концов, пока я стучал зубами в уборной, и та же Мирка. Впрочем, ее я из списка возможных преступников вычеркнул. Убить, а потом заняться любовью, изобразить любовную страсть, а потом снова вернуться к уже холодной жертве, изображая панический испуг... Нет, Мирка не была такой опытной и вместе с тем хитрой актрисой. Конечно, поводов для убийства у нее могло быть сколько угодно, мы ведь ее совсем не знали, но само по себе это ни о чем не говорило, а главное, ничего не доказывало.

Словом, вывод напрашивался только один: нет ничего хуже, чем искать убийцу среди друзей. Кое-что из своих рассуждений я произнес вслух:

— Если рассуждать логически, ясно, что в момент убийства

Катаржина была голая. Никто из нас ничего не слышал: ни крика, ни шума, ни борьбы. Постель застелена, пижама лежит на полу, убийце хватило времени спокойно примериться и ударить, а она даже не сопротивлялась, не укрывалась, продолжала заниматься своими делами, словом, не стеснялась своего убийцы...

— Точно! — крикнул Павел.

— Поэтому я считаю...

— ...Что убийца — женщина, — закончил теперь уже Борек.

— Не перевирай! — со злостью бросила Мирка. — Гонза имел в виду не женщину, а того, перед кем Катаржина не стеснялась бы. Например, перед своим любовником. А это ты! Где хочешь об этом скажу!..

— Ты что угодно можешь сказать! Даже то, что я сын персидского шаха, — довольно спокойно отразил Борек Миркин выпад. — Зато ты тут ни при чем, хотя могла в любое время незаметно зайти к ней в комнату и так же незаметно выйти.

— Точно так же, как и ты, — выпалила Мирка. — Дверь в вашу комнату мы не запирали.

— Тихо! — крикнул я. — Опять начинаете?.. Да поймите же, что, если мы хотим во всем разобраться, надо плюнуть на догадки и взаимные антипатии и придерживаться только фактов. Фактов!..

— А ты их знаешь? — осклабился Борек.

— Думаю, что не только я.

— А кто еще, по-твоему? Убийца, да? Но, если не ошибаюсь, он только что отказался добровольно признать вину.

— Ошибаешься. Черт с ним, с признанием. Я хочу разобраться досконально. И тут все зависит от тех, у кого совесть чиста. Если каждый из нас станет говорить правду, убийце деваться некуда. Так-то, Борек.

Он умолк, а я продолжал:

— Катаржину нашла Мирка в полчетвертого. До этого она была со мною в кухне, потом пошла за сигаретами. Верно?

— Да, — подтвердила Мирка. — Я испугалась и стала кричать. Потом вы пришли... Больше ничего не знаю.

— Не ври, — взволнованным голосом проговорила сидящая за столом Алена. — Если уж правду, так правду, а ты знаешь гораздо больше, чем мы все, вместе взятые. Что вас объединяло? Зачем ты вообще поехала? Почему требовала, чтобы она уехала? Катаржина убеждала нас, что пригласила тебя, а на самом деле ты сама себя пригласила. Ты ее заставила. Не отпирайся, я слышала, как вы разговаривали в туалете в ресторане. Я все слышала, и ты прекрасно знаешь, что Катаржина поехала в горы из-за одного из наших парней. И знаешь, из-за кого. Так что не прикидывайся овечкой, мы на это не клонем. Ты хорошенькая цаца, Мирка, я сразу же тебя раскусила. Но чтобы ты и на это была способна — убить, а потом устроить целое представление...

— Хватит! — выкрикнула Мирка чуть ли не в истерике. — Перестань! Перестань, гусыня несчастная! Сама не знаешь, что плетешь!..

— Зато знаю, что ты сволочь, и верить тебе нельзя ни на грош.

— Ну что ж.— Мирка вдруг заговорила тихо и ровно.— Вы, конечно, интеллигенты, в институтах обучаетесь, а я простая девчонка. Ничего особенного, таких, как я,— миллион. Но... сволочь. Стерва. Ну, конечно, сверху вниз плевать удобно. Желаете быстро и ловко свое убийство свалить на меня, а самим остаться чистенькими, как слово Божие. Это в вашем стиле. Все вы такие же, как она... Как Катрин...

МИРКА

Я поняла, что Катрин уже давно остыла, и, глядя на ручку ножа, торчавшего у нее из груди, невольно вспомнила слова Берта: «Ну, что ж, это профессиональный риск». Именно таким некрологом он почтил память Ирены, когда та свалилась вниз головой с шестого этажа, а австрийцу, который провел эту ночь с ней, не пришло в голову ничего умнее, как кинуться в первую попавшуюся телефонную будку и позвонить легавым.

Тогда мы здорово напугались, хорошо еще, что вся эта передряга произошла не в арендованной квартире. Родители Ирены куда-то уехали из Праги, вот она и пригласила дорогого иностранца к себе домой. Впрочем, Ирене на роду было написано плохо кончить. Она принимала «феник» и, когда его действие кончалось, совсем падала духом, к ней приходили видения, а в последнее время и черные мысли.

212 После смерти Ирены Катрин стала потихоньку, но заметно отлынивать. Спихивала на издерганные нервы, на занятия, на всякую всячину, а сама работала соло. Она могла себе это позволить, в ее распоряжении была сказочная квартира, ателье одного молодого художника, который уехал учиться в Париж, а перед этим ее рисовал. Понятное дело, «просто так», как выразился бы этот орангутанг Павел, но зато сильно художественно, так что родная мама не узнала бы. Словом, тот художник увековечил ее, кажется, на шести полотнах и все их продал, к тому же через ту корпорацию, которая занимается продажей лотереек с Моной Лизой, так что там пахло тысячами. Сколько хапнула Катрин, не имею понятия, но если бы даже не шиша, одна только квартира стоила твердой валюты. У нее была постоянная клиентура: пара летчиков из «Суисэр» и «Эр-Франс», два или три дипломата из западных посольств, но главной фигурой для нее был один немец. Промышленник или крупный коммерсант, кажется, из Мюнхена, этаким невзрачный мужичонка, похожий на плешивую бочку, да и шестой десяток уже разменял, но кавалер на все сто, старой доброй школы. Он был одним из лучших заказчиков Берта, пока тот не свел его с Катрин. Ездил или летал в Прагу не реже чем раз в месяц, по каким-то своим делам, но стоило ему только раз погулять с Катрин, и больше к Берту за посредничеством он не обращался. Она его захомотала для себя, а Берта оставила с носом. Однажды, когда мы вместе гуляли, она призналась, что надиктовала ему в блокнот штук десять телеграмм на чешском языке, вроде «Приеду

домой в 18 часов» или «Купи в Праге 20 пачек изюма». Так он давал ей знать, когда будет в Праге и когда встретится, потому что звонить в общежитие она ему категорически запретила.

Короче говоря, она могла себе позволить жить, как хотела. Ведь «гонорар» в бундесмарках или долларах куда выше, чем тарифная ставка у Берта, где, правда, добавляются кое-какие валютные чаевые от благородных клиентов, но зато всегда грозит опасность в любой момент оступить и загреметь. И тогда — прощай, учеба, прощай, добрая репутация: «В соответствии со статьей такой-то о тунеядстве...» и т. д. При работе соло с интеллигентным партнером никакой опасности нет, потому что при отсутствии улики и свидетелей все можно спокойноенько свалить на внезапную страсть, которая не запрещается и тем более не наказывается ни в одной цивилизованной стране.

Берт бушевал, как ураган, да только всю кашу заварил он сам. Именно он каждый раз подсовывал ее самым многообещающим заграничным тузам, и как только клевала крупная экспортная рыба, тут же в ход шла Катрин. Немецкий она знала прилично, а английский — лучше не надо, не то что там какие-нибудь «Ай ем хепи дет си ю» или «Ю ар э найс бой»¹. С ней можно было потолковать обо всем на свете: о моде и о музыке, о пражских памятниках культуры и о политике — она шла по наивысшей таксе, нарасхват. В конце концов бизнес есть бизнес, и Берт стал спрашивать за нее какую-то супертаксу, оттого-то так и разбушевался, когда она его отшила и к тому же начала отбивать клиентов. Он ей грозил, предупреждал, однажды даже поклялся, что пошлет на факультет анонимку, но Катрин только смеялась над ним.

— В самом деле, пан Лукавский? Тогда мне вас жаль. Когда вся эта афера провалится, больше всех пострадаете именно вы.

А он ей ответил, что всю жизнь работает с курвами, но такой, как она, еще не встречал.

Наконец кое-как договорились, Берт «закопал топор войны», а она время от времени делала ему уступку, но только с иностранцами и всегда на одних и тех же условиях. Строгая секретность, встреча на месте, в ателье, никаких ресторанов и баров. Берту ничего не оставалось, как согласиться на этот ультиматум. Лучше это, чем ничего, а Катрин ему регулярно платила.

И вот перед Сильвестром на горизонте появились три американца с кучей долларов. Они обратились к Берту, и тот предложил им полную культурную и развлекательную программу, включая цветные фотографии девчат. Да еще в двух комплектах. Мне повезло: меня выбрали вместе с Катрин. У Берта слабость к хорошей рекламе, с учетом наших возможностей и строгой конспирации он старался делать все, как на Западе, а там без каталога никуда. Мы с Сашей позировали в костюме Евы, а Катрин, как «дама из высшего круга», — во французском туалете с рюмкой «наполеона» в руке. Ни одна фотомодель ей и в подметки не годилась. А если учесть, что те цветные

¹ «Рада тебя видеть», «Ты чудесный парень» (англ.).

изображения «агфакolor» рекламировали не парижские туалеты и не мозеровское стекло, а элегантную красавицу, то у симпатичного американского агента, покупавшего у Берта для своих земляков «культурную программу», голова пошла кругом, и второй комплект он, наверное, даже смотреть не стал.

Американцы были люди солидные, и программа включала субботний завтрак в «Дельте», посещение оперы в Народном театре, ужин в ресторане, переход в арендованную квартиру и так далее, а заканчивалась в воскресенье, на Сильвестра, вечеринкой в укромном местечке — словом, целых три дня блаженства.

Мне было поручено обработать Катрин. Она была против по нескольким причинам. То на Рождество и Сильвестра сообщил о приезде ее мазила из Парижа, и она в благодарность за ателье должна была упасть ему в объятия и на пару часов превратиться в модель, то ей не нравилось завтракать и ужинать в отелях, а на закуску она вообще брякнула чушь несусветную: они, мол, с однокашниками договорились поехать в горы. А тут еще Берт пристал с ножом к горлу: не уговоришь Катрин — тогда и сама проваливай. Я пустилась во все тяжкие и дело почти уладила. Художник, к счастью, объявился еще перед святками, а к Рождеству уже с полным сундуком «по-своему увиденных» Катаржин отбыл обратно на Сену, студенты на Новый год обычно разъезжаются из Праги, а в «Дельту» наверняка не заглядывают — словом, осталась только одна проблема: та дурацкая поездка в горы. Тут она уперлась: надо, и все.

214 Когда я доложила о своих успехах Берту, он обложил меня, как собачонку, а с Катаржиной решил так: «Ты тоже поедешь в горы и хоть веревкой к ней привяжись, а ни на шаг не отпускай. Справку от врача насчет гриппа получишь, деньги туда и обратно тоже». На Рождество я заглянула к нему, получила освобождение от работы и две сотни задатка и с утра почесала в горы. Я все-таки женщина, и меня, понятное дело, так и зудило узнать, из-за кого Катаржина отправилась в это путешествие, но вытянуть из нее удалось очень мало. Она призналась только, что есть у нее кое-какие счета с одним парнем, которого бы она охотно спровадила на тот свет, и что, очень возможно, ей понадобится моя помощь. Спать мы будем вместе, но когда она шепнет, надо будет очистить помещение. Одна теплая постель со всеми удобствами будет к моим услугам. Больше я от нее ничего не добилась. Катрин вообще не любила душевных излияний, поэтому я настроилась распутывать все эти узлы сама.

Поначалу за объект ее «счетов» я приняла Павла. По чисто психологическим мотивам: он настоящий культурист, и я предположила, что, возможно, Катрин хочет утихомирить с ним свои женские инстинкты, возбужденные встречами с иноземной шустерой.

Но на Павле пришлось сразу же поставить крест. Достаточно познакомиться с его смуглой красоткой с цыганской шевелюрой, чтобы сообразить: цепь, на которой сидит этот парень, выкована из гораздо более прочного и надежного материала, чем амери-

канский доллар. Следующим на очереди был Гонза. Тот же тип, что и Павел, только в более интеллигентном исполнении, и вообще люксовый парень. Влюблен он был в Катрин по уши, но подкатывался так простодушно и беспомощно, что так и тянуло его по головке погладить. И так, оставался третий «кореш». На вид явный прохвост, бледная копия Берта. Глаза — как два штыка, а при нем девица, которую я могла бы представить себе училкой французского в женской гимназии или идеальной домохозяйкой, повесившей в квартире рушничков с надписями вроде: «Кто Бога не забудет — тому добро и счастье будет». Для этих ролей она годилась, но вот стать партнершей такого мужика, как этот, да чтобы он из-за нее потащился в горы, — нет уж, извини подвинься! И не то чтобы она была мымра — физиономия у нее даже пригожая, но больше-то в ней ничего не было. Разве что килограммов восемь лишнего веса. А когда он спокойно позволил ей нести рюкзак, а сам позаботился о Катрин, комментарии, как говорится, были уже излишни.

Едва мы устроились в избе, Катрин спросила, как мне понравился Гонза.

— Годится, — ответила я. — На него и рассчитывать?

— Пожалуй, нет, — загадочно усмехнулась она. — Я тебе потом скажу.

Если бы она сказала: «Пойди и переспи с ним», — я бы еще побрыкалась, ну а раз «пожалуй, нет», то я назло решила, что «точно, да!», будет это на руку Катрин или нет.

Он клонул мгновенно, стоило к нему подсесть да пару раз прижаться. Катрин, разумеется, приняла вид дамы из высшего общества и на вечеринке вела себя, как настоящая святоша. Я заметила, что она почти не пьет, а говорить старается поменьше, да к тому же в таких изысканных выражениях, словно она тут умнее и культурнее всех. Когда же она стала брыкаться из-за «согласен — не согласен», да еще изобразила, что стесняется скинуть джинсы, меня окончательно допекло, и я дала зарок сбить с нее спесь. Если бы она никогда раньше в такой «групповой игре» не участвовала, я бы, может, и не рыпалась. Но ведь именно Катрин быстрее всех скидывала все одежды, а чулки, часы или брошку и тому подобные никого не интересующие части туалета и за фанты никогда не считала, разве что хотела расколоть Берта на повышение тарифной ставки. Именно Катрин умела раздеваться под любую музыку, от Баха до Влаха, почище любой профессиональной венской или парижской стриптизерки. Королева Ядрана, из-за которой в Югославии один темпераментный туземец набил морду американскому туристу, а жена того туриста с горя наглоталась сонных порошков, так что пришлось ей там, в Дубровнике, прочищать желудок, — так вот эта Катрин, красotka международного класса, вдруг смущается показать трем интеллигентным недорослям и их дурехам свои штанишки, да еще ухитряется покраснеть!.. Вы можете представить такое лицемерие?

Не забывала я следить и за Бореком. Едва только его милой подружке стало дурно и она отправилась на свежий воздух восстанавливать нарушенные функции организма, как он мигом

погасил лампу и свечи, и в кухне стало темно, хоть глаза выколи. Правда, Павел успел увести Катрин у него из-под носа, да только зря старался. Я танцевала с Гонзой совсем рядышком и слышала, как Катрин спросила, не хочет ли он схлопотать оплеуху, а потом этот пришибленный «атлет» отправился улаживать свою чернявую милашку, которая все это подглядела и в страшной обиде отправилась восвояси. Прямо цирк!

Ну а там уже за Катрин взялся Бореk, Гонза явно переориентировался на меня, а Зузана еще не пришла в себя. Они отодвинулись от нас на пару шагов, и он стал потихоньку направлять ее в соседнюю комнату. Мне было слышно, как она прошипела у самых дверей:

— Чокнулся? Только не сейчас.

Ответом было его резкое, как укуc гадюки:

— Когда?

После того как зажгли свет, я поинтересовалась у Катрин, надо ли мне сматываться уже в первую ночь. Она пожала плечами и заявила:

— Нет, в этой халупе столько глаз и ушей, что не стоит рисковать. Так что не заставляй себя делать то, чего не хочешь.

— Ну и чудесно! — кивнула я, тут же решив, что обязательно себя «заставлю».

Вечеринка потихоньку угаcла, следом за Аленой и Павлом отправились в постельку и Зузана с Бореком, а мы с Гонзой остались в кухне одни. У него Катаржина явно не выветрилась из головы, и когда мы сварили кофе, он, вроде бы между прочим, спросил, откуда мы друг друга знаем.

Я подседа к нему на постель:

— А чего это тебя так интересует?

— Интересует? Да брось ты! Я просто так спрашиваю... Ладно, забудь, а то еще скажешь, что я у тебя секреты выпытываю...

— Какие там секреты! Просто мы были вместе летом на отдыхе.

— В Югославии?

Я кивнула.

— Значит, ты тоже участвовала в конкурсе красоты?

— Нет, — засмеялась я. — Слишком самокритично себя оцениваю.

— Фигура у тебя что надо, — польстил он и обнял меня за плечи.

— Дорогой и многоуважаемый, — продолжала я валять дурака, — на таких конкурсах разве дело в фигуре? Знаешь, какие там фигуры у девочек были — настоящие секс-бомбы! Но Катрин получила от Бога еще кое-что.

— Интересно, и что же?

— Наверное, бросающуюся в глаза невинность, горделивую поступь и шарм, умение очаровывать каждого — и младенца, и старца. И потом, она знает английский, немецкий, русский, словом... — Я сделала паузу и с легкой иронией закончила: — ...интеллектуалка.

Пустые чашки от кофе остались на столе, а мы очутились

в Гонзиной постели, и он сделал мне признание, от которого я чуть не разиюнилась. Что я девчонка первый сорт, и он хотел бы встречаться со мною и в Праге. Я так расчувствовалась, что нежно поцеловала его в лобик, а он выложил насчет Катаржины, что, мол, всю эту поездку затеял из-за нее и залез в долги так, что до марта не расплатиться, но ничего, летом он пойдет работать в бригаду лесорубов и заработает кучу денег.

Я оставалась с ним до утра, мне и вправду было хорошо, так хорошо, как давно уже не было.

Наутро нам с Катрин полагалось дежурить, что означало приготовление завтрака, обеда и ужина. Завтрак она спихнула на меня, а я, чтобы взять реванш, заявила, что пусть она идет кататься на лыжах вместе со всеми, а я обойдусь без лыж и останусь готовить обед.

Катрин, однако, мое притворное великодушие раскусила и твердо заявила, что хочу я или нет, а кататься придется.

— Да ты что? — возразила я. — Ради тебя я должна кататься?

— Нет, — засмеялась она. — Ей-богу, нет. Но ты обещала мне помочь, а мне как раз нужна твоя помощь, понятно?

— Ага, значит, будем сводить счета, — заулыбалась и я. Катрин кивнула. Спрашивать, с кем, не было необходимости. Борек с самого утра принял страдальческий вид, к завтраку вышел, обмотав шею нагретым полотенцем, едва волооча ноги, вышил, поддавшись настойчивым уговорам Зузаны, чашку черного кофе без сахара и поскорее смылся обратно в постель. Я нарочно пошла за ним, дескать, если ему чего-то надо, то я, как дежурная, сделаю, но он только криво ухмыльнулся и поблагодарил за заботу, а его клуша сказала мне:

— Ты такая добрая, Мирушка. Знаешь, Борек почти все святки прохворал, и я упрекаю его за то, что он вообще сюда поехал.

Она гладила его по голове, а он выглядел так, словно жевал щавель, запивая касторкой.

— Ладно, — сказал он ей, — не пой тут Лазаря. К вечеру буду как огурчик. Иди кататься, а завтра я сам за тебя возьмусь.

Я не удержалась и напомнила Зузане, что, если Бореку что-то потребуется, например, сменить полотенце, рядышком будет Катаржина. Она приняла мою ядовитую подковырку точно овечка, которая даже не понимает, что ее ведут под нож.

— Да нет, Борек будет баиньки, правда? — И снова погладила его по головке. А я чуть язык себе не откусила, так мне хотелось крикнуть: «Да проснись же ты ради Бога, подруга! Не будь такой дурой!»

До самого обеда мы ездили вместе, и получалось у нас одинаково плохо. К счастью, от нас не отходил Гонза, учил всяким там поворотам-разворотам. Сам он ездил на лыжах мастерски, представляю, как ему было с нами тошно, тем больше я ценила его самоотверженность. Бедняга, аж до марта залез в долги, да еще и возился с нами, неумехами, пока эта сволочь Борек, зашвырнув подальше свое полотенце, развлекается с Катрин. Мысленно поклялась, что обязательно поужинаю с ним пару раз в Праге.

Берт Бертом и работа работой, но могу же я себе позволить удовольствие даже в разгар туристского сезона. А перед расчетом подкину ему сотню, пускай он даже немного обидится, все равно уговорю: вот доучишься — и все мне вернешь, милая ты моя мордашка.

Алена летала туда-сюда метеором, а ее орангутанг старался не отставать. Умением он не отличался, но в отличие от нас с Зузаной спортивная жилка у него была. Тем временем Зузанка, к которой я относилась уже почти совсем хорошо, пыталась делать повороты и чаще всего падала, и от ее неохватной задницы на девственном снегу оставались глубокие ямы. Перед тем как упасть, она каждый раз взвизгивала так простодушно, что я про себя решила дать Катрин хорошую взбучку, когда вернемся в избу. Интересно, сколько раз эти двое там «свели счеты»?..

А в общем-то поездка оказалась удачной, лыжами я прямо-таки увлеклась, да и отпуск оказался настоящий рождественский. Семьдесят процентов заплатят по больничному, дорога бесплатно, Гонзу тоже можно записать в актив, Сильвестр с американцами обеспечен, чего еще желать? Погода была о'кей, снег — как в русской сказке, и домой никто не гнал. Инструкция Катаржины: «Задержи ее как минимум до обеда, смотри, чтоб она через какой-нибудь час сюда не приперлась» — оказалась легковывполнимой, так что я могла наслаждаться красотами зимы и беседой с Зузаной.

218 — Давно ли вы с ним ходите?.. Сильно он тебе нравится?.. Будете жениться?.. А кем вы будете после учебы?.. А по сколько человек у вас живет в комнате?..

Когда я узнала, что она живет вместе с Катаржиной, меня чуть кондрашка не хватила. Так вот, значит, как эти интеллигентки понимают дружбу, честность и порядочность. Что Катрин — гадюка, это я и раньше знала, но отбить у такой девчонки такого парня... Чтоб ее черти побрали, это уж перебор. Уж настолько-то я разбиралась в так называемых интимных делах, чтобы сообразить: стоит Бореку хотя бы разок переспать с Катрин, как на Зузанке он точно поставит крест.

После обеда мы с помощью добряка Гонзы помыли посуду, и я приступила к делу. Мы лежали на постелях — я с сигаретой, Катрин без, — говорить приходилось шепотом, чтобы ни в кухне, ни в соседней комнате нас не могли подслушать заинтересованные стороны.

— Ну что, подвели баланс? — спросила я и стряхнула пепел в пустую коробку от печеночного паштета.

— Не совсем, — уклончиво ответила Катрин. — Во всяком случае, на эти два дня — да.

— Выходит, до Сильвестра? — удивилась я.

— Примерно так.

Я приподнялась на локте и выпалила прямо в ее завлекательные, ханжески-простодушные гляделки:

— Знаешь, Катрин, не собираюсь читать мораль, но не кажется ли тебе, что ты ведешь себя с той девчонкой как стерва?

— Это еще что? — чуть не подпрыгнула она. — С какой еще девчонкой?

— Да брось ты, не втирай мне очки, — с досадой произнесла я. — Живешь с ней в одной комнате и отбиваешь у нее парня. Без стыда и без жалости.

Катрин села на постели.

— Вот что, Мируш, — раздраженно заявила она. — Терпеть не могу, когда ты суешь нос в мои дела. Раз уж толком ничего не знаешь — лучше сиди и молчи в тряпочку.

— Не волнуйся, знаю очень даже хорошо, — отрезала я. — И хочу тебя предупредить: отольются кошке мышкены слезки. Если бы ты прибрала к рукам Алениного культуриста, я бы не пикнула. И парень хоть куда, и она красотой не обижена, может с тобой потягаться. Но у такой овечки отбивать такого прохвоста...

— Да замолчи ты! — прошипела Катрин и, похоже, разозлилась по-настоящему, почти так же, как в тот раз, когда я принесла ей письмо Берта с угрозой, что он разузнал адрес ее мюнхенского кормильца и, если она будет ломаться, отправит ему официальное врачебное заключение о венерическом заболевании, выданное на ее имя. Как и тогда, она побледнела, снизила голос до едва различимого шепота и выдавила: — Ты что думаешь, я в него втрескалась? Да я бы ему прикоснуться к себе не позволила, не то что поцеловать, понятно? Он меня вот где держит, в кулаке, и самым натуральным образом шантажирует.

Я всмотрелась в нее сквозь дымок своей «Спарты», не водит ли меня за нос — Катрин есть Катрин, ей соврать — что воды напиться, — но на этот раз ее досада и злость, кажется, не были притворными.

— Может тебя заложить? — спросила я.

— Увы, — кивнула она. — И ты даже представить себе не можешь, что творилось бы на факультете, как широко все это разнеслось бы. Сама в этом деле ни бум-бум, а мне читаешь мораль из-за какой-то Зузаны. Да и потом, если Борек ее бросит, пусть она мне еще спасибо скажет.

— А что он о тебе знает?

— Вполне достаточно, чтобы смешать с грязью. Только он хитер и соображает, что, если меня выгонят из института или даже посадят, ему от этого ничего не перепадет.

— А чего ему тогда надо? Тебя или денег?

— Не знаю, — сказала она и сокрушенно вздохнула. — Кое-что я с собой прихватила, но лучше всего со всем этим делом покончить. Раз и навсегда. Ничего другого мне не остается... Нет, — остановила она меня, — не бойся, на Сильвестра мы еще поработаем, но потом — крышка! Нервы и так уже ни к черту... — Она отвернулась к стене и спрятала лицо в подушку, но я успела заметить, что из глаз у нее потекли самые настоящие, непритворные слезы. — И ничего больше у меня не спрашивай. Тридцатого едем, в половине второго будем в Праге, а в новом году... В новом году посмотрим...

Я аккуратно раздавила окурок и подумала, что надежды надеждами, но из этой колее не так-то просто выпрыгнуть.

Главное, что Новый год и Сильвестр у нас обеспечены, и у Берта нет повода меня наказывать. Я могла быть довольна и тем, что совершила доброе дело: следующие дни показали, что мои упреки на Катрин все же подействовали, и она стала вести себя с Зузанкой так, что не придерешься. Вечером, перед той несчастной ночью с двадцать девятого на тридцатое, я слышала, как они по-дружески вели не очень интеллектуальную, но полезную беседу о платьях, шитье и портнихах. Борека Катрин, насколько возможно, избегала. А я только на него и злилась. Ах ты, гад, шантажист проклятый! А потом уж и на весь белый свет взъерепенилась: и на Борека, и на Катаржину, и на свою запутанную жизнь, и на набитых деньгами американцев... Чихала я на всех!

Ближе к вечеру мы схлестнулись с Аленой. Она возвращалась из уборной, а я как раз вышла подышать горным озоном, потому что в кухне была духотища, а особенно меня дожимал «аромат» говяжьего жира, который я терпеть не могу. Она остановилась рядом со мной и с язвительной вежливостью поинтересовалась:

— Так на кого ты глаз положила, Мируш?

Я окинула ее взглядом с ног до головы — от фирменных лыж, темно-синих рейтуз и белого югославского свитера с норвежской вышивкой до насмешливых черных гляделок — и ответила:

— Можешь не волноваться, не на твоего атлета.

Она деланно засмеялась:

— Овчинка выделки не стоит, да? Какой-то нищий студентик... У тебя запросы куда повыше.

220

— Ты так думаешь? — Ухмыльнувшись в ответ, я изобразила на лице смесь скуки, хитрости и сексуального голода, облизала кончиком языка чуть приоткрытые губы, томно потянулась и вызывающе добавила: — На безрыбье и нищий студент сгодится. Да еще такой красавец, как твой Павел. Грешно пропустить такой случай.

Я верно ее раскусила. Она продолжала усмехаться, но черты лица затвердели. Горделиво скривив рот, она процедила:

— Ну так в чем же дело? Попробуй!

Я посмотрела ей прямо в глаза и от души расхохоталась, как будто услышала остроумную шутку.

— Чего смеешься? — Она и дальше играла свою роль.

Я взяла ее за руку и шепнула:

— Знаешь, Аленка, что мне вдруг пришло в голову? Интересно, как бы ты себя вела, если бы на моем месте стояла сейчас Катаржина? Так же уверенно?... А знаешь, я, пожалуй, расскажу ей об этом.

Не дожидаясь ответа, я резко развернулась и помчалась в избу. Настроение у меня улучшилось. Будет им о чем с Павличком поговорить. Теперь Алена от него не отойдет ни на шаг, а Катаржина даже во сне ей будет сниться. Ну а я — меня она сразу невзлюбила, так что ничего страшного.

Моя подковырка подействовала. Алена вообще перестала со мной разговаривать. Я знала, что сижу у нее в печенках и что она меня с удовольствием придушила бы, но зайти так далеко и попытаться свалить на меня убийство...

— Послушай, Мирка, ты это дело брось! Катаржина сказала, что ты ее подруга, и мы без разговоров приняли тебя в свою компанию.

Мирка саркастически засмеялась:

— Ах, ах, я сейчас расплачусь...

А я добавил:

— Не надо разводить демагогию, Алена.

— А кто первый начал? Я, что ли? — обиделась Алена. — Я хочу, чтобы она ответила на три вопроса. Зачем она приехала? Что ее связывало с Катаржиной? И почему обязательно хотела уехать тридцатого? Это ты называешь демагией?

— Ты что-то забыла про разговор в Гоницах в туалете, — устало произнесла Мирка. — О том, к кому приехала Катрин.

— Твои домыслы нас не интересуют, — мигом вмешался Борек. — Нам нужны факты.

— Ну, ладно, — уступила Мирка. — На Аленыны три вопроса ответить легче легкого. Я приехала, чтобы учиться кататься на лыжах. Катаржина была моя подруга, а уехать мы хотели, чтобы вместе провести Сильвестр.

— В Праге? — резко бросила Алена.

— Нет. В Прчицах.

— Катаржина хотела встретить Сильвестр дома, с родителями, про тебя она ничего не говорила, — заметил Павел. Алена с Борексом дружно кивнули, а Мирка пожалала плечами.

— Если вы все знаете лучше меня, тогда чего спрашиваете?

Против такой логики крыть было нечем, и мне наконец удалось вставить слово.

— Мируш, конечно, глупо с моей стороны уговаривать тебя, но почему бы тебе не сказать правду? Ты же сама все прекрасно понимаешь. Я не говорю, что ты как-то замешана в убийстве, но ведь ты знаешь о Катаржине гораздо больше нас. Я имею в виду ту сторону ее жизни, о которой мы и понятия не имели...

Я вел эту речь тихо, спокойно и как бы даже извиняясь, а тем временем взял Мирку за руку и легонько ее стиснул. Мирка пожалала мне руку в ответ, потом подняла на меня взгляд и чуть заметно улыбнулась.

— Знаешь, — произнесла она как-то рассеянно, — кое-что я, конечно, знаю. Все наверняка нет, но одно уж точно: Катаржина мне бы никогда не простила, если бы я здесь и сейчас все про нее выложила. Пусть она меня не услышит, это ничего не меняет. А что касается меня, то, думаю, будет гораздо лучше, если вы про нее от меня ничего не узнаете.

— Ты в этом уверена? — спросила Алена.

— Абсолютно, — решительно отрезала Мирка, сунула руку в карман, вынула пачку сигарет и зажигалку. Закурила и произнесла: — Извини, я совсем про них забыла... — И отдала мне пачку и зажигалку.

Павел молчал-молчал, смотрел-смотрел на нас и вдруг выпалил:

— Почему вы врете?

— Кто именно?

— Вы двое, кто же еще?

Мирка схватила меня за локоть.

— Не спорь с ним. Все равно от нашего следствия нет никакого толку, легавые сами во всем разберутся.

— Легавые? — повторила Алена. — Жаргоном ты владеешь свободно. Наверно, уже приходилось иметь дело с легавыми?

— Погоди, — прервал ее Павел и придвинулся к постели с моей стороны. — Послушай, Гонза. — Голос у него задрожал от волнения. — Мы с тобой знаем друг друга не со вчерашнего дня. Уже почти четыре года дружим и всегда были честны друг с другом. Я всегда считал тебя порядочным парнем, разве не глупо теперь друг друга обманывать?

— Согласен с тобой, Павел, — сказал я. — Но к чему ты это ведешь?

— Хочу тебе доказать, что или ты, или Мирка говорите неправду. Давай выйдем на улицу или в сени, если хочешь, поговорим наедине.

— Мне скрывать нечего. Говори здесь, при всех.

— Ладно. Тогда объясни мне, пожалуйста, зачем Мирка примерно в половине четвертого ушла из кухни в соседнюю комнату, и что в это время делал ты. Прежде чем ответить, как следует подумай.

Я недоуменно покачал головой.

— Что ты плетешь, парень? В полчетвертого Катаржина уже часа два как была мертва.

— Одна ложь тянет за собой другую, — заметил Павел. — Хочешь, я повторю твои собственные слова?

— Пожалуйста, если надо.

— Ты сказал примерно так: у нас кончились сигареты, и Мирка пошла за ними в соседнюю комнату. А ты тем временем оделся и отправился в уборную. Мирка стала искать сигареты впотьмах, но найти не сумела, зажгла свет и увидела убитую Катаржину. Она стала кричать, подняла на ноги всю избу, и мы с Аленой сбежали вниз. В сенях мы встретили тебя, ты как раз возвращался с улицы. Потом к нам присоединился Борек, Зузана еще спала, остальные были уже на ногах и ворвались в Катину комнату. Все верно?

— Все до мелочей, — подтвердил я, не соображая, к чему он ведет.

— Все верно? — обратился Павел с тем же вопросом к Мирке.

— Насчет сигарет верно, про остальное не знаю, — ответила она.

— Чудесно! — Павел сделал небольшую паузу, потом показал на пачку в моих руках. — У вас не было сигарет. Еще минуту назад не было, Борек вам их предложил. А что это такое?

— «Липы», — сообщила Мирка. — Именно «Липы». По две кроны за пачку. Свободно продаются на всей территории Чехословакии.

— Значит, вы вралы, так? — победоносно подвел итог Павел, а я испуганно посмотрел на Мирку.

— Где они у тебя были? — с трудом выдавил я.

— В кармане,— безмятежно сообщила Мирка.— В кармане джинсов. Я сначала искала их в столике, в рюкзаке, а потом уже зажгла свет. Даже не подумала, что они в брюках. Тогда на мне были рейтузы, а там даже окурок некуда сунуть. Пан комиссар может сам в этом убедиться.— Она сунула руку под подушку и бросила вздрогнувшему от неожиданности Павлу смятые рейтузы.— Не волнуйся, Гонзичек,— похлопала она меня по руке,— тут никакая ложь не пройдет, пан Мегра живо сообразит, что к чему. Он же сам меня послал одеться. Так что все просто. Он только что уточнил, что ушла я от тебя в одной комбинации, а перед тем, как поднять всех на ноги, даже не подумала принарядиться, что, разумеется, свидетельствует о моем дурном вкусе и плохом воспитании. Короче говоря, мой моральный уровень чрезвычайно низок, и Алена права, когда говорит, что я хорошенькая стерва.

— Ради Бога, перестаньте,— взмолилась Зузана.— Ну что вы...

— Минуточку! — прервал ее Борек.— Все эти догадки ни к чему не приведут, это точно. Убийца не признается.— Он взглянул на часы.— Скоро пять. Через час начнет рассветать. Как только погода улучшится — не будет же мести вечно, — сразу же отправимся в деревню и сообщим в полицию. Поедут три лучших лыжника, остальные подождут здесь. Предлагаю, чтобы вниз поехали Гонза, Алена и я. Теперь давайте разойдемся по комнатам и встретимся снова, скажем, в семь. Пусть убийца все как следует обдумает. Обдумает и учтет, что добровольное признание в любом случае смягчает вину. Кто «за»?

Павел, Алена и Зузана почти одновременно закивали. Я произнес:

— Очень удачное предложение.

— Одна только Мирка ничего не сказала,— заметил Павел и положил на лавку ее рейтузы, которые все еще держал в руке.

Мирка подняла на него глаза.

— Извини, совсем забыла, что я из вашей компании.

— Все равно большинство «за», — проговорила Алена и встала. Следом за нею Зузана.

— Большинство «за», — повторила Мирка и горько улыбнулась.— Я воздержалась. Но пока все не разошлись, могу я сказать пару слов?

— Лучше прибереги их для легавых,— отрезал Борек.

— Погоди,— вмешался я.— Что ты хочешь сказать, Мирка?

— Да так, ерунду. Предложение в самом деле удачное...— Она на секунду умолкла, потом отчетливо закончила фразу: — Для убийцы. Мы все знаем, что отсюда два шага до границы с Западной Германией.

— У тебя слишком буйная фантазия,— осклабился Борек, повернулся к Мирке спиной и окликнул Зузану: — Пошли?

— Если не ошибаюсь, шантажисты готовы на все ради денег,— повысив голос, продолжала Мирка.— Тот, кто шантажировал Катаржину, хотел кое-чего другого, но раз уж он ее прикончил, значит, на что-то рассчитывает. Например, попробовать

удрать за границу, используя темноту и метель. Рискованно, конечно, но для хорошего лыжника и часа хватит, чтобы быть за границей. И с неплохим капиталцем в кармане. Марки, фунты, доллары — короче, твердая валюта. Катрин кое-что с собой привезла. Наверно, вполне достаточно. Рюкзак не выпускала из рук. Даже в автобусе его не оставляла.

— Верно, — подтвердил Павел. — В Гоницах брала его с собой в ресторан. Мы еще смеялись над ней.

— Еще бы! Перед Рождеством ей пришлось очистить свой тайник, чтобы туда случайно не заглянул один артист.

— Занимательная история, — сказала Алена. — Но есть у нее один недостаток: дело в том, что у Катаржины никогда не было ни долларов, ни марок. Одни только бонь, которые твоему шантажисту за границей ни к чему.

— Ну, Аленка, — бросила ей свысока Мирка. — Ты только что сама говорила, что я знаю про Катаржину больше, чем все вы, вместе взятые. А теперь вдруг отказываешься это признать. С твоим-то образованием надо бы соображать получше.

Алена растерянно посмотрела на Павла, но Павел даже не заметил этого. Он стоял и удивленно разглядывал Мирку, которая встала, подошла к дверям и вызывающе прислонилась к ним, словно преграждая путь к отступлению.

Миркины слова бросили совершенно иной свет на убийство Катаржины, и я вдруг с ужасом осознал, что начинаю все понимать, что мне становится ясно, где познакомились Мирка и Катаржина, что общего было у таких несхожих девчонок, где был источник валютных поступлений Катаржины, что означали ее регулярные поездки «домой на уик-энд» и почему, а может, и куда она удрала из «Дельты» после встречи с подвыпившим немцем. Все это было невероятно, фантастично, непонятно и — вполне логично.

— Сколько у Кат было с собой валюты? — выдавил я. — И как, по-твоему, она ее достала?

— Сколько — трудно сказать. Но что не мелочь — это точно: у шантажистов запросы высокие. А как она ее достала? Не проще ли спросить того, кто ее шантажировал? Из-за кого Катрин поехала сюда против желания? Например, автора гениально придуманного плана разойтись по комнатам... у него-то информация гораздо точнее.

Она еще не закончила, как я уже стоял рядом с ней в полной готовности отразить любое нападение. Борек сжимал кулаки, Алена что-то слабо простонала, Павел точно прирос к полу, и тут вдруг раздался дрожащий, полный отчаяния голос Зузаны:

— Замолчи, Мирка, прошу тебя!

Но Мирка только пожала плечами.

— Мне вовсе не хочется причинять тебе боль, Зузанка, очень не хочется. Но твои приятели заставили меня рассказать все, что я знаю про Катаржину. Так что не обижайся.

— Нет, — пролепетала Зузана, — я не обижаюсь... Но зачем ты врешь? Зачем?..

И тут же заговорил Борек:

— Ах ты, стерва! Ты мне за это заплатишь!..

Я смотрел на нее как на привидение. Она ошеломила меня, выбила из колеи, так что я на секунду совершенно растерялся и сумел только стиснуть кулаки, выразив злость, ненависть и бессилие.

Ах ты, стерва!

Думаю, не только я, но и все остальные подумали так же. Мы все смотрели на Мирку сверху вниз, все видели в ней девку, сучку, шалаву. Впрочем, она этого и не скрывала: в отличие от Катаржины она вызывающе подчеркивала самые вульгарные стороны своей профессии, начиная от жаргона и кончая откровенно манищими взглядами своих кошачьих глазниц, от грубоватой прямооты и нахальства до самой красивой груди, какую я когда-либо видел. То, что Катаржина сумела так долго и тщательно скрывать, было буднями Миркиной жизни, заметной частью ее существования, своего рода удостоверением личности.

Я раскусил ее в первое же мгновение и вместе с тем сообразил, что дело плохо, не зря она едет с Катаржиной, надо постоянно быть с нею настороже. На Штепана Катаржина телеграфным стилем успокоила меня: мол, не бойся, она и в самом деле приехала только покататься на лыжах. На другой день была уже откровеннее: «Как видно, они меня контролируют». А теперь она лежала мертвая, и уже не надо было придумывать разные хитрости и уловки. Это был конец, бесповоротный конец, конец всем надеждам. Мирка стояла на расстоянии полушага от меня, прислонившись к двери, точно кошка, подстерегающая добычу, дикая, взъерошенная, разъяренная кошка, и плела свою невероятную чушь, свою ужасную полуправду, против которой трудно что-нибудь возразить, потому что выглядит все очень логично. Но вместо фактов там одни догадки да трюки из самых дешевых детективов — рядом граница, метель и преступник, убийца и шантажист, уходящий в темноте с пачкой долларов в кармане... Проклятая стерва!

Почти так же я подумал и о Катаржине, почти те же слова промелькнули у меня в голове, когда однажды сообразил, что она временами «не та», какой кажется, совершенно иная, абсолютная противоположность той ангельски чистой девице, целомудренной и деликатной, тому незапятнанному идеалу, каким считала ее вся мужская часть факультета, не исключая и меня. Разумеется, я был в нее влюблен, тайно и безнадежно, как и многие другие ребята, во всяком случае, из нашей компании — Гонза, Павел, даже женатики Честа и Властик. Попросту говоря, платоническая любовь в самом прямом смысле слова.

А потом нагрязнуло разочарование. Неожиданно и внезапно, если использовать литературный штамп, как гром с ясного неба.

Двадцать второго октября в воскресенье у Зузаны был день рождения, и мне пришлось пообещать, что мы отпразднуем его вместе. Правда, у меня особого желания не было, я вообще не хотел ходить с ней скорее по недосмотру: пару раз заговорил, погладил, поцеловал, а она и влюбилась. Да еще самым глупей-

шим образом — беззащитно, так сказать, и теперь уже было не так-то легко от нее отделаться. Она была слишком милая и порядочная, чтобы сказать ей о своем равнодушии, и слишком наивная и доверчивая, чтобы самой догадаться о моем к ней отношении, больше того, чем безразличнее я относился к ней, тем нежнее и привязчивее становилась она. Короче говоря, праздновали в восемь вечера в комнате Зузаны, я купил пару гвоздик и отправился на женскую половину в спортивных штанах и свитере, рассчитывая дать деру при первом же удобном случае.

Она ожидала меня, наряженная словно в театр или на концерт, в темном вечернем платье и модных туфлях, причесанная, накрашенная и встревоженная.

— Ты только не сердись, пожалуйста,— встретила она меня,— но придется тебе минут десять подождать, ровно в восемь мне должна позвонить тетя... А в общежитии, как нарочно, ни один телефон не работает, надо идти на почту... Подождешь?

— Ну конечно,— ответил я,— поторапливайся...— И помог ей надеть пальто.

— Выпивка на столе, налей себе, если хочешь. И погляди, что мне подарила Катаржина,— сказала она и показала на стол, где рядом с бутылкой баккарди и двумя рюмками лежал небольшой пакетик, судя по всему, женское белье; впрочем, об этом свидетельствовала и длинноногая завлекательная девица, изображенная на целлофановой обертке.— Через двадцать минут вернись! — крикнула Зузана уже в дверях, потом в коридоре застучали ее каблуки, и я остался один.

Я вынул из бумаги гвоздики, сунул их в баночку от горчицы, сел на постель, закурил сигарету и от нечего делать взял пакетик. В нем была комбинация или ночная рубашка, я не очень-то разглядывал, вытащил только уголок лилового нейлона с черной каемкой и снова запихнул обратно, потом разобрал название фирмы, надпись «Made in Germany» и четырежды отпечатанную цену: в марках, французских и бельгийских франках и голландских гульденах. Мне пришло в голову, что Катаржина, как видно, опять получила «поздравление» от дядюшки и накупила всякой всячины. Собираясь положить пакетик на стол, я вдруг заметил маленький блокнотик в элегантной кожаной оправе, очень изящную вещицу. Взял его в руки и стал просматривать. Все не из любопытства, просто подумал сначала, что это тоже подарок Катаржины, а Зузана сама разрешила мне все посмотреть. Меня удивило, что в блокнотике уже есть записи — какие-то сокращенные слова и цифры. Я машинально просмотрел их и ничего не понял.

13.1 ВГ 200 м (свитер, гал. + 6 x пейл.)

17.1 Берг 300 кр. (20 \$)

18.1 Берг 300 кр.

3.2. АГ 25 £

11.2 ВГ 200 м (отл. круж. пл.)

17.2 АМ 20 £

20.2 Берг 300 кр. (20 \$)

И т.д. Тут я сообразил, что у меня в руках Катаржинин

блокнот, узнал ее аккуратный прямой почерк. Но о чем идет речь, что все эти сокращения и цифры означают, до меня пока не дошло. Но на следующей странице... Там были летние числа, точнее — август прошлого года, а над ними печатными буквами обозначено: ЮГ.

17.8 Мисс Яд. 2000 дин.

18.8 — 150 \$ (!)

19.8 ИЛ 150 фр. (адр.)

20.8 МР 200 м

21.8 — 2000 \$ (!!!)

И еще трижды по сто пятьдесят долларов, ежедневно вплоть до 26.8, а также еще раз 300 марок, один восклицательный знак и пометка — МР, адр.

Адреса были в конце; я дрожащими пальцами отыскал букву «М», где значился адрес некоего А. Мунцера: «Манесова, 24, Прага, 6, тел. 268-42-67». Перевернув еще несколько страниц, нашел букву «Р», где Катаржина пометила два адреса: «Карл Рейснер, Вильгельмштрассе, 11, Нюрнберг — Ш. Мартин Рихтер, Банхофштрассе, 43, Франкфурт-н-М. (Юг.)», — и тут меня наконец осенило. Меня даже затрясло, руки дрожали, как у столетнего старика, я глубоко затянулся сигаретой, которая давно уже погасла, снова зажег ее, выпустил дым и вместе с ним негромкое, но от души:

— Ах, ты, стерва!

Налил себе рюмку баккарди и тут же выпил ее одним духом.

Катаржина — тузексовая красotka. Приблуда, экспортная девка, валютная проститутка. Так бывает, когда разрезаешь красивое яблоко, но вместо чистой здоровой мякоти видишь гнилую кашлицу, а в центре ее — отвратительного червяка. Долларовая стерва аккуратно вела свою бухгалтерию. За три квартала почти пятьдесят записей, сорок семь, если уж быть точным, а оплата — в валюте почти всех стран Европы и мира: здесь и английские фунты, и американские доллары, и западногерманские марки, австрийские шиллинги, югославские динары, швейцарские и французские франки, голландские гульдены, а также тузексовые боны и кроны — это обычно с припиской «Берт», но в скобках снова валюта, хотя и гораздо меньшими суммами... Меня даже замутило, я налил себе еще рюмку баккарди... Деликатная, очаровательная Катаржина, насчет которой мы с ребятами никак не могли догадаться, девушка она или уже нет, недостижимая «мисс», которая никогда ни с одним из нас не дружила, — у нее, оказывается, есть собственный пастух, подбирающий ей клиентов и выплачивающий установленную ставку, которая часто бывает гораздо ниже, чем даже двузначная цифра в скобках, наверняка «чаевые», которые суют за лифчик, в чулок или скрытно кладут на стол или под подушку... «Besten Dank, mein Lieber, thank you, my darling, mersi, cherie...»¹ О Господи, спаси и сохрани нас, аминь!

Зузана вернулась через пятнадцать минут, стук ее каблучков

¹ Огромное спасибо, моя любимая, спасибо, дорогая (нем., англ. и франц.).

я услышал перед самой дверью, так что еще успел сунуть Катаржинин блокнот под свитер.

Баккарди мы выпили меньше чем через час, оба крепко захмелели, и я остался у нее далеко за полночь, впервые как муж и любовник. Мне было совестно перед самим собой, ведь она мне не нравилась, я не хотел ее, ничего к ней не чувствовал, так бывает только у животных, но иначе не получалось, я держал ее в объятиях, целовал и тискал и, овладевая ее страстным, разгоряченным телом, чужим и страшно далеким, обнимал и целовал... Катаржину...

Кому она сейчас согревает постель?.. И за сколько?..

Блокнотик я унес с собой, Зузана, как видно, ничего о нем не знала, Катаржина скорее всего забыла его на столе или случайно вынула из сумочки вместе с подарком для Зузаны.

Той же ночью я тщательно его просмотрел, даже не просмотрел, а проштудировал — каждое слово, каждую букву и цифру. Из одиннадцати адресов только два были пражские, один — человека по имени А. Мунцер, второй — без имени. У Мунцера был указан и телефон.

Спать я не мог. Уже в половине восьмого утра стоял в телефонной будке около общежития и дрожащими пальцами перелистывал толстенную пражскую телефонную книгу. Имени Мунцера там не было. Были только Мунцары, но не А., первый был Богумил, а за ним еще человек двадцать. Ну, не беда. Я сунул в автомат двадцать пять галлеров и набрал номер 268-42-67. В наушнике шелкнуло, и послышался женский голос: «Это Седлачкова, слушаю вас». Я чуть было не ответил: «Простите, ошибка», — но вовремя опомнился, поздоровался и торопливо проговорил:

— Уважаемая пани, извините, что беспокою, но мне хотелось бы поговорить с паном Мунцером.

— К сожалению, — ответила она, — он уехал на машине в Карловы Вары.

— В Вары? — переспросил я домработницу или хозяйку квартиры, лихорадочно придумывая, что бы еще спросить, прежде чем попрощаться и повесить трубку. Наконец решил зацепиться за машину.

— У пана Мунцера «картина», правда? — брякнул я наобум.

— Нет, — услышал в ответ, — у него «форд таунус».

— Тогда это, наверно, ошибка, — довольно удачно изобразил я сожаление. — Но раз уж побеспокоил вас, спрошу еще для верности... Он работает в министерстве финансов?

— Нет-нет! Пан Мунцер — иностранец, египтянин, учится в Высшей школе экономики, — сказала она, а я извинился, поблагодарил и с силой бросил трубку на вилку.

Египтянин. Еще один мешок с валютой. Да еще и студент. Чем, интересно, занимается его папаша, сколько феллахов на него вкальвают, чтобы его сыночек, Ахмет или Абдулла, мог платить за ночь любви по двадцать пять фунтов и выезжать, возможно, даже с Катаржиной, на уик-энд в Карловы Вары? Я припомнил, что в пятницу на последней лекции встречался с Катаржиной, она еще оставила в гардеробе маленький чемо-

данчик. Наверно, с вечерним платьем или с курортными нарядами.

Возвращаясь медленным шагом в общежитие, я вдруг осознал, как люблю Катаржину, и одновременно сообразил, что теперь она полностью в моей власти, что эти «бухгалтерские записи» могут стоить ей очень дорого, что они не только лишают ее ореола недосыгаемости, но и отдают ее мне в руки со всеми потрохами.

С этой минуты я начал жить в каком-то экстазе, в состоянии извращенной любви и отчаянной ненависти. Но сначала я был в растерянности, не зная, что сделать с блокнотом. Я еще раз перечитал каждую запись, даже прикинул Катаржинины доходы. Только в бундесмарках она заработала примерно столько же, сколько получает квалифицированный рабочий, скажем, «фольксвагена» за полгода... Впрочем, разве можно сравнивать квалифицированного рабочего автомобильной промышленности с квалифицированной международной курвой? Сколько Катаржина «заработала» на титуле «мисс Ядран» в Югославии, у меня не хватило духу сосчитать. Ночь за ночью, из рук в руки, из постели в постель... Потому-то она и взбесилась так из-за фотографии в «Кветях». Победа очаровательной пражской студентки!.. О том, что она получила за это две тысячи динаров, написать забыли.

Вечером ко мне зашла Зузана. Спросила, не заметил ли я вчера какого-то кожаного блокнотика, Катаржина все вверх дном из-за него перевернула.

— Катаржина? — удивился я. — Да ведь она домой уехала, разве нет?

— Нет, — ответила Зузана. — Она была у тети и вернулась в общежитие после обеда. Мы с нею всю комнату обшарили...

— Выходит, я у нее украл этот блокнот, — набросился я на Зузану.

Она чуть не разревелась, а я разозлился не на шутку. Потом повторилась предыдущая ночь. Мы очутились в постели, и я снова любил Катаржину — дико, страстно, с ненавистью.

На следующее утро я одолжил у Павла план Праги, отыскал второй адрес и вечером отправился туда. На Малой Стране под номером 16 стоял большой жилой дом, серое угловое здание с черепичной крышей и шестигранной башенкой, нависающей над тротуаром. Почти час я слонялся вокруг этого дома, а потом вернулся в общежитие. Прямо с вахты отправился к Зузане. В комнате застал и Катаржину. Она лежала на постели в домашнем индейском наряде, в кожаных штанах и такой же куртке, с бахромой на штанинах, рукавах и подоле. Зузана сидела за столом, обе держали развернутые конспекты.

— Привет! — поздоровался я, удивленно покачал головой и спросил Катаржину: — Послушай, подруга, что это у тебя за одежка такая?

Она засмеялась.

— А что, не нравится?

— Последний крик моды, — провозгласил я. — Дядюшка?

Не моргнув глазом она кивнула.

— Везет же людям! А, Зузана? — заметил я и уселся на стул возле Катаржины. Зузана, застигнутая врасплох моим неожиданным и довольно поздним визитом, смотрела на меня счастливыми глазами, а королева Ядрана только слегка скривилась рот, словно хотела сказать: «Брось ты этого дядюшку, надоело мне о нем рассказывать!»

Однако я не обратил на это внимания и разобрал его по косточкам. Близкая ли это родня (мамин двоюродный брат), чем занимается (зубной врач), много ли зарабатывает (пожатие плеч), когда уехал в США (еще до войны, в тридцать восьмом), в каком штате живет (в Калифорнии), в каком городе, чуть не крикнул я, но она даже не дрогнула и назвала Лос-Анджелес.

Я умолк, мне не удавалось избавиться от впечатления, что все эти расспросы сильно забавляют Катаржину. Примерно через полчаса она поднялась, взяла полотенце, зубную щетку, пасту и удалилась в туалетную. Едва за нею закрылась дверь, Зузана уселась мне на колени и обхватила шею руками.

— Борек, Катаржина едет завтра к тете. Останется там на ночь. Ты придешь?

У меня вдруг заколотилось сердце.

— К тете? А когда?

— Скорее всего сразу после занятий.

— Завтра у нас до пяти семинар, еще договоримся... Да, — словно бы мимоходом поинтересовался я, — Катин блокнот уже нашелся?

Зузана слегка нахмурилась.

— Не знаю. Она больше о нем не говорила.

Я тут же ушел, не дожидаясь Катаржины, и решил дождаться ее на следующий день. Когда в начале шестого она села возле института в трамвай, то, конечно же, не подозревала, что сквозь дырочку в развернутой «Вечерней Праге» я слежу за каждым ее движением. После четвертой остановки она стала пробираться к выходу. Я выскочил, не дожидаясь, пока трамвай затормозит, и с тротуара наблюдал, как она выходит, смотрит на часы и ждет следующего трамвая. Дальше события развивались так, как я и предполагал. Минут через пятнадцать она вышла на Мало-Странской площади. Я следовал за нею поодаль, но с таким же успехом мог и обогнать ее, потому что уже твердо знал, куда она идет. Тетя обитала именно в том доме, который я вчера так тщательно обследовал. А еще точнее — в башенке. Это архитектурное излишество имело отдельный вход с боковой улочки. Спустя минуту после того, как там исчезла Катаржина, в угловом окошке появился свет.

Я медленно пересек мостовую. Что дальше? Подождать, пока придет «клиент», и убраться восвояси или же обратиться к нему. Набить этому паршивцу морду или подняться наверх, следом за Катаржиной, и заявить, что ее «дневник любви» у меня, и...

И?... И что?..

Пару минут я прикидывал, какой вариант выбрать, и наконец остановился на последнем, рассчитанном на импровизацию, с вопросительным знаком в конце. Я взялся за ручку тяжелых

дверей башенки, медленно и осторожно нажал на нее. Дверь отворилась, я переступил через порог, и меня словно проглотило таинственное чудовище. Откуда-то сверху, из-за изгиба винтовой лестницы, на сырые каменные ступени падал тусклый желтоватый свет, у меня даже дыхание перехватило, такую мрачную картину я увидеть не ожидал и почувствовал даже некоторое уважение к Катаржине. Как она не боится сюда заходить?.. Но, припомнив цифры из ее «бухгалтерии» со значками «m», «\$», «£» и т.п., усмехнулся, представляя себе «господ клиентов». Наверно, Катаржина берет с них надбавку за романтику и таинственность.

Шаг за шагом я поднимался вверх. Примерно через пятнадцать ступенек в стене обнаружилась ниша с окном, вернее, окошечком, а еще точнее — бойницей, а над ним, в изящном фонаре, горела слабенькая лампочка в виде свечки, подключенная, видимо, к батарее. С фонаря свисала коротенькая цепочка, я легонько потянул за нее, и лампочка погасла, я потянул снова — она снова загорелась; удобное приспособление, которое повторялось через каждые пятнадцать ступенек. Те четыре светильника скупо освещали всю лестницу, отбрасывая по сторонам кошмарные тени и позволяя посетителям забраться наверх, не ломая костей или хотя бы не разбивая носов. Последний фонарь бросал свет на небольшую, обитую кожей дверь с массивной ручкой, явно изготовленной тем же мастером, что и фонари. На секунду я заколебался, но потом осторожно нажал на ручку. Дверь подалась, и я очутился в шестиугольной комнате, оборудованной под прихожую. От неожиданности я вздрогнул и инстинктивно закрыл лицо руками при виде угрожающей фигуры, стоящей между дверями и кованой решеткой изящной вешалки. Наконец я сообразил, что это не какое-то загадочное чудовище и не замаскированный сутенер Берг, а всего лишь латы, настоящие, неподдельные латы. С чувством облегчения я ступил на клетчатый половик, посмотрел на почерневшие брусья потолка и резко и отчетливо постучался. Изнутри раздался мелодичный голос Катаржины, говорившей по-немецки:

— Augenblick, bitte, ich gehe schon¹.

Я стал считать эти «аугенблики», насчитал их одиннадцать, и тут в открытых дверях возникла Катаржина. Элегантное золотисто-черное платье с блестящим шитьем, длинные золотистые волосы зачесаны на левое плечо, на обнаженной шее — цепочка с крестиком из чешских гранатов, на ногах — туфельки из настоящей крокодильей кожи (полученные от ВГ в дополнение к 200 м. в апреле этого года). Она смотрела на меня испуганными глазами подстреленного олененка, губы скривились в непритворном ужасе, она мгновенно побелела и стала похожа на восковые фигуры в славном паноптикуме мадам Тюссо.

— Guten Abend, mein Liebe. Entschuldigen Sie, bitte, wenn ich störe², — весело произнес я, слегка отстранив ее с дороги, прошел

¹ Мгновение, прошу вас, я уже иду (нем.).

² Добрый вечер, моя любовь. Извините меня, пожалуйста, если я мешаю (нем.).

внутри и закрыл за собою дверь. Помещение, открывшееся передо мною, было превосходно оборудовано для проживания, отдыха и... проституции. Когда-то здесь, очевидно, ночевали привратники или караульные, дух столетий витал над стенами, украшенными фонарями и карнизами.

— Милая квартирка, это тебе устроил дядюшка из Калифорнии? — небрежно спросил я и огляделся.

Обстановка здесь была довольно пестрая: старинный темный комод и элегантные кресла с асимметричным курительным столиком, мягкий, черный с серым, ковер и удобный широкий диван, на стенах — современные картины, а под ними — выдавшая виды полка с книгами и оловянными кружками, словом, с бору по сосенке. В целом Катаржина «кабинет» выглядел не только уютным и комфортабельным, но и гармоничным, весь этот стилевой разнобой был подобран так умело, что излучал согласие и покой.

Я нахально устроился в одном из клубных кресел, стоящих возле имитации английского камина.

— Уж извини, что говорю по-чешски, — фамильярно бросил я. — Ты, как понимаю, настроилась на немецкий, но при желании мы сумеем договориться.

На столике стояла початая бутылка «Хеннесси» и две огромные кружки. Я налил себе одну из них, поднял ее в направлении окаменевшей мисс Ядран и произнес благожелательным тоном:

— За здоровье самой красивой и самой дорогой из всех туземных и заграничных девок! *Girls of all countries, united!*¹

И выпил.

Наконец она зашевелилась. Ступила два шажка, и с ее подкрашенных в розовый цвет губ сорвались два слова:

— Чего хочешь?

Я засмеялся.

— Погоди, погоди... «Чего хочешь?» — это что, такой разговорный оборот? *Was willst du?* Пфуй, *das ist unerhört. Ich kann mich nicht genug wandern. Schämen Sie sich, Katherine!*²

— Чего хочешь? — повторила она и сделала еще два шажка, а ее правая рука вдруг дернулась и прикрыла шею. Движение показалось мне таким искусственным, мертвым, что я снова представил себе паноптикум, но теперь уже в деталях — с Наполеоном, Цезарем, Александром Македонским и мадам Помпадур, а самое привлекательное — фигура с подвижными бедрами и зеркалом вместо лица. Между тем Катаржина в третий раз произнесла все те же два кратких слова.

Я пожал плечами.

— Ну что я могу сказать? По-моему, слово за тобой.

Наконец-то она снова превратилась в живое существо. Показала головой, пригнулась к креслу и произнесла:

— Ты украл мой блокнот, я знаю.

¹ Девыцы всех стран, соединяйтесь! (неправ. англ.)

² Что ты хочешь? Пфуй, это неслыханно. Не могу не удивиться. Стыдитесь, Катерина! (нем.)

— Именно так,— согласился я,— украл. Спасибо, что выбрала подходящее выражение. Одно свинство стоит другого. Значит, нам теперь будет легче разговаривать. Я вор, а ты курва, если уж выражаться точно. Но это по форме, а по содержанию — величины несравнимые.

Эти циничные фразы срывались у меня с языка удивительно гладко, но при этом я чувствовал себя как-то странно: точно все происходило не наяву, а во сне. Неужели я и в самом деле разговариваю так с недостижимой, божественной Катаржиной?..

— Я так и думала, что ты придешь,— чужим, бесцветным голосом произнесла она,— что мы как-то столкнемся.

Я чуть заметно поклонился.

— Ты очень предусмотрительная и умная девица. Впрочем, я никогда не сомневался в твоих талантах. Но то, что у тебя есть и другие, более практичные способности... Извини, человек не может знать все.

— Я тебя понимаю,— твердо и холодно заявила она.— Итак, сколько?

Смысл вопроса дошел до меня только тогда, когда она повернулась к столику, взяла сумочку (из кожи американского бизона, если я правильно расшифровал сокращение «сум. ам. биз.», приписанное в блокноте следом за инициалами ВГ и стандартной суммой 200 м. в июне) и многозначительно щелкнула патентованным замочком. Меня охватила внезапная ярость. Откинувшись на спинку кресла, я еле-еле удержался, чтобы не хватить Катаржину по голове одной из стоящих на столике кружек.

— Сколько? — повторила она, уже с нетерпением.— Сто пятьдесят долларов хватит?

Я поднялся с кресла и встал напротив нее, наши взгляды встретились, мы смотрели друг другу в глаза так твердо и напряженно, что, если бы один из нас отклонился назад, второй, наверно, упал бы.

— Ты представляешь себе, что такое сто пятьдесят долларов, если перевести их в тузексовые боны? Ну, скажем, отрез английской шерсти на пять мужских костюмов...

— Может, добавишь еще пять кусков на пошив? — прервал я.

— Пять тысяч крон?.. — пробормотала она.— Это... ты серьезно?..

— Нет,— хрипло вырвалось у меня,— конечно, нет. Но вот это очень серьезно...

Я размахнулся и ударил ее изо всех сил. Физиономия Катаржины в буквальном смысле сплющилась, голова взвилась, точно мяч после углового удара, и отскочила на светло-серый пружинистый диван. Не успела Катаржина опомниться, как я набросился на нее, схватил за волосы и грубо встряхнул.

— Ты соображаешь, что говоришь, стерва?.. Думаешь, я такой же подонок, как и ты?..

Я ощущал, как ее волосы трещат у меня в кулаке, она корчилась от боли, но я не сомневался, что мне гораздо больнее,

потому что за нею, за этой болью, стояла невыносимая, смертельная обида.

— Ради Бога, прошу тебя... — выдохнула она, в ее манящих, по-детски невинных темно-карих глазах стояли слезы. — Борек!..

Больше она ничего не успела сказать, потому что я приподнял ее, изо всех сил прижал к себе и отчаянно поцеловал. И сразу же оттолкнул. Она рухнула на диван точно подкошенная.

— Я люблю тебя, люблю! — закричал я, совершенно теряя голову, и голос у меня дрожал и ломался, срываясь чуть ли не на визг. — Я тебя люблю, если ты вообще можешь себе представить, что это значит, если у тебя осталась хоть частичка сердца... А ты... Сто пятьдесят долларов... И готова еще торговаться... Да я лучше убью тебя... Убью!

И вдруг я отключился, меня охватила такая страшная усталость, что я потерял дар речи, обессилел и уже не мог сообразить, зачем, собственно говоря, я за нею ходил, что тут делаю. Я сам себе казался глупым, убогим, а главное, бессмысленным, как побитый Дон Кихот, чья смешная фигура на тощей кобылке, вырезанная из дерева, торчала на полочке над камином. О какой чести, гордости и морали можно говорить там, где в расчет берутся только деньги, где каждый поцелуй, каждое ласковое прикосновение порождаются не чувством, а другими, куда более материальными причинами.

Катаржина лежала на диване, лицо закрыто вспутанной гривой светло-золотистых волос, тело странно изогнуто, ладони крепко прижаты к ребрам, узкая юбка задрана чуть ли не до пояса. Возле дивана валялась одна туфля из крокодиловой кожи, я со злостью пихнул ее, так что она отлетела к дверям. Подошел к столику, налил себе в кружку золотистого «Хеннеси», приготовленного для очередного клиента, и приказал:

— Вставай!

Очень медленно, осторожно она подняла голову, опираясь на локти, согнула ноги и спустила их на пол, потом выпрямила стан и привычным движением руки откинула назад волосы, но тут же опустила руку на диван и всем весом налегла на нее. Но не встала.

Я подал ей кружку, она молча взяла ее и немного отпила. Потом поднялась, поставила кружку на столик, провела руками по телу, оправляя платье, и произнесла:

— Ты мне никогда не говорил...

— Меня еще никто в жизни так не обманывал.

Она механически кивнула.

— Понимаю...

— Ничего ты не понимаешь! Ничего ты не можешь понять!..

— Я думала, тебе нравится Зузана.

— «Твое лицо мне снится, точно сказка, мне лишь твоя нужна на свете ласка...» — не слишком кстати вспомнилась мне оперная ария. — И вдруг оказывается, что это лицо принадлежит стерве... Ты все еще считаешь, что понимаешь меня?..

Она ничего не сказала. Подошла к дверям и надела туфлю. Потом пригладила волосы и кончиками пальцев прикоснулась

к левой, кроваво-красной щеке. Если глаза меня не подводили, скула начала припухать. Наконец она произнесла:

- Что сделаешь с моим блокнотом?
- Не знаю,— ответил я.
- Не вернешь его... за любую цену?

Она почувствовала двусмысленность вопроса и тут же добавила:

- Нет, я не говорю о деньгах, но...

Ей удалось страдальчески склонить голову и потупить глаза, и вот уже передо мною стояла прежняя Катаржина, удивительно прекрасное, манящее создание, несмотря на опухшую щеку, взлохмаченные волосы и размазанный слезами макияж. Еще минута — и я упаду к ее ногам, пронеслось у меня в голове.

- Но?..— повторил я твердым голосом.

— Ты сказал, что любишь меня,— прошептала она еле слышно.

— Да,— подтвердил я,— но это вовсе не значит, что я хочу с тобой переспать.— Честно говоря, мне страшно этого хотелось, но не при таких унижительных обстоятельствах.— В общем, мы вернулись на круги своя. Одна ночь по югославской таксе приравнивается к ста пятидесяти долларам? Не так уж и много, правда?

Она не успела ответить, раздался энергичный стук в дверь.

— Прощу тебя, Борек,— прошептала она, и красное пятно на щеке запылало огнем. Она снова прикоснулась к нему кончиками пальцев.

236

— Придется тебе подкраситься и припудриться, иначе он устроит скандал,— иронически заметил я. И добавил после паузы: — Чего молчишь? Мне, что ли крикнуть «herein»¹?

— Завтра, Борек, завтра я тебе все объясню,— вполголоса проговорила Катаржина, сделала глубокий вдох и, когда снова раздался стук, произнесла глухим, бесцветным голосом еле слышное: — Войдите...

В комнату вошел мужчина лет пятидесяти, бочонок пива в элегантном наряде, с большим кожаным портфелем в одной руке и свернутым плащом в другой. Едва переступив порог, он замер в нерешительности. Движением бровей она просигнализировала ему, чтобы сохранял спокойствие, деланно улыбнулась и сказала:

— Es freut mich Sie zu sehen. Bitte, wollen Sie weiter und nehmen Sie Platz.— Свои слова она сопроводила грациозным жестом и пояснила: — Verzeihen Sie, mein Herr. Nur eine Minute².

Валютный гость подошел к курительному столику, положил на него портфель и плащ. Тем временем Катаржина повернулась ко мне и сказала:

— На коленях тебя прошу, уйди. Завтра приду к тебе, клянусь...

¹ Войдите (нем.).

² Рада вас видеть. Проходите, пожалуйста, и садитесь. Простите, мой господин. Одну минутку (нем.).

Обе фразы она произнесла таким тоном, словно втолковывала мне, что я перепутал двери, и пан, которого я ищу, живет в соседнем доме.

Я изысканно поклонился ей и таким же ровным голосом произнес:

— Извините, что побеспокоил вас, уважаемая. С нетерпением жду новой встречи. И не забудьте припудриться, подкраситься и причесаться.

Небрежно кивнув ей и подарив извиняющуюся улыбку пивному бочонку, я выскочил из комнаты.

Это был, очевидно, знаток местных обычаев и постоянный клиент. Скорее всего ВГ — 200 марок плюс натуральная доплата. Фонари за собою он погасил.

На следующий день Катаржина появилась только на последней предобеденной лекции. Мы столкнулись в коридоре. Левая щека у нее отливала легкой синевой.

— Где мы можем встретиться? — деловито спросила она.

— Наверно, там же, где и вчера. Я без ума от таких уютных уголков.

Она даже глазом не моргнула.

— Хорошо, а когда?

— Я освобожусь только к вечеру.

— В шесть?

— Ну, скажем, в шесть.

— И прошу тебя: никому ни слова.

— Не робей, — успокоил я ее. — Все останется между нами.

И осталось. Все осталось между нами и ее клиентами. Она избавилась от них одним махом. Даже от Берта.

Таинственный Берт, чье имя чаще других мелькало в блокноте Катаржины, оказался метрдотелем в гостинице «Метрополь». Был он чем-то средним между пастухом и менеджером торговли девками. К нему сходились все нити, он распоряжался всем, начиная от ключей к свободным квартирам и забронированным номерам и кончая адресами щедрых заграничных и местных клиентов, списком и телефонами готовых к услугам красоток.

— Если бы все обнаружилось, меня бы определенно ждала тюрьма. Но это исключено, я бы покончила с собой.

Она произнесла фразу ровным голосом, без всякого пафоса, и я поверил ей. Мы сидели в ее башенном будуаре, пили «мартини» (не «Хеннесси» и не из кружек). Чтобы ничем не напомнить мне о вчерашнем, она сделала другую прическу и надела иной наряд: вместо черного, с золотым шитьем, платья — синий костюм, а вместо крокодиловых туфель — лакированные лодочки с пряжкой. Правда, синяк на щеке остался, тщательно закрашенный, но заметный.

Было еще одно, что я хотел узнать.

— Зачем ты это делала?

Она ответила не сразу, только чуть заметно скривила губы и перевела взгляд на стену, где над полочкой с оловянными кружками висело большое полотно, изображающее лежащую девицу с водопадом распущенных волос. Хотя автор не придер-

живался фотореалистической манеры, нетрудно было угадать, кто послужил ему моделью.

— Чего молчишь? — проговорил я, когда тишина стала слишком долгой и гнетущей. — Давай называть вещи своими именами. Деньги не пахнут, верно?

— Ах нет, не говори так, — вздохнула Катаржина и энергично завертела головой. Потом отвела взгляд от портрета и неожиданно спросила: — Тебе здесь нравится?

— Очень! — ответил я. — А почему ты спрашиваешь?

— Интерьер продумал один художник, ему и квартира принадлежит... То есть у него ордер на квадратные метры, но все остальное тут — мое, от ковра до картин на стенах. — Она махнула рукой в направлении своего портрета. — Это я получила в подарок к своему двадцатилетию. Его тоже рисовал он. Имя тебе ничего не скажет, в искусстве он пока что не очень большая фигура, так что лучше обойтись без имен. Но я в него влюбилась...

Она потянулась к коробке, где лежали американские сигареты.

— Я редко курю, только когда расстроюсь, а про него не могу вспоминать без волнения. — Нервно стряхнув пепел, Катаржина горько улыбнулась: — История вполне банальная, но я всегда реву, когда...

— Послушай, — прервал я, — я ни о чем тебя не спрашивал.

Катаржина снова завертела головой.

— Нет уж, я хочу все объяснить. — Протянув руку, она на миг сжала мне запястье. — Не волнуйся, в детали вдаваться не стану. Я была обычной влюбленной, и в девушку меня превратили французские масляные краски. Они были ему нужны, купить их можно только на валюту, вот я для него и постаралась. А потом швырнула их ему в лицо. — Она раздавила в пепельнице едва начатую сигарету, и глаза ее лихорадочно заблестели. — Он расхохотался как сумасшедший и заявил, что не стоит так переживать, потому что физическая ревность — это буржуазный предрассудок... — Она медленно обвела взглядом свое комфортабельное жилище. — Раньше здесь были только паутина, холод собачий, два мольберта и скрипучая кушетка... А потом он нарисовал этот портрет. — Она проглотила слюну и грустно добавила: — Так что ты прав: все началось из-за денег, ну, а дальше — обычная инерция. Катиться с горы всегда легче.

Я погладил ей руку, она в ответ улыбнулась.

«Мартини» действовал безотказно. Он таял на языке и небе, согревал желудок, туманил голову. Мы лежали рядышком, было темно и тихо, и я потихоньку смирялся с мыслью, что до конца года она не может порвать с Бертом и все пока останется по-старому, если даже мне хочется иметь ее всегда и только для себя.

— К тому же у него есть мои фотографии, — едва слышно произнесла она в темноте.

— Порнографические, что ли?

— Нет, что ты! Но все равно: мне придется выкупить негативы. А он за них наверняка запросит кругленькую сумму. Кое-

какие деньги у меня еще есть, вот и сегодня продала валюту, но не так уж и много, почти все я вложила в эту обстановку... Но тысяч восемь еще наскребу.

У меня даже дух захватило. Восемь тысяч! Если после окончания учебы буду зарабатывать восемь тысяч за полгода, буду доволен.

— И все-таки,— продолжала Катаржина,— страшнее Берта и негативов знаешь кто? Зузана! Из-за тебя.

Я засмеялся:

— Это ерунда! Пятиминутное дело!

— Нет,— она обняла меня за шею,— она не должна догадаться, что ты бросаешь ее из-за меня. Мы с ней подруги, и я не хочу ее обижать. Потерпи до Нового года, Борек. Как раз и с Бертом будет покончено. Ну, пожалуйста...

Из башни мы ушли около полуночи. Я бы не против там остаться хоть на неделю, но Катаржина меня упростила. Дескать, Зузана может что-то заподозрить.

Чтоб ее черти побрали, эту Зузану! Ну и дурак же я, что с нею связался!

Несмотря на просьбу Катаржины и мое вынужденное согласие, все могло сорваться уже через пару дней, в первое воскресенье ноября, когда мы встретились с Катаржиной у нее в комнате. Зузана уехала домой и собиралась вернуться только в понедельник утром, но неожиданно приехала ночью и стала ломиться к нам. Я лежал совсем голый рядом с Катаржиной и, когда раздался стук ключа в замочной скважине, даже обрадовался. Две-три неприятных минуты — и дело с концом! Но Катаржина не желала слышать о неприятностях. Она увела ничего не подозревающую Зузану в туалетную, а я тем временем удрал. Когда на другой день она мне рассказала, какой спектакль разыграла, я чуть не умер со смеху.

Еще один спектакль мы сыграли с египтянином Мунцером. Вместо Катаржины он обнаружил в башенке меня и вышел оттуда мокрый как мышь. Достаточно было показать ему карточку с гербом, засунутую в обложку от проездного билета, которую я предъявил вместо «удостоверения». Он прикинулся, что по-чешски ни бум-бум, только, мол, по-английски или по-французски, а когда я надел на него с более-менее приличным английским, он выдал себя за любителя старины, а башню, дескать, он посчитал историческим памятником. На следующее утро Катаржина позвонила ему и сказала, что, как ей кажется, за нею следят. Он, разумеется, говорил с нею по-чешски, но ничего вразумительного не сообщил и быстренько повесил трубку.

Одного из лучших «клиентов» Катаржина с легким сердцем списала. С другим покончила через пару дней, во время устроенной Гонзой вечеринки в «Дельте». Это был бизнесмен ВГ из Мюнхена, с которым я столкнулся, когда первый раз нагрянул в башню. Примерно с неделю Катаржина рвала и метала. В дело вмешался Берт. О продаже негативов не хотел сначала даже разговаривать, но, когда она предложила ему три тысячи крон, только засмеялся. Запросил пятьсот марок.

— Беда в том, что кроны его не интересуют, он признает только валюту. А у меня ничего нет, я всегда ее меняла на боны или продавала. Вот только сто пятьдесят долларов, ты знаешь откуда. Я собиралась со всем этим покончить, ну и немного погоропила. На Сильвестра Берг нашел каких-то американцев, если с ними пойду, он вернет мне негативы вместо «гонорара»... Не сердись, Борек, но мне придется идти...

— А он точно вернет? Не будет тебя потом шантажировать?

— При мне запечатает их в конверт и отдаст одному американцу, а тот мне вечером под Новый год вручит.

Я пожал плечами.

— Делай, как знаешь, Катаржина. Мы с тобой договорились, и наш уговор действует до конца года.

— Клянусь, что мне страшно этого не хочется, Борек, но, сам видишь, другого выхода нет... Может, ты что-то другое предложишь?

Мы ломали над этим голову целый день, строили самые фантастические планы, но так ничего толком и не придумали. Вечером всей компанией отправились в «Дельту», и тут, как назло, в баре оказался ВГ. Заметил Катаржину раньше, чем она его, пригласил на танец и стал уговаривать отправиться, как обычно, в башню. Но Катаржина от него удрала. Перед уходом сунула мне ключ, я стал отказываться, но она даже слышать ничего не хотела.

— Можешь проверять там, сколько хочешь, я еду домой в Костелец. Я не знала, что он здесь, честное слово. Он только что приехал, звонить я ему запретила, так что он отправил телеграмму. Завтра возьми ее на вахте... Ну, пока!

Она уехала ночным поездом. А я не поехал в башню: доверие за доверие.

Телеграмма на вахте действительно была: «Приехал в Прагу жди в семь вечера у тети. В.».

Его звали Вильгельм Гауфф, по-чешски он не знал ни словечка. Катаржина сама ему писала тексты телеграмм, он вставлял только время.

Словом, она ничего не утаила от меня из своего прошлого и убедила в том, что твердо решила порвать со всем этим. Оставалась только сильвестровая авантюра — ну да черт с ней! Это будет только паршивый эпилог паршивого года. Следующий будет гораздо лучше, потому что будет только наш.

Берг, как видно, на заморских гостей сильно рассчитывал. Даже приставил к Катаржине телохранителя. Четыре дня в горах промелькнули незаметно, и только одно-единственное утро мы с Катаржиной сумели отвоевать для себя. Она дежурила, все остальные отправились кататься на лыжах, а я «приболел». До самого обеда мы любили друг друга. Ночь я проспал рядом с Зузаной, и больше нам уединиться не удалось. Разве что пару поцелуев украдкой.

В последний вечер Гонза организовал прощальное гулянье. Он уже успел вылечиться от детской влюбленности в Катаржину и полностью переключился на Мирку. Она оставалась с ним каждую ночь, а Катаржина спала в своей комнате одна. Я,

однако, пойти к ней не решался. Из-за Зузаны. С нею я решил покончить, как только уедет Катаржина.

На гулянке я много пил, но хмель меня не брал, я сидел в полной меланхолии и думал только о своей любимой, обнимал ее глазами и мучился, представляя, как уже завтра она будет лежать в объятиях какого-то паршивого американца... Ах, эти чертовы, тысячу раз проклятые негативы!

Тем временем вечеринка длилась и длилась, только около часа ночи все устало. Первой поднялась Катаржина.

— Ну, что, детки, пора и баньки,— засмеялась она.— Завтра утром панна встала и к автобусу побежала...

Я даже рассердился: отчего это она вдруг заторопилась в постель? Хорошенько отдохнуть, чтобы с честью завершить свою карьеру проститутки?

Мирка расхохоталась:

— Браво, Катаржина! Насчет панны — это ты про себя?

— Нет, про тебя,— отрезала Катаржина и направилась в прихожую, добавив на пороге: — Мужчинам вход запрещен, дамы — вперед!

Алена с Миркой отправились за ней, чуть помедлив, двинулась следом и Зузана. Я остановился в дверях, прислушиваясь, что делается в коридоре. Девчонки чему-то смеялись, громче всех — Мирка. Алена, которая порядком была под газом, провозгласила, что идет умываться снегом и кто не трус, пусть идет с нею. Но никто, как видно, этим не соблазнился, так что она очень скоро вернулась.

— Там бешеная вьюга,— услышал я ее слова,— бешеная! Интересно, как вы утром доберетесь до автобуса.

Катаржина сказала:

— Не волнуйся, вниз уж как-нибудь доберемся.

— Гонза обещал нас проводить. А с Гонзой... С ним хоть на край света! — добавила Мирка.

Все еще широко улыбаясь, она вернулась в кухню, а мы с Павлом, наоборот, вышли в коридор. Алена крикнула: «Всем доброй ночи!» — и Павел посветил ей фонариком, чтобы она могла забраться наверх. Потом он плеснул себе на лицо водой и по лесенке отправился следом за ней. Чуть погодя Катаржина тоже завершила свой туалет, отложила зубную щетку, а я обнял ее и поцеловал. Она легонько меня оттолкнула, шепнула: «Не сходи с ума», — и выбежала на кухню.

Я поспешил за нею, но увидел только ее спину. Потрепался в кухне с Миркой и Гонзой, докурил сигарету и отправился в уборную. На дворе и в самом деле бушевала настоящая вьюга. Я даже побоялся отойти от избы, чтобы не заблудиться. Когда возвращался, заметил у сарая мужскую фигуру, даже в двух шагах в этой снежной круговерти я с трудом узнал Гонзу. Он стоял неподалеку от крыльца, подставив лицо под секущий поток снежинок. Метель не собиралась утихать. Мне пришло в голову, что, если к утру не уляжется, Катаржина с Миркой не сумеют уехать, и на секунду я даже обрадовался. Но только на секунду. У меня тут же мелькнула мысль, что тогда Катаржине не удастся заполучить компрометирующие негативы... Нет, луч-

ше уж кончать с этим сразу. И меня охватила злость на Катаржину. Пятьсот марок, каких-то дурацких пять сотен марок! Если бы она не поторопилась от них избавиться, сейчас передо мною не стояли бы такие неразрешимые проблемы. А что я вообще могу решить? Абсолютно ничего. Мне остается только бессильно наблюдать и безвольно участвовать в той шахматной игре, которую разыгрывают другие и куда я, незаметная пешка, случайно впутался.

Проклятая, дерьмовая жизнь!

Так я стоял у завалинки, а возле уборной Мирка кричала что-то о непорочной деве и рождественской метели. Откуда она там взялась, Бог ее знает, я даже не приметил, как она вышла из хаты. Еще я слышал, как покатывается со смеху Гонза, как валяет дурака, не обращая внимания на мороз и ветер. И вдруг я сообразил, что их дурашливая веселость дает мне последнюю возможность встретиться с Катаржиной наедине, ведь кухня пуста, а она одна в своей комнате.

Я зашел в сени, но, очутившись за порогом, остановился. Заколебался. Есть ли смысл разговаривать с ней?

Гонза с Миркой скоро вернутся в избу, так что надо решать. Да поскорее. А я все стоял, не двигаясь, чувствовал, как у меня дрожат колени, и злился, теперь уже на себя. Мужик я или баба? Рохля, дурак да еще и рогоносец...

Когда вернулся в комнату, Зузана стояла у окна и раздевалась. Свет не горел, но камин отбрасывал достаточно света, чтобы я мог видеть, как она стягивает через голову свитер и расстегивает бюстгальтер; правда, все это нечетко, размыто, словно в театре теней. Мы не обменялись ни единым словом, даже не пожелали друг другу спокойной ночи. В голове у меня образовалась какая-то пустота, спать я не мог, думать — тоже. Да и о чем?.. Я выкурил три сигареты, а когда зажигал четвертую, раздался ужасный крик Мирки, и до меня долетело страшное слово — убийство!

Я сразу же вспомнил слова Катаржины: «Ты не знаешь Берта, он бы меня ликвидировал...» — и повторял их про себя, точно заклинание.

Убила ее Мирка, твердил я точно в лихорадке, Мирка, Мирка, Мирка... Перед тем как выйти в коридор, она была с Катаржиной одна. Я набросился на Гонзу, но все равно знал, что он не мог убить, только Мирка могла. А она стояла передо мной, загораживая выход, точно кошка, подстерегающая добычу, разъяренная и мстительная, и плела какие-то небылицы о шантаже, о деньгах и побеге через границу. Я не в силах был что-то ответить, чуть с ног не валился от усталости. Ночь, когда я боролся с собой, стараясь сохранить внешнее спокойствие, изнурила меня до предела, но я обязан был доиграть свою роль до конца, потому что любил Катаржину. А можно ли рассказать теперь о ее блокноте, спрятанном у меня в рюкзаке? Но ведь Мирка и так что-то знает, а Гонза ее поддерживает. Если они станут читать Катаржинин «дневник любви», то совсем поверят Мирке. Все будет играть ей на руку, и мне никого не удастся убедить, что я не вымогатель и не убийца.

— Проклятая девка, ты мне дорого заплатишь! — выкрикнул Борек и побледнел как мертвец, потом умолк и с трудом проглотил слюну. Мне показалось, что он вот-вот задохнется.

Мирка не обиделась на эти слова, только мрачно усмехнулась. Все еще стоя в дверях, внешне спокойная, с высоко поднятой головой, она не спускала глаз с Борек и с каким-то удовлетворением следила за тем, как его охватывает бессильная ярость.

— Сволочная девка, — с ненавистью продолжал он, — обыкновенная проститутка, которая спит с мужиками за деньги...

— Прекрати, Борек, — вмешался я, изображая гнев, но мне было ясно, что он совсем недалеко от истины, что Мирке, да и Катаржине, нечего было бы возразить, что обе они давно уже овладели той самой древней профессией в истории человечества, которая в нашей стране во второй половине шестидесятых годов двадцатого века получила точное и меткое название — тузексовка.

— С какой стати я должен прекратить? — отрезал Борек. — По-твоему, пусть она меня забрасывает грязью, называет воров, вымогателем и даже убийцей, а мне остается только любезно улыбаться и твердить: «Дорогая, вы ошибаетесь...» Сам прекрати пороть чепуху, Гонза.

— Ради Бога, перестаньте, — громким шепотом вмешалась Зузана. — Давайте лучше разойдемся по комнатам, как предложил Борек.

— Это самое умное, что мы можем сделать, — быстро поддержала ее Алена. — А то мы уже начинаем кусаться как собаки. Скоро и подеремся.

— Что драка! У нас уже случилось кое-что похуже, — напомнила ей Мирка. — Если у тебя такая слабая память, сходи в соседнюю комнату и погляди.

— Замолчи, замолчи, ну, пожалуйста! — истерически выкрикнула Алена, рухнула на табуретку и зажмурилась. — Я... Я больше не могу... Пошли отсюда... Павел, заberi меня отсюда!

Павел растерянно стоял у стола напротив нее, и было заметно, что он ничего не соображает, не может связать концы с концами, словом, полностью выпал из игры, ему хватило сил только успокоительно пробормотать:

— Аленка, ну, ладно тебе...

Мирка отошла от дверей. Легонько пожав плечами, она горько улыбнулась и заговорила, и в голосе у нее звучали насмешка и жалость:

— Вы сами желали знать правду. А стоило мне рассказать вам одну только каплю, и вы уже затыкаете уши.

— Вот ты и проговорила, — прервал ее Борек, который все еще не хотел сдаваться. — Значит, в твоих словах только капля правды.

— А с тобой я вообще не хочу о ней разговаривать, — возразила Мирка. — Я точно знаю, что Катрин привезла много денег. И я догадываюсь, где она их держала. Она привезла такой

маленький чемоданчик... Ну, там краска, кремы, помада... Все, что требуется женщине.

— Верно,— подтвердила Аленка,— привезла. Она мне вынула из него растворитель для лака. Этот чемоданчик у нее был на ночном столике.

— Можно проверить, есть ли он там и сейчас. Но зачем нам Катина косметика? — спросил Павел.

— Незачем,— отрезала Мирка,— совершенно незачем, можешь себе представить. Я говорю не про тот чемодан, где косметика. Видишь ли, парень, она везла с собою два. Странно, не правда ли? Я заметила его, когда мы на Штепана разбирали свои рюкзаки. Случайно. Она его вынула и сразу же сунула обратно. А потом он из рюкзака исчез. Она все оттуда вынула и положила в ящик. А второй чемоданчик, скорее даже несесер и кожаный, светло-коричневый, с «молнией», она спрятала под тюфяк. Я обнаружила его вчера утром, когда стелила простыню. Деньги были точно в нем, интересно только, есть ли он там и сейчас. Если вы такие храбрые и так страшно хотите знать правду, можете проверить. А меня оставьте в покое, меня уже тошнит от вас и ваших разговоров...

Она умолкла. На последних словах ее хриловатый, но приятный голосок упал до едва разборчивого шепота. Потом она придвинулась ко мне, легонько взяла за локоть и чуть покачала. Она даже попыталась улыбнуться, печально и устало, но попытка так и осталась попыткой. Губы, которые должны были изобразить улыбку, только чуть приоткрылись, искривились и снова сжались. Потом она села на постель, на самый краешек, прямая, неприступная. Две-три секунды сидела так, точно окаменевшая, потом наклонилась вперед, оперлась локтями о колени, голову положила на ладони, плечи у нее задрожали, она потянула носом воздух, всхлипнула и тихо заплакала.

Пока она говорила, никто даже не шевельнулся, мы молча следили за нею, как за актрисой, произносящей захватывающий монолог, Павел хмурился, а Зузана с Аленой, словно сговорившись, сидели, приоткрыв рты, со страхом и удивлением в глазах. Но я следил в первую очередь за Борексом. Сначала его лицо не выражало ничего, кроме апатии, но по мере того, как Мирка ровно и монотонно произносила свою речь, безразличие сменилось любопытством, любопытство — тревогой, а тревога — какой-то неопределенной смесью боли, страха и смятения. Я понял, что Борек не понимает, о чем идет речь.

За обледеневшими окнами пронзительно выла и свистела нескончаемая метель. Она то стихала на мгновение, то вновь налетала с удвоенной силой, точно хотела сорвать избу с фундамента и разбить ее вдребезги о скалистые отроги высшей неподалеку Козьей горы.

Наконец заговорил я. И даже испугался своего голоса, так хрипло и сорванно он прозвучал.

— Давайте проверим. Павел, ты пойдешь со мной. И ты, Мирка, тоже. Пошарим под тюфяком.

— Никуда я не пойду,— проскулила Мирка,— не трогайте меня!..

— Тогда Борек,— сказал я.

Он закрутил головой и отказался:

— Зачем я вам нужен? Хватит и вас двоих.

— Нет,— уперся я,— ты тоже пойдешь с нами.

Борек уступил. Павел повернулся и отворил дверь в соседнюю комнату; у порога, однако, остановился и пропустил меня вперед.

— Если ничего не найдем,— предупредил я,— каждый покажет свои вещи, рюкзаки, бумажники, карманы и вообще. Общем всю избу от погреба до крыши. Не возражаете?

Ответом мне было гробовое молчание.

— Молчание — знак согласия,— заметил я и зашел в спальню Катаржины. За мною — Павел, последним — Борек. Дверь осталась приоткрытой, но ни одна из девчонок даже головы не повернула. Зузана опустила глаза, Алена вообще зажмурилась.

Я остановился у постели, где лежало неподвижное тело. У меня засосало в желудке, но надо было поскорее с этим делом покончить, и я приподнял тюфяк и сунул туда руку. Тут же нашарил что-то мягкое, завернутое в тряпку, точнее, в полотенце, и вынул маленький сверточек.

Я указал подбородком в сторону кухни, Павел кивнул, а Борек туда направился. Он шел, точно на ходулях, тяжело и неуверенно, споткнулся о порожек и чуть не упал, но в последнюю минуту успел схватиться за край стола и остановился, ухватившись за стол с такой силой, точно боялся, что он куда-то исчезнет.

Я осторожно положил на стол светло-коричневую кожаную коробочку, которую вынул из полотенца.

— Все верно, она держала ее под подушкой,— произнес я и с большим облегчением добавил: — Мирка говорила правду.

— Погляди, что внутри,— сказала подошедшая к столу Мирка.

Я помешкал. Борек оторвался от стола и нетерпеливо выкрикнул:

— Да открывай же, чего ждешь!

И замер, широко расставив ноги, не отводя взгляда от несесера. Глаза у него блестели, как у больного.

Я взял коробочку в левую руку, а правой расстегнул «молнию». Коробочка открылась, и я вынул белый продолговатый пакет, аккуратно перевязанный красивой зеленой лентой.

— Ну, что? Будем смотреть дальше? — спросил я, стараясь держаться спокойно, и быстро окинул взглядом всю компанию, проверяя, как они отреагируют на мой провокационный вопрос.

Зузана промолчала. Алена нервно кивнула, а Борек и Мирка в один голос выкрикнули:

— Да!

— Как хотите,— сказал я, отодвинул коробочку и взял пакет в руки. Мне даже не надо было развязывать ленту, пакет был мягким и упругим, я легко ее стянул и уронил на стол, а потом развернул бумагу и высунул туда же все содержимое.

— О Господи! — выдохнула Алена и протянула руку, видимо,

чтобы убедиться, что это не сон, но тут же испуганно ее отдернула.

— Не может быть! — прошептал Павел и повернулся к Мирке, словно ожидал от нее объяснений. Но Мирка смотрела на стол с тем же удивлением и едва ли не благоговейным ужасом.

На клетчатой скатерти в свете трех свечей рассыпалась целая грудка банкнот, добрых сто, а то и больше тысяч, и у нас, студентов, привыкших стрелять пару крон до стипендии или денежного перевода от родителей, перехватило дух.

Я разложил банкноты неровным веером. Насколько сумел разобрать, тут были доллары, марки, швейцарские и французские франки, английские фунты, югославские динары, шведские кроны и голландские гульдены, новенькие или потрепанные, походившие по рукам, они играли всеми красками — от светло-зеленой до темно-синей и фиолетовой, все эти десятки и двадцатки, сотенные и полусотенные. На одном краю веера лежало шесть или семь стодолларовых бумажек, чуть дальше, почти посередине, покоились банкноты с изображением нахмуренного мужчины в профессорском берете, их было больше всего, не меньше четырех сотен, и на каждой из них красовалась единичка, дополненная двумя пузатенькими нулями, а чуть ниже, у самого краешка, над светлой каемкой, виднелись энергичные подписи финансовых чинов федеральной республики, а рядом с ними теснились еще и еще самые разнообразные сокровища, заканчиваясь несколькими тузексовыми стокроновыми бонами.

— Нет, это мне снится, — закрутил головой Павел, я только негромко свистнул, Зузана, обхватив руками горло, отодвинулась подальше от стола, Борек, похоже, собирался упасть в обморок, а Алена вздрагивающим голосом прохрипела:

— Откуда это у нее?

Вопрос был скорее всего риторический, но Мирка не оставила его без ответа.

— Однажды я вам уже посоветовала, чтобы вы как следует расспросили Борека, он вам все растолкует. Вся информация у него в руках...

— Нет, — возразил Борек, — я ничего не знаю. Она меня обманывала. Она меня только обманывала... Только обманывала! — Шатаясь, он сделал несколько шагов и остановился возле дверей. — Ей нужно было пятьсот западногерманских марок на негативы. Улики... А у нее столько не было. Поэтому она и должна была вернуться на Сильвестра в Прагу, чтобы заработать их, иначе Берг не вернул бы ей негативы. Пятьсот марок... — Он вернулся к столу, сгреб банкноты в кучу и вытащил оттуда пять бумажек. Тех, где хмурился мужчина в берете. — Дурацких пятьсот марок. А марки-то — вот они! Паршивая мелочишка, верно? — Он безнадежно махнул рукой. — Интересно посчитать, сколько тут раз по пятьсот марок...

— Про какие негативы ты говоришь? — воскликнула Мирка. — Про какие улики?

— Про те, которые были у Берта... Ну, этот ваш менеджер из «Метрополя»...

— Чепуха! — решительно заявила Мирка. — У Берта никаких

негативов не было. Улики против Катаржины? Откуда! Она сама дала ему свои фотографии. А сделал их ее художник. К тому же она была на них в вечернем платье.

Борек уронил пять сотенных бумажек на стол.

— Вот видишь, я ничего толком не знаю, абсолютно ничего. Так что оставьте меня в покое. Деньги нашлись, убежать мне не с чем, я иду в свою комнату...

Он направился к дверям, поникший и жалкий. Все провожали его глазами, Зузана — грустно, а Мирка — презрительно, разве что не плюнула вслед. Павел с Аленой обменялись короткими испуганными взглядами, и я вдруг понял, кто убил Катаржину, кто был тот единственный, кто имел возможность и повод, чтобы ее убить.

— Стой! — крикнул я Бореку, открывавшему дверь в коридор. — Останься здесь, понял? Останься здесь вместе со всеми!

Он молча повиновался. Медленно прикрыл дверь и скорее упал, чем сел на ближайшую табуретку.

Я негромко спросил Мирку:

— Может, все-таки что-то нам расскажешь? Ты ведь наверняка знаешь, откуда у Катаржины эти деньги. Ты все прекрасно знаешь.

Мирка вздохнула.

— Всего я не знаю, Гонза, правда, не знаю. А вот откуда у нее эти деньги... — Она помолчала, кончиком языка облизала губы, тряхнула головой и с досадой и злостью выкрикнула: — Да вы что — такие дураки, что никак не можете догадаться, как такая красивая девчонка может достать деньги? Да она их заработала. За-ра-бо-та-ла! Желаете услышать, каким образом?..

Могучий порыв ветра снова встряхнул нашу избу.

— Ну и буря, — произвольно вырвалось у Павла. — Прямо страх и ужас!

Мне все осточертело, но не бросать же на подороге. Надо было идти до конца. Поэтому я задал Мирке следующий вопрос:

— Как долго Катаржина промышляла тузексовкой?

— Насколько мне известно, почти два года. А может, и больше, — выпалила Мирка.

— Борек, а ты давно об этом узнал?

Взгляд у него был как у затравленного зверя, кончики губ дергались, но он все-таки ответил:

— Где-то в конце октября...

— Ну, а вы?.. — обратился я к остальным.

— Ты что, Гонза, чокнулся? Я и понятия об этом не имел. Катаржина и... — Он умолк и недоуменно покачал головой.

Я обратился к Алене:

— А ты?

— Я догадывалась, что она совсем не такая, какой кажется. После остановки в Гоницах у меня появилось подозрение, но... — Она махнула рукой в сторону денег. — Но об этом... Нет, об этом я ничего не знала.

Я повернулся к Зузане:

— Значит, остаешься только ты, Зузана. Когда ты узнала тайну Катаржины?

— На вечеринке в «Дельте», — пробормотала она. — Раньше я тоже ни о чем не догадывалась.

Я шагнул к столу, одним широким движением сгреб деньги в кулак, кое-как подровнял их, завернул в помятую бумажку и сунул обратно в кожаную сумку. Задернув «молнию» и швырнув Катину сокровище поближе к чадающей свече, я произнес:

— Значит, Алена все-таки кое-что заподозрила.

— Я? — растерянно выкрикнула Алена. — При чем тут я?..

— При чем? Ну, скажем, ты кое-что подметила. Я говорю про «Дельту». Пузатый немец знал Катаржину по имени и обратился к ней «Fräulein Katherine», а вовсе не «Fräulein, darf ich bitten», как старался нас убедить Борек. И, конечно же, ему не надо было узнавать ее по фотографии в «Штерне», как сама Катаржина пыталась убедить Павла.

— Какой немец? — прервала меня Мирка. — Такой низенький, лысенький?

— Точно, — кивнул я. — Знаешь такого?

— Это у нее был самый лучший... друг, — ответила Мирка.

— Ну да, теперь ты готова на нее все помои вылить, — неуверенно возразил Борек и, поколебавшись, добавил: — Но она с ним не пошла. Я точно знаю, что в ту ночь она уехала домой, в Костелец.

— Ничего ты не знаешь, — ледяным тоном вмешалась в разговор Зузана. — Ничего-то ты не знаешь, Борек... Она пошла к нему в номер. Я сама видела. Она ожидала его в коридоре, в уголке отдыха... А ты и не знал ничего.

— По-твоему, он ничего не знал, а на самом деле видел Катаржину насквозь! — с жаром кинула Мирка. — Она сама мне призналась, что он ее держит в кулаке. Из-за этого она сюда и приехала. Пришлось. Он ее заставил.

Не успел Борек опомниться, как Зузана пришла ему на помощь:

— А теперь ты путаешь, Мирка. Борек совсем и не хотел ехать в горы. На святки он заболел гриппом, ему было очень плохо...

— О Господи, Зузанка, — прервала ее Мирка. — Да проснись же ты наконец! Перестань его защищать!

— Борек хотел ехать, Зузана, — вмешался я. — Только от тебя ему хотелось избавиться.

Зузана отвернулась к окну, чтобы не встретиться со мною взглядом. Она прекрасно понимала, что у меня нет причин ее обманывать.

— Еще в первый день, когда мы поднимались от остановки наверх, мне пришло в голову, что Борек изменяет тебе с Катаржиной. Помнишь, он забрал у нее рюкзак, а на тебя даже не обратил внимания. Во время ужина и особенно утром, когда они вдвоем остались в избе, я убедился в этом окончательно. Удивился, правда, но не особенно переживал. Откуда мне было знать, что ты так привязана к Бореку и готова даже убить ради него?

— Неправда! — выкрикнула Зузана, но голос ей изменил, и она отчаянно завертела головой.

Я торопливо продолжал:

— Я никак не мог понять, кто и зачем убил Катаржину. Потом стал сопоставлять разные факты и постепенно исключил из числа подозреваемых Павла, а чуть позже и Алену. Павел уже когда-то ухаживал за Катаржиной, но она его отшила. Алена, конечно, ревновала чисто по-женски, но особых поводов для ревности у нее не было. Потом меня сбили с толку Мирка и ее обвинения в шантаже. Я ведь поначалу понятия не имел, чем можно было Катаржину шантажировать. Пока не нашли всю эту «мелочишку». Ясно, что шантажировать было чем. И ради чего. Тут впервые я увидел Кат в реальном свете. Но Бореك действовал вовсе не ради денег, не такая уж он сволочь. Скорее всего он и не догадывался о ее заработках, как же, как и все мы. Да он еще сам был готов ей помочь. Если не ошибаюсь, она наплела ему, что ей нужно пятьсот марок для выкупа каких-то удик, и он бы спокойно отпустил ее в Прагу на заработки. Не любовник, а чудо, аж плюнуть охота. Но наверняка он мало что знал про свою красавицу, ну, разве что пронюхал кое-что и прижал ее к стенке, а она обвела его вокруг пальца... В общем, это не важно. Важно то, что ей пришлось с ним спать, и ты, Зузанка, об этом узнала. А после ужина в «Дельте» догадалась, почему она не может его отшить, хотя любовь-то у нее продажная, надо только предложить ей хорошую цену, и все будет в порядке. И вот этого ты, Зузана, выдержать не могла. Ты любила Борека, очень любила и не хотела, чтобы он связался с проституткой. Вот поэтому и убила ее...

— Нет,— с трудом произнесла она.— Я не убивала, Гонза...

— Докажи, что я не прав, и я попрошу у тебя прощения. На колених! Причем с радостью...

— Да нет, нечего тебе просить прощения,— тяжело вздохнула Зузана. Она явно держалась из последних сил.— Я хотела от нее только одного. Чтобы она оставила Борека в покое. Ничего больше...

— А когда вы об этом говорили?

— Вчера после обеда,— ответила она,— когда вы с Бореком, Павлом и Аленой уехали в деревню.

— Вчера? — удивилась Мирка.

Зузана горько усмехнулась:

— Да, ты была при этом.

— Но ведь вы болтали про какую-то портниху... — напомнила Мирка.

— Это при тебе. Как только ты появилась, Катаржина перевела разговор. А до этого мы говорили про Борека. Я сказала, что мне все известно и что я не позволю ей ходить с ним. Ни тайно, ни открыто. Иначе...

— Иначе?.. — подхватил я.

— Иначе всем расскажу, чем она занимается.

— А Катаржина?

Зузана пожала плечами.

— Ничего. Потом в кухню зашла Мирка.

— Значит, вы не договорились,— заметил я,— и поэтому

ночью ты снова пришла к ней.— Я махнул рукой, остановив ее слабую попытку возразить.— Пришла, Зузана, пришла... А может, не ты, а Борек?.. Алена с Павлом спали наверху, под крышей, мы с Миркой валяли дурака на дворе, так что остае-тесь только вы двое. Кто-то из вас зашел на минутку к Катаржи-не, то ли через кухню, то ли прямо из вашей комнаты, и ударил ее ножом, когда она собиралась надеть пижаму. Это могла быть только женщина. Или Катин любовник. То есть Борек...

— Борек не убивал Катаржину! — выкрикнула Зузана.— Нет! Нет!

— Нет! — согласился я и положил ей руку на плечо.— Он не убивал. Жалко лишать тебя последних иллюзий, но убить из-за любви ему не по плечу. А вот тебе — да! Кроме него, у тебя никого не было на свете, а Катаржина хотела отнять его у тебя... Так что, должен я просить у тебя прощения?

— Нет,— торопливо, словно в горячке, заговорила Зузана.— Я собиралась спать и увидела, как они с Борексом целуются в коридоре. В обед она меня уговаривала, плакала, жаловалась, что Борек ее шантажирует, а вечером пришла в себя, как видно, все хорошенько обдумала и от всего отказалась. Да еще и по-смеялась надо мной. Заявила, что ни с каким немцем в номере не была, что это просто клевета... Клевета или галлюцинация... Стала раздеваться передо мною догола и все повторяла: галлю-цинация, Зузанка, все это просто галлюцинация, ты же у нас немного с придурью...

На лбу у нее выступили крупные капли пота. Лихорадочно выпаливая слова, она уставилась на меня, но вряд ли видела что-нибудь, глаза у нее, обычно тусклые и невыразительные, расширились, разгорелись, точно у дикой кошки.

— Она сказала, что мне никто не поверит, все только посме-ются, а то еще и в психушку засадят...

Она умолкла, но вся сцена встала передо мною, как на экране. Нагая Катаржина, прекрасная, как греческая богиня, губы изогнуты в иронической усмешке, а напротив нее — Зузана, жалкая, пришибленная и ошеломленная, отчетливо представившая себе, что с такой соперницей у нее нет шансов на победу и что никто не поверит ее обвинениям. На мгновение она теряет равновесие и хватается за стул. Под руку ей попадает какой-то предмет, это кухонный нож. Она берет его, инстинктив-но соображает, что надо направить лезвие вперед, и наносит удар. Катаржина даже не поняла, что умирает. Может быть, только вздохнула и упала на постель, пижама свалилась к ногам, а ноги, длинные, стройные, обнаженные, дернулись и застыли. И только тут Зузана обнаружила, что ножа у нее в руке больше нет. Он торчал под левой грудью у Катаржины — страшно, прочно и неумолимо.

— Потом ты потушила лампу, ушла в свою комнату и заперла за собою дверь... Дай-ка мне ключ,— внезапно закончил я и про-тянул к ней ладонь.

Она вынула ключ из сумочки и молча отдала его мне.

Я уронил его на стол. Ключ звякнул и остался лежать рядом с кожаной сумкой, где покоились Катини деньги.

— Нож ты взяла на кухне? — уточнил я.

— Нет. Он лежал на столе в комнате. Сама не знаю, как он очутился у меня в руке... И все! Больше меня не трогай! Прошу тебя!.. Не бойся, я во всем признаюсь... Я ее не убила, я ее уничтожила. Как клона, как паука... А она и была паучиха...

Она встала и направилась к дверям. Даже не взглянула ни на кого из нас. Только, проходя мимо Борека, легонько коснулась пальцами его плеча, но не остановилась, даже не замедлила шаг.

После долгого, очень долгого молчания я произнес:

— Голову даю наотрез — она не понимала, что делала...

И представил себе битком набитый зал суда, трех строгих мужчин в мантиях и стоящую перед ними маленькую, жалкую Зузану, а потом длинные, нескончаемые, ослепительно белые коридоры сумасшедшего дома и разросшийся парк, обнесенный высокой стеной, — и все это за слишком большую, чистую и несчастную любовь...

Алена жалостливо всхлинула:

— Какой ужас! Такая милая девчонка...

Павел не произнес ни слова. Мирка тоже. Только резко выпрямилась, сидя на постели, и окинула Борека злым, откровенно ненавидящим взглядом. А мне хотелось ударить его, оглушить, свалить на землю и избить как собаку...

Добрых полчаса мы сидели на кухне, молча переживая про себя все случившееся. На дворе завывал нескончаемый буран, в печке потрескивали горящие полешки, а в избе стояла мрачная, благоговейная тишина, как в церкви.

Первой молчание нарушила Мирка.

— Надо бы к ней пойти... Нельзя бедняжку оставлять одну. Алена кивнула и встала:

— Правда, Мируш, пошли.

Они покинули кухню, но тут же вернулись, тяжело дыша и с вытаращенными глазами.

— Она ушла! — крикнула Мирка и сунула мне в руку маленький блокнотик в кожаной оправе, раскрытый почти посередине. Через весь разворот там было написано: «Ушла признаваться. Зузана».

Я стал машинально перелистывать блокнот, но, кроме этих трех слов, каких-то цифр, сокращений и адресов, ничего больше не обнаружил.

— Она взяла свои лыжи, — растерянно сообщила Алена. — А штормовку не надела, уехала в такую вьюгу в одном только свитере...

Я швырнул блокнотик на стол и выскочил в прихожую, а оттуда на крыльцо. Но, сделав несколько шагов, остановился. В лицо мне ударил ошалевший ветер, а в глаза хлестнул поток острых, высекающих слезы снежинок, и я понял, что это конец, что мне осталось только одно: стоять и бессильно вглядываться в непроглядную мглу этой бешеной, этой безжалостной круговерти.

НА СОН ГРЯДУЩИЙ

Остывший пыл,
седого пепла легче,
уносится к обочине туманной,
зудят от возжеленной ноши
плечи,
и на зубах
земли обетованной
скрипит песок.
Столь призрачный базис
рассыпался
в согласии с Эвклидом.
Мираж, бесспорно,
отрицает базис,
но, размышляя,
полный индивидуум
вдруг понимает:
пламенные речи
тревожат вечность
меньше, чем законы.
Так что ж душа —
не с ними ищет встречи
и топчет скорбный берег Рубикона.
И несть числа
попыткам добровольца
пред тем,
как он, стрепоживая память,
сочтет на плахе
годовые кольца
и канет...

КОЛОДЕЦ

Да что же я такое вытворяю —
на ветер свою душу отворяю,
в колодец искру Божию швыряю
и сам за ней как проклятый ныряю.

Ведь это про меня: с цепи сорвался!
О цепь моя! Мой скрюченный рассудок,
не я ль тобой, злаченой, любовался,
пока не рухнул на излете суток.

И уж лечу, все к отраженью ближе,
в объятиях бессмертия и дрожи,
и сам, не различая веки, вижу
мерцанье искры, что ты высек, Боже!

Она и ярче солнца, и желанней,
но пробужденье польхнуло в стоне,
пред тем как призрак мой с холодной глади
ее мне протянул в своей ладони.

НОЧНЫЕ ВИДЕНИЯ

Еще не нарушая сумрак,
ты расстилаешься, как поле,
не шелохнется и былинка,
тепло неожиданное приемля.

Ты приближаешься, как приступ
томительной сладчайшей боли...

Глубин морских звезда коснулась,
и стебель с плеч обрушил землю.

Пока не оскудела вьюга,
следы отчетливей предметов.

Предметы памяти теплее
реальности неотрешенной.

Как уберечь от злобы друга
и веру от пустых наветов?..

Звезда остывшая всплывает,
и колос чист новорожденный.

Ты распускаешься как вечность
живыми жадными цветами,
ты каждый луч и жест приемлешь
бестрепетно и отчужденно...

Когда бы знать: чье имя сжато
твоими влажными устами? —

Я бы задул его навеки —
огонь, нечаянно зажженный.

Ты распрямляешь возделенье
и заглушаешь чувство долга,
пугаясь собственного пульса,
я всплывшую звезду целую.

Пусть вечное мое смятенье
меня покинет ненадолго,
до дна души твоей достанет
и возвратится... Аллилуйя!

Такое чистое желанье
невоплощенным бы оплакать,
но все, что высказано речью,
уже не воплотить воочию.

Светает... и уже воззвизли
вершины гор в ночную мякоть,
и ты, во мне узнавши мужа,
забудешь все, что было ночью.

≡

Ты чувствуешь вину, как боль и близость смерти,
до крови на губах, остывшей на юру,

как будто на тебя пласты небесной тверди
обрушились уже — ты шепчешь: я умру...

То сохнешь от вины, как захворавший корень,
слезами заслонив срамную наготу,
ты так больна виной, что в этой тяжелой хвори
и мне не стало сил, и мне невозможу.

И чую — не спастись ни близостью, ни далью
от гибельной тоски и смертной белизны,
пока не ознобит меня, как смертной сталью,
промокшее от слез дыхание вины.

Я погашу окно, чтоб ты к нему прикила,
как сломленная ветвь под ветром и дождем.
Ты чувствуешь вину... но ты уж к ней привыкла,
как будто стал родным чужой и темный дом.

Ты чувствуешь вину?! Безделица — и только...
Плоды дурного сна и происки светил,
не будет ничего — ни слез, ни кривотолков...
И я тебя простил...

ГЮЗЕЛЬ

Я не храню семейные обеты,
мои кумиры — ночь и алкоголь,
все кошки серы, грешники отпеты,
и ангелы пострижены под ноль.

Как в смертоносном танце Саломея,
туркменочка со шрамом на лице
любила, словно бы писала мелом
на белоснежном ватманском листе.

Ей не терпелось выглядеть живее,
чем лица предков в глиняных гробах,
но голый почерк ветра-суховея
сквозил в ее движениях и губах.

Он звал подняться с купленной постели
и разрешить один большой вопрос:
какие духи дремлют в гибком теле
и что сулит рисунок тонких кос?

Но не уйти от пагубных объятий,
и в ужасе, не расплетая рук,
я с содроганьем слушал стон проклятий
из ветра, завывавшего вокруг,

и я изнемогал в ее порывах —
подобье солнцем выжженных пространств,
и гибельная грация надрыва
была верней — дика и горделива —
мне всех на свете женских постоянств.

Ах, не ищите в голосе трагизма,
трагизм смешон, когда такая власть!
И исцеляет душу от цинизма
за пять червонцев купленная страсть!

ПРЕДЧУВСТВИЕ

Бесчисленные замыслы творений
на линиях медлительной ладони,
сухой, как лихорадка поколений,
и легкой, как комедии Гольдони.

Без повода, задолго до рассвета
проснувшись, находил глазами руку,
я находил ее почти по звуку,
как узнают собрата по привету.

У самого лица, поверх подушки,
ладонью вниз, присобранная в горсти —
не отрываясь я глядел послушно,
по недосмотру приглашенный в гости.

Как тайное переливанье крови,
в окне менялись очертанья ночи;
я, недвижим, лежал с рукою вровень,
я сам себе казался беспорочен.

И, различая жилки на запястье,
то сложные узоры, то простые,
я чувствовал, как наволочка стынет
у подбородка вестником несчастья.

ЭТА ГОРЬКАЯ ПАМЯТЬ

256

ПОРА ПРОЧЕСТЬ

Книга с названием «Москва» выйдет сначала в Париже в 1939-м, затем дважды — в 1960-м и 1973-м — будет переиздана в Мюнхене. Москву же — ту самую, о которой в ней речь, — минует она вовсе, как минует и читателя, которому автором предназначена.

Странно?

Скорее горько. Нет, жутко.

Жутко оттого, что вчера еще мало кому из нас и в голову-то приходило, что живем мы вверх ногами. А как же иначе сказать, если в курсе русской литературы XX века изучали и Семена Бабаевского, и Михаила Бубеннова, и Аркадия Первенцева, а от Ивана Шмелева, Евгения Замятина, Бориса Зайцева шарахались

как от чумы? Тем самым научены и свыклись уж было так жить — вверх ногами. Ну да, слава Богу, теперь и «Бог» с большой пишем буквы, и, по всему видно, пора пришла ноги на землю поставить, голову же — на место, природой ей определенное.

Правда, «переворот» этот не всякому пришелся по вкусу и по нутру: первые же попытки обрести естественное положение в пространстве кое-кого перепугали, да так, что один романист окрестил их словом, до сих пор в ходу не бывшим, — некрофилия. Сгоряча, надо полагать, обмолвился — бывает... Словом, место свое в нашей жизни занимать потихоньку начинают те русские писатели, без которых жили мы, прямо сказать, обделенными и обобранными; нынче ж в промежутках книжной череды из бесчисленных «любowników Екатерины» и «жен Ивана Грозного» нет-нет да мелькнут и Шмелев, и Замятин, и Зайцев, покуда, правда, не густо. Журнальная периодика тут поразворотливей, и писатели эти, локтями никого не расталкивая, чаще законное свое занимают в ней место.

Но тут самое время будет и спросить: отчего же писатель из первого этого ряда — БОРИС ЗАЙЦЕВ (1881—1972) — миновал до сих пор специальную, предназначенную грехи замаливать сменовскую рубрику «Пора прочесть»? Ответ, как и вопрос, естествен: велико, изобильно оказалось наследство, за полтора года только с краешку нами тронутое. Надо, однако ж, сказать, что пальму первенства открытия этого имени вовсе без досады отдаем мы другим изданиям, успевшим познакомить читателей с неизвестными повестями и рассказами русского прозаика, тем более что сегодня, признаемся не без удовольствия, мы предлагаем читателю другого, совершенно пока незнакомого Зайцева — летописца событий, с которых и начиналась в русской культуре пора глухого молчания. И здесь, смеем думать, ждет нашего читателя двойная награда, потому как свидетель роковых дней — выдающийся русский писатель.

Итак, место действия — наша первопрестольная, время — то самое, когда «Москва, мирная и покойная, послечеховская, артистическая и отчасти божественная», сменилась иной — заклеенной оборванными декретами, заплеванной революционными семечками, но нашему поколению более знакомая не по свидетельствам очевидцев, а по бесконечному, на многие десятилетия растянувшемуся сериалу фильмов с неизменными бравыми «братишками», перепоясанными накрест пулеметными лентами и нагоняющими страх на трясущихся «буржуев» в пенсне, которые — «волею революционной логики» — оказываются в конце концов в славной дубянской кутузке под презрительными взглядами дымящих самокрутками вихрастых следователей... Борис Зайцев, как, впрочем, и другие персонажи его воспоминаний, пенсне не носил, не трясся от страха, но кутузки не миновал. Странно было бы, случись иначе.

Надо ли уточнять, что «вина» автора и его героев-содельников сомнению, как говорится, не подлежит? Какие уж тут сомнения, если в 1921 году, когда новая власть не встала еще на крыло, а московские литераторы единодушно избирают Б. Зайцева председателем Союза писателей (вице-председатели более чем сомнительны — Н. Бердяев и М. Осоргин), а в том же 21-м писатель

Б. Зайцев вместе с искусствоведом, эссеистом и переводчиком П. П. Муратовым, театроведом и историком литературы А. К. Дживелеговым, известным земским деятелем Ф. А. Головинным, экономистом, профессором университета С. Н. Прокоповичем, литератором Е. Д. Кусковой, врачом и общественным деятелем Н. М. Кишкиным вступает во Всероссийский комитет помощи голодающим — какие же тут сомнения! Понятное дело, всю «теплую компанию», как скажут о них в ЧК, то же самое ведомство тотчас и «оприходует» — арестует всех меньшевистских членов Помгола, великодушно сделав исключение для Максима Горького и Веры Фигнер. Затем — а это уже надо признать верхом великодушия! — Дзержинскому без особой огласки предложено будет «поручить все это толковому, образованному и аккуратному человеку в ГПУ» и выслать означенных — читай: весь цвет русской интеллигенции — за границу, предварительно обязав подписать документ, согласно которому в случае возвращения в РСФСР оные подлежат расстрелу... Позже, уже на чужбине, Б. Зайцев вспомнит: «Высылка эта была делом рук Троцкого. За нее высланные должны быть ему благодарны: это дало им возможность дожить свои дни в условиях свободы и культуры. Бердяеву же открыло дорогу к мировой известности».

Да и как в самом деле не благодарить «трибуна революции», если не без его воли вплотную уже придвинулись времена, от которых и сегодня мороз по коже: накануне безвинно расстрелян Николай Гумилев, а с ним еще шестьдесят один человек...

258 О лютых тех временах и пишет Борис Зайцев в предлагаемых здесь воспоминаниях. Но как не похожа «воспоминательная» его проза на бунинские «Океанные дни»! Нет в ней праведного гнева автора знаменитых дневников, неистовых его проклятий, хотя о тех же самых «днях» ведет Зайцев свой рассказ. У Бунина — ярость, безысходное отчаяние. У Зайцева — грусть, тоска, религиозное смирение и неповторимая его интонация: «Что же делать, коли Бог послал?» Даже в этом — обвинительном — жанре верен он своей художественной прозе — акварельно-тонкой, интимной, камерной, если угодно, но за всем этим — необыкновенно пластичная, рельефная картина времени, разломившего страну надвое.

Надвое разломленной теми же событиями оказалась и жизнь автора. Покинув родину, обосновавшись в стране, которая приютила многих его соотечественников, написавших там, как и он, главные свои книги, Зайцев признается в том, в чем так или иначе признавались все, эту судьбу разделившие: «Все написанное здесь выросло из России», — а потом добавит с тоской и затаенной надеждой: «Что может быть радостней для писателя, чем оказаться вновь на своей земле, вновь печатать книги свои в типографиях Москвы, Петербурга?»

Не дожил Борис Зайцев до этого дня, упокоил душу не на Ваганьковом, не на Донском или Новодевичьем в Москве, а на кладбище русских изгнанников Сен-Женевьев-де-Буа в Париже, рядом с Буниным, Ремизовым, Шмелевым, Мережковским... Они не дожили. Дожили мы — их соотечественники, — грешные, беспмятные и только теперь память обретающие.

“ВОСЕМЬ

ДНИ”

БОРИС
ЗАЙЦЕВ

ЛАВКА

259

Огромная наша витрина на Большой Никитской имела приятный вид: мы постоянно наблюдали, чтобы книжки были хорошо разложены. Их набралось порядочно. Блоковско-меланхолические девицы, спецы или просто ушастые шапки останавливались перед выставкой, разглядывали наши сокровища, а то и самих нас.

«Книжная Лавка Писателей». Осоргин, Бердяев, Грифцов, Александр Яковлев, Дживелегов и я — не первые ли мы по времени эппманы? Похоже на то: хорошие мы были купцы или плохие, другой вопрос, но в лавке нашей покупатели чувствовали себя неплохо. С Осоргиным можно было побеседовать о старинных книгах, с Бердяевым — о кризисах и имманентностях, с Грифцовым — о Бальзаке, мы с Дживелеговым («Карпыч») по части ренессанско-итальянской. Елена Александровна, напоминающая Палладу, стояла за кассой, куда шли сначала сотни, потом тысячи, потом миллионы.

Осоргин вечно что-то клеил, мастерил. Собирал (и собрал) замечательную коллекцию: за отменой книгопечатания (для нас по крайней мере) мы писали от руки небольшие «творения», сами устраивали обложки, иногда даже с рисунками, и продавали. За свою «Италию» я получил 15 тысяч (фунт масла). Продавались у нас так изготовленные книжечки чуть не всех московских писателей. Но по одному экземпляру покупала непременно сама лавка, отсюда и коллекция Осоргина. Помещалась она у нас же, под стеклом. А потом поступила, как ценнейший документ «средневековья», в Румянцевский музей.

Итак, Осоргин хозяйничал, Бердяев спорил об имманентности, горячился из-за пайков, был добросовестен, элегантен и картинен. Грифцов «углубленно» вычислял наши бенефиции. Нервически поводил голубыми, прохладными глазами, ни с кем ни в чем не соглашался: где-то подкожно заседал у него Бальзак, им он презрительно громил противников. Я... В зимние дни, когда холодновато в лавке, сидел на ступеньках передвигной лестницы, где было теплее. До конца дней своего купечества так и не усвоил, где что стоит (книги у нас, правда, постоянно менялись). Если покупатель был приятный, то еще он мог рассчитывать, что я двинусь. Если же появлялась, например, барышня и спрашивала:

— Есть у вас биографии вождей? — я прикидывался вовсе не понимающим:

— Каких вождей?

— Ну, пролетариата...

— Нет, не держим.

И вообще для несимпатичных редко слезал с насеста.

Такой книги нет.

А если есть, то обычный вопрос (вполголоса):

— Елена Александровна, где у нас это?

И Паллада, отсчитывая миллионы, молча указывала пальцем полку.

Мы, «купцы», жили между собою дружно. Зимой топили печурку, являлись в валенках. Летом Николай Александрович надевал нарядный чечунчиковый костюм с галстуком-бантом. Над зеркальным окном спускали маркизу, и легенькие барышни смотрели подолгу, задумчиво на нашу витрину. С улицы иногда влетала пыль.

РАЗВЛЕЧЕНИЕ

В глубине лавки была у нас дверка и узкая лестница наверх, на хоры с комнаткой, куда мы иногда прятались от скучных посетителей, где устраивали лавочные собрания,— вообще это были «кулисы» торгового дома. В комнатке стоял огромный стол, заваленный книгами, и вокруг на полках тоже много книг. Но уж что здесь находится, не знал не только я, а, пожалуй, и сам Грифцов.

Место это носило несколько таинственный и романтический характер. С хор можно было незамеченным наблюдать жизнь лавки. Полутьма, витая лесенка, пыль — все давало ощущение спрятанности, укрытия.

В этом-то уголке и собрал нас однажды Осоргин — стоял знойный, сухой август, в лавку набивалась пыль, и горячий ветер трепал волосы, как только выйдешь. Осоргин многозначительно сообщил, что в городе организован Комитет Помощи Голодающим, состоять он будет из «порядочных» людей, но под контролем власти. Голод (на Волге, в Крыму) в то лето, правда, был ужасный. В Самарской губернии так выжгло зелень еще с весны, что поля имели вид черно-бархатной, с отливом, скатерти. Урожай «не оказалось», а так как у крестьян своевременно обобрали прежние запасы, то голод наступил мгновенно. Власть

растерялась. И под минутой паники согласилась на «Общественный Комитет». Нам, представителям литературы, предложили тоже войти — об этом мы и совещались наверху. Предложение шло от Прокоповича, Кусковой и Кишкина. От «власти» председателем назначили Каменева.

Идти или не идти? Вот о чем мы рассуждали. И так как лавка заключала в себе президиум Союза Писателей, то нас это близко касалось. Решили идти. Выбрали Осоргина и меня.

У русского человека есть такие выражения: «за компанию», «с хорошим человеком и выпить можно». «За компанию»... отчего же не попробовать? Пожалуй, не будь это в лавке, с Осоргиным, пришел бы меня приглашать какой-нибудь честный бородач в калошах или старая дама, я бы и не согласился. Но тут — была не была!

На другой день уже весь город знал о Комитете. Тогда еще считали, что «они» вот-вот падут. Поэтому Комитет мгновенно разрисовали. Было целое течение, считавшее, что это — в замаскированном виде — будущее правительство! Другие ругали нас, среди них С. П. Мельгунов, за «соглашательство»: ведь мы должны были работать под покровительством Льва Борисовича. Помню какого-то желчного интеллигента, который купил у меня на грош, а расстроил на тысячу рублей: выходило, что мы чуть ли не пособники и т. п. На следующий день в газетах нас превозносили (очевидно, уже считали «своими»), а нашими именами уязвили непошедших.

Газеты эти были расклеены. Выйдя из лавки, завернув в Леонтьевский, я наткнулся на такую «стенгазету». Вокруг нее куча читателей. Безрадостно увидел я свое имя рядом с Максимом Горьким. Мрачный тип сзади, прочитав, фукнул и сказал: — Персональный список идиотов.

«ДЕЛО»

Были мы идиотами или нет, каждый решает по-своему. Несомненно лишь то, что наша жизнь приобрела некий острый, романтически-заговорщицкий оттенок. Мы ходили в переулочек у Арбата к Кусковой. В ее квартире шла непрерывная суматоха. Являлись, совещались, заседали. Смесь барства, интеллигентства с крепкой настойкой Москвы... Вблизи двухэтажного ее дома церковка, окно кабинета Прокоповича выходит во двор, где играют детишки, с деревьев листья летят, самый дом — не то особняк, не то помещичья усадьба, угол старой Москвы. Еще Герцены, Хомяковы, Аксаковы жили в этих краях. Небольшие сады при небольших особняках — разве не деревня?

И Сергей Николаевич и Екатерина Дмитриевна были очень серьезны. Их положение не из легких. Все это они затеяли, предстояло найти линию и достойную, и осуществимую.

Мы составили литературную группу. Осоргин редактировал газету Комитета — «Помощь». Ее внешний вид вполне повторял «Русские Ведомости». Как только появился первый номер, по Москве прошел вздох: «Теперь уж падут! «Русские Ведомости» вышли, стало быть, уж капут!»

Подготовительная часть у Кусковой окончилась, открылись

*Трупы умерших от голода
на кладбище в г. Бузулуке. 1921 г.
(Фото из центрального Госархива
кинофото документов СССР.)*

Он небрежно спросил:

— Какого Соболя? Который написал роман «Пыль»?

— Да.

— Плохой роман. Пусть посидит.

Я заметил, что он сидит уже семь месяцев, неизвестно за что.

— Ну, это много. Постараемся выпустить.

И вот у выхода Каменев, подходя к своей машине, столкнулся с нами.

— Пожалуйста,— сказал любезно,— вам далеко? Я подвезу.

Не сговариваясь, мы с Осоргиным толкнули слегка друг друга и отказались. Мы шли лунным, пахучим вечером, радостно-грустным в красоте ночи московской. Шли некоторое время вместе, а потом разошлись: я на Арбат, он в Чернышевский. Памятен был этот вечер, сладок и пронзителен. Но и он ушел, и много с тех пор изменилось. Тогда Соболев сидел, а Каменев уезжал на шикарной машине — «генерал-губернатор» Москвы. Затем Соболев — этот глубоко несчастный человек — вышел из тюрьмы, ушел к «ним», окончательно запутался и револьверным выстрелом разрешил свою незадачливую жизнь. Соболя я просто жалею, над Каменевым злорадствовать не хочу.

А в тот вечер мягко нес его автомобиль к Кремлю.

COUP D'ETAT¹

Мы собрались в свой особняк часам к пяти, на заседание, как было назначено. Сегодня решалось все дальнейшее. Комитет поставил ультиматум: или нашу делегацию выпускают в Европу для сбора денег, или мы закрываемся, ибо местными силами помочь нельзя. Настроение нервное, напряженное. «Наши» сидят на подоконниках залы, толпятся в смежной комнате, разговаривают около стенных карт и диаграмм.

Время идет. Вечереет. Под окнами какие-то куртки, а Каменева все нет. Нервность и удивление. Вынимают часы, смотрят.

Я находился в комнате рядом с залой. Помню, в прихожей раздался шум, неизвестно, что за шум, почему, но сразу стало ясно: идет беда. В следующее мгновение с десяток кожаных курток с револьверами, в высоких сапогах бурей вылетели из полусумрака передней, и один из них гаркнул:

— Постановлением Всероссийской Чрезвычайной Комиссии все присутствующие арестованы!

ПУТЕШЕСТВИЕ

Паники не произошло. Все были довольно покойны. Помню гневное, побледневшее лицо Веры Фигнер и багрово-вспыхнувшую Екатерину Дмитриевну. Еще помню, что через несколько минут по водворении прищельцев через ту же прихожую пробирался к нам несколько неуклюже и как бы конфузливо П. П. Муратов.

¹ Государственный переворот (франц.).

— Ты зачем тут? Эх-х, ты...

П.П. был тоже членом Комитета. Он опоздал. Подойдя к особняку, увидел чекистов, увидел арест...

— Ну и чего же ты не повернул?

— Да уж так, вместе заседали, вместе и отвечать...

Теперь он уже за чертой чекистов. Не утечешь!

Был бледно-сиреневый вечер, когда мы вышли. У подъезда стояли автомобили. Осоргин, я и Муратов как прожили полжизни вместе, так вместе и сели. Теплый воздух засвистел в ушах, казалось почему-то, что машина мчится головокружительно. Неслись знакомые переулки, Арбат, мелькнула площадь, Воздвиженка, и странной пустынной казалась Москва. Очень хотелось встретить хоть кого-нибудь знакомого... Моховая, Университет. У книжной лавки Мельгунова мелькнуло наконец чье-то знакомое лицо, но машина наддала, через две-три минуты после удивительнейшего полета (я другого все-таки такого в жизни не запомню!) мы остановились у «приветливых» дверей дома «России» на Лубянской площади и сошли с автомобиля: два года назад в эти же двери вошел и не вышел живым мальчик — Алеша Смирнов, многострадальный мой пасынок.

НОЧЬ

...Всем нам пришлось перебиваться у окошечка, похожего на кассу банка или на бюро спальных вагонов: там о каждом записывали, что требуется, и вновь собралась мы в нашей «случайной» комнате — ждали дальнейшей участи.

Я думаю, самым невозмутимым из нас оказался Ф. А. Головин. Всегда у меня была слабость к этой безукоризненно-лысой, изящной и умной голове, к тонкому, древнему профилю (он потомок Комнинов), бесцветно-спокойным глазам. На воле, в барское довоенное время, и в голодные дни революции мы немало играли с ним в шахматы. Он с одинаковым безразличием и выигрывал, и проигрывал. Через полчаса по прибытии, когда другие еще горячились, расходовали подожженную нервную энергию, Федор Александрович уже сел играть с черномрачным и так же равнодушным Кутлером. Откуда они добыли шахматы, я не помню: кажется, тут же и смастерили из картона.

Впрочем, игра продолжалась недолго: нас повели в еще новое помещение. Ф.А. равнодушно забрал фигурки, записал положение и в своем элегантно-костюме, белых брюках, с шахматами под мышкой запагал по застеночным коридорам.

Мы вошли в довольно большую комнату с двумя цельного стекла окнами. Надпись на стекле, глядевшую в переулок, можно было прочесть и отсюда: «Контора Аванесова».

Теперь в конторе нары. Их ненадолго занимали случайные постояльцы. Здесь перст Судьбы сортировал: жизнь — смерть, смерть — жизнь. Кускову, Прокоповича и Кишкина очень скоро увели от нас во внутреннюю тюрьму. Мы попрощались сдержанно, но с волнением. Никто не знал, на что их ведут.

Мы с П. П. Муратовым легли рядом на голые нары, около окна. Осоргин находился в другом углу с гр. Бенкендорфом. Хотелось есть. Электрическая лампочка заливала все сверху мертвым светом. Мы лежали и сначала говорили, а потом стали умолкать. Заснуть в эту первую свою ночь в тюрьме я не мог. К счастью, ужаса не испытывал. Но нервное возбуждение заставляло бодрствовать. Мне даже казалось, что я очень оживлен, почти весел. Станным образом, мало думалось о безумии окружающего. Знал, что в этом же доме, может быть, в эти глухие часы кого-то ведут в подвал... но (самозащита, что ли?) мысль на таком не останавливалась. Часа в три, например, ясно помню шум мотора, заведенного на дворе, — мы отлично знали, что это значит, — все же впечатление было меньше, чем можно было бы думать. Очень уязвляла мысль о семье: жена и дочь были в деревне, все хотелось, чтобы до них пока не дошла весть о моем аресте.

А затем... затем я наблюдал. По моему мнению, спали многие. Среди них, недалеко от меня — Ф. А. Головин. Он лежал на спине. На его правильном, лысом черепе блестел, как на слоновьей кости, луч электричества. Руки аккуратно сложены накрест, белые брюки в складке, желтые ботинки, воротнички даже не растегнуты. (Он и позже спал всегда в полном параде. Объяснял так, что если ночью позовут на допрос или расстрел, то нельзя выходить на такое дело не в порядке.) Сейчас клоп медленно взбирался по теневой стороне его черепа, ища удобного места. Доползши до освещенно-блестящей части, испуганно повернул назад.

В это время в камеру ввели высокого человека, неуверенно шагавшего к нам. Я толкнул П. П. — тот поднял заспанное, затекшее от неудобного изголовья лицо и ухмыльнулся: это был его приятель — Борис Вишпер, молодой профессор.

— Ну, вот... — пробормотал П. П., — и вы тут. Нашего полку прибыло.

Вишпера взяли ночью и прямо доставили сюда. <...>

СИДИМ

К нам попали газеты. О, теперь о нас писали иначе, чем в дни «персонального списка идиотов». Клонили к тому, чтобы весь наш Комитет рассматривать как «заговор» и соответственно расправиться. С Таганцевым уж так и обошлись. наших начали водить на допросы. Кутлер, Федор Александрович, кроме шахмат, получили и еще обязанности. Прокопович, Кишкин и Кускова в эти дни были на черте смерти. Их гибель была решена, спало вмешательство Нансена.

Насколько знаю, он поставил условием своей помощи сохранение их жизнью.

Понемногу начали мы сживатьься с конторою Аванесова. Нам подбавляли кое-кого, кой-кто из наших уходил во внутреннюю тюрьму. По-прежнему из города шли передачи. Настроение держалось бодрое. Чтобы его не ослаблять, решили развлекаться — читать лекции.

Кутлер читал о финансах. Этот умный, сумрачный человек был глубоким скептиком. Я думаю, он убежденно считал, что вообще все погребло: Россия, финансы, он сам, Комитет... Я спросил его раз:

— Николай Николаевич, а вот вы верили в это дело, когда шли?

Он улыбнулся, как бы отвечая младенцу:

— Разумеется, ни минуты.

— Зачем же вы шли?

Из его слов, сказанных с оттенком горечи, выходило, что и этот многоопытный муж, бывший министр, вроде нас грешных, тоже пошел «за компанию»... Его лекция доказывала, что с советскими финансами плохо. Вспоминая его, я, однако, все более убеждаюсь в бессилии скептицизма. Люди этого склада мало могут сделать. Верно ли даже они угадывают жизнь? Не нужна ли даже для этого живая сила веры? Ведь вот и не рухнули советские финансы, и сам Николай Николаевич, выйдя из тюрьмы, как раз занялся укреплением червонца — за него верили другие, он, должно быть, действовал и там по инерции, «так уж случилось»... И с удивлением, вероятно, видел плоды рук своих. На этом червонце он и умер — грустный человек, всегда готовый к смерти и равнодушный к ней. Мне кажется, и умер он в горестном недоумении.

Борис Вишпер читал, кажется, о живописи. П. П. Муратов — о древней иконописи. С моим чтением произошел маленький веселый случай.

268 Было утро, солнечный день. Я говорил о русской литературе, как вдруг в камеру довольно бурно и начальственно вошло двое чекистов. В руке у одного была бумажка. По ней он так же громко и бесцеремонно, прерывая меня, прочел, что я и Муратов свободны, можем уходить.

Правда, я не хотел играть под Архимеда. Вообще ни о чем не думал.

Но, вероятно, подсознанию не понравилось вторжение «постороннего тела», да еще грубоватого, прерывающего меня, я ответил почти недовольно:

— Ну да, да, вот кончу сперва лекцию...

Все захохотали, и я смутился. Улыбнулся даже чекист:

— Успеете на свободе кончить.

МОСКВА

Я пожимал десятки рук. Со всех сторон наперебой давали поручения. И через несколько минут сухой и звонкий ветер, пыль, дребезг московских улиц... Как светло, просторно! Извозчик медленно вез меня с моим тюремным скарбом на Арбат.

Весь этот день слился у меня в какое-то пестро-огненное движение. Я не мог усидеть на месте. Пустынная, большая наша комната в Кривоарбатском показалась скучной. Но Москва — родной. Меня приветствовали в арбатской столовой. На улице останавливали незнакомые и поздравляли. А я все не мог

остановиться. Все мне хотелось идти, без конца говорить, волноваться, — я и ходил по гостям до двух часов ночи, — передавал и рассказывал женам, сестрам, родным об оставшихся. Был на Козихе у Головиных, был в Чернышевском у Р. Г. Осоргиной.

* * *

Что можно прибавить о нас? Кускова, Прокопович, Кишкин, Осоргин и еще некоторые просидели долго. Потом были сосланы. Потом попали за границу. Пользы голодающим, конечно, мы не принесли. Предсказания наших жен при начале Комитета («через месяц будете все в чеке») с точностью осуществились. Но, вспоминая наше сидение, я вспоминаю не плохое дело, а хорошее. Мы ошиблись в расчете. Но мне не стыдно, что я сидел. И Кусковой не стыдно.

Ну, а вот Каменеву...

В этом только и смысл. Мы в тюрьме были бодрь, потому что правда была за нами. Мало? Нет, очень много!

ПАСТЬ ЛЬВИНА

Всякому, кто Москву знает, ясно, что за Никитским бульваром, почти параллельно ему, идет Мерзляковский переулок (прямо к «Праге»), а около него ютятся разные Скатертные, Хлебные, Столовые и другие симпатично-хозяйственные: барская, интеллигентская Москва.

— Скатертный, д. № 8, в нижнем этаже помещалось писательское содружество — «Книгоиздательство писателей». На началах артельных выпускали там альманахи и собственные сочинения Бунин, Шмелев, Вересаев, Телешов, Алексей Толстой, Сургучев, я, другие. Управлял делами некий Клестов. Предприятие было поставлено основательно. Книги авторов прочных, альманахи отлично шли, писатели зарабатывали.

Войну книгоиздательство выдержало, даже преуспело. В революцию произошла такая вещь, что Клестов отошел к большевикам, Бунин, Толстой, позже Шмелев уехали. Остались книжные склады, Вересаев, Телешов да я. Клестов издали, но по старому знакомству покровительствовал. Власти не закрывали — частью не доглядели, да и Вересаева настоящая фамилия Смидович. Значит, большая рука в правительстве.

Мы кое-что продолжали печатать, кое-как держались. Благодаря различным комбинациям дипломатическим, в 21-м году председателем оказался я: выбрали оставшиеся пайщики.

* * *

Вместо Клестова хозяйством заведовал теперь секретарь, старичок Яков Лукич. Прежде он служил бухгалтером в лабазе на Ильинке — худенький, носил очки, сгорбленный, несколько напоминал Ключевского. Имел какое-то отношение к старообрядцам — работник был замечательный и человек дотошный. К нам относился сочувственно, но слегка покровительственно, как к лю-

дам книжным, непрактическим. Я покорно подписывал разные бумажки, какие он мне подавал, а он посматривал на меня иногда строго, маленькими глазками, из-под очков. Я немного смутился. Что понимаю я в его бухгалтериях? Того и гляди поставит «неполный балл», как некогда инспектор в гимназии.

Раз, в начале апреля, захожу в издательство. Яков Лукич расстроен — сразу видно.

— У нас маленькое затрудненьице-с...

— Что такое?

— Выселяют. Что, мол, за писатели такие, вы больше контр-революционеры, да и то ни черта не издаете. А мы Коминтерн. И квартиру вашу заберем, и типографию.

— Невесело, Яков Лукич.

— До веселья даже весьма далеко.

— М-м... что же мы будем делать?

Яков Лукич призадумался.

— Что ж тут поделаешь... Аки в пасть львину махнем. На двенадцатое число — изволите видеть? — он показал бумажку, — назначено заседание в Московском Совете. Коминтерн выступит. Ну и мы... тово, не должны бы лицом в грязь ударить. Мы же кооперация, не забудьте! Трудовое товарищество, и зарегистрированы, и книжечки издаем, работаем...

— Отлично. Вы с Викентием Викентьевичем и займетесь...

Яков Лукич ухмыльнулся не без яду.

— Нет-с уж, какой там Викентий Викентьевич. В бумажке прямо сказано: объяснения должен дать председатель правления.

— Да ведь у Викентия Викентьевича брат в Совете...

— Мало бы что. Сказано — председатель, они иначе и разговаривать не станут... Да ведь и вы с товарищем Каменевым знакомы-с? Чего же проще.

Правление наше вполне подтвердило взгляд Якова Лукича: идти мне, а секретаря взять с собой — для справок, отчетности и тому подобного.

У Подколесина было окно, куда выскочить. Мне — куда же? Значит, надо идти.

* * *

Апрельский мягкий день. Лужи, почки на тополях, нежная московская дымка над полузамученным городом.

Дворец генерал-губернатора. Стучат машинки, входят и выходят товарищи, аккуратные барышни бегают. У входа два красноармейца.

— Я вчера у св. Андрея Неокесарийского в толковании к Апокалипсису читал-с... да, я теперь знаю уж точно... насчет Коминтерна-с...

Яков Лукич, в потертом пальто, сильно закутав платком шею, в огромных калошах, входил со мной в вестибюль. Мрачный у него был вид. Хорошо бы закрестить всю эту дьявольскую чепуху.

Мы подали кому следует свою бумажку, сколько надо ждали, потом нас попросили в зал заседаний. Узкая комната с окном на

площадь. Длинный стол, в центре Каменев, по бокам «товарищи», больше молодежь.

— Ваше дело теперь скоро, — шепнула барышня. — Можете здесь побыть.

Каменев сидел несколько развалился, побалтывая под столом ногой. Ботинок снят, очевидно, натер. Он — председатель Совета, а тут заседание президиума. «В самое ихнее пекло и попали-с...», — шепнул Яков Лукич. И стал разбирать свои бумажки. (Там у него подробно, тщательно было разрисовано, какие мы когда выпускали книги, в каком количестве, как работала типография и т. п.)

Нельзя, впрочем, сказать, чтобы по виду пекло было страшное. Каменев кивнул почти любезно, «разбойнички» имели тоже веселый вид — слесаря, вроде приказчиков, булочники, некоторые с захватскими вихрами. Во френчах, кожаных куртках. Также поглядывали на нас с любопытством. «Про Короленку, Владимира Галактионовича, не забудьте, про Короленку», — шептал Яков Лукич. «Что, мол, такого знаменитого писателя тоже издаем. Они его уважают. И Кропоткина... Гаршина обязательно надо...» — «Яков Лукич, а как бы это не наврать, какой у нас с первого-то января баланс?» Яков Лукич не без раздражения тычет ведомость с колонкой цифр — все это я приблизительно знаю, да вдруг собьешься перед Коминтерном. «Я уж ведь вам показывал-с... А ежели, извините, собьетесь, — только уж не уменьшайте...»

Нельзя отрицать, симпатичные молодцы действовали решительно. До нас были дела тоже мелкие, хозяйственные по Москве. Отпуск дров районному Совету, ремонт казарм, довольствие пожарным московской части. Долго не разговаривали. Раз, два — готово. По правде сказать, темп и решительность даже понравились мне.

Наконец:

— Дело книгоиздательства писателей и Коминтерна... Кто присутствует? А, председатель, так. Сядьте сюда. Коминтерн? Товарищ Герцберг. Слушаем. Товарищ, изложите свою претензию.

Товарищ Герцберг оказалась сытенькая, стриженная барышня еврейского вида. У нее тоже была какая-то папка, она разложила ее. Я сел рядом, справа Яков Лукич. «Про Толстого-то, Толстого не забудьте, — побледнев, зашептал Яков Лукич. — Он хоть Алексей, а для них вполне за Льва сойдет».

О, если бы слышала это товарищ Герцберг! Но она поводила плечами в кожаной незастегнутой куртке, напирала грудями на свою папку и сразу пошла галопом.

— Товарищи, так называемое книгоиздательство писателей в прежнее время издавало реакционную литературу, но вот уже два года находится в полном интеллигентском параличе...

То ли слишком велик был ее азарт, то ли она не подготовилась, но ничего лучшего для нас и представить себе нельзя было. Она утверждала, что мы существуем лишь на бумаге, книг не издаем, квартира пуста, типография не работает... — в то время как бедный Коминтерн теснится, жметесь в каких-то углах,

у него нет ни помещений, ни достаточного количества типографских машин.

Говорила быстро, по-одесски. Все знает, все понимает товарищ Герцберг. Даже удивлена, что ей, представительнице могучей организации, приходится доказывать... (таков был тон).

Всякое собрание есть театр. На каждом представлении рождается атмосфера, спасающая пьесу или ее губящая. Не ту ноту взяла товарищ Герцберг — и сразу это почувствовалось.

Каменев холодно разрисовывает круги.

Пугачевцы недовольны. Что-то говорят друг другу вполголоса. Неприязненно улыбаются. (Позже мы узнали, что у Московского Совета именно тогда и были нелады с Коминтерном.)

— Товарищ, кратче, — сухо сказал Каменев.

Она рассердилась и стала еще красноречивей.

— Хорошо, все ясно. Представитель другой стороны.

Не нужно было быть ни Маклаковым, ни Плевакой, чтобы по шпаргалке прочитав, сколько книг и на какую сумму издали мы в этом году. (При имени Кропоткин, Толстой — победоносные усмешки на лицах слесарей.) На следующий месяц предложен Короленько — избранные сочинения... Типография работает. В квартире издательства телефон и постоянные часы приема.

Коминтерн нервно попросил слова. Опять митинговая речь.

«Гаршина-то, Гаршина позабыли...», — шептал сбоку Яков Лукич тем тоном, как некогда, в молодости, говорил мне объездчик Филипп на охоте: «Эх, барин, опять черныша смазали!» Но теперь сам Коминтерн на нас работал.

Каменев наконец вмешался.

— Все это, товарищ, известно. Вы повторяетесь. Мы теряем время.

— Довольно, довольно, — раздалось кругом.

Каменев предложил высказаться президиуму. Сказано было всего несколько слов. Трудовое товарищество работает, — и пусть работает. Издаёт великих писателей, как Толстой. Мешать не надо.

Товарищ Герцберг, не спросив, перебила говорившего, вновь громя нас. Каменев рассердился:

— Товарищ, я лишая вас слова. Мнение президиума? Да. Так. Постановлено: Коминтерну отказать. Секретарь, следующее там что у вас?

* * *

Через полчаса мы сидели уж в Скатертном. Мимо окон проходили прохожие. Закат сиял за Молчановками, Поварскими. Недалеко особняк Муромцевых. Недалеко дом Элькина, где когда-то мы жили. Мирная, другая Москва.

— Что ж, Яков Лукич, пасть львина уж не так страшна? Победили мы с вами Коминтерн — два таких воеводы?

— Изумляюсь, поистине...

Он встал и отворил шкафчик.

— Тут у меня на лимонной корочке настойка есть, то и следовало бы по случаю поражения иноплеменных чокнуться.

Нашлись две рюмки. И мы чокнулись.

— Разоряют Москву, стервецы-с,— сказал вдруг грустно Яков Лукич.— До всего добраться хотят, это что-с, квартира наша, типография. Пустяки. Подробность. Они глубже метят. Им бы до святыни дорваться...

Он помолчал.

— А что мы с вами так фуксом выскочили, это действительно...

— И то слава Богу, Яков Лукич. Я не надеялся.

Он вдруг засмеялся тихим смехом, погладил стол, кресло.

— Все теперь опять наше... И квартира, и типография. А как вы скажете, ежели по второй?

Выпив, Яков Лукич поднялся. Невысокий, сгорбленный, показался он мне дальним потомком дьяков московских, родственником Ключевского. Трепаная борода — не то хвост лошадиный, не то редкие кустарники по вырубкам.

— У св. Андрея Неокесарийского про этот самый Коминтерн весьма даже ясно сказано...

И, трижды показав дуло невидимому врагу, обернулся ко мне. Что-то строгое мелькнуло в умных его глазах.

— А Гаршина вы все-таки изволили позабыть.

ПРОЩАНИЕ С МОСКВОЙ

Много в Москве было для нас всяческого, и радостного, и горького, и большого, и малого, и через нашу жизнь Москва прошла насквозь, проросла существа наши, людей московских. Но в судьбе некоторых из нас было и удаление из Москвы, расставание с нею...— временное ли? Или навсегда?

Есть в Москве улица Арбат. Некогда названа она была улицей Св. Николая — по трем церквам святителя на ней: Никола Плотник, Никола на Песках, Никола Явленный. Вокруг всякие улочки и переулочки, с именами затейливыми — Годеинский, Серебряный, Кривоарбатский. Этот последний в самой середине Арбата, рядом со зданием Военно-Окружного суда — и переулок действительно кривой: назван правильно.

Вспоминая московскую свою жизнь, видишь, что и началась она и окончилась близ Арбата. На углу Спасопесковского было первое, юное наше пристанище, в этом Кривоарбатском — последнее.

Вижу его теперь, через много лет, взором равнодушным. Пристанище для времен революции и совсем неплохое: мы снимали в квартире артистки одной огромную комнату, сами ее обставили, устроили печку, в зимнюю стужу обогревали и боками своими. Прожили в ней полтора года. В эту-то комнату и пришел раз, поздно вечером, друг наш, издатель Гржебин. Вполголоса, в полутьме, говорили мы об отъезде: сам он уезжал в Берлин, там основывая издательство, вывозя и меня, и мою семью.

В эту комнату пришла первая иностранная виза — из Италии! Отсюда мы уезжали.

Отсюда же, мысленно, веду я рассказ и сейчас — о последних моих днях на родине.

* * *

Та весна была теплая, почти жаркий май, и довольно пыльный. Много приходилось путешествовать по учреждениям... — грязноватые лестницы, очереди, товарищи, штемпеля, бланки. «Из Ч.К. разрешения еще нет», значит, опять ждать: комиссариат иностранных дел без чеки ничего не даст.

Все равно мы терпели, ждали, дело серьезное. Сила же терпения и упорства велика. Одна бумажка выйдет, ждешь другую, один штемпель прибавился и то хлеб, ждешь следующего. Удовольствия, разрешения — без конца.

Но конец все-таки пришел. Однажды, в начале июня, взобравшись на очередной третий этаж, получил я две красные паспортные книжки с фотографиями, печатями и подписями. Сохраняю их — след прошлого, а отчасти — знак хода судеб: на восьмой странице книжечек этих, по голубоватой сетке бумаги красными чернилами подпись: Г. Ягода. С ним рядом, мельче и тусклее: М. Трилиссер.

Участи Трилиссера я не знаю, судьба Ягоды всем известна. Не без содрогания смотришь теперь на эти имена, но тогда меньше всего я о них думал. Сквозь всю усталость пробивалось лишь одно: выпустили! Едем.

По улицам нес документы благопристойно. Дома же разложил их по полу и — надо сознаться — протанцевал над ними.

А между тем дело ведь шло об отъезде из родного города, родной земли! Мы покидали самых близких. Хоть и говорили, что на время, и в сознательной, освещенной части души так как будто и было, но в потемках глубин... Все-таки мы не колебались. Нас несла уже некая сила — корабли у пристани, на дальний запад, прочь от Трои пылающей. Это судьба. Все текло в жизни нашей к отъезду. То одно, то другое удалялось из комнаты — что дарили, а что продавали. И все ближе, ближе...

* * *

В Москве в эти дни шел большой политический процесс — эсеров. Процесс был многолюдный, публика волновалась, и все требовали смерти. На зачиту приезжал из Бельгии Вандервельде. На Виндавском вокзале, откуда мы должны были уезжать, ему устроили такой прием, какого европейский человек не ожидал: орали и свистели, бросали камни, даже и ругали его по-французски. Это, кажется, его удивило, он не знал, что так распространен его язык в России (если бы знал, что несколько мальчишек специально были обучены, изображая народ, удивление его убавилось бы).

Приговор приготовили, разумеется, загодя, но ему надо было дать характер воли народа. Решили сделать это, «поднять массы».

Молочница, носившая нам молоко, тоже была из масс.

Накануне дня манифестации сказала моей жене:

— Завтра, барыня, прямо все пойдем. Вся Москва.

— Куда же это?

— И со знаменами, со флагами. Этих вот, как их там... чтобы требовать наказания.

— А что они тебе?

— Да мне-то ничего. А так, что сказано: кто пойдет, тому калоши выдадут. А достань-ка ныне калоши!

Мы должны были выезжать накануне манифестации. Но из-за Вандервельде, спешно, в беспорядке отступавшего со своими спутниками, наш отъезд отодвинулся: все места в заграничном вагоне оказались уж заняты. Так что день получения калош мы проводили еще в Москве. Это было именно наше последнее московское утро.

Поезд уходил в пятом часу. И среди всех формальностей отъезда все-таки одна не была еще выполнена.

Пришлось идти в Китай-город. Я шел по Арбату мимо «Праги», где когда-то мы веселились. Сперва Арбатская площадь с памятником Гоголя. Против Гоголя стена Александровского военного училища. Памятник при мне открывали, форму училища я одно время носил.

Мимо церкви св. Бориса и Глеба вышел на Воздвиженку, обогнул «Петергоф», прошел мимо университета, где учился. Повернул к Историческому Музею. Было теплое утро, солнечное, совсем как весной 1918 года, когда православная Москва вышла с иконами и хоругвями на улицу. С разных концов города, при громовом гуле колоколов, собирались крестные ходы ко Храму Христа Спасителя, а оттуда двинулись ко Кремлю. Наш Арбатский район шел Пречистенским бульваром, влился в общую массу, и потом все двинулось именно к этому месту — где я сейчас находился — проезду между Кремлем и Музеем: тут стоял патриарх Тихон и благословлял народ. Он был спокоен, сдержан. Навсегда запомнилось глубоко-народное, как у Толстого, лицо с крупным носом, ясными глазами, русой бородой. В руке у него был золотой крест, солнце горело в этом кресте. Он остался видением древней, несокрушимой Святой Руси, восставшей из тысячелетнего лона.

За патриархом были исповедничество, ницета, близкое заточение — тот самый крест, облик которого он держал в правой руке и на который как бы звал всех склонявшихся перед ним. Никольские ворота, в Кремль, были заперты. Из-за итальянских зубцов глядели солдатские лица в остроконечных шапках со звездой.

Мимо Музея повернул я теперь налево, наискосок через площадь к Ильинке — это Китай-город, московское Сити. Как в Сити, глухие и неказистые тут переулки, конторы, лабазы. На Варварке знаменитый трактир, тоже невзрачный, как и лондонские. И тоже — миллионные дела.

Здесь теперь оказался и комиссариат финансов — там и должны были мне ставить последний штампель.

Вход тоже сумрачный. Свету мало, дома из узеньких улиц заслоняют. Большое здание — к удивлению некоторому и ужасу моему — оказалось оно полупустым. Служащие расходились, конторки одна за другой закрывались.

Опять надо было упорствовать. Но ведь вечером поезд... Как-никак, чуть не у последнего окошечка, но бойкая барышня подала мне документ в исправности. И тотчас застучала на своей машинке. Вошел некто начальственного (но не из высших) вида.

— Товарищ, почему же вы работаете? Не знаете, на манифестацию идти?

Она продолжала выстукивать.

— Я сейчас кончаю и иду завтракать.

— Успеете завтракать. Наши уже все ушли.

Она вдруг остановилась, подняла на него голову в кудряшках, не без дерзости.

— Сверхурочные дадите?

— Слушайте, товарищ... — Он зашел к ней за прилавок, наклонился, стал говорить тише. Видимо, я его стеснял.

Барышня захлопнула машинку, поднялась.

— Ну, если так, согласна...

Торг пора было и кончать. Время действительно на исходе. Когда я вышел от них на Лубянскую площадь, снизу, от Театральной, подымалась уже голова процессии.

Шли люди в кепках и юнoshi, отряд голоногих спортсменов, работницы, служащие, несли плакаты, знамена, флаги. И везде одно: «Смерть! Смерть! Смерть!» Несли какие-то чучела, пели хором. Все шли и шли, рядами, строем, в беспорядке, как придется. Манифестация многолюдная. Но не более, чем тогда с патриархом.

* * *

Наша большая комната уже в полном разгроме. Даже печка уехала — хранительница наша и спасительница от морозов. Несколько чемоданов на кровати без подушек и без одеял, ремни, пледы, картонки, сор на полу... — удаление человека, смерть жилья до минуты, пока новый насельник не оживит его.

Не так давно, уже здесь, в Париже, пришлось провожать друзей за море — в Австралию, навсегда: они туда переселялись.

Может быть, наши друзья в Москве смотрели уже на нас — как и мы позже на австралийцев: тени иной планеты. Во всяком случае, это они скрывали. И все шло покойно и правильно. Пришел час, подъехали наши извозчики, передвинулись вниз чемоданы, присели мы на кровать, помолчали, перекрестились да с Богом и тронулись. Извозчики нас везли по тому же Арбату юности нашей, мимо Николы на Песках на Виндавский вокзал. Извозчики были обыкновенные. Тащились серенькою рысцей. Москва медленно протекала мимо.

Мы не встретили никаких процессий — нам давался свободный выход. Сретенкою, мимо Сухаревки со знаменитою башней, тенью Брюса таинственного, неторопливые наши возницы по Мещанской подвезли к невысокому и нехитрому зданию: Виндавский вокзал, на небольшой площади.

Странно сказать, но никогда раньше не приходилось не только что уезжать отсюда, а и видеть вокзал этот.

...Носильщики в белых фартуках, поезд дальнего следования,

вагон, купе, последние звонки, последние поцелуи. Ждали, стремились и волновались, вот и пришла минута, преломился кусок хлеба в крепких руках — медленно утекала назад платформа, милые лица, платочки, слезы. Замелькали строения железнодорожные, а потом домики и сады. Мы одни были в купе. Погода менялась. Над Москвой заходила сизеющая туча, подбираясь к солнцу. Вот остался узкий златистый нимб, а там и он померк, ушло солнце в глубины туманно-смутные. Прохладная тень кинулась вниз. Начинались уже поля. Ветерком донесло запах дождя.

Мы почувствовали только теперь, как устали.

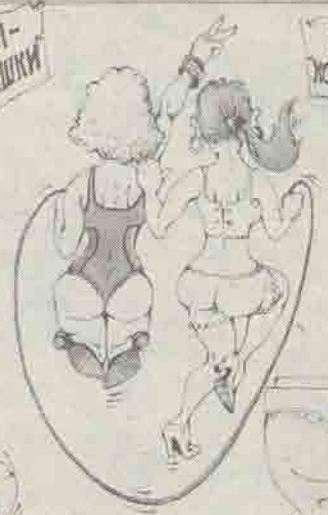
**Предисловие и публикация
АЛЕКСЕЯ КАРЕТНИКОВА.**

Рубрику ведет художник АЛЕКСАНДР ХАНШИН.

КУКЛЫ-
НЕВАЛЯШКИ

КУКЛЫ-
УМБЛЯШКИ

СТРАХА
СОТЯНОЧКА

МАЭРІКІВІРІНІ ІДІКІ

КІМІ
РАІІІ

МІСЦЕ
ПІСЦЕ

ЗІСЦІА
ВІСЦІА
ВОУ

МЫ ТЕБЯ
НЕ БОЛЬНО
ПОКРАСИМ
МЕСТО
ПОКРАСКИ
ІЗМЕНИТЬ
НЕЛЬЗЯ.

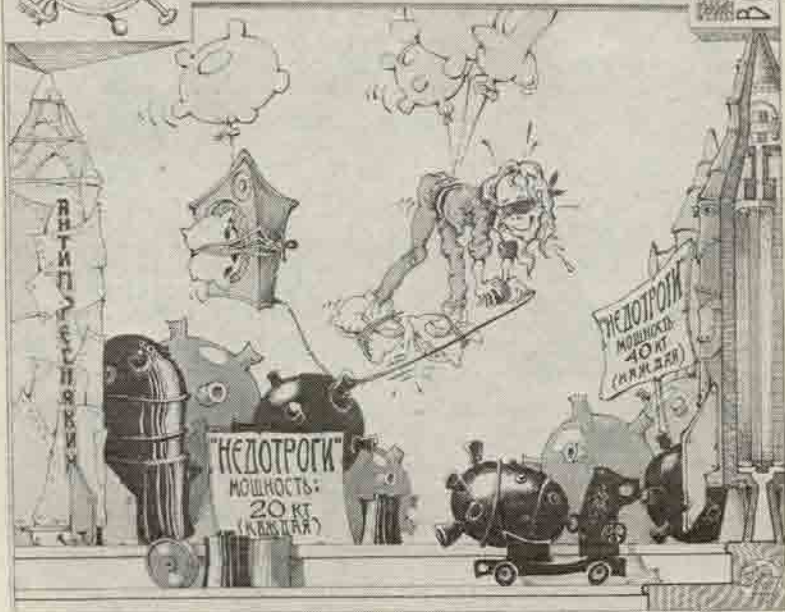

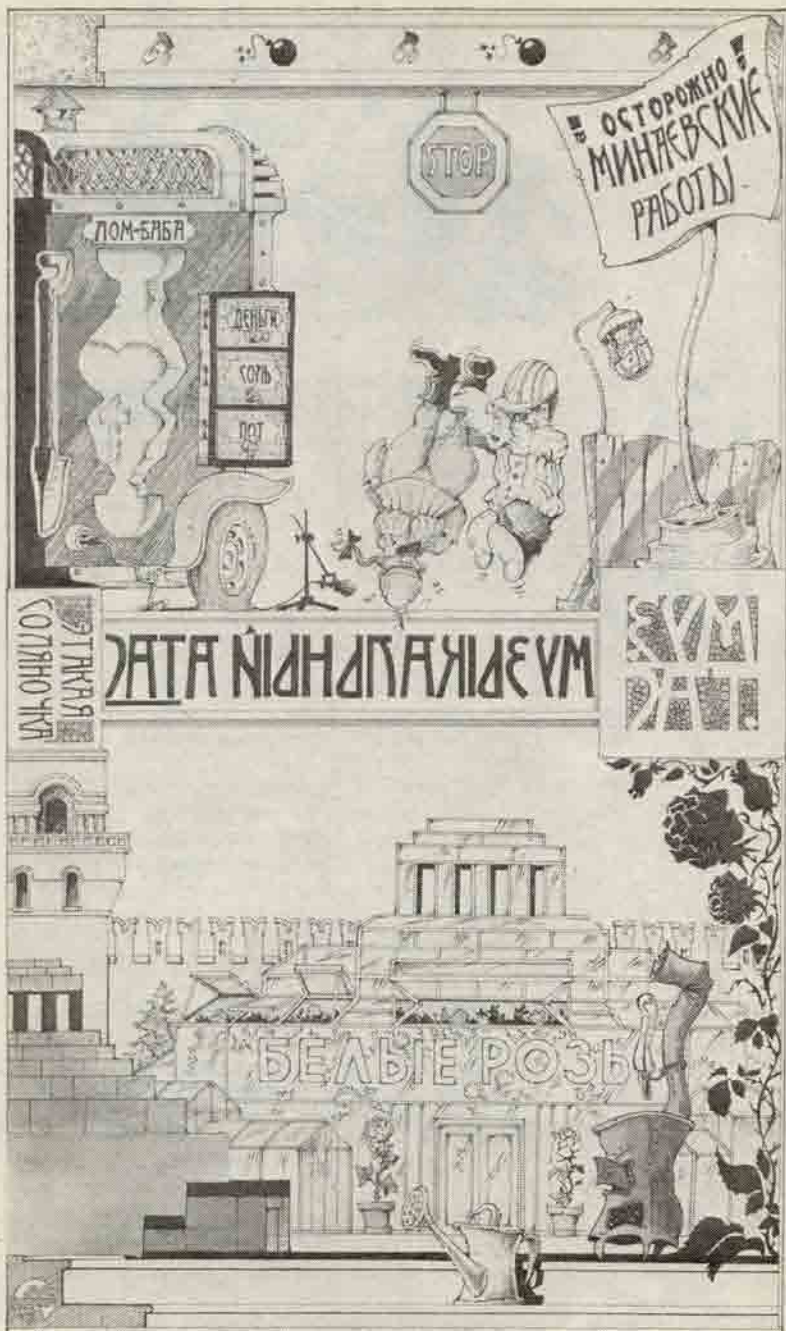
КРАСКА
СИНЕПАЗЯЯ
БЕЛОУСОВ И К°

МУЗЫКАЛЬНЫЙ АТАС

ТАКИМ
ВООБЩЕМ

ОСТОРОЖНО
МИНЕРОВСКИЕ
РАБОТЫ

СТОП

ПОМ-БЫБА

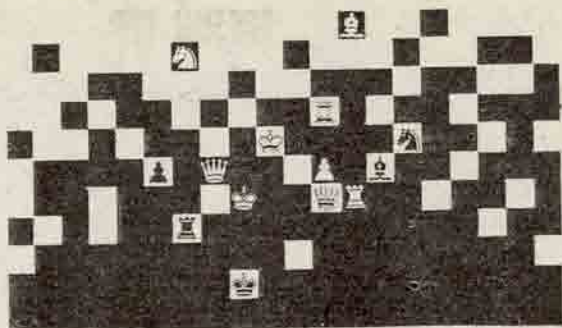
ДЕНЬК
СОЛЬ
ПОТ

СТАКЛЯ
СОЛОНЧИК

МАЭРІАКЦІЯ ПІНІА ДАТА

МА
РА

БЕЛЫЕ РОЗЫ

33-я ШАХМАТНАЯ ОЛИМПИАДА

Под редакцией
гроссмейстера
**ВИКТОРА
ЧЕПИЖНОГО**

282

Продолжаем публикацию заданий 33-й шахматной олимпиады «Смены». В нашем заочном соревновании могут принять участие все желающие.

За правильно выполненное задание участник получает соответствующее количество баллов. При подведении итогов будут учитываться также обнаруженные читателями дефекты в конкурсных заданиях: дуали, побочные решения и т.п. Победители олимпиады будут определены по наибольшей сумме баллов.

Ответы на задания олимпиады следует присылать только на открытках (без конвертов) с пометкой «33-я шахматная олимпиада. III тур». На открытках следует указать фамилию и адрес. Последний срок отсылки ответов — 1 июля.

P. S. В «Смене» № 1 при верстке были перепутаны шахматные диаграммы. Читателям следует ориентироваться на задания, указанные в аннотации.

Редакция приносит свои извинения.

ТРЕТИЙ ТУР

I

Белые: Кра4, Фh1, Лh2, Ка2,
b4 (5)
Черные: Кра1, Сb1 (2)
Мат в 2 хода (1 балл)

II

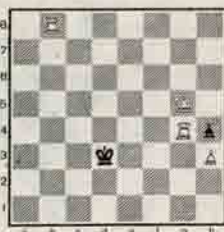
Белые: Кре5, Фс2, Сс8, п.f2 (4)
Черные: Кrf3, Лg2, п.g3 (3)
Мат в 2 хода (1 балл)

III

Белые: Кра3, Фа2, Сс5, (3)
Черные: Кра5, Сf1, п.b7 (3)
Мат в 3 хода (2 балла)

IV

Белые: Кrg5, Лb8, Лg4, п.h3
(4)
Черные: Крд3, п.h4 (2)
Мат в 4 хода (3 балла)

V

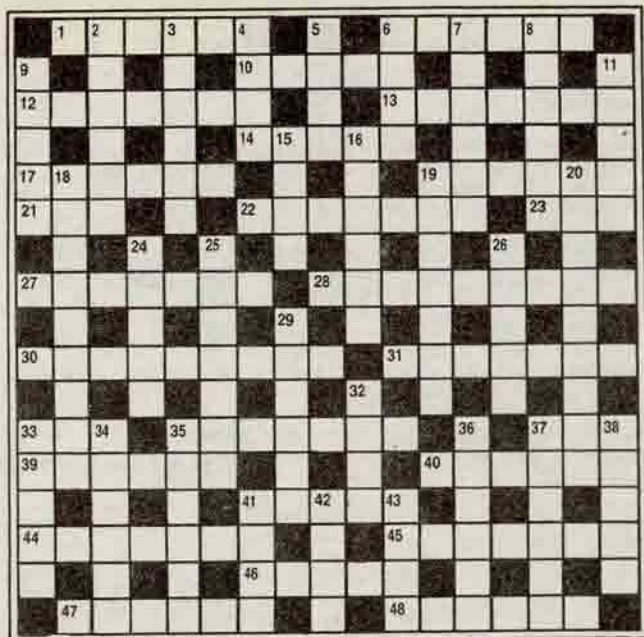

Белые: Кrf2, Лh6, Сf1 (3)
Черные: Кrh1, Кd5, п.h2, h3
(4)
Мат в 4 хода (3 балла)

VI

Белые: Кре5, Сf4, п.а3, е6 (4)
Черные: Кра7, Ла1 (2)
Выигрыш (4 балла)

По горизонтали:

1. Брат реснички. 6. Искусство, о котором современный Баха Маттензен сказал, что его свойство — «быть среди всех наук школой нравственности». 10. Горы с самой глубокой в мире карстовой пропастью Жан-Бернар. 12. Общее для Бальзака и Стендаля в изображении действительности. 13. Русское название ксерофита. 14. Женское имя, упомянутое в самых последних строках романа Ф. Купера «Зверобой». 17. «Спутник» очереди за дефицитом. 19. Самый крупный тихоокеанский лосось. 21. Природная микроекмость для макросладости. 22. Митрополит Киевский, по замыслу которого начали строить собор в память Владимира — крестителя земли Русской. 23. Животное, способное за один вдох обновить воздух в легких на девяносто процентов. 27. Советский художник, сравнивший колорит рублевской «Троицы» с васильками во ржи. 28. Страна, где Рождество бывает «белым» (если лег снег) и «черным». В первом случае грядущий год обещает быть счастливым, во втором — наоборот. 30. «Звездный» цветок. 31. Одно из веществ, предупреждающих старение полимеров. 33. Действо, заканчивающее многие сказки. 35. Человек, чье имя стало символом ораторского искусства. 37. Река, по которой назван один из самых знаменитых в России трактов. 39. Обещанная вожатым ямщику награда за медведя в стихотворении Н. Некрасова «Генерал Толтыгин». 40. Писатель, у которого А. Пушкин взял сюжет и образы «Сказки о золотом петушке». 41. Город, где родился А. Гайдар. 44. Действие, всякую цель тут же превращающее в ложь. 45. Кустарник, из ягод которого прежде делали краску для ниток и тканей. 46. Группа,

на которую распространяется власть цыганского барона. 47. Эпос, где богатыри племени айбы аймага побеждают чудовищ племени абаасы. 48. Зверек, чей детеныш способен сосать молоко матери под водой.

По вертикали:

2. Камень, состав которого студенты-геологи заучивают по присказке: «Полевой шпат, кварц, слюда — не забуду никогда». 3. Создатель Камерного театра в Москве (был закрыт в 1950 году). 4. Французский писатель, автор парадоксальной фразы: «Дела пойдут гораздо лучше, когда будет раз и навсегда покончено с надеждой». 5. Американский философ, выдвинувший инструментализм — вариант прагматизма. 6. Старинное название белки. Несомненно, оно фигурирует в начальных строках «Слова о полку Игореве», хотя по непонятной причине даже многие авторитеты переводят его иначе, нарушая «звериный ряд» определенных. 7. Повреждение зерна в колосе жаркими ветрами. 8. «Друг степей» (А. Пушкин). 9. Самый популярный в средневековой Европе способ плавания. 11. Обычное духовное звание французов, приезжавших в Россию гувернерами. 15. Драчливая обезьяна, из-за чего конечности у нее часто изуродованы. 16. Жрец, прислужник обожествленного римского императора. 18. Мировой ... — должность Л. Толстого при дележе земли между крестьянами и помещиками после реформы 1861 года. 19. Итальянский скульптор, действовавший «по своему обыкновению решительно и с некоторой долей неистовства» (его слова). 20. Недавно ставший даурейтом советский поэт, сказавший, «что в тягость душа нам и радостно рабство». 24. «Всё меньше и меньше». 25. Старинное название узорного художника. 26. Металл, необходимый в приборах ночного видения. 29. Человек, подаривший Парижу его символ. 32. Пронумерованные бочонки (суть). 33. Сарацинское ... — давнее название риса. 34. Утреннее «лекарство» пьяниц. 35. Носитель ненастья. 36. Каждый из замыслов в голове гоголевского Манилова. 37. Костюм, прикрывающий женское тело чуть больше фигового листа. 38. Зверь, которого бразильцы называют «кангсу», что значит «большая голова». 41. Пора, которую на Руси называли красной. 42. Наименьший «уголовно-полицейский округ, в котором преследование лихих людей представлялось самому обществу» (В. Ключевский. «Курс русской истории»). 43. Писатель, пять недель летевший на воздушном шаре, не выходя из дому.

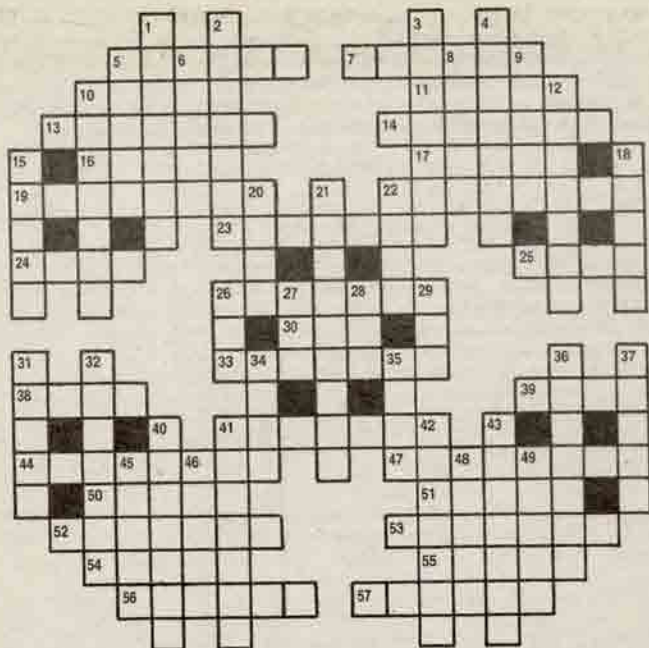
ОТВЕТЫ НА «ЗРУДИТ» НАПЕЧАТАННЫЙ В № 3

По горизонтали:

1. Скифы. 6. Недда. 9. Чаевник. 11. Лола. 12. Шейк. 13. Эмиссия. 14. Липпи (фра Филиппо). 15. Китай. 16. Интрада. 17. Ярд. 21. ... воз... 23. Маяковский. 24. Галера. 26. Ужение. 28. Очарование. 30. Гул. 32. «Ася» (И. Тургенева). 34. Посвист. 36. Пчела. 37. Шуман. 38. Толстой. 39. Лира. 40. Форд. 41. Вельбот. 42. Радон. 43. Наряд.

По вертикали:

2. Каллиера. 3. Филипп. 4. Гармонист. 5. Цилиндр. 7. Есенин. 8. Диктатор. 10. ...восприимчивость... 17. Ямчуг. 18. Дятел. 19. Торий. 20. ...жатва. 21. Весна. 22. Затея. 25. Христофор. 27. Журчалка. 29. Исландия. 31. Полонез. 33. Блерио. 35. Муром.

КРОССВОРД
Составил
А. ЯДЫКИН,
Климовск
Московской
области

По горизонтали:

5. Двухметровая родственница проса. 7. Дурная ... ногам покоя не дает (пословица). 10. Обезболивающее средство. 11. Профессия Риминальди. Его портрет кисти Тициана был назван портретом Гамлета. 13. Санный спорт. 14. Русский писатель. Работая над небольшим детским рассказом о газах, прочитал девять томов сочинений ученого Г. Дэви. 16. Змея, съедающая за год пищи меньше собственного веса. 17. Рыба, засорившая подмосковные бассейны. 19. Девушка Параша в поэме И. Тургенева, какой ее считает рассказчик, хотя он и говорит раньше, что никто такой ее не назвал бы. 22. Грубый, безнравственный человек. 23. Взрывчатая смесь, безопасная в обращении. 24. Представитель части курдов, изображающих своего верховного бога Таус-Мелека в виде бронзовой или медной птицы на подставке. 25. Доспех с памятника Дмитрию Донскому на самой высокой точке поля Куликова. 26. Погонщик мулов в романе Ж. Верна «Дети капитана Гранта». 30. Подразделение сирийской кавалерии в романе М. Булгакова «Мастер и Маргарита». 33. Священная эмблема у аборигенов Австралии. 38. Чурка для игры в городки. 39. Японская борьба, самый легкий участник которой весит сто двадцать килограммов. 41. Стронник решительных перемен. 44. Прибор, которым быстро определяют содержание водяного пара в пиломатериалах. 47. Немецкий поэт, переведивший чешских поэтов на родной язык. 50. Воин английской гвардии. 51. Спутник Сатурна с азотной атмосферой.

52. Земноводное. Меняет кожу четырежды в год, всякий раз съедая ее. 53. Самый наглый среди женихов Пенелопы в «Одиссее» Гомера. 54. Фотопроявитель. 55. Царь в греческой мифологии, который должен был убить Беллерофонта, но, пораженный его божественной силой, отдал ему в жены свою дочь и власть в Ликии. 56. Призма из исландского шпата для поляризации света. 57. Фамилия советских братьев-архитекторов, начинавших как конструктивисты.

По вертикали:

1. Английский замок, где эхо повторяет семнадцать слогов. 2. Итальянский писатель, участник Сопротивления. 3. Минерал, без которого не сделаешь ленту для магнитофона. 4. Золотая награда Н. Латышева как одного из лучших футбольных арбитров. 5. Кулик, у которого крылья похожи на веер. 6. Инструмент дляковки металлов. 8. Уникальный по величине алмаз на золотом скипетре Екатерины Второй. По легенде, он был глазом Будды на острове Серинган. 9. Химический элемент без постоянных изотопов. 10. Революционер-народник, пытавшийся освободить с каторги Н. Чернышевского. 12. Сооружение для прокладки метро. 15. Глазурованное пирожное. 18. Каждый экземпляр замечательной коллекции П. Рубенса. 20. Индийский город, чьи сокровища в «Знаке четырех» Конан Дойла «всем своим владельцам приносили только несчастье». 21. «Последний декабрист», участник кругосветного плавания на фрегате «Крейсер». 22. Английский танец. Шекспир подчеркивал его скомороший характер. 26. Судно С. Дежнева, на котором он впервые прошел и фактически открыл Берингов пролив. 27. Восточный музыкальный инструмент с длинным грифом. 28. Герой греческих мифов, родившийся с козлиными рогами и ногами и длинной бородой. Мать, взглянув на сына, в ужасе убежала. 29. Город в Бельгии на старейшей трассе автогонок «Формула 1». 31. Топливо, за которым Емеля ездил на печи. 32. Любимая игра индийских женщин во время созревания риса. 34. Таджикский народный танец. 35. Титул М. Виельгорского. В его частной лотерее поэт В. Жуковский разыграл портрет Брюллова, что позволило выкупить из крепостной неволи Т. Шевченко. 36. Ипостась Бернара де Мержи в «Хронике царствования Карла IX» П. Мериме. 37. Река в Африке, по берегам которой растет пальма дум-дум, чьи плоды по форме и вкусу напоминают пряник. 40. Деталь прицела. 41. Сорт слив, названный в честь супруги французского короля Франциска Первого. 42. Каждый из музыкантов, четыре года развлекавших игрой Изабеллу (Мону Лизу), пока Леонардо да Винчи писал ее портрет. 43. Ценное вещество в корнях цикория. 45. Французский художник, знаток полинезийской культуры и мифологии. 46. Петр Первый послал из Роттердама Шереметеву ... картофельных клубней, что стало первым шагом в распространении этой культуры на Руси. 48. Старинный сосуд для питья в виде рога. 49. Тропический плод, который В. Даль называл адамова-смоква.

**ОТВЕТЫ
НА
КРОССВОРД,
НАПЕЧАТАННЫЙ
В № 3**

По горизонтали:

1. Чужак. 5. Элгон. 10. Арес. 11. Юрка. 12. Балата. 14. Ротанг. 16. Елена. 17. Киноа. 18. Заря. 20. Лавка. 22. «Истина». 24. Форма. 25. ...Бента. 28. Иксион. 31. Схват. 33. Мода. 36. ...трава. 38. Нурми. 40. Роланд. 41. Шариат. 42. Угол. 43. Осил. 44. Гамак. 45. Иваси.

По вертикали:

1. Чабер. 2. Урал. 3. Железо. 4. Асана. 6. Лютик. 7. Гранат. 8. Окно. 9. Наган. 13. Тариф. 15. Оква. 19. Ясовка. 20. Лимни. 21. Анатом. 23. Трест. 26. Анона. 27. Псалом. 28. Иван. 29. Лариса... 30. Струг. 32. ...хвала... 34. Дуров. 35. Цитли. 37. Рога. 39. Маис.

АНДРЕЙ АЛЛАХВЕРДОВ

Кавказский город. Солнце, сковавшее все, что может дышать и двигаться. Строгие, словно вычерченные по линейке многоугольники зданий. Свет и тень, тень и свет... И только женщины, склонившись над колодезем с животельной влагой, — единственная отдушина на этом «жарком» полотне. Работа молодого московского художника Андрея Алла-

вердова так и называется — «Жаркий день».

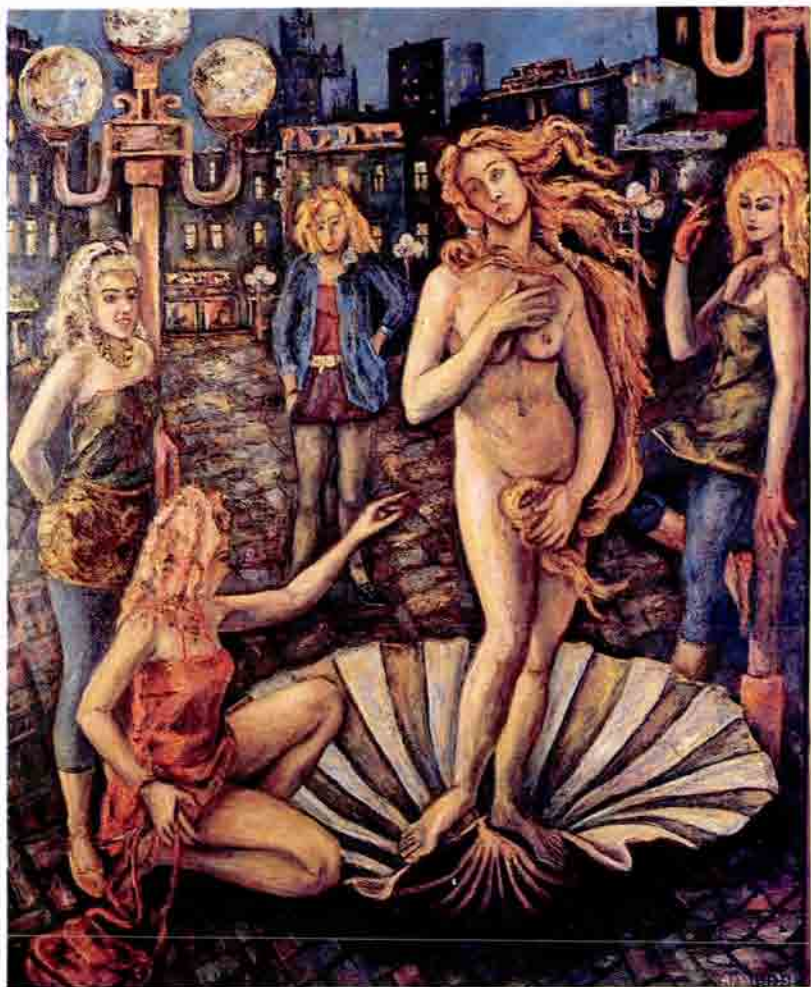
Творчество Аллаhverдова многопланово. Его одинаково привлекают и реализм, и абстракционизм. Андрею нравится быть разным — свободным в выборе стиля, направления, свободным в самовыражении. (Сравним, например, картину «Андрониковский монастырь», реалистичную, написанную мягкими, прозрачными красками, и жесткую, нервическую «Корриду», яркие контрастные линии которой дают ощущение напряжения и азарта схватки.)

Возможности художника для выражения мыслей, настроений, чувств необычайно разнообразны, как разнообразна и его палитра: от нежных, бледных тонов до сочных, порой неожиданных в своем сочетании красок. Он избегает усложнений метафоричности и, выстраивая простой и точный образ, как бы утверждает, что мир прекрасен в своем лиризме, тишине, покое.

В работах Аллаhverдова — борьба красоты и гармонии с пошлостью и фальшью современного мира. Картина «Встреча». На шумном и пестром Арбате среди современных девчонок появляется... боттичеллевская Весна. Что это, кич? Или желание показать связь времен? Утверждение, что красота и гармония не покинули наш взбалмошный, взрывной мир? Что она будет всегда среди людей, как бы ни менялась жизнь? Кто знает... Ведь трудно передать словами чувства и настроение художника, точно объяснить его замысел.

Для нас главное — идея сближения, надежда на то, что высказывание классика о красоте когда-нибудь станет пророческим.

НАТАЛЬЯ КИЛЕССО

Встреча.

Жаркий день.

Гостя фестиваля «Ступень к Парнасу»
ПАРИСА ДОЛИНА.

ИНДЕКС 70820. 1 р. 65 коп.